

ночь

GRAVE

2-779605

ЭВЫЧИН

новесы

M.F. Axundlov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

BAKU 2007

СМЕЯТЬСЯ, НЕСМОТРЯ НА ГОРЕЧЬ И БОЛЬ

(Несколько слов об этой книге и ее авторе)

Все мы, поклонники творчества Эльчина, выдающегося современного азербайджанского писателя, – вдруг стали свидетелями непредвиденной творческой метаморфозы. Автор великолепной прозы, от рассказов до романов, вызывающей большой читательский интерес и высоко ценимой литературной критикой, а также научно-теоретических статей, эссе, монографий, Эльчин (серьезный Эльчин!) начиная с 90-ых годов начал писать... комедии.

Правда, первую свою трагикомедию «Чудеса в почтовом отделении» Эльчин написал будучи совсем молодым писателем, в далеком 1970-ом году, и с тех пор более двадцати лет – только проза; и вдруг, вот, пожалуйста, каждый год – новая комедия, новая пьеса.

Сегодня, в наше трудное время, наполненное всевозможными большими и малыми заботами, проблемами, в дни, когда Азербайджанская Республика укрепляет свою возобновленную независимость, борется за свою территориальную целостность, в ведущих наших театрах идут... комедии Эльчина:

«Здравствуйте, я ваш дядя!». Аншлаг.

«Ах, Париж! Париж!..». Аншлаг.

«Ищите сумасшедшего, или Мой любимый сумасшедший». Аншлаг.

«Мой муж – сумасшедший!». Аншлаг.

«Шекспир». Аншлаг.

Появилось новое художественно-эстетическое понятие в азербайджанском искусствоведении: «Театр Эльчина».

И пресса, и зрители с нетерпением ждут новых постановок по пьесам Эльчина.

По мотивам пьес Эльчина снимаются фильмы, ставятся телеспектакли...

Они переводятся на иностранные языки и ставятся на театральных сценах зарубежья.

Хочу привести вот такой пример: пьеса Эльчина «Убийца» была поставлена на сцене Большого Муниципального Театра Стамбула, и за пять месяцев – с ноября 2006 года по март 2007 года – было показано более 100 (!) спектаклей.

ЭЛЬЧИН

Э 94 Пьесы. Перевод с азербайджанского.

Баку, Издательско-полиграфическое предприятие «CHINAR-CHAP», 2007,
– 472 стр.

В книгу выдающегося азербайджанского писателя, одного из значительных представителей «поколения 60-х» Эльчина вошли такие широко известные пьесы, как «Чудеса в почтовом отделении», «Здравствуйте, я ваш дядя!», «Ищите сумасшедшего, или Мой любимый сумасшедший», «Мой муж – сумасшедший!». «Принц Страны Кисельных Берегов, или Да здравствует Великий Лев Отиби III Делембор Тыр-Тыр», «Убийца», «Шекспир» которые сыграли большую роль в развитии азербайджанской драматургии и театрального искусства. Драматургия Эльчина светла и мудра, смешна и грустна.

Конечно, 100 спектаклей в течение пяти месяцев – факт, не часто встречающийся не только в турецкой, но и вообще в современной театральной жизни.

Печать пишет об этих постановках. Литературная и театральная общественность дают им высокую оценку. В чайханах идут эмоциональные обсуждения.

Конечно, в этих аншлагах, в высоких оценках нет ничего удивительного. Творчество Эльчина всегда было в центре внимания, азербайджанская и бывшая союзная литературная критика щедро писала об Эльчине, его проза переведена на многие языки народов мира, тираж его книг исчисляется миллионами. Он – один из активнейших участников современного литературного процесса, и, наверное, русским читателям памятны его блестящие статьи на страницах «Литературной газеты», «Вопросов литературы», «Дружбы народов» в семидесятые, восьмидесятые, начале девяностых годов минувшего века.

Но... почему же все-таки комедии?

Правда и прежде в Эльчиновской прозе, в особенности рассказах и маленьких повестях, искрился и проступал тонкий юмор, изящная ирония.

А сейчас – ещё и сарказм, трагикомизм, странный, деформированный мир сумасшедших...

Распалась огромная империя – СССР, и это событие обернулось тотальными катаклизмами в общественной, политической и материальной жизни. Люди столкнулись с непредвиденными трудностями, оказались лицом к лицу со сложной, вздыбленной, противоречивой реальностью.

Многие честные и совестливые члены общества растерялись перед этим гигантским потрясением сложившихся устоев, толика ловкачей, напротив, воспользовалась этими трудностями и усугубила невзгоды общества.

И вот в такую пору художник вдруг раздражается смехом, сквозь «незримые миру слезы», он смеется, превозмогая горечь и боль, остро переживая трагические потрясения.

В этом смысле комедии Эльчина, по сути, являются трагикомедиями (быть может, даже трагифарсами), продолжая и развивая в новом художественно-эстетическом качестве сатирические традиции классической азербайджанской, да и не только азербайджанской драматургии.

И, наверное, не случайно, что Эльчин – уже признанный комедиограф – вдруг (опять вдруг!) пишет современную трагедию: «Убийца», которая вот уже пять лет не сходит со сцен разных театров.

Эльчин всегда был в центре общественно-политической жизни, всегда – и в творчестве, и в общественной деятельности – выступал с гражданских позиций.

Он – видный государственный и общественный деятель, занимающий ответственный пост в правительстве нашей республики.

Однако, наряду с этой «ипостасью», Эльчин в первую очередь – художник слова, и я с чувством большого удовлетворения представляю его новую книгу русскому читателю, и уверен, что она понравится ему, ибо эта книга отражает важное качество, присущее всему творчеству Эльчина: проблематика ее заключает в себе сколь национальный, столь же и общечеловеческий характер.

Полад Бюльбюль оглы

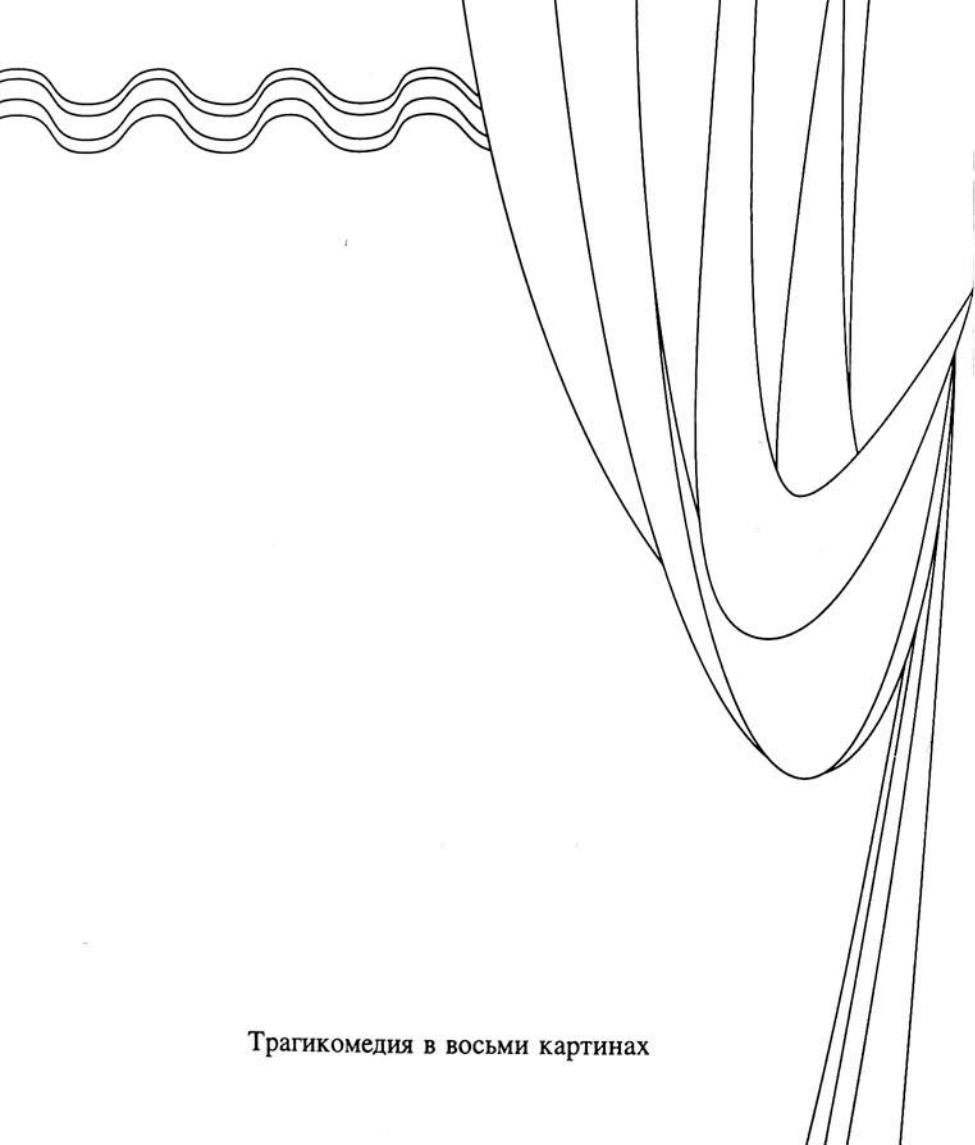
13 апреля 2007

МОСКВА

ЧУДЕСА
В ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ

УЧ
EAS

Трагикомедия в восьми картинах

«Туда в
ногтовом отделении»

Александр

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А д и л я.
 Муж ч и н а.
 З у л е й х а.
 Г ю л ь з а р.
 Е д и н с т в е н н о в.
 И б р а г и м.
 Х а л и л.
 П р о ф е с с о р.
 С к р и п а ч.
 С т а р у х а.

Место действия – город Баку.

Время действия – начало лета 1970-го года.

I

И в это утро А д и л я, как всегда, делала зарядку уже после того, как она прозвучала по радио. Теперь Адиля вполуха слушала последние известия и думала о том, что вчера, и позавчера, и позапозавчера диктор теми же словами и в той же интонации говорил те же или очень похожие вещи и что завтра, и послезавтра, и послепослезавтра она, делая утром зарядку, будет слушать то же самое, и не в ее власти изменить существующий ход вещей. Одно и то же изо дня в день, лишь зима сменяет осень, весна – зиму, потом приходит лето, и снова осень. И все чаще и явственнее чудилась ей сидящая в темном дальнем углу комнаты некая старуха, которая вяжет нескончаемые носки и бормочет под нос: «Четыре сына у меня – один родился зимой, другой весной, третий летом и четвертый осенью. Эти носки я вяжу моему старшему сыну. Он самый лучший мой сын. Самый сильный и смелый, быстрый, как огонь, горячий, как огонь...»

Весна... Весной привычное с детства ожидание чуда, жажда новизны и чего-то необыкновенного сменялись в душе Адили чувством тоскливой безысходности, и Адиля становилась злой и раздражительной.

Сегодня на рассвете Адиля сквозь сон с нарастающим раздражением слушала, как Халил, стараясь не шуметь, собирался на базар, как загрохотал лифт и захлопала дверь в подъезде, как за стеной в соседней квартире включили радио и пустили в ванной воду. Начинаясь новый день, не несущий в себе ничего нового, такой же, как вчерашний и завтрашний. Просыпаться не хотелось, но сна уже не было, и Адиля поднялась, включила радио, машинально раскинула в стороны руки и начала делать зарядку.

Д и к т о р. В заключение о спорте. Вчера бакинец Ахмед Мамедов, преодолев стометровку за десять и одну десятую секунды, установил новый республиканский рекорд.

А д и л я. Молодец!

Д и к т о р. Вчера на первенстве страны по баскетболу «Спартак» выиграл у «Динамо» со счетом девяносто один – восемьдесят. За «Спартак» выступает самый высокий спортсмен страны Сергей Иванов. Его рост – двести тридцать сантиметров.

А д и л я. Подумать только!.. Вот уж действительно полтора Ивана!.. Спросить бы у него, как дела там, наверху? А с меня хватит этой зарядки. Достаточно. Хорошенького понемножку.

Ленянь расстегнуть, она стала стягивать пижамную курточку через голову, когда раздался телефонный звонок. С робкой надеждой на чудо Адиля взяла трубку и разочарованно услышала знакомый голос.

– Алло! – сказала она.

– Здравствуй, Ада. Я тебя сразу узнал...

А д и л я. А-а... Привет.

Г о л о с. Ты тоже узнала? Видно, эти три года не сделали нас чужими. Как дела?

А д и л я. Порядок.

Г о л о с. Я слышал, ты замуж вышла. Поздравляю...

А д и л я. Мерси.

Г о л о с. Я тоже ведь женился, Ада.

А д и л я. Молодец.

Г о л о с. Ну, ты не меняешься, Ада...

А д и л я. А зачем меняться?

Г о л о с. Ты даже не спрашиваешь, откуда я знаю твой телефон?.. Ничего, увидимся – расскажу.

А д и л я. А мы с тобой не увидимся.

Г о л о с. Ого, вот это уже новость!

А д и л я. Все. Привет.

Г о л о с. Ада, Ада, ты ничего не хочешь мне сказать?

А д и л я. Хочу: иди к черту!

Адила сердито бросила трубку и включила радио.

Д и к т о р. А сейчас прослушайте танцевальные мелодии. Исполняет на гармонии Теуб Теуб-оглу.

Х а л и л появился из кухни с первыми тактами мелодии, словно только их и дожидался.

Х а л и л. Ты уже встала? Почему так рано? Как дела, душечка? Иди посмотри, что я купил на базаре.

А д и л я. Доброе утро.

Х а л и л. Ну, здравствуй. Дай поцелую.

Раскрыв объятия и вытянув губы дудочкой, он двинулся на Адилю. Она попыталась избежать встречи с Халилом, но это ей не удалось.

А д и л я. Ну, ладно, хватит...

Х а л и л. Ах, ты моя сладкая! Прямо сахар!

А д и л я. Хватит, сказала!..

Х а л и л. Не сердись, милая, не сердись... Хватит так хватит. Как говорится, хорошенького понемножку.

А д и л я. Опять целую гору укропа накопил?

Х а л и л. Конечно, душечка. Это витамин «С», милая, чистый витамин «С». А витамин «С», ты же знаешь, для всего полезен. И даже для... Салим говорил, я тебе не рассказывал?

А д и л я. Не болтай глупости...

Х а л и л. Ах ты, милочка моя! Я ведь жду не дождусь отпуска, в Кисловодск поедем, ты увидишь тогда, каков Халил-петушок!

Д и к т о р. «Гайтагы». Исполняет на кларнете Шамси Иманов.

Х а л и л. На кухне я навел порядок. Помидоры жутко дорогие – рубль шестьдесят кило.

А д и л я. Так ты не купил?

Х а л и л. Купил, мамочка, полкило для тебя купил. Я съем одну штучку. Как говорится, хорошенького понемножку.

А д и л я. Ну ладно, я пошла, Халилушка.

Х а л и л. Куда?

А д и л я. На работу, куда же еще?

Х а л и л. Но ведь еще больше часа до начала твоей работы.

А д и л я. Значит, впритык.

Х а л и л. Как это – впритык, мамочка, тебе же десять минут ходу?..

А д и л я. Мне эта дорога надоела.

Д и к т о р. Прослушайте в том же исполнении танец «Ханчобаны».

А д и л я. Та же дорога, те же дома, те же углы, те же знакомые лица. Каждый день, каждый день... Сегодня пойду на работу по другим улицам.

Х а л и л. Ох, и фантазерка ты у меня! А помнишь, что у нас семьдесят лотерейных билетов? Чует мое сердце, выиграем машину... Салим говорит...

А д и л я. О господи Боже, как ты надоел мне со своим Салимом! Салим сказал, Салим говорит... Я о чем тебе говорила, а ты – о чем?

Х а л и л. Я думал, до твоей работы мы немного посидим. Я не рассказывал тебе, вчера Салим из-за меня дал нагоняй бухгалтеру. Подумать только, какие-то вычеты накануне отпуска... Ну, Салим его отчитал...

А д и л я. Ради Салима замолчи... Я пошла.

Х а л и л. Ты хоть завтракала?

А д и л я. Кажется, да... Ну конечно! Ты приготовь что-нибудь, поешь хорошенько, потом иди на работу.

Х а л и л. Дай я провожу тебя.

А д и л я. Нет, Халилушка, ты садись поешь.

Х а л и л. Ну, позволь мне проводить тебя, моя душечка?

А д и л я. Я ведь сказала тебе – нет. О, как мне надоело одно и то же! Ну сколько можно видеть тебя – каждый день?! Прости... Не сердись, ладно? Поцелуй меня... Ну, теперь все... Как ты говоришь, хорошенького понемножку.

II

На почте самая горячая пора. Жужжат телетайпы, выдавая ленточки телеграмм, резко звонит междугородный телефон, щелкают кассы, принимая от граждан плату за квартиры и коммунальные услуги, мерно стучит штамп-молоточек в руках девушек, регистрирующих заказные письма и бандероли, вполголоса переговариваются клиенты.

Беспрерывно хлопает входная дверь. Только Адиля сидит без дела за окошком номер три, на котором написано «До востребования». Адиля вырезает ножницами полоску бумаги, закрашивает ее чернилами и приклеивает перед тройкой на стекле, получается 13.

Заведующий почтовым отделением, пожилой человек по фамилии Е д и н с т в е н н о в, следя за порядком, подходит к Адиле. Останавливается, смотрит на число 13 и произносит довольно спокойным тоном:

– Ну так же нельзя, товарищ Адиля! Сколько раз можно человеку говорить?!

А д и л я. А в чем дело, товарищ Единственный?

Е д и н с т в е н н о в. Вы понимаете, что у вас получилось на стекле?

А д и л я. Тринадцать.

Е д и н с т в е н н о в. Вижу. Я спрашиваю, зачем это вам? Ведь это не в первый раз. На что вы намекаете?

А д и л я. Это символ нашей судьбы, товарищ Единственный...

Е д и н с т в е н н о в. Глупости все это. Детство. До каких пор будете в куклы играть? Неприлично. Если повторится еще раз, выговор объявлю, так и знайте.

А д и л я. Строгий?

Е д и н с т в е н н о в. Да, строгий! Я не знаю и не хочу знать, что вы имеете в виду, подставляя к тройке единицу. Но ведь что получается? До востребования – в окошке номер тринадцать. Тут что-то не то... Вряд ли это понравится нашим клиентам. Да и не только клиентам. Неужели вы не понимаете? Вдруг начальство заглянет... Или кто-нибудь сверху...

А д и л я. Вы имеете в виду товарища Иванова?

Е д и н с т в е н н о в. Кто это – Иванов?

А д и л я. Да так... Один человек...

Е д и н с т в е н н о в. Он что, из министерства?

А д и л я. Нет, выше... Понимаете, выше...

Е д и н с т в е н н о в. Так... И вы с ним знакомы?

А д и л я. Да. Сегодня утром познакомились.

Единственный внимательно смотрит на нее. Потом переводит взгляд на часы, висящие на стене, и вдруг кричит, и крик его перебивает шум почтового отделения:

– Ибрагим!

И б р а г и м, заместитель начальника почтового отделения, маленький, лысый, кругленький, подсакивает от окрика, как мячик от стенки, и мгновенно оказывается перед Единственным...

– Да, товарищ Единственный!

Е д и н с т в е н н о в. Не видишь, что ли? Время перерыва.

И б р а г и м. Сию минуту, товарищ Единственный!

Ибрагим подходит к двери и, не пуская на почту посетителей, приговаривает:

– Перерыв, товарищи. Нельзя, товарищи, перерыв. Неужели непонятно, товарищи?... Пе-ре-р-ыв!

Ему доставляет удовольствие маленькая, кратковременная, но власть над людьми! Его лысына розовеет и начинает лосниться, голос обретает металлическое звучание, но глазки... Глазки остерегаются – они бегают, прячутся, они все время в движении и подобны дыркам на телефонном диске: словно кто-то внутри Ибрагима все время набирает номер, и в дырках мелькают пустота и знаки, пустота и знаки...

Единственный садится за стол, надевает очки и углубляется в газету. Помещение постепенно почти пустеет, уходят клиенты, разбегаются на обеденный перерыв служащие. Лишь Адиля остается на месте. Она сидит неподвижно, устремив взгляд в одну точку, когда появляются подруги Адили, женщины лет тридцати, вызывающе одетые. Они останавливаются перед прикрытой дверью...

И б р а г и м. Нельзя!

Г ю л ь з а р. Ой... Вы нас не узнали, Ибрагим-муаллим!? Здравствуйте!

И б р а г и м. У нас перерыв.

З у л е й х а. Адиля, скажи этому типу, пусть нас пропустит.

*Муаллим (азерб.) – учитель; здесь и далее – как уважительное обращение.

А д и л я. Ибрагим, ну что это такое? Товарищ Единственный! Почему...
И б р а г и м. Ну, ладно, ладно. Проходите.

Зулейха и Гюльзар подходят к Адиле и говорят вместе:

– Привет.

Адила улыбается, придвигает им стулья. Девушки садятся.

З у л е й х а. Ой, Ада, в универмаг такие пальто-джерси привезли, такие пальто! И красные, и болотного цвета, и мышинового...

А д и л я. На что мне джерси...

Г ю л ь з а р. Что с тобой творится в последнее время... На что мне то, на что мне это, зачем кино, зачем гулять?

З у л е й х а. Были бы у меня деньги... Купила бы себе джерси... Не помнишь, почему они были с рук? Послал бы мне Аллах такого, как Халил...

А д и л я. Дался тебе Халил, сказала же – не трогай его...

З у л е й х а. Я же ничего плохого не говорю...

Г ю л ь з а р. Эх, а я уж ни о чем таком и не мечтаю!

З у л е й х а. Не ври, пожалуйста. Вот был бы у меня муж... Пусть даже самый никудышный. Какой-нибудь поэт непризнанный.

Г ю л ь з а р. На поэтов надежда плохая, помечтай о ком-нибудь другом.

З у л е й х а. Почему? Это на них наговаривают. Вот со мной по соседству живет поэт Фикрет Садыг – святой, да и только.

Г ю л ь з а р. Раз святой, значит, жениться не может. Эх, недавно шли мы с Зулей, видим, Салех...

З у л е й х а. Да, Ада, знаешь, какой он теперь стал? Такой представительный – с ним не шути!

Г ю л ь з а р. У него сын уже в школу ходит. Так вот, остановился Салех, поздоровался с нами. Спросил, как дела. Говорю, все по-прежнему, отлично. А про себя думаю: пусть моим врагам будет так же хорошо... Тебе привет передал, Ада.

З у л е й х а. Подумаешь, большое дело: привет передал... С нами водились и нас любили, дрались, чтобы только потанцевать с нами, хвастались друг перед другом...

Г ю л ь з а р. ...в смысле, мы тоже мужчины.

З у л е й х а. ...да фасонили, а как пришло время жениться, нашли себе других девушек. Не таких веселых и свободных, как мы. С папами...

Г ю л ь з а р. А мы-то, дуры...

А д и л я. Да хватит вам, ради Бога. Не начинайте все сначала, не расстраивайте меня, я и так с утра не в себе.

З у л е й х а. Она права... Пусть все мужчины катятся к чертовой матери! Интересно, Фира одолжит мне денег?

Г ю л ь з а р. Фира теперь не здоровается со старыми знакомыми, а ты хочешь, чтобы она тебе деньги дала?

Единственный поднимается с места, подходит к двери. Задумчиво смотрит на улицу.
Ибрагим приближается к нему:

– Какая мерзкая погода...

Е д и н с т в е н н о в. И погода хорошая, и жизнь превосходная, и люди прекрасные, и если есть еще у нас жулики, то ты – один из них!

Ибрагим обижается и отходит к своему столу.

Г ю л ь з а р. Ада, кажется, этот ваш заведующий опять не в духе.

З у л е й х а. Что это с ним?

А д и л я. Наверно, опять с женой поссорился... Хотите, я вас снова познакомлю?

Г ю л ь з а р. Сколько раз можно знакомиться? Ты уже трижды нас к нему подводила.

З у л е й х а. Неважно, от скуки чего не сделаешь. Пусть. Давай снова знакомь нас, Ада, зови его сюда.

А д и л я. Товарищ Единственный, Зуля и Гюля уже целый год изводят меня: познакомь да познакомь.

Единственный медленно подходит к ним. Он не знает, как держать себя с этими насмешливыми и дерзкими женщинами.

З у л е й х а. Какая у вас романтическая фамилия, товарищ Единственный!

А д и л я. Это не совсем так, Зуля. Фамилия нашего уважаемого заведующего – Гольмамедов, а Единственный – псевдоним.

Г ю л ь з а р. Как интересно! Значит, вы один-единственный на свете человек?

Е д и н с т в е н н о в. Да.

Г ю л ь з а р. Ваше лицо мне очень знакомо. Где-то я вас видела.

Е д и н с т в е н н о в. Возможно.

З у л е й х а. И я вас откуда-то знаю...

Е д и н с т в е н н о в. Очень может быть.

А д и л я. Четырнадцать лет назад на Восьмое Марта в газете была фотография товарища Единственного. Его сфотографировали, когда он покупал подарок своей супруге. Наверное, там вы его видели.

Г ю л ь з а р. Нет, я тогда была слишком мала, чтобы газеты читать.

З у л е й х а. Товарищ Единственный, а вы в кино не снимались?

А д и л я. Да нет... Товарищ Единственный – ветеран почтового дела. Сам министр знает товарища Единственного, он даже упомянул о нем однажды в своем докладе.

Г ю л ь з а р. А-а-а, вспомнила, где я вас видела! Здесь, на почте. Неделю назад!..

Е д и н с т в е н н о в. Все прекрасно, все хорошо, но еще неизвестно, кто кого разыгрывает!

А д и л я. Товарищ Единственный, я и не знала, что у вас есть чувство юмора...

Е д и н с т в е н н о в. Хватит, товарищи! Ибрагим, где ты там, Ибрагим!

И б р а г и м. Я здесь, товарищ Единственный, а здесь!

Е д и н с т в е н н о в. До конца перерыва осталось пять минут. Ты меня понял?

И б р а г и м. Да, товарищ Единственный. У меня к вам маленький вопрос.

Е д и н с т в е н н о в. Ну, давай свой вопрос, Ибрагим.

Единственный с Ибрагимом отходят в сторону, и подружки вновь остаются одни.

З у л е й х а. Да они просто горят на работе. Откуда только такие берутся?

Г ю л ь з а р. Эти два остолопа?

З у л е й х а. Всюду такие остолопы, и поэтому, как говорит моя бедная мама, мы остались ни с чем.

Г ю л ь з а р. Чтоб им всем мюрдашир¹ лица вымыл!

А д и л я. Тише ты, Ибрагим услышит.

Г ю л ь з а р. Ну и пусть услышит, мне-то что?

¹ Мюрдашир (азерб.) – человек, занимающийся ритуальным омытием покойников у мусульман.

А д и л я. Как что? Ведь Ибрагим – мюрдашир и есть.

Г ю л ь з а р. Что?

А д и л я. Ибрагим – мюрдашир.

З у л е й х а. То есть как это?

А д и л я. Ну, обыкновенно, мюрдашир... Подрабатывает... Как выдается свободное время, бежит в мечеть, помогает мыть покойников.

Г ю л ь з а р. Ой, мама!..

З у л е й х а. Ада, как ты работаешь вместе с таким человеком?

А д и л я. Обыкновенно.

Г ю л ь з а р. Не боишься?

А д и л я. А чего бояться?

Г ю л ь з а р. Нет, я тебя не узнаю. Где прежняя Ада?

А д и л я. Это потому, что не боюсь Ибрагима? А почему я должна его бояться? Что, другие лучше, что ли? Десять лет назад испугалась бы. Потому что я ничего о жизни не знала, мы порхали себе как бабочки...

З у л е й х а. И не задумывались даже, что осень не за горами...

А д и л я. Вы думаете, все здесь могут разыгрывать этого Единственного? Да все дрожат перед ним. Знаете, как его бояться?! Он такой вредный, а передо мной заискивает...

Г ю л ь з а р. А-а-а. А почему это он перед тобой заискивает?

А д и л я. Через два года он уйдет на пенсию. Так вот, уже сейчас стелется передо мной, чтобы потом Халил помог ему с пенсией. Иногда он у меня спрашивает: «Адиля, ваш муж по-прежнему работает в министерстве социального обеспечения?»

Г ю л ь з а р. Бедняга.

А д и л я. Все мы бедняги.

Г ю л ь з а р. Не говори...

Е д и н с т в е н н о в. Ибрагим! Перерыв кончился.

И б р а г и м. Сию минуту, товарищ Единственный.

Г ю л ь з а р. Ну, ладно, Ада, мы пошли.

А д и л я. Хорошо, привет.

Г ю л ь з а р. Да, забыла сказать, я ведь опять документы в институт подала... На заочное. Помоги, Аллах.

А д и л я. Аллах поможет, дождись...

З у л е й х а. До свидания, Ада. Куплю джерси, вечером принесу показать.

А д и л я. Хорошо.

Почтовый зал постепенно заполняется людьми, вновь начинают шуметь аппараты.
Единственнов, понаблюдав за Адилей со стороны, подходит к ней:

– Так вы говорите, сегодня утром познакомились с товарищем Ивановым?

А д и л я. Да-а-а...

Е д и н с т в е н н о в. Вы говорите, он откуда-то... сверху?

А д и л я. Да. А что?

Е д и н с т в е н н о в. Вы сегодня с утра не в духе, товарищ Адиля. Может быть, еще что-то произошло? Вы знаете, я всегда близко к сердцу принимаю ваши заботы...

А д и л я. У меня, кажется, свекор помер, товарищ Единственнов.

Е д и н с т в е н н о в. То есть как это – кажется? Официально скончался?

А д и л я. Нет, официально нет.

Е д и н с т в е н н о в. Опять вы меня разыгрываете. Я прошу вас, товарищ Адиля... И когда вы только повзрослеете...

Обидевшись, Единственнов удаляется. Адиля механически обслуживает посетителей. И вдруг происходит что-то необычное для почтового отделения: какой-то человек во фраке со скрипкой проходит к нише в стене, устраивается там и начинает играть. Никто его не видит и никто не слышит его игру. Единственнов шелкает на счетах, Ибрагим ставит сургучные печати на посылках, все прочие тоже заняты своим делом, – Адиля одна слышит музыку. И никто, кроме нее, не видит мужчину в черном костюме и белой рубашке, который возник ниоткуда и подошел к Адиле. И остались для нее в почтовом отделении только он и она.

М у ж ч и н а. Здравствуйте.

А д и л я. Здравствуйте, добрый день...

М у ж ч и н а. Есть ли письмо для меня?

А д и л я. Для вас?... Сейчас посмотрим.

И Адиля торопливо перебирает конверты «до востребования».

Нет, для вас нет письма...

Между тем никому не видимый скрипач играет все громче. И сердце Адиле бьется в ритме его мелодии.

М у ж ч и н а. Нет... Нет и нет, и никто мне не поможет...

А д и л я. Вы не грустите. Вы будете приходить за письмом каждый день... И спрашивать его у меня... Только у меня, не правда ли?

М у ж ч и н а. Да.

А д и л я. Я знаю, что значит для вас письмо. Но даже если оно запоздает, вы не рассердитесь, не разочаруетесь, вы будете ждать его и разговаривать со мной... Вы и сейчас никуда не уйдете... Мы... мы станем друзьями... Очень близкими друзьями... Или я ошибаюсь?..

М у ж ч и н а. Нет, не ошибаетесь.

А д и л я. Мы доверимся друг другу. Я все вам расскажу. Даже то, что никому на свете не сказала бы. Даже то, что скрываю от себя. Я не скрою от вас ничего. А вы будете меня слушать. И будете говорить:

В горах туман
Упал на колени,
Альпийский луг
Достался оленю.

Вы ведь будете это повторять, не так ли?

М у ж ч и н а. Так. В горах – туман...

А д и л я. Упал на колени...

М у ж ч и н а. Альпийский луг...

А д и л я. Достался оленю... Вы знаете, почему я до конца откроюсь вам? Потому что никто больше не сможет меня понять... Потому что люди стали мне чужими... Потому что я стала сама себе чужой... Я стала пустой... Равнодушной...

М у ж ч и н а. Я знаю...

А д и л я. Знаете? Конечно, конечно, вы знаете. Вы все знаете. Вы ответите на все мои вопросы. Вы не боитесь вопросов... Мы с вами будем путешествовать! Ведь правда? Мы бываем везде! Где мы только не бываем! Но больше всего нам понравится в горном лесу. Вечерами, сидя в палатке, мы будем вслушиваться в шум дождя. Мы забудем, что пройдет время и мы умрем, станем землей, а лес этот останется, и дождь никогда не кончится. Мы забудем, мы забудем обо всем – и о наших заботах, и о наших тревогах, и о наших страхах. Забудем о людях несчастных и о людях счастливых. Мы, только мы будем в нашем мире: вы, я и еще лес... и еще темнота лесная... и деревья... наша маленькая палатка... и дождь... Невдалеке от нас будет горная речка. Мы будем слушать ее... Потом наступит тишина, эта тишина принесет нам счастье, мы растворимся в этом счастье и станем по-настоящему свободны. Утром, проснувшись, мы будем купаться в горной реке. Соловьи будут петь: «Цветок, цветок! Раскройся!» И мы будем радоваться, радоваться... ведь так?

Мужчина. Конечно. Ведь мы будем часто видеться...

Адия. Правда? Вы правду говорите? Ну, конечно, вы говорите правду. Конечно, правду. Я больше не буду сомневаться в этом. Мы будем видеться часто, очень часто. Потому что иначе невозможно. Так больше невозможно, вы понимаете? Невозможно так! Я не могу больше так жить! Может ли быть на свете столько бессмысленного, однообразного! Может ли жизнь быть такой пустой! Сколько может человек разговаривать сам с собой? До каких пор он может быть счастлив только в мечтах, в мире, который он сам себе вообразил, – в несуществующем мире? Ну до каких пор можно задавать один и тот же вопрос: «Ну и что?» До каких пор? Ведь больше невозможно это выносить! Невозможно, понимаете?

Мужчина. Понимаю.

Адия. Понимаете, конечно, понимаете. Вы все понимаете.

Мужчина. Мы еще не раз будем беседовать с вами. Пока я не получу письмо. Мы будем видеться, пока я не получу письмо.

Адия. Пока вы не получите письмо. А потом – все?! Конец?! О, не спешите получать это письмо, прошу вас, не спешите. А вдруг оно придет завтра? Нет, и после того как вы получите письмо, мы будем видеться, потому что в нем будут хорошие вести, я это чувствую, знаю...

Мужчина. Нет, после того как придет это письмо, мы больше не будем нужны друг другу. Не будет уже необходимости в наших встречах...

Адия. Я не хочу этого! Не хочу!

Мужчина. Все будет хорошо, вот увидите... Все будет хорошо...

Адия. Вы... уходите?

Мужчина. Я еще приду... Приду... Обязательно приду...

Мужчина исчезает. Адия закрывает глаза, а когда открывает их, перед окошком стоит старик в очках, с палкой в руке.

Старик. Барышня, милая, красавица моя, который раз я уже говорю, что моя фамилия Алигулузаде, к тому же я – профессор, а вы опять что за письмо мне даете? Это письмо Гамбар-гу-лу-заде! Детка, что мне за дело до Гамбаргулузаде?! Я ведь Алигулузаде, профессор. Сначала дала мне Щелконогова, а теперь Гамбаргулузаде!..

Адия. Что вы говорите? Как ваша фамилия?

Старик. Это уже явное издевательство! Да это просто безобразие! Где тут у вас заведующий? Позовите заведующего!

III

Гюльзар и Зулейха с юных лет тянулись к Адиле, негласно признавая ее превосходство. Им необходимо было видеть ее, и на почту они являлись почти каждый день.

Адия сидела задумавшись. Весна незаметно переливалась в лето, и старуха, отмечающая время, казалось Адиле, вязала и приговаривала: «Этот носок я вяжу моему второму сыну. Первый мой сын – неверный. А вот второй – самый лучший сын. Я его больше всех люблю. Он – как родник. Как родник чистый. как волна мягкий, как волна ласковый...» Лето теснило весну, а Адия еще не приняла решения...

Зулейха. Не знаю, Ада, что с тобой последнее время...

Адия. А что?

Гюльзар. Ты стала какая-то такая...

Адия. Какая такая?

Зулейха. Вот мы у тебя и спрашиваем, какая ты сейчас. Ведь прежней Адилы нет...

Адия. Но ведь и ты не прежняя, Зуля... Ты так же шутишь, смеешься, но все больше по инерции, а может быть, ты играешь, кто знает?.. Прежней Зулейхи больше нет. И прежней Адилы – тоже. И прежней Гюльзар.

Гюльзар. Все это понятно. Ада, конечно же, я – не прежняя. Мне теперь тридцать четыре, как же я могу быть двадцатилетней? Разве я могу теперь смеяться так, как раньше? От всего сердца, весело, бездумно? Вот в том-то и дело, что бездумно. Ни о чем не думала двадцатилетняя Гюльзар, попусту тратила время, влюблялась в Жана Маре, в Рашида Бейбутова, и не только в них, к сожалению. Любила веселые компании, ну, да вы все это знаете не хуже меня... И вот результат! Не знаю, винить мне теперь двадцатилетнюю Гюльзар или хвалить – что в молодости жила не кривя душой, в свое удовольствие. Но где эта молодость? У моих ровесниц уже дочки чуть ли не на выданье, а я? Осталась ни с чем. Кто на мне женится? Никто. Я уже седею... Скоро не помогут ни пудра, ни краска, буду я старая кокетка. Но у тебя ведь по-другому, Ада...

Адия. А чем это я от тебя отличаюсь?

Зулейха. Я, конечно, понимаю, Ада. Халил – не тот, о котором ты мечтала, совсем не тот... Но все же...

Адия. Я сказала, не трогай Халила. Не твое это дело!

Зулейха. Ладно, не буду, не сердись...

Гюльзар. А по-моему, любовь – это все пустое. Это для двадцатилетних, потом все проходит... Чего уж тут горевать.

А д и л я. Да что вы напали на меня?! Я знаю это не хуже вас. Любовь – как пустая консервная банка! Жизнь – вечные похороны неисполнившихся желаний! Я знаю это лучше вас всех. Но почему? Почему это так?

З у л е й х а. Вот видишь, ты спрашиваешь – почему? Потому что ты не можешь смириться с этим. И напрасно. Ты опять думаешь, как прежняя Адила, вместо того чтобы смеяться над прежними мечтами, причем смеяться так же беззаботно, как раньше. У тебя есть все, Ада. Завидую тебе. Сейчас только и мечтаю, чтобы у меня появился такой мужчина, как Халил, пожениться бы мы и жили себе потихоньку. Это и есть счастье.

Г ю л ь з а р. И не говори.

А д и л я. Если вы еще раз вспомните про Халила, я вам больше не подруга...

Г ю л ь з а р. Ну хорошо, давай поговорим о чем-нибудь другом. Надо же как-то развлекаться...

З у л е й х а. А о чем другом? Вчера звоню Фире – денег одолжить, туфли на платформе появились. А она мне: клянусь Аликом, нет ни копейки.

Г ю л ь з а р. Она только и клянется Аликом, когда врет... Накличет, что этого завмага Алика вытянут из магазина за ушко да на солнышко...

Единственный, сидевший все время над бумагами, поднял голову, посмотрел на часы и крикнул:

– Ибрагим!

Дремавший с открытыми глазами Ибрагим подпрыгнул, как мячик.

– Да, товарищ Единственный!

Е д и н с т в е н н о в. Перерыв окончен!

И б р а г и м. Сию минуту, товарищ Единственный!

З у л е й х а. Ладно, мы пошли, Ада.

А д и л я. Привет.

Г ю л ь з а р. Привет. Не растравляй себя. Что наша жизнь – игра...

З у л е й х а. Прощайте, Ибрагим-муаллим.

Г ю л ь з а р. Спокойной ночи, Ибрагим-муаллим.

Польщенный Ибрагим берет Гюльзар за руку.

– Заходите, девушки, заходите.

Гюльзар вспоминает, что он мюрдашир, вздрагивает от омерзения, пытается вырвать у него свою руку и громко кричит:

– Ой! Убери свою руку. Ну!

Е д и н с т в е н н о в. Что случилось, товарищи?

З у л е й х а. Эй, мюрдашир проклятый, чего живых людей хватаешь? Сейчас получишь...

И б р а г и м. Ох, была бы моя воля!.. Я бы ей показал... Я бы ее... Я бы их... Стервы, пробы негде ставить!

Единственный подходит к Ибрагиму и что-то говорит ему тихо. Ибрагим, потирая покрасневшую лысину и подсакивая на месте от возмущения, выкрикивает:

– Девушки! Ха, девушки! Они уже лет двадцать как не девушки. Шайтаны в юбках, да еще в коротких!

Е д и н с т в е н н о в. Брось, не связывайся. Эта кошка Адила их в обиду не даст. Ты с ней поосторожнее, у нее любовник новый, товарищ Иванов.

И б р а г и м. А кто такой этот Иванов?

Е д и н с т в е н н о в. Думаю, важная птица... Оттуда...

Единственный многозначительно воздевает палец к небу. Ибрагим замирает, весь словоно худеет и бледнеет на глазах. В тревожном молчании они расходятся по своим местам. Адила сидит с отсутствующим видом. Появляется скрипач, встает в свою нишу и начинает играть... Вскоре возникает мужчина в черном костюме. Адила обрадованно вскакивает.

А д и л я. Спасибо, что пришли.

М у ж ч и н а. Здравствуйте.

А д и л я. Я боялась, что вы не придете.

М у ж ч и н а. Но я обещал вам. Мне письма нет?

А д и л я. Нет, еще не получено... Дайте-ка посмотрю ещё раз... Нет...

М у ж ч и н а. Не беда. Собственно, я пришел вас пригласить.

А д и л я. Пригласить меня? Куда?

М у ж ч и н а. Куда хотите.

А д и л я. Куда я хочу?.. Идемте... поедем в Кисловодск... Нет, в Джидырскую степь... Пусть ударит нам в нос запах чебреца, ничего, вынесем! В детстве нас всегда на лето возили в Шушу. Тогда отец был еще жив... А я смотрела на

горы, мечтала скорее подрасти, хотела обнять эти горы, разделить со всеми свою радость... А теперь... А теперь я хотела бы снова стать ребенком... Но больше не будем об этом... Мы поедem в Джидырскую степь!.. Поехали?

Мужчина. Поехали.

А д и л я. Вы ощущаете запах чебреца? Какой сильный запах... Посмотрите на эти горы... Туман расходится...

Мужчина.

В горах туман
Упал на колени,
Альпийский луг
Достался оленю.

А д и л я. Мы на самую вершину поднимемся!.. Смотрите, сколько здесь цветов!.. Я бывала в этих местах, но никогда не было так хорошо... Это потому, что я с вами. Вы слышите крики удоов? Знаете, что они кричат? Одного зовут Иса, а другого – Муса. Один спрашивает: «Иса, нашел?» Другой отвечает: «Муса, нет»... Говорят, было двое братьев-чабанов. Однажды у них пропала любимая овца. Искали-искали, так и не смогли найти ее. Тогда они обратились к Аллаху с просьбой сделать их птицами, чтоб они увидели наконец свою овцу. Аллах превратил их в птиц. А они все равно овцу не нашли... Может быть, овцу унес волк? Ведь здесь полно волков... Нет, нет, не будем сегодня говорить о волках, лисах, шакалах... Как сильно пахнет чебрец! Этот запах всем нравится, а я бы хотела, чтобы плохие люди не выдерживали запаха чебреца. Чебрец – только для самых лучших...

Мужчина. Значит, на свете нет плохих людей...

А д и л я. Нет плохих людей? Почему?

Мужчина. Потому что все выдерживают запах чебреца.

А д и л я. Нет, это неправда, я не так хотела сказать. У нас по соседству жил один слепой, Мамадбагир-киши. Он говорил, на свете нет плохих людей, самое трудное – узнать человека близко, а после того как близко, очень близко его узнаешь, поймешь, что нет плохих людей. Так ли это на самом деле? Ну вот, взяточнику какое оправдание? Как он может быть хорошим человеком? Как может быть хорошим человеком подхалим? Или вор? Правда, всем им нравится запах чебреца, но один вдыхает его, думая о хороших делах, а другой – о плохих... Послушайте, как вы объясните, почему многие хорошие люди несчастны? Слышите кузнечика? Вы слышите, как он поет? Так вот, несчастный человек никогда не почувствует прелести этого стрекотанья.

Мужчина. Почему же?

А д и л я. Потому что я часто бывала в этих местах. И совсем не так давно вместе с Халилом. Нюхали чебрец, смотрели на туманные горы, слушали, как журчит речка Дашалты, слушали песню кузнечика, и все это пробудило во мне не радость, а грусть, потому что я опять задумалась о себе, о своей неудавшейся жизни. Даже эта красота наводит на меня только печаль.

Мужчина. А почему вы, созерцая эту красоту, не задумались о том, чтобы распротиться с вашей неудавшейся жизнью! Изменить ее?

А д и л я. Потому что это невозможно.

Мужчина. Своего рода утешение, не так ли? Это ведь утешительно: сказать себе «невозможно» – и продолжать.

А д и л я. Нет, это не утешение, это – истина. Все так думают. По крайней мере, те, с кем я встречаюсь каждый день. Для них это тоже невозможно. Хотите, я познакомлю вас с ними? И тогда вы увидите, права я или нет. Хотите?

Мужчина. Ну что ж...

А д и л я. Правда? Вы хотите с ними познакомиться? Я знаю, вы делаете это для меня... Может, чтобы лучше меня понять... Помочь мне разобраться в самой себе. Но как познакомиться их с вами?.. Знаете что, пусть они расскажут о таком событии в их жизни, которое они считают для себя самым важным, самым замечательным. Только все вопросы задавайте вы. Ну, будто вы судья. А с кого мы начнем?

Мужчина. С товарища Единственнова.

А д и л я. Договорились! Товарищ Единственнов! Товарищ Единственнов! Если вам нетрудно, подойдите сюда на минуточку. С вами хочет поговорить один товарищ...

Единственнов. Здравствуйте.

Мужчина. Вы Алмамед Ахмед-оглу Гюльмамедов. Единственнов – ваш псевдоним. Вам пятьдесят девять лет. Вы женаты. У вас трое детей. Два внука. Вы заведующий почтовым отделением.

Единственнов. Да...

Мужчина. Расскажите, пожалуйста, какое событие своей жизни вы считаете самым значительным?

Единственнов. Самое значительное событие в моей жизни?

Мужчина. Да, пожалуйста.

Единственнов. Самое главное событие в моей жизни? Сейчас...

Однажды меня вызвали в министерство и командировали в Кедабек – проводить кампанию подписки на газеты. Ибрагим тоже был со мной. Мы ходили по селам, агитировали... Кедабек, вы же знаете, горный район, выдали нам лошадей, чтобы мы объехали все села. И вот спускались мы в дождь из большого села Гара-Мурад. Вдруг конь споткнулся, и я вместе с ним покатился с обрыва... Очнулся через десять дней в районной больнице. Весь в гипсе. Открыл глаза, рядом Ибрагим на стуле сидит. Мои первые слова были... Нет, лучше пусть сам Ибрагим скажет, Ибрагим, эй, Ибрагим!

Ибрагим. Я здесь, товарищ Единственный.

Единственный. Ну-ка расскажи товарищам, пусть они услышат. Когда я в больнице через десять дней открыл глаза, что я сказал тебе прежде всего?

Ибрагим. Вы сказали: «Ибраги-им». А я сидел около вас и плакал. А вы говорите: «Ибрагим, в каком состоянии колхозный конь? Он не убится?»

Единственный. Да, как только я пришел в себя, я в первую очередь поинтересовался состоянием упавшего вместе со мной колхозного коня!

Мужчина. Значит, это и есть самое главное событие в вашей жизни?

Единственный. Думаю, что да!

Ибрагим. У товарища Единственного на первом месте стоят общественные интересы!

Мужчина. Почему во время войны вы, товарищ Единственный, симулировали болезнь и не пошли на фронт?

Единственный. Я... нет... Это было так давно... У меня есть справка... Я... Я...

Ибрагим. Не может быть... Это просто не может...

Мужчина. Вы Ибрагим Гасым-оглу Азизов. Вам тридцать восемь лет. Женаты. Трое детей. Работаете заместителем заведующего почтовым отделением.

Ибрагим. Да...

Мужчина. Вы должны сейчас же рассказать, какое событие было самым значительным в вашей жизни.

Ибрагим. Я должен?

Мужчина. Пожалуйста!

Единственный. Говори, не бойся.

Ибрагим. Самое главное событие в моей жизни... Какое событие в моей жизни было самым главным, товарищ Единственный?

Единственный. Сам подумай...

Ибрагим. Да! Самое главное в моей жизни то, что судьба свела меня с товарищем Единственным! В результате отеческой заботы товарища Единственного я поднялся от грузчика до заместителя заведующего! Вы сделали меня человеком, товарищ Единственный! Вы воспитали меня по принципам Макаренко! Я этого никогда не забуду!

Единственный. Это мой гражданский долг...

Мужчина. По какой цене, Ибрагим, вы продаете нижнее белье покойников, которых моете?

Ибрагим. Нет... Что вы... Да я... Никогда...

Мужчина. Почему вы постоянно желаете смерти товарищу Единственному? Надеетесь стать заведующим?

Ибрагим. Я... Я... Нет...

Мужчина. Можете идти.

Единственный. И я тоже, товарищ... ээ-э-э?..

Мужчина. Да, и вы тоже.

Адиля. Ну, что вы скажете?

Мужчина. Давайте следующего.

Адиля. Халил! Хали-ил!

Халил. Что, мамочка, что, душа моя?

Адиля. Иди сюда на минутку.

Халил. Что такое, мамочка?

Мужчина. Вы Халил Юсуф-оглу Керимов. Вам сорок семь лет. Вы работаете в министерстве социального обеспечения. Женаты. Детей нет.

Халил. Да, это так... А дочка не виновата, виноват я...

Мужчина. Вы должны рассказать сейчас о главном, по вашему мнению, событии в вашей жизни.

Халил. С чего это вдруг?

Мужчина. Говорите.

Халил. Если вы настаиваете, пожалуйста... Мамочка, ты и без того знаешь, какое событие главное в моей жизни. Но я могу повторить. Самое главное, самое главное событие всей моей жизни – это женитьба на Адиле.

Мужчина. А другое событие вы не вспомните?

Халил. Другое? Могу, конечно, в моей жизни было много чего... Но...

Мужчина. Не стесняйтесь, говорите.

Халил. Ладно... Это было примерно год назад. Меня вызвал к себе начальник отдела Кязимов и говорит: «Халил, мы с тобой уже двадцать четыре года работаем вместе. Я считаю тебя своим другом. С этой минуты называй меня просто по имени, я для тебя – Салим». С тех пор я и при сотрудниках зову его по имени. Потому что мы друзья. Потому что он такой замечательный человек, потому что он...

Мужчина. Вы любите Адилю?

Халил. Я не могу без нее жить.

Мужчина. Вы пожертвуете ради нее своей жизнью?

Халил. Я... Когда до нее дотрагиваюсь, весь дрожу...

Мужчина. Отвечайте на вопрос. Пожертвуете ли вы ради нее своей жизнью?

Халил мнется: все так необычно, вдруг на самом деле ему придется расстаться с жизнью. Адила такая... Не знаешь, чего от нее ожидать. Он избегает смотреть на Адилю и не знает, что отвечать.

Халил. Я... Я сказал же...

Мужчина. Можете идти.

Адила. Даже забыл со мной попрощаться... Испугался, что ли? Ладно. Ушел – и хорошо. Зуля! Зуля! Где ты?

Зулейха. Что, Ада?

Адила. Иди сюда, дело есть.

Зулейха. Здравствуйте.

Мужчина. Зулейха Али-гызы Халилова. Вам тридцать шесть лет. Не замужем. Работали секретаршей, уже месяц, как не работаете вовсе.

Зулейха. Что делать, он был страшный бабник.

Мужчина. Вы должны нам рассказать о самом, на ваш взгляд, значительном событии в вашей жизни. Прошу вас.

Зулейха. Если вы всерьез, тогда и Гюлю позовите, вместе будем рассказывать.

Адила. Гюля, Гюльзар!

Гюльзар. Привет. В чем дело?

Мужчина. Гюльзар Ахмед-гызы Мамедова. Тридцать четыре года. Не замужем. Работаете телефонисткой – в ночную смену.

Гюльзар. Вы из статуправления?

Мужчина. Вы должны рассказать о самом значительном, по вашему мнению, событии в вашей жизни.

Зулейха. Слышала, Гюля, мы должны рассказать о самом главном событии в нашей жизни! Расскажем!

Гюльзар. Расскажем.

Зулейха и Гюльзар берутся за руки словно на эстраде и поют:

Самое главное?

Это просто смешно.

Потому что нам главного

Не дано.

Уж так получилось.

Такая судьба.

А раньше мы думали –

Не беда.

Мы такие красивые,

Чего же еще?

Мы такие счастливые!

Официант, счет!

За границу не ездили,

Проси не проси.

Тебя по уху съездили?

Эй, такси!

Заморочили головы

И себе и другим,

Раньше мы были молоды

И теперь – хотим.

Раньше мы были щедрые –

Ветер в голове.

Дуры мы несусветные,

Обе. Две...

Гюльзар. Ну, что? Достаточно?

Зулейха. Как вам наш репертуар?

Гюльзар. Вы довольны нами?

Зулейха. Пошли, Гюля. Привет.

Гюльзар. До свиданья! Мы поплыли.

Мужчина. Стойте.

Зулейха. Что еще?

Мужчина. Вы любили Салеха, и он любил вас. Он хотел ребенка. Почему вы сделали аборт?

Гюльзар. Ой... Я ничего не знала!

Адила. Я знала.

Зулейха. Потому что... я была так молода, а он – студент, я думала, все еще впереди, зачем нам ребенок? А потом уже было поздно... Он женился на скромной чистенькой девушке. Он даже не знает, что творит сейчас эта скромная чистенькая девушка у него за спиной!.. А я бы этого не делала! Нет! Нет! Не делала!!!

Гюльзар. Успокойся, Зуля... Успокойся... Не надо больше ее спрашивать...

Мужчина. Хорошо. Я обращаюсь к вам. Почему вчера вечером вы подняли руку на вашу старую мать?

Гюльзар. Верно... Вы правы. Я вчера подняла на маму руку, толкнула ее. Причем это не первый раз... Потому что... потому что она еще больше, чем я, виновата в том, что мне теперь уже все равно, я никому не нужна, у меня и желаний даже никаких не осталось. А все потому, что, когда я в шестнадцать лет приходила домой в двенадцать ночи, она не наказывала меня, а сладко спала... Ее больше интересовало, сколько она денег получит с проданного пива... И все-таки я очень люблю мою маму...

Мужчина. Можете идти.

Адила. Вы рассердились на них? Ведь они честно ответили на ваши вопросы. Не соврали. Они такие как есть, только и всего. И поэтому...

Мужчина. И поэтому?

Адила. И поэтому они несчастны! Самые несчастные на свете! Нет желаний... Никакой радости впереди... Самые несчастные на свете, потому что уже примирились со своим несчастьем... Наверно, так легче жить. Кто знает, может быть, это и правильно...

Мужчина. Значит, вы счастливее Зулейхи и Гюльзар, не так ли? Вы ведь не примирились со своим несчастьем. Вы ведь страдаете постоянно. Даже если захотите, не сможете примириться, потому что это не в вашем характере.

Адила. Нет, нет. Мы все несчастные: и Зулейха, и Гюля, и я... Потому что жизнь проскользнула у нас между пальцами... Ну, что из того, что я каждую ночь твержу себе перед тем как заснуть: «Так жить нельзя! Ты все делаешь не

так. Почему? Почему ты не начинаешь жизнь сначала? Это ведь не жизнь, то, что ты делаешь...» И я даже даю себе слово, что так больше не будет. А утром просыпаюсь и... весь день проходит так же, как предыдущие. Все то же самое. Снова Халил, его мелкие радости, желания, не стоящие ржавой копейки... Снова лицемерные речи Единственнова, омерзительное лицо Ибрагима... Снова нерадостное жите Зули и Гюли... А перед тем как заснуть – снова несбыточные мечты. Обманчивые надежды...

Мужчина. Может быть, еще кого-нибудь позовете?

Адила. Кого? Хватит, наверно. Да больше никого знакомых и нет... Салима, что ли? Меня от него тошнит. Давайте лучше посмотрим на эти горы... Вы видите облака? Пойдет дождь. Потом перестанет. Мы промокнем, но это ничего. Зато радугу увидим. Потом послушаем кваканье лягушек... Давайте ни о чем не думать, просто смотреть. Видите, мне на ладонь села божья коровка. В детстве распевали мы, а теперь поют нынешние дети:

Божья коровка, улети на небо,

Там твои детки кушают конфетки.

Мужчина. Вы Адила Мелик-гъзы Керимова. Вам тридцать пять лет. Три года замужем. Детей нет. Работаете в почтовом отделении.

Адила. Да...

Мужчина. Вы должны рассказать о самом значительном, на ваш взгляд, событии в вашей жизни.

Адила. Хорошо... Понимаете, мы все умрем... Сколько ни есть людей на земле, все умрут... Их заменят новые люди. И они умрут. Я умру, и моя мама умрет. Если бы у меня был ребенок, и он бы умер. И Зуля умрет. И Гюльзар. И вы, я думаю, тоже умрете...

Мужчина. Верно.

Адила. Так почему же вы не приходите в ужас? Зачем вам это письмо, если вы все равно умрете?

Мужчина. Вы должны рассказать о самом значительном, на ваш взгляд, событии в вашей жизни.

Адила. Простите. Простите меня. Я сейчас... Самое значительное событие в моей жизни – это осознание собственной смерти. Однажды ночью, холодной ночью, я поняла, что будь ты счастливым или несчастливым – все равно умрешь. Это и есть самое страшное. Смерть!

Мужчина. Это – не самое страшное.

Адила. Я бы очень хотела вам поверить...

Мужчина. Ну, так поверьте.

А д и л я. Может, и вы скажете, что вокруг бурлит радостная жизнь и нельзя отрываться от коллектива? Может быть, и вы скажете, что надо быть волевым, стойким, еще Бог знает каким? Не говорите мне этого! Я не хочу, чтобы вы говорили эти холодные слова! Я много слышала таких слов. По радио, в газетах... Я все это знаю.

М у ж ч и н а. Я вам и не говорю о том, что вы знаете.

А д и л я. Хорошо... А что же тогда, по-вашему... Что, по-вашему, самое страшное?

М у ж ч и н а. Представьте себе одного артиста. Он всю жизнь провел на сцене. Состарился. Его уважают, он знаменит, многие его любят. Все привыкли к нему, не представляют себе сцену без него. И никому не придет в голову, что он бездарен. Всюду пишут, что он талантлив, все говорят, что он большой актер. Но вот однажды он пришел домой после спектакля. И вдруг внезапно, неожиданно он осознал, что бездарен, что нет в нем настоящего таланта. Осознал, что всю жизнь был бездарен, что известность – мнимая, и уважение – выдуманное, и любовь – только видимость, а ежедневные девичьи письма с любовными признаниями – бред собачий. Никогда ни одну из этих девушек он не сделал и не сделает счастливой, потому что бездарен, потому что обманывал не только других, но и себя самого. Он играл Отелло, срывал аплодисменты, но никогда не испытывал чувств истинного Отелло. Он играл Гамлета и снова срывал аплодисменты, но гамлетовские переживания были ему всегда чужды... Все это я вам рассказываю для того, чтобы задать следующий вопрос. Почему вы вышли замуж за нелюбимого человека?

А д и л я. Сказать правду? Хорошо... Я вам признаюсь... Потому что не было любимого и потому что я не смогла бы выйти за лучшего. Я была уже тридцатидвухлетняя старая дура. Люди, которых я любила, существовали только в моих мечтах, в жизни они мне не встретились.

М у ж ч и н а. Да. Вы вышли замуж за нелюбимого человека потому, что вам уже было все равно. К тому времени вы уже примирились с вашей неудавшейся жизнью. Стали равнодушны к своей судьбе...

В их беседу врывается звонок, раздастся голос Единственнова, призывающего Ибрагима. Адиля вздрагивает и видит себя сидящей за рабочим столом в почтовом отделении. Ее собеседника нет, он исчез. Ибрагим стоит у дверей и никого не пускает внутрь.

Единственнов встает и подходит к Адиле:

– Я объявляю вам благодарность, товарищ Адиля.

А д и л я. Что вы говорите?

Единственнов. Я объявляю вам благодарность.

А д и л я. За что? За то, что вчера этот смешной старик профессор жаловался на меня?

Единственнов. Нет. Вы прислушались к справедливой критике. Сделали надлежащие выводы из моих замечаний, ведь вы больше не изображаете цифру 13 на окошке.

А д и л я. А-аа-а...

Единственнов. Да! Я ценю, когда к моим замечаниям прислушиваются!

А д и л я. С занесением в личное дело?

Единственнов. Непременно!

IV

Адиля в своей квартире лежит на диване, просматривая иллюстрированные журналы, и снова чудится ей старуха, которая сидит на старом стуле, вяжет носки и приговаривает: «Эти носки я вяжу моему третьему сыну. Первые два никудышные получились. Вот третий у меня – самый хороший, самый любимый. Он для меня как воздух. Он всех умнее, всех добрее, такой красивый, такой высокий, светлый, как небо...»

Адиля отбрасывает журналы, встает, включает радио и сразу его выключает. Снова уstraивается на диване. Входит Х а л и л.

Х а л и л. Купил наконец подарок для дочери Салима. Ну и народу было за хрусталем! Дай я тебя поцелую!

А д и л я. Ну, пожалуйста, не надо!

Х а л и л. Хорошо-хорошо, мамочка, не сердись. Видишь, хрустальная ваза, мамочка, и всего за двадцать рублей. Посмотри, какая вещичка! Я сейчас распакую...

А д и л я. Не нужно, не разворачивай.

Х а л и л. Почему же, посмотришь, какая красота.

А д и л я. Я же сказала, не разворачивай, не хочу.

Х а л и л. Двадцать рублей, конечно, тоже деньги, особенно перед отпуском...

А д и л я. Ради Салима, кончай эти разговоры.

Х а л и л. Что с тобой, Адиля?

А д и л я. Ничего, что может быть?..

Х а л и л. Ну, тогда собирайся, пора уже, неудобно опаздывать к Салиму.

А д и л я. Прости, Халил, настроения нет, я устала. Не пойду, пожалуй. А ты иди, а то Салим на тебя обидится... Скажи там что-нибудь, почему я не пришла... А ты знаешь, галстук тебе идет...

Х а л и л. Ты же его сама выбирала...

А д и л я. А? Да-да. Надо было пару купить. Теперь модно один разрезать и в карман вместо платочка... Очень красиво.

Х а л и л. Неудобно получится... Мы уже три года ходим с тобой на день рождения дочери Салима. Если теперь никто из нас не придет, будет нехорошо...

А д и л я. Ну, конечно, нехорошо...

Х а л и л. Ладно... Я зайду и от твоего имени поздравлю, скажу, что ты больна, и быстренько вернусь. Отдыхай. И все-таки хотя Салим мне друг, но все же перед курортом тратить двадцать рублей на подарок – не дело, откровенно говоря... Правда, Салим не такой человек, чтобы обращать особое внимание на подарки, но и с пустыми руками тоже ведь не пойдешь... Слышишь, звонок? Кто это к нам, интересно? Пойду открою.

З у л е й х а. Здравствуйте, Халил-муаллим.

Г ю л ь з а р. Добрый вечер.

Х а л и л. Здрасьте, здрасьте. Проходите, пожалуйста, Адочка дома.

Г ю л ь з а р. Привет!

З у л е й х а. Ее высочество отдыхает...

Х а л и л. Хорошо, что вы пришли. Когда я уйду, Адочка не будет скучать.

З у л е й х а. Куда вы уходите, Халил-муаллим?

Х а л и л. На день рождения дочери моего друга Салима.

Г ю л ь з а р. Ада не пойдет?

А д и л я. Останусь с вами.

З у л е й х а. Что это, в гости не хочется?

Х а л и л. Сколько ни зову – не идет. Заварить вам хорошего чаю?

Г ю л ь з а р. Большое спасибо, мы сами, Халил-муаллим.

Х а л и л. Ладно, мамочка, уже пора, я пошел. До свидания. Я скоро вернусь.

Г ю л ь з а р. Нет на свете человека лучше, чем Халил-муаллим!

А д и л я. Сколько раз я говорила – не называй его «муаллим»!

Г ю л ь з а р. А как называть?

З у л е й х а. Халилушка...

А д и л я. Какие вы жестокие...

З у л е й х а. Ладно, ладно... Ты даже не спрашиваешь, какую отметку получила Гюля?..

А д и л я. Да, правда, сегодня же у тебя экзамен. Сколько?

Г ю л ь з а р. Двойку!

З у л е й х а. Сколько раз я ей говорила, что ничего не выйдет у нее с институтом, говорила: не трать зря время, кому это надо?

Г ю л ь з а р. Мне надо. Летом подам на очный.

З у л е й х а. Девочки, что вместе с тобой заявление подадут, мать твою тебя будут звать!

Г ю л ь з а р. Знаешь, Ада, меня злит не то, что я срезалась, а что именно Саадат-ханум меня завалила. Тридцать лет мы соседи. А когда я ей отвечаю, так она будто первый раз меня видит, как залепит двойку! А Солмаз, другой соседке, поставила пять. Я говорю: «Саадат-ханум, почему вы мне двойку поставили, а Солмаз – пятерку, неужели Солмаз знает лучше меня?» А она: «Гюльзар, разве ты не знаешь, как я тебя люблю? С Солмаз я даже не здороваюсь при встрече, а тебя всегда обнимаю и целую». Я говорю: «Саадат-ханум, лучше бы вы Солмаз обнимали и целовали при встрече, а мне бы поставили пятерку».

А д и л я. А она что?

Г ю л ь з а р. Да ничего, улыбается.

З у л е й х а. Эх, если бы у тебя был такой отец, как у Солмаз.

Г ю л ь з а р. Чтоб они все поскорей в руки мюрдашира попали!

З у л е й х а. Тихо, Ибрагим услышит.

Г ю л ь з а р. Ада, а как жена Ибрагима с ним спит?!

А д и л я. Откуда я знаю?

З у л е й х а. Эх, ну их всех к шайтану! Вставайте, пойдем в кино. Хорошая картина идет, Ада, называется «Чушь на постном масле». И погода отличная – моросит потихоньку.

Г ю л ь з а р. Одевайся, Ада, одевайся, пойдем. Совсем как прежде. Хоть посмеемся от всего сердца. Подумаем, что нам снова по семнадцать лет. Обо всем забудем.

З у л е й х а. Может, мне после этого перестанет сниться пальто-джерси.

Г ю л ь з а р. Слушай, ради Аллаха, забудь про пальто-джерси. Вставай,

Ада, вставай, одевайся.

А д и л я. Нет, я не пойду.

З у л е й х а. Ну, Ада...

Г ю л ь з а р. Мы ведь не на день рождения дочери Салима идем...

А д и л я. Нет, не хочется, вы идите. Только не упрашивайте.

Зулейха. Ада, давай поговорим серьезно.

Адила. Серьезный разговор тебе не идет. И мне не хочется говорить серьезно.

Гюльзар. Ну конечно! Зачем это нам?

Зулейха. Ради Аллаха, брось ты паясничать!

Гюльзар. Помните, что сейчас где-то далеко, в пустыне Атакама, прекрасная девушка мечтает о глотке воды – и благодарите свою судьбу. Помните, что сейчас где-то в далеких краях, на острове Ньюфаундленд, прекрасная несчастная девушка готова на все ради куска хлеба – и благодарите судьбу. Помните, что...

Адила. Не смешно.

Гюльзар. Конечно, кто будет смеяться над какими-то словами, когда можно над нами самими? Старые кокетки...

Зулейха. Ада, меня злит, что ты никогда ничем не бываешь довольна. Я уж тебе говорила, для меня самым высшим счастьем было вот так, как ты, устроить свою жизнь и сидеть в своей хибаре. А к тебе, когда ни придешь, ты, вместо того чтобы радоваться, дуешься на весь белый свет. А нам больше некуда ходить, кроме как сюда... Что с тобой, Ада?

Адила. Я сказала, прекратите эти разговоры! Надоело!

Зулейха. Вставай, Гюля, пойдем отсюда! В кино или еще куда...

Гюльзар. Пойдем! Представим, что нам снова по семнадцать лет. Пофлиртуем с детишками, что первый пушок над губой холят! Обхохочешься, на них глядя!

Зулейха. Вряд ли ты будешь смеяться от души, подруга. Губы раздвинешь – и ладно...

Гюльзар. И вправду! Мы ведь не лошади, чтобы ржать! Привет, Ада. Передай Халил-муаллиму наши сожаления по поводу того, что чрезвычайной важности дела не позволили нам его дождаться.

Адила. Непременно.

Когда подруги уходят, Адилья поднимается с дивана, смотрит в окно, включает радио, снова выключает, потом подходит к дивану, садится. Скрипач в черном фраке со скрипкой в руке возникает в комнате, приближается к Адилье, останавливается и начинает играть совсем рядом с ней. И вдруг появляется Мужчина. Увидев его, Адилья вскакивает с места.

Адила. Вы пришли? Я знала, что вы придете. Я ждала вас. Знала, что и домой ко мне придете. Заходите. Заходите, садитесь.

Мужчина. А вы приветливы как настоящая хозяйка дома.

Адила. Правда? Ну, что же... Сварить кофе? Может, чаю хотите? Или откроем шампанское? Давайте отпразднуем еще раз Новый год! Да, встретим вдвоем Новый год, послушаем музыку, потанцуем, а?.. Хотите, вы будете Делом Морозом? Вы не обиделись? Может быть, вы расстроены, что не приходит ваше письмо?

Мужчина. Нет, письмо придет рано или поздно. И тогда мы больше не увидимся. Потому что мы больше не будем нужны друг другу.

Адила. Нет, нет. Не хочу. Я не хочу расставаться с вами. Если вас не будет... когда вы не придете, все будет кончено.

Мужчина. Ну что вы...

Адила. Не отдам вам это письмо. Я спрячу его от вас. Я его порву.

Мужчина. Нет, вы не порвете это письмо и не спрячете его, потому что вы знаете, что я его жду.

Адила. Правильно...

Мужчина. А теперь одевайтесь. Одевайтесь, пойдем гулять. Я приглашаю вас на прогулку.

Адила. Правда? Сию минуту... Где мой плащ? Вот он. Пойдемте. Пойдемте. Представим себе, что мы и на самом деле гуляем. Дождь моросит. Такой мокрый весенний вечер... Мне кажется, я всю жизнь ждала такой дождливый весенний вечер. Когда обычно в такую погоду я смотрела из окна на улицу, то думала, что и мокрые тротуары, и эта пустынная каменная улица тоже ждут... Они ждут наших шагов... Будем гулять до утра, не так ли?

Мужчина. До утра?

Адила. Конечно, ведь нас-то никто не ждет. Мы никому не нужны. И вам никто не нужен. Не будем вспоминать, что наша прогулка может кому-то показаться смешной, для кого-то бессмысленной...

Мужчина. А почему эта прогулка должна кому-то казаться смешной?

Адила. Почему? Почему... Не знаю. Я чувствую это... Как вам сказать?.. Вы помните, по телевизору показывали футбол с мирового чемпионата. Когда футболисты играли, у нас было уже утро, поэтому игру сняли на пленку, а вечером показывали по телевизору. Люди откладывали из-за футбола свадьбы. Город будто вымер – ни одного мужчины, словно война прошла. Все смотрели телевизор. Артисты не знали, что делать – театры пустовали. Все сидели у телевизора. Но не волновались, потому что знали, что мяч в ворота не влетит. Нам был известен счет. Мы знали, на какой минуте в чьи ворота влетит мяч, сколько их будет забито всего, кто будет их забивать. Об этом было в вечерней газете, ну

и, конечно, по радио... А игроки во время съемки ничего еще не знали. Забив мяч в ворота, они обнимались, бухались на колени и молились, а мы знали, что они все равно проиграют. Мы знали, что их ждет. Знали, что отчаяние, слезы на глазах их противников – неуместны, потому что они выиграют. А они ничего не знали, они понятия не имели, что их ожидает... Я это запомнила навсегда. Я чувствую это постоянно, непрерывно. Мне все время кажется, что все наши радости, все печали – мнимые, бессмысленные. Десять лет мы проживем, или двадцать, или тридцать – не все ли равно? Но сейчас забудем обо всем... Забудем обо всем, будем гулять по мокрым улицам и радоваться.

М у ж ч и н а. Почему бы вам не взглянуть на эти десять, двадцать, сорок лет как на вечность?

А д и л я. Вечность? По правде сказать, я никогда не понимала, что это такое... Если всерьез...

М у ж ч и н а. Есть одна легенда. Стоит алмазная гора высотой в тысячу верст, вершины ее не видно. Раз в тысячу лет на гору садится маленькая пташка и долбит ее своим клювом. Потом снова улетает. Улетает с тем, чтобы вернуться через тысячу лет. Вернуться, чтобы снова потюкать своим крохотным клювом. Когда эта пташка продолбит алмазную гору до основания, пройдет лишь один миг вечности...

А д и л я. Один раз каждую тысячу лет... Двадцать лет тоже могут быть своего рода вечностью? А если эти двадцать лет живешь рядом с таким человеком, как Единственнов, или с таким, как Ибрагим или Халил? А что желать несчастливцам, подобным Зулейхе и Гюльзар?.. А на что им эти годы? Зачем им вечность? Ни к чему... Так же как и мне. Ведь вам они все о себе рассказали. И я тоже рассказала...

М у ж ч и н а. Вы могли бы позвать и других людей.

А д и л я. Других людей? Кого это? Может, надо было позвать Салима, начальника отдела, где работает Халил? Было бы то же самое. Каждый раз он смотрит на меня так, что кроме Халила все понимают смысл его взглядов. Или учительницу Саадат-ханум? Эту взяточницу... Или Салеха, которого жена обманывает. Вы что, открыли бы ему на это глаза? Надо их было вызвать?

М у ж ч и н а. Нет.

А д и л я. А кого же еще?

М у ж ч и н а. Вызвали бы своего Фазиля. День и ночь работает, содержит такую семью, а дома шутки, смех не прекращаются. Мы бы спросили у него,

в чем секрет. Или вызвали бы учительницу Месьму, которую вы помните еще по средней школе. Совсем состарилась уже, но школу не оставляет. Мы бы спросили у нее, в чем дело? Наконец, вызвали бы вашего отца.

А д и л я. Моего отца нет в живых. Он погиб на войне.

М у ж ч и н а. Я знаю. Мы бы спросили у него, почему, раз все так пусто и бессмысленно, вы, тридцатипятилетний мужчина, пошли на войну? Наверно, он ответил бы...

А д и л я. Может быть... Может быть, он и ответил бы... Но разве изменилась бы наша жизнь от одного этого ответа?

М у ж ч и н а. Нет, от одного этого ответа ваша жизнь не изменилась бы. Потому что вы сами этого не хотите. Вы их забыли – и отца, и учительницу Месьму... Они вам не нужны. Нет, вы меня не прерывайте. Сегодня я должен вам сказать все... Они вам не нужны, потому что вы – сама по себе. Взгляните из вашего окна на город, так надоевший вам. Подумайте, что вы смотрите на него впервые. Подумайте о людях, живущих под этими крышами. Почему вы решили, что их существование бессмысленно? Вы думаете, зачем эти люди строят дома, заводы и фабрики, закладывают буровые? Для чего они так стараются? Ведь вы этого не знаете?

А д и л я. И вы повторили эти холодные слова... Эти слова как лед холодные, очень холодные...

М у ж ч и н а. Потому что вы боитесь этих слов. В глубине своей души вы чувствуете, что эти слова правдивы, чувствуете, что повсюду жизнь продолжается, и эта жизнь, со всеми ее радостями, со всеми печальями, интересна, богата, но проходит мимо вас. А вы не осмеливаетесь в нее включиться...

А д и л я. Вы стали вдруг таким резким!.. Я не хочу, чтобы вы были таким резким, таким беспощадным. Я не хочу с вами расставаться. Я хочу, чтобы мы с вами до утра бродили по этим улицам...

М у ж ч и н а. А утром? Ведь утро не будет таким, как этот дождливый весенний вечер. Утром вы снова встанете и пойдете на работу. С работы снова вернетесь домой. Ночью, когда уляжетесь спать, еще до того как уснете, снова поднимет голову ваш внутренний голос. Вы снова уснете под упреки этого голоуса. И снова утром встанете и пойдете на работу. Так пройдут годы. И малая пташка своим крохотным клювом сковырнет вашу алмазную гору...

А д и л я. Ничего. Я больше не боюсь этого. Я больше не боюсь этого, потому что есть вы. Мы каждый день будем встречаться. Снова отправимся в Джидырскую степь. Мы с вами поведем в Кедабек, разожжем костер чуть пониже селения Большой Гара-Мурал, где упал вместе с колхозным конем мой начальник, испечем в золе картошку – и навсегда забудем о моем начальнике...

Мужчина. Ну что вы притворяетесь? Зачем вы лжете?

Адилля. Я... Не понимаю вас...

Мужчина. Разве вы о нем забудете? Вспомните, утром вам придется поздороваться с ним... Или я не прав?

Адилля. Какой вы безжалостный, жестокий!.. Не будьте таким! Прощу вас... Вы мой единственный друг. Я могу обидеться на вас... И тогда уже все будет кончено. Ведь мы с вами еще много раз будем встречаться. Много-много раз, до глубокой старости... До тех пор, пока птичка не продолбит алмазную гору своим крохотным клювиком.

Мужчина. Нет, это невозможно...

Адилля. Невозможно! Почему? Неужели для вас есть невозможные вещи?

Мужчина. Я жду письмо. Когда придет это письмо, мы больше не увидимся.

Адилля. Но ведь вам, наверно, и другие письма будут приходить?

Мужчина. Те письма я буду получать у других...

Адилля. Понимаю... У других, таких как я, похожих на меня... Я понимаю, вас везде ждут... Это наша последняя встреча?

Мужчина. Возможно.

Адилля. У меня будто что-то оборвалось внутри... Никогда в жизни не было подобного ощущения... Не знаю, что это такое? Я будто лечу в самолете... А самолет то падает, то взлетает, падает, взлетает... Почему эти улицы так пусты, безлюдны?

Мужчина. Вы ведь этого хотели. Вы хотели забыть про всех, никого не хотели видеть.

Адилля. Нет, теперь безлюдье меня пугает... Думаете, я не понимаю, зачем вы приходили ко мне? Чтобы уйти навсегда. И тогда мне поневоле придется искать других людей – тех, что под крышами... А вы исчезнете...

Вдруг из коридора раздается голос Халила:

– Вот я и пришел, мамочка, ты не скучала, родная?.. Ну и компания была!.. Жаль, что тебя не было, мамочка, я так расстроился. Салим сам поднял тост за тебя. Он так хорошо говорил, мамочка, у меня прямо сердце сжалось... Что это с тобой, мамочка? Отчего ты такая бледная?

Адилля. Что со мной? Ничего со мной. А что должно быть?

Халил. И в самом деле – что может быть... На улице такой дождь, ужас! Хватайся за дождевку, лезь на небо. Ты у меня все-таки умница, что не пошла, промокла бы насквозь!

Адилля смотрит на него, потом оглядывается, словно видит комнату впервые, вынимает из шкафа плащ, повязывает непромокаемую косынку, снимает домашние туфли и надевает сапожки.

Халил. Куда это ты, мамочка?

Адилля. Я иду гулять.

Халил. В такую погоду идешь гулять?

Адилля. Да. В такую погоду иду гулять.

Халил. Тогда и я пойду с тобой.

Адилля. Нет, я буду гулять одна.

Халил. Но, мамочка...

Адилля. Я сказала: я хочу гулять одна...

V

А время идет. Тянется нить в руках старухи, которая не устает приговаривать: «Эти носки я вяжу моему младшему сыну. Все остальные не очень надежные оказались, и старший мой сын, и второй, и третий... Младший – мой самый любимый. Он для меня – все, не могу без него, он самый добрый, щедрый, как земля...»

Лишь в почтовом отделении все по-старому. Посетителей мало. Каждый занимается своим делом. Адилля сидит за своим окошком № 3. Единственно в наблюдает за ней, потом встает и подходит.

Адилля. Я вас слушаю, товарищ Единственный.

Единственный. Опыт показывает, что можно сломить волю даже таких стойких людей, как я.

Он опускает перо в чернильницу и рисует перед тройкой на стекле единицу.

Адилля изумленно смотрит на товарища Единственного.

Единственный. Увы, товарищ Адилля. Вы удивлены, почему товарищ Единственный так пессимистично настроен?.. А вы знаете, сколько лет я работаю в почтовой системе? Ровно сорок один год. Сорок один год! Я прошел славный путь от сельского почтальона до заведующего городским почтовым отделением!.. Ну и что? Я говорю, ну и что? А мое будущее?.. Только вы можете мне помочь, товарищ Адилля...

Адилля. Я? Пожалуйста, чуть яснее, товарищ Единственный.

Единственнов. Совершенно верно. Говорить надо всегда ясно, открыто. В министерстве связи освободилось одно местечко, товарищ Адлия, место товарища Меликова. Товарищ Меликов вчера неожиданно скончался.

Адлия. То есть скончался официально?

Единственнов. Да. И в газетах писали. А я, вы и сами отлично это знаете, опытный и способный почтовый работник. Так вот, я говорю... Может, вы шепнете обо мне на ушко товарищу Иванову?

Адлия. А-а-а... Я подумаю, товарищ Единственнов.

Единственнов. Вы подумаете?

Адлия. Да.

Единственнов. Обо мне?

Адлия. И о вас тоже...

Единственнов. Большое спасибо, товарищ Адлия, большое спасибо! Обратите внимание, к вам посетитель.

К окошку Адлии подходит старик - профессор.

Подходит поближе Ибрагим и прислушивается.

Старик. Здравствуйте. Я – Алигулузаде. Есть для меня письмо?

Адлия. Сейчас посмотрю... Минуточку... Нет. Нет вам писем.

Старик. Нет? Не может быть. Категорически не может быть!

Адлия. Нет, в самом деле, нет. Ну, если хотите, я еще раз посмотрю... Так... А-ли-гу-лу-за-де... Нет!

Старик. У жены склероз! Целых шесть дней, как я присхал из Гянджи, а она все не пишет. Сказал ведь, пиши, чтобы я не беспокоился, так она до сих пор не написала! Я подам на развод!

Единственнов. Пожалуйста, не нервничайте, уважаемый товарищ Алигулузаде, не волнуйтесь. Придет письмо. Может, только сейчас пришло? Пойду посмотрю свежую корреспонденцию.

Старик. И я с вами.

Ибрагим. Еще раз здравствуйте, товарищ Адлия. Как дела?

Адлия. Неплохо, товарищ Ибрагим.

Ибрагим. О, товарищ Адлия, никто, кроме вас, не называет меня товарищем. Товарищ Единственнов всех называет «товарищ», всех, кроме меня... Я так ценю ваше уважение. Товарищ Адлия... У меня к вам большая просьба. Я

очень прошу вас помочь... Стесняюсь сказать... В общем, поговорите обо мне с товарищем Ивановым... Я оправдаю ваше доверие, товарищ Адлия!

Адлия. Знаешь, Ибрагим, мне почему-то кажется, что сейчас произойдет какое-то необыкновенное событие...

Ибрагим. Что произойдет?

Адлия. С утра у меня трепещет сердце в ожидании...

В почтовом отделении появляется Скрипач в черном фраке. Он идет прямо к Адиле. На этот раз его все видит, смотрят на него с изумлением. Он поднимает скрипку, собираясь играть. Адлия оглядывается, удивленно смотрит на Скрипача.

Ибрагим. Эй! Что такое?! Кто вы? Что это вы делаете? Товарищ Единственнов! Товарищ Единственнов!

Единственнов. В чем дело? Что случилось? Что вы делаете здесь со скрипкой? Кто вы такой? Кто знает этого товарища?

Ибрагим. Артист, что ли?! А чего ему тут делать?

Единственнов. Сюда посторонним вход воспрещен. На каком основании вы здесь появились?

Скрипач. Ну что же, если меня видят, значит, я больше не нужен. Я сделал свое дело и могу удалиться.

Единственнов. Ну вот. Все в порядке. Продолжайте работу, товарищи! Возьмите, товарищ Адлия, это свежие письма. Может быть, есть и уважаемому товарищу Алигулузаде.

Адлия просматривает письма. Она не видит, как некий мужчина входит в дверь. Этот человек хотя и похож на знакомого Адиле Мужчину, но все же чем-то отличается: и одет по-другому, и двигается не так. Он садится за стол, вынимает авторучку и задумывается над бланком телеграммы.

Адлия. Вот так письмо! Первый раз такое вижу! На конверте ничего не написано! Не написано, кому предназначается! Абсолютно чистый конверт, видите? Я, кажется, догадываюсь...

Единственнов. О чем догадываетесь, товарищ Адлия?

И тут Адлия видит мужчину, сидящего за столом, и бросается к нему.

Адлия. Пришло ваше письмо!
Мужчина. Мое письмо? Что за письмо?

А д и л я. Да, ваше! Пожалуйста! Это ваше письмо, не видите разве, что на конверте ничего не написано!

М у ж ч и н а. При чем тут я? И откуда вы меня знаете?.. Странно... С какой стати мне должны писать безымянные письма? Разве у меня нет имени?

А д и л я. Простите... Простите... Я, кажется, совсем потеряла голову... Я приняла вас за другого. Простите...

М у ж ч и н а. Что все это значит? Кто мне может это объяснить?

Е д и н с т в е н н о в. Товарищ Адиля, что с вами?

А д и л я. Ничего...

С т а р и к. Наверно, это мое письмо... Вскройте, взгляните, оно должно начинаться с «Алигулу-джан».

Е д и н с т в е н н о в. Сейчас. Дайте, пожалуйста, письмо, товарищ Адиля.

А д и л я. Пожалуйста.

Е д и н с т в е н н о в. Да, тут написано: «Алигулу-джан, здравствуй».

С т а р и к. Видите, мое! Я же говорил, у жены склероз, забыла на конверте имя написать! До свидания, спасибо вам, до свидания...

Е д и н с т в е н н о в. Товарищ Адиля, как вы себя чувствуете? Вы не больны?

А д и л я. Нет, не больна.

Е д и н с т в е н н о в. Я понимаю... Переволновались немного из-за этого странного письма?.. Что это вы пишете?

А д и л я. Я больше не волнуюсь. Все в порядке.

Е д и н с т в е н н о в. Тогда не буду вам мешать. Так вы подумайте, помните, о чем я вам говорил?

А д и л я. Нет, я ухожу.

Е д и н с т в е н н о в. Уходите? Домой? Ну что ж, я вам разрешаю. Пойдите домой, хорошенько отдохните. Что это? Заявление? По собственному желанию? Почему? Что случилось?

А д и л я. Я так решила.

Е д и н с т в е н н о в. Куда вы уходите? Не будете больше работать?

А д и л я. Буду, конечно. Буду работать, но только не с вами, товарищ Единственный.

Е д и н с т в е н н о в. Ха! Может, пойдете на завод?

А д и л я. Почему бы и нет? Не вы ли без конца твердите, что общественные интересы превыше личных?

Е д и н с т в е н н о в. Я... Да! Но...

А д и л я. Привет!

И б р а г и м. Что?

А д и л я. Прощайте!

Е д и н с т в е н н о в. Клянусь жизнью, вот это фокус!

И б р а г и м. Да психованные они все, товарищ Единственный.

Е д и н с т в е н н о в. Нет. Хитрюга она! Ибрагим!

И б р а г и м. Да, товарищ Единственный!

Е д и н с т в е н н о в. Знаешь, почему она уходит?

И б р а г и м. Понятия не имею...

Е д и н с т в е н н о в. Потому что ей предложили жирное место, понял?! Может, даже сам товарищ Иванов! Кто такую душуку упустит?

И б р а г и м. Вах! Хороша штука, клянусь здоровьем!.. Я и сам не прочь!..

Е д и н с т в е н н о в. Ибрагим!

И б р а г и м. Да, товарищ Единственный!

Е д и н с т в е н н о в. Не забывайся!

И б р а г и м. Есть, товарищ Единственный!

VI

А д и л я, поджидая Халила, сидит у себя дома на диване и курит сигарету. Рядом на полу стоит чемодан. Входит Х а л и л.

Х а л и л. Что так рано, моя душечка? Дай я тебя поцелую!

А д и л я. Нет. Не нужно, Халил.

Х а л и л. Хорошо, мамочка... Ой, ты опять куришь?! Это же так вредно...

Ради меня, пожалей свое здоровье.

А д и л я. Слушай, Халил...

Х а л и л. Ради Халила, поменьше кури, мамочка... Наверно, рано пришла и заскучала, да? А я так спешил, хотел что-нибудь приготовить для тебя, придешь с работы, поешь... Что это за чемодан? А, уже готовишься к отпуску? Ах ты моя умница! Ну, дай я тебя поцелую!.. Ну, просто не терпится твоему петушку!

А д и л я. Слушай, Халил, я ухожу...

Х а л и л. Это... Как понять?.. Куда уходишь, мамочка?

А д и л я. Навсегда ухожу, Халил.

Х а л и л. Как?.. Почему?

А д и л я. Я больше не хочу изменять, Халил.

Х а л и л. Если... если ты мне изменила... я... я прошу тебе это...

А д и л я. Подумай, что ты говоришь! Ты же мужчина, в конце концов. Я себе не хочу изменять, понимаешь ты? Себе. Я больше так жить не могу и не хочу, Халил. Ведь я не люблю тебя, совсем не люблю, и ты об этом знаешь.

Х а л и л. Но нам, мамочка, тебе... тебе...

А д и л я. Я больше не хочу этого, Халил. Я не хочу больше. Мы должны разойтись. Чтобы хоть чуточку уважать себя, мы должны разойтись. И ты не расстраивайся, Халил.

Х а л и л. Как это не расстраивайся?.. Как не расстраиваться... А ты... А зачем ты выходила за меня? Зачем?

А д и л я. Прости, Халил. Такую, как я, ты всегда найдешь.

Х а л и л. Найду, конечно, а через три года она меня оставит.

А д и л я. Дело не в тебе, Халил. Дело не только в тебе...

Х а л и л. Что я тебе плохого сделал, а?.. Всегда заботился о тебе, всегда о тебе думал, делал все, что ты говоришь... Мы ведь даже не ссорились по-настоящему, почему же ты теперь так поступаешь? Пожалей меня, не спеши. Какие хочешь условия создам тебе. А дочка, какие хочешь условия! Все куплю тебе, все сделаю. Смотри!.. Вот видишь сберкнижку? Ты об этом даже не знаешь, я тебе не говорил до сих пор, скрывал от всех!.. Тут у меня ровно три тысячи, А дочка, ровно три тысячи рублей. Всю жизнь собирал по копейке, все на тебя потрачу, все! Возьми, хочешь, прямо сейчас возьми, положи в свой чемодан!

А д и л я. Отпусти мою руку, Халил, отпусти. Ты унижаешь себя еще больше.

Х а л и л. Нет! Не пушу, не хочу, чтобы ты ушла! Не пушу! А я? Мне что делать? Может... может, у тебя есть другой? Я на все согласен, А дочка, на все согласен! Хочешь... хочешь... два дня в неделю не приходи домой!..

А д и л я. Пусти меня! Пусти!..

Адиля отталкивает Халила, хватая чемодан и уходит. Халил, прислонившись головой к спинке дивана, сидит, закрыв глаза... Время словно остановилось.

С т а р у х а. Ну и ну!.. Нитки кончились, не смогла довязать носок. Может, и хватит?.. Только это и делаю весь год... Лучше уж пойти сыновей навестить. Пойду всех четверых проведу. Матерью зовусь, а раз в год их вижу. Двенадцать внуков у меня. Пойду-ка навещу всех разом. Прямо сейчас встану и пойду!..

Халил открывает глаза, лихорадочно что-то ищет. Обшаривает карманы брюк, пиджака, обыскивает диван. Шарит по столу. Наконец видит сберегательную книжку на полу, поднимает ее и кладет в нагрудный карман пиджака...

VII

По улице неторопливо, с достоинством, с папкой под мышкой движется Е д и н - ст в е н н о в. Его догоняют З у л е й х а и Г ю л ь з а р.

З у л е й х а. Товарищ Единственный! Товарищ Единственный!

Е д и н ст в е н н о в. Вы ко мне, товарищи?

З у л е й х а. Да! Я к вам, товарищ Единственный!

Г ю л ь з а р. Здравствуйте, товарищ Единственный.

Е д и н ст в е н н о в. Здравствуйте.

З у л е й х а. У меня к вам просьба, товарищ Единственный.

Е д и н ст в е н н о в. Я никогда не оставался равнодушным к просьбам моих сограждан. Слушаю вас.

З у л е й х а. Возьмите меня работать на место Адили.

Г ю л ь з а р. Говорят, в вашем почтовом отделении происходят таинственные явления. Просто чудеса.

З у л е й х а. Может, и мне повезет, увижу кое-что и я.

Е д и н ст в е н н о в. В наше время разве можно верить в чудеса? Ай-яй-яй... С вами надо бы разъяснительную работу провести... Жаль, времени нет... А где сейчас товарищ Адиля?

Г ю л ь з а р. Она живет у матери.

Е д и н ст в е н н о в. И где работает?

З у л е й х а. Где-то работает. Мы пока не знаем. Ну как, товарищ Единственный? Берете меня на место Адили?

Е д и н ст в е н н о в. А вы... вы тоже знакомы с товарищем Ивановым?

З у л е й х а. С Ивановым?..

Г ю л ь з а р. Говори, что знакомы!

З у л е й х а. Ах, вы о товарище Иванове. Ну, конечно, а как же? Адиля успела меня с ним познакомить...

Е д и н ст в е н н о в. Правда?

З у л е й х а. Зачем мне врать?

Е д и н ст в е н н о в. Ну, тогда завтра выходите на работу! Для меня не может быть лучшей характеристики... А пока – всего вам доброго, товарищи!

З у л е й х а. Пошли, Гюля. Может, мне повезет, а потом и твоя очередь настанет.

VIII

Почта. Каждый занят своим делом, и всё по-прежнему. Только на месте Адили сидит Зулейха. Лениво перебирает письма. Появляется Скрипач в черном фраке и сразу направляется к Зулейхе. Его, как и прежде, никто не замечает. Он поднимает скрипку и начинает играть. Мужчина в белой сорочке, черном костюме и черном галстуке подходит к Зулейхе.

Мужчина. Здравствуйте...

Зулейха. Здравствуйте.

Единственныхов. Ибрагим!

Ибрагим. Да, товарищ Единственныхов!

Единственныхов. Время перерыва!

Ибрагим. Сию минуту, товарищ Единственныхов! Перерыв, товарищ, нельзя... Перерыв...

Мужчина. Есть письмо для меня?

Зулейха. Для вас? Сейчас посмотрю... Нет, вам нет письма...

В дверях почтового отделения появляется профессор Алигулузаде.

Ибрагим не пускает его:

— Нельзя, обеденный перерыв.

Профессор. Нельзя? То есть как нельзя! Я профессор Алигулузаде! Через некоторое время начнется моя роль! Как это нельзя?

Единственныхов. Ибрагим!

Ибрагим. Есть, товарищ Единственныхов!

Единственныхов. Впусти уважаемого товарища Алигулузаде.

Ибрагим. Есть, товарищ Единственныхов!

Единственныхов. Через некоторое время начинается роль уважаемого профессора Алигулузаде. Его спугают с Гамбаргулузаде, дадут ему его письмо. Уважаемый Алигулузаде снова придет ко мне жаловаться. Впусти его.

Ибрагим. Входите, пожалуйста, уважаемый товарищ Алигулузаде.

Старик входит и садится на стул в ожидании своей роли.

Мужчина между тем говорит Зулейхе в окошко:

— Смотрите внимательнее, прошу вас.

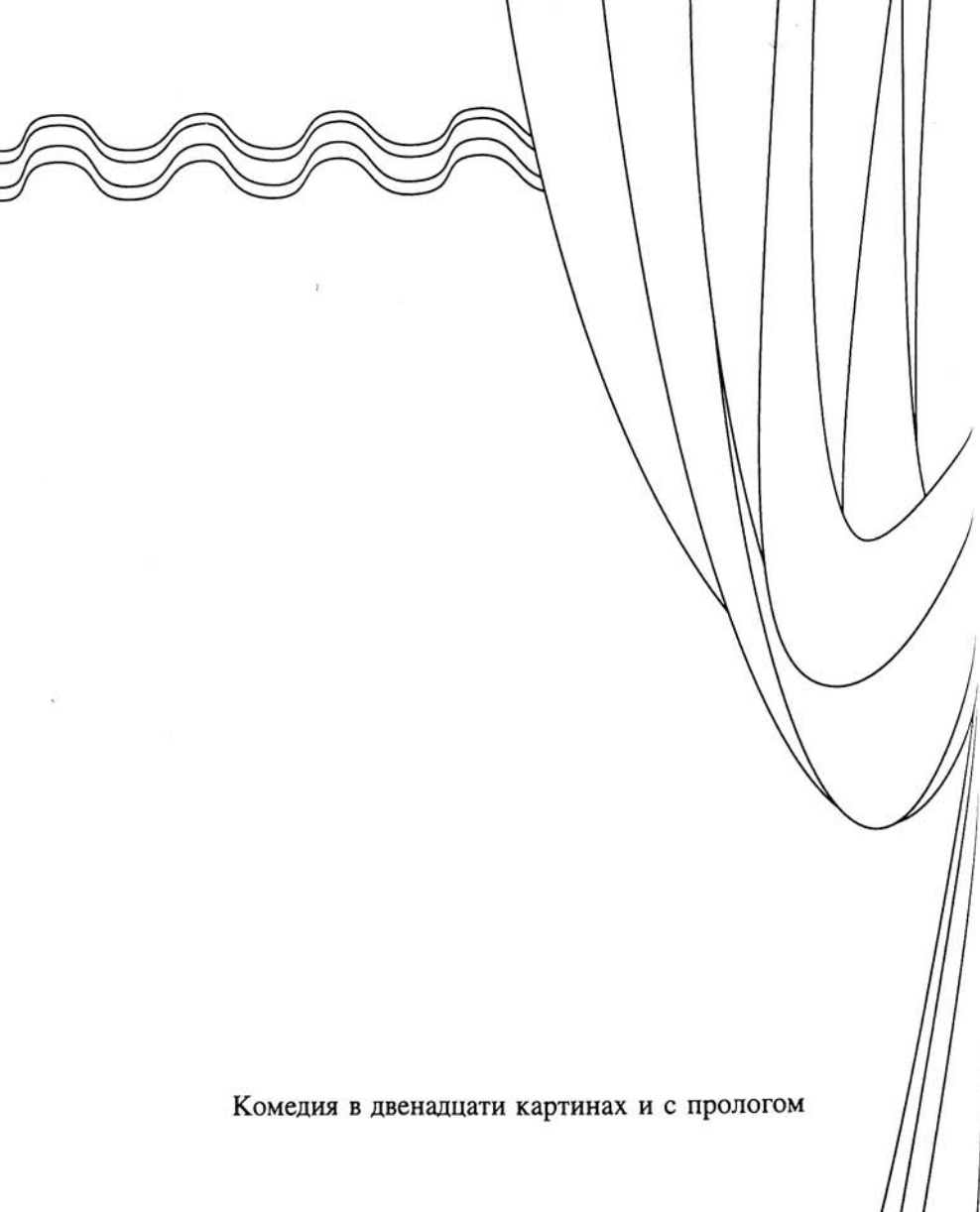
Зулейха снова начинает перебирать конверты. А Скрипач в черном фраке играет все громче...

ЗАНАВЕС

1970.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ ДЯДЯ!»

"Здравейте, аз
вам говоря!"

Добри

Комедия в дванадцати картинах и с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Директор.
 Ахмед.
 Сильвана.
 Главный режиссер.
 Актер.
 Секретарша.
 Молодая актриса.
 Автор.
 Творческий состав театра.
 Хор, в том числе участники хора:
 Аполлон, Каллиопа, Евтерпа, Талия,
 Терпсихора, Мельпомена, Полигимния,
 Эрато и др.

Место действия – город Баку.
 Время действия – февраль 1993-го года.

*Весь мир театр,
 Все люди в нем актеры.*

ПРОЛОГ

Перед закрытым занавесом луч света выхватывает мужскую фигуру в хитоне, в лавровом венке и с лирой в руках, как обычно изображают Аполлона. За ним в полумраке угадываются еще девять женских фигур, закутанных в темные плащи.

Аполлон (*торжественно*).

Рожден Театр под сенью дружных муз,
 И начинают музы эту пьесу.
 Друзья мои, прекрасен наш союз!
 Хоть не советский он, хвала Зевесу!

Но от Софокла и до наших дней
 Архонты, министерства и газеты,
 Считая, что они куда умней,
 Дают Театру важные советы.

Теперь мы к вам приходим в свой черед,
 Не поддаваясь времени угрозам...
 Я Мусает, по-русски – музовод.
 Пожалуйста, не путать с музобозом.

Погаснут лампы, все спешат домой,
 А мы живем в кулисах, словно тени.
 Меняются и зритель и герой...
 Но дух Театра навсегда на сцене.

Занавес открывается. Аполлон становится перед шеренгой женщин и начинает перекличку.

Аполлон. Мельпомена!

Мельпомена. Я!

Аполлон. Тебе поручается трагедия. (*Муза сбрасывает плащ и остается в традиционном одеянии.*) Талия!

Т а л и я. Я! *(Сбрасывает плац.)*

А п о л л о н. Займешься комедией. Евтерпа!

Е в т е р п а. Я! *(Сбрасывает плац.)*

А п о л л о н. На тебе лирика. Эрато!

Э р а т о. Я! *(Сбрасывает плац.)*

А п о л л о н. Гм, Ну ладно, возьмешь любовную лирику. Каллиопа!

К а л л и о п а. Я! *(Сбрасывает плац.)*

А п о л л о н. Ты постарше, займись эпосом. Полигимния!

П о л и г и м н и я. Я-а! *(Сбрасывает плац.)*

А п о л л о н. С тобой ясно: занимаешься пением. Терпсихора!

Т е р п с и х о р а. Я! *(Сбрасывает плац.)*

А п о л л о н. Никуда не денешься: танцы-пляски за тобой. Клио!

К л и о. Я! *(Сбрасывает плац.)*

А п о л л о н. Тебе поручается история. Ответственное дело. Урания!

У р а н и я. Я! *(Сбрасывает плац.)*

А п о л л о н. Ну, что тебе поручить? Ладно, возьми астрономию. Тоже искусство. Итак, цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!

Аполлон исчезает. Музы занимают свои места на сцене. Звучит музыка, они поют. У каждой из них есть в песне своя реплика, связанная с упоминанием ее имени или ее искусства. Временами они поют хором.

Музы *(поют)*:

В Афинах, Фивах и Микенах
Сливались мы в единый хор.
Эрато, Клио, Мельпомена...
Все девять муз, родных сестер.

И был у нас отличный зритель,
Простой античный человек.
Как вы на митинги спешите,
В театры рвался древний грек.

Вчера, сегодня, завтра
Есть волшебство Театра.
Там ненависть ужасней, прекраснее любовь!
Трагические маски,
Забавные гримаски...

Истории и сказки

Там оживают вновь.

Там танец с музыкою дружен,
К поэзии проложен мост.
И астрономия к тому же,
Чтоб выводить на сцену звезд.

И ценят люди нас и Боги,
Всем наша по сердцу игра.
Мы на все руки, на все ноги,
На все искусства мастера.

Вчера, сегодня, завтра
Есть волшебство Театра.
Там ненависть ужасней, прекраснее любовь!
Трагические маски,
Забавные гримаски...
Истории и сказки
Там оживают вновь.

Живут на сцене и донны,
Пройдя сквозь множество времен,
Старухи, девки и богини,
Бездельник, трус и фанфарон.

И зритель рад, когда героя
Врага удастся обмануть.
Наряд меняется порою,
Но остается прежней суть.

Вчера, сегодня, завтра
Есть волшебство Театра.
Там ненависть ужасней, прекраснее любовь!
Трагические маски,
Забавные гримаски...

Истории и сказки
Там оживают вновь.

Пусть наступают перемены,
Пусть проходят сотни лет...
Но вот опять открыта сцена,
Волшебный вспыхивает свет.

И мы к тебе приходим сами
И открываем к счастью дверь...
Так плачь и смейся вместе с нами
И правде вымысла поверь!

Вчера, сегодня, завтра
Есть волшебство Театра.
Там ненависть ужасней, прекраснее любовь!
Трагические маски,
Забавные гримаски...
Истории и сказки
Там оживают вновь.

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Театральная сцена и пространство за сценой.

Актер (Отелло), Сильвана (Дездемона), Главный режиссер,
Ахмед, Молодая актриса, Секретарша и другие работники
театра.

Наша сцена разделена на две части: половина – театральная сцена, а вторая половина
слева – пространство за сценой. Идет спектакль «Отелло», и мы видим только спек-
такль, а голоса, реакцию зрителей только слышим. За сценой – рабочие, театральные
люди.

Отелло. Молчи!

Дездемона. Молчу, но что произошло?

Главный режиссер (глядя на спектакль из-за сцены). Ну вот, опять
она руку поднимает!.. Пятьдесят лет ей говорю, не поднимай в этом месте руку!

Ахмед (глядя на спектакль из-за сцены, Главному режиссеру). Пятьдесят
лет?

Главный режиссер (зло). Даже больше!

Ахмед. Ей в лицо это скажете?

Главный режиссер (грозя Ахмеду пальцем). Умный нашелся.

Отелло. Ты подарила Кассио на память подарок мой, платок.

Дездемона. Неправда, нет!

Молодая актриса (глядя на спектакль из-за сцены). Ой!.. Разве
это так нужно? (Входя в роль.) «Неправда, нет...» Вот как!

Дездемона. Спроси у Кассио... (Громким шепотом, за сцену.) Поти-
ше вы там! Души спасенем клянусь, что нет!

Отелло. Прелестная богиня...

Молодая актриса. Да уж, прелестная!..

Ахмед. О-о-о!..

Отелло. Опомнись, берегись, не будь клятвoprеступницей, это твой
смертный одр.

Дездемона. Как всякий смертный одр когда-нибудь...

Молодая актриса. Ой! Ты послушай, как она говорит, а!.. «Как
всякий смертный одр когда-нибудь». Вот так! Я просто должна играть Дездемо-
ну! Я! Именно я!

Дездемона (тихо прикрикнула за сцену). Опять базар устроили там?!

Отелло. Нет, ты умрешь сегодня, поэтому не затягивай...

Главный режиссер. Сам затягивает! Сам! Динамики нет!

Ахмед. Потому что нет динамита!

Главный режиссер. Что? Какого динамита?

Ахмед. Обыкновенного динамита. Чтобы к черту взорвать этот театр! И
создать на его месте новый!

Главный режиссер. Послушай-ка! Ты где сейчас, по-твоему?

Ахмед. В театре!

Главный режиссер. Время митингов прошло! Советская власть
уже кончилась! Теперь мы строим свою независимую демократию!

Ахмед. А вы и теперь повторяете слова нашего директора? А когда вы
скажете что-то свое?

Главный режиссер (показывает на сцену). Вон это мое, смотри!

Ахмед (оглядывая сцену). Вашего там нет!.. Там несчастный Шекспир в
гробу переворачивается...

Отелло. Сейчас же исповедуй все грехи. Не отрицай их, это не помо-
жет. Я знаю все.

Главный режиссер. Темп! Темп!
 Отелло. Хоть это выше сил, но ты умрешь.
 Дездемона. Тогда о жалься, небо!
 Молодая актриса. «Тогда о жалься, небо!» Вот так! Нет, я! Я должна играть Дездемону! Шекспир написал эту роль для меня!
 Ахмед. Ничего, здесь не дают, в Англии сыграешь...
 Молодая актриса. И сыграю! И в Англии сыграю! И в Америке!
 И ты мне тоже завидуешь!

В течение всех этих дебатов спектакль на сцене продолжается, но мы только видим движения Отелло и Дездемоны, голосов их не слышим.

Ахмед. Я?
 Молодая актриса. Да, ты!
 Ахмед. По-твоему, я тоже собираюсь играть Дездемону?
 Молодая актриса. Нет. Ты Отелло хочешь играть, но тебе тоже роли не дают, потому что у тебя дяди нет!
 Ахмед. А ты откуда знаешь?
 Молодая актриса. Если бы был, то давно дали бы. У тебя дяди нет, поэтому не дают. И мне Дездемону не дают, потому – что Сильвану боятся!
 Дездемона. Сошли меня в изгнание, но жить оставь.
 Отелло. Обманщица, умри!
 Молодая актриса. Вот так! Правильно.
 Секретарша (*торопливо входит на сцену*). Имейте в виду! Собрание!
 Главный режиссер. Какое собрание?
 Секретарша. Директор собирает коллектив. Как спектакль закончит-ся, срочное собрание!
 Главный режиссер (*тихо*). Искусство идет к черту, а этому партократу срочное собрание!
 Дездемона (*тихо прикрикивает в сторону пространства за сценой*). Сумасшедший дом, кланюсь, сумасшедший дом! Дай эту ночь прожить... (*Тихо за сцену*.) Заткнитесь... Отсрочь на сутки.
 Молодая актриса (*закрывает лицо обеими руками*). Ой, мама!..
 Секретарша. Что «ой мама»? Человек собрание созывает!
 Отелло. Сопротивляться?!
 Главный режиссер. Слушай, ну не так же! Не так! Это ведь храм искусства!
 Ахмед. Это кухня искусства!

Главный режиссер. Довольно!
 Секретарша. Собрание!
 Дездемона. Только полчаса!
 Секретарша (*по-своему тихо повторяет слова Дездемоны*). «Только... полчаса...» (*Придя в себя громко*.) Собрание!
 Отелло. Нет, поздно, решено.
 Секретарша (*делая знаки артистам, играющим на сцене*). Давайте, давайте! Кончайте быстрее! Собрание!
 Дездемона. Еще минуту, дай помолиться...
 Секретарша (*в мире грез*). «Дай... помолиться» (*Придя в себя*.) Быстрее! Кончайте! Собрание!
 Отелло. Поздно чересчур. (*Душит Дездемону*.)
 Молодая актриса. Бедная Дездемона отмучилась!..

Опускается занавес на сцене, где шло действие. Аплодисменты зрителей.

Сильвана (*актриса, игравшая роль Дездемоны, поднимается, проходит за сцену*). Это не театр, а сумасшедший дом! Не знаешь, пьесу играть или вас тут слушать?! Я буду жаловаться!

Аплодисменты зрителей.

Откройте занавес!

Секретарша. Собрание!
 Сильвана (*зло*). Занавес, я сказала! (*Пришедшему со сцены Актеру, игравшему Отелло*.) Возьми меня за руку, пошли вперед!

Поднимается занавес сцены, где шел спектакль. Сильвана и Актер, держась за руки, улыбаясь, выходят на авансцену, кланяются.

Секретарша. Ну опустите же занавес! Сейчас у нас собрание.

Занавес опускается. Сильвана и Актер возвращаются за сцену.

Сильвана (*в яростном волнении*). Я премьер-министру напишу! Самому премьеру!

Ахмед (*с иронией*). Тем более, что он хорошо вас знает...

Сильвана (*не обращая внимания на иронию в его словах*). Еще бы! В Азербайджане нет человека, который меня не знает! (*Бросив сердитый взгляд на Молодую актрису*.) В отличие от некоторых!..

Слышатся отдельные хлопки зрителей.

Откройте занавес!

Секретарша. Собрание!

Сильвана (*властно*). Открыть занавес! (*Актрису*.) Руку – и вперед! Занавес!

Снова поднимается занавес на сцене, где шел спектакль. Сильвана и Актер, держась за руки, улыбаясь, выходят на авансцену и кланяются.

Секретарша (*тихо*). На нее посмотри! Ведьма!.. (*Громко*.) На собрание! Весь творческий состав – на собрание!

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Приемная, кабинеты Директора и Главного режиссера.

Секретарша, Директор, Главный режиссер, Ахмед, Сильвана, Актер, Молодая актриса, Автор и другие члены творческого состава театра. Посреди сцены – приемная, где сидит Секретарша, справа – кабинет Директора, слева – Главного режиссера. Мы видим все события, происходящие в этих трех кабинетах. Директор сидит в кабинете за письменным столом. Театральный люд, проходя по одному через приемную, входит в кабинет, рассаживается где попало. Секретарша, сидя за своим столом в приемной, говорит по телефону.

Секретарша (*в телефонную трубку*). Не может быть!..

Ахмед (*входя в приемную*). Что?

Секретарша. Проходи! (*В телефонную трубку*.) Я не с тобой!..

Сильвана (*в гриме и наряде Дездемоны с ворчанием входит в приемную*). В каком театре мира это видано, а? Спектакль не кончился – собрание! Отрывка тоталитарного режима!

Секретарша (*вслед Сильване, заходящей в кабинет*). Тоталитарный режим... Тоталитарный режим... Тебе-то кроме хорошего он ничего не сделал, помолчала бы ведьма! (*В телефонную трубку*.) Нет, я не с тобой!..

Актер (*в гриме и наряде Отелло входя в приемную*). Нет, Яго, никогда! Как в Черном море холодное течение день и ночь несет неуклонно к Геллеспонту, так собрание доконает нас! (*Ни на кого не реагируя гордым шагом проходит в кабинет Директора*.)

Секретарша. Какова Дездемона, таков и Отелло! А как же!.. (*В телефонную трубку*.) Да нет, слушай, нет!..

Главный режиссер, войдя в приемную, вынимает из кармана ключ и открывает дверь своего кабинета.

(*Громко*.) Собрание! Все на собрание!

Главный режиссер. Сейчас. В «Гамлете» есть одно место, надо посмотреть, сейчас... (*Проходит в свой кабинет*.)

Директор. Побystрее... Побystрее, товарищи... Э-э-э... Извините, господа!.. Садитесь!..

Театральный люд рассаживается в кабинете директора

(*Стоящему на ногах Ахмеду*). Ты тоже садись!

Ахмед (*показывая на Сильвану*). Ну что вы. Это место для прекрасной дочери сенатора Брабанцио юной Дездемоны!

Сильвана (*гневно*). Это хулиганство! (*Директору*.) Как вы допускаете такое безобразие!

Директор (*тихо*). Не переживайте, мало осталось!..

Ахмед. А что я такого сказал?

Главный режиссер, стоя в дверях у себя, прислушивается в сторону приемной, потом быстрым шагом приблизившись к письменному столу, торопливо вытаскивает из тумбочки стола бутылку водки, рюмку, налив в нее водки, внимательно смотрит на рюмку, потом доликает доверху и одним духом выпивает.

Директор. Так, товарищи!.. Э-э-э... Извините... Господа! Мы сочли нужным созвать срочное собрание по чрезвычайно важному вопросу!..

Ахмед (*с иронией*). И теперь сразу дела у нашего театра поправятся! Все проблемы решаться!

Директор (*с иронией*). Театра – не знаю, но твои проблемы скорей всего решатся!

Молодая актриса. Ему что, Отелло дают?

Актер. Что?

Молодая актриса. А я?

Сильвана (*с иронией, в сторону Молодой актрисы*). Ну и ну! Ты посмотри на что она претендует, Дездемона!.. Бедный Шекспир!..

Секретарша (*в телефонную трубку*). Вай-вай-вай!.. Так сказал?

Главный режиссер, поставив на место бутылку с водкой, рюмку, быстрым шагом входит в приемную.

Главный режиссер. Уже начали?

Секретарша. Давно!..

Главный режиссер входит в кабинет директора.

Ахмед (*кивая в сторону Главного режиссера, с иронией*). Слава Богу, за работу этого собрания можно не волноваться!

Главный режиссер (*грозит пальцем*). Слушай, ты!..

Директор. Так, то... Э-э-э... Дамы и господа! Вы знаете, что мы начали строить демократическое общество. С тоталитарным режимом уже покончено! Я всегда был сторонником демократии.

Актер (*тихо*). Особенно когда работал в ЦК...

Актриса (*тихо*). И не говори...

Актриса (*тихо*). Как только меня видел, всегда свидание назначал.

Директор. Что вы говорите?

Актер. Так... Мы не с вами... А вдруг и правда я вам подчинюсь? Что скажет дож?

Директор. Поэтому и сегодня я не выношу единоличных решений. Решение мы должны вынести вместе. После общего обсуждения, естественно. В демократическом обществе надо работать коллегиально и только коллегиально. Дело вот в чем...

Секретарша (*в телефонную трубку*). О-о-о!..

Ахмед (*тихо, Молодой актрисе*). Скажи, Дездемона, о чем ты мечтаешь?

Молодая актриса (*в мире грез*). Я полюбила мавра, чтоб везде быть вместе с ним. Стремительностью шага я это протрубила на весь мир... (*Придя в себя*). Довольно!

Директор. Финансовое положение нашей суверенной республики очень нелегкое. Недавно звонили из ЦК... Э-э-э... Извините, из кабинета министров... Бюджет исчерпан. В связи с борьбой, которую мы ведем за независимость, это, конечно, естественно.

Актер (*тихо*). Великий борец за независимость!..

Пактер (*тихо*). Фанат бюджета!..

Актриса (*тихо*). Гигант!..

Директор (*в их сторону*). Что вы говорите там?

Актер. Ничего... Мы не с вами... Всевластная привычка, господа, суровости походного ночлега мне превращает в мягкий пуховик.

Директор. Короче говоря. Минфин в очередной раз не утвердил нашу смету. Надо уменьшить фонд зарплаты... И значит, сократить еще одного человека. (*Пауза*). Из творческого коллектива. (*Пауза*.)

Актер. За стражей, Кассью, нужен строгий глаз, смотрите, чтоб они не загуляли.

Секретарша (*в телефонную трубку*). Погоди минутку... (*Кладет телефонную трубку на стол и, наклонившись, заглядывает в замочную скважину закрытой двери директорского кабинета*.)

Директор. Прошу вас! Высказывайте свои мнения! (*Оглядывает по одному участников, и театральный люд тоже по одному отводит от него глаза*.) Мы должны вступать в демократическое общество коллегиально! Ну? Одно человека нужно сократить! (*Пауза*.) Высказывайтесь.

Секретарша (*заглядывая в замочную скважину*). О-о-о!.. (*Быстро подходит и поднимает лежащую на столе трубку*.) Подожди немного. У нас важный посетитель. Нет... Из президентского аппарата! Подожди! (*Снова кладет на стол телефонную трубку, подходит к двери и, наклонившись, заглядывает в замочную скважину*.)

Директор. Ну я вас слушаю!

Главный режиссер (*тихо*). Прежде всего тебя и надо сократить! (*Пауза*.)

Секретарша. Вот так вы все и прикусили язык! (*Пауза*.)

Директор. Коллегиально! Только коллегиально!.. Когда из ЦК... Э-э-э... Нет, из кабинета министров звонили, я так и сказал! Мы коллегиально идем к демократическому обществу! Пожалуйста!

Сильвана (*с неожиданной страстью*). Дамы и господа! Мы должны избавить театр вот от этого человека! (*Показывает пальцем на Ахмеда*.) Нам дорого наша независимость! Мы не имеем права, выплачивая зарплату подобным людям, наносить удар по бюджету нашей республики! Выплачивая зарплату

ту подобным людям, мы льем воду на мельницу наших врагов! Империя снова пытается поднять голову, мы не можем это позволить!

Секретарша. Ахмед пропал!

Сильвана. Я говорила и еще повторю, еще скажу! Я с ним никогда не выйду на сцену! А он еще претендует на Отелло!

Актер. С Отелло шутить нельзя!..

Сильвана. Это вульгарный тип!.. Он обо мне сказал... Сказал...

Молодая актриса (*торопливо*). Сказал, что Дездемона – ровесница моей бабушки!

Сильвана (*хватается за голову*). Ах!..

Директор (*Ахмеду*). Жаль, что я демократ! А то бы... (*Творческий кол-лектив не может скрыть радость от того, что опасность сокращения их миновала*).

Актер. Я-я-яй!..

Актриса. Нет, ну он очень груб!.. Очень!..

Ассистент. Надо ценить искусство!

Актриса. В искусстве надо быть серьезным!..

Актер. Так ведь нельзя!..

Актер. Любовь Орлова, между прочим, в семьдесят лет играла роль пятнадцатилетней девочки!..

Сильвана (*зло*). Что ты хочешь этим сказать!

Актер (*испуганно*). Нет... Я же говорю про Ахмеда, он не понимает, что говорит!..

Директор. Спокойно, товарищи!.. Э-э-э... Извините, господа!..

Главный режиссер. Добавлю, что, по доходящим до меня сигналам, он (*показывает пальцем на Ахмеда*) частенько ошивается по ресторанам... Искусство не совместимо с водкой!

Актриса. Правильно! (*Потом отворачивает лицо от сидящего рядом Главного режиссера*.) Фу!..

Ахмед. Послушайте! Послушайте меня одну минуту! Господа! Ну чего я хочу?! Я хочу, чтобы наш театр был настоящим театром! Подлинным очагом искусства!

Актриса (*тихо*). А он дело говорит!..

Ассистент (*тихо*). Ну и что, подумаешь, дело.

Директор. Хватит! Мало ли, что я демократ! Все имеет свои пределы!

Ахмед. Какие пределы? Я, хочу, чтобы в нашем театре был деловой, честный директор!

Главный режиссер (*непроизвольно*). Правильно!

Директор. Что?

Главный режиссер (*пытаясь исправить свою ошибку*). Э-э-э... ну правильно, этому человеку (*показывает на Ахмеда*) не место в театре.

Ахмед. Я хочу чтобы у нас был мыслящий главный режиссер. Я уважаю Шекспира, но нельзя же каждый день «Отелло» играть!

Актер (*взрываясь*). Постыдился бы этот человек! Постыдился бы!

Ахмед. Я мечтаю о богатом репертуаре. Чтобы бездарным людям с их претензиями здесь не было места. Чтобы мы обходились без политических спекуляций!

Актер (*снова взрываясь*). А где ты был, когда мы на площади Свободы глотки драли против советской империи?!

Ахмед. Я хочу, чтобы Дездемону...

Сильвана (*прерывая его, кричит*). Лишить его слова!

Актер. Позор!

Ахмед. У кого-то есть «рука»? У кого-то имя! Наглцов и демагогов боитесь!

Директор. Довольно! Демократия – не значит анархия! Мы не будем терпеть этих оскорблений!..

Секретарша (*поглядывая в замочную скважину*). Пропал Ахмед, пропал, как Ашхабад!

Молодая актриса. Он и меня не признает! Говорит, хоть в Америку поезжай, Дездемоны из тебя не выйдет, говорит, ты и там с голоду помрешь!..

Сильвана (*тихо*). Ну это-то он правильно говорит!..

Директор. Он по существу не признает демократию!

Актер. Нет, не может быть!.. Неужели?

Директор. Уверяю вас!

Актер. Все дело в том, что этого человека (*показывает на Ахмеда*) не трогает судьба его народа! Когда мы дни и ночи проводили на площади Свободы, он с нами не общался! Я уже не говорю о притязаниях на роль Отелло!..

Директор. Ясно, товарищи... Э-э-э... Извините! Господа!

Ахмед. Послушайте меня одну минутку!

Сильвана. Нельзя давать ему слова!

Директор. Ясно!

Главный режиссер. Искусство с ресторанами не совместимы!
Или водка, или искусство! Сцена требует аскетизма!

Актёр. Народ надо любить! Нужно быть преданным народу!..

Главный режиссер. Нравственная чистота! Вот в чем вопрос!

Директор. Ставлю на голосование! Кто за то, чтобы сократить Ахмеда, поднимите руку.

Ахмед. Это потому, что у меня «руки» нет! Вы меня сиротой считаете...

Директор. Голосуем!

Все, даже Секретарша, стоящая за дверью согнувшись и заглядывая в замочную скважину, поднимают руку.

Единогласно! (Ахмеду). В связи с финансовыми трудностями нашей республики вы попадаете под сокращение штатов! Мы надеемся, что вам удастся найти себе работу в другом месте!..

Ахмед. Ладно. А вот что вы скажете моему дяде?

Автор с портфелем в руке входит в приемную и удивленно смотрит на Секретаршу, которая, склонившись, заглядывает в замочную скважину.

Директор. Кому?

Ахмед. Моему дяде!

Директор (несколько встревоженный). Какой дядя? Кто это твой дядя?

Ахмед. Мой дядя – это мой дядя, да! Что вы ему скажете?

Вы что думаете, что у меня за спиной никого нет?

Автор все так же стоит, глядя на склонившуюся Секретаршу.

Сильвана. Ха-ха!.. Испугались мы его дяди!

Директор. Ты нас всякими дядями не пугай. Тоталитарный режим кончился! Теперь мы строим демократическое общество! Можете идти!

Ахмед. Мой дядя...

Секретарша (все еще склонившись перед Автором, заглядывая в замочную скважину). Был бы дядя, кто бы тебя тронул, несчастный!

Директор. Собрание объявляю закрытым!

Секретарша, поспешно выпрямившись, намеревается пройти к своему столу и сталкивается с Автором.

Секретарша (вздвигнув). Ой!.. Что вы делаете у меня за спиной? А? У меня жених есть!..

Автор. Я... Я задумался над новым произведением...

Секретарша. А почему у меня за спиной? А? Почему пришли в такое время?

Автор. Главный режиссер назначил. У нас творческая встреча.

Секретарша (поднимая лежащую на столе телефонную трубку). Да, алло! Да так, ерунда... Ахмеда сократили... (Зло.) Конечно, Ахмеда!.. Ведь не меня же! Он тут цепляется ко всем. Театр собирался поднять... (Смеется.) Теперь пусть на вокзале мешки поднимает!

Актёр (вставая, не обращая ни на кого внимания). Я в ней уверен, как в себе самом.

Но к делу. Попечению твоему

Я поручаю, Яго, Дездемону... (Уходит).

Ахмед. Мой дядя этого дела так не оставит!

Молодая актриса. Пламенный привет от нас твоему дяде!

Ахмед. Ладно. Вы слышите? Пойдите, лейтенант! Монгано! Господа, остановитесь! Опомнитесь! (Выходит в приемную).

Секретарша. Что?

Ахмед. Да вы никак ослепли в самом деле.

Секретарша (в телефонную трубку). Кажется, бедняга чокнулся...

Ахмед. Вот придет сюда мой дядя, тогда увидим, кто из нас чокнулся!

Секретарша. Ах, бедняга! Будь у тебя такой дядя, попал бы сейчас под сокращение, а?

Ахмед. Ну, увидите!

Директор (глядя ему вслед сквозь открытую дверь). Что он там несет?

Какой генерал?

Главный режиссер. Это не он говорил.

Директор (удивленно). Не он говорил? А кто?

Главный режиссер. Шекспир! Это слова Яго! (Выйдя в приемную, видит давно стоящего с портфелем в руке Автора.) О-о-о!.. Дорогой друг!.. Ты здесь?!

Директор. Яго? Ей-Богу, театр – и все тут!..

ХОР:

Заглушают веселые скрипки
Королевской охоты рога...
Совершает влюбленный ошибки,
Исправляет их верный слуга.

Вновь обманут глупец Панталоне
И доволен шутник Арлекин.
Коломбина смеется влюбленно,
И хохочут с ней все, как один.

Как оживляют сцену
Грустный наивный Пьеро,
Вечные плутни Скапена,
Бодрый ловкач Фигаро.

Дамы, субретки и девы,
Вальс, менуэт и гавот...
Где вы, прелестные, где вы?
Зал с нетерпением ждет!

Канделябры бросают на сцену
Теплый блеск оплывающих свеч.
И любитесь зал откровенно
Стройным станом и мрамором плеч.

Крики «браво» несутся с балкона,
И хлопки раздаются из лож...
Улыбаются в зал примадонна,
Вызывая восторги вельмож!

Как оживляют сцену
Грустный наивный Пьеро,
Вечные плутни Скапена,
Бодрый ловкач Фигаро.

Дамы, субретки и девы,
Вальс, менуэт и гавот...

Где вы, прелестные, где вы?
Зал с нетерпением ждет!

Вчера, сегодня, завтра
Есть волшебство Театра.
Там ненависть ужасней, прекраснее любовь!
Трагические маски,
Забавные гримаски...
Истории и сказки
Там оживают вновь...

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Приемная, кабинеты Директора и Главного режиссера.
Секретарша, Директор, Главный режиссер, Молодая актриса, Дядя.

Директор, сидя перед телевизором в кабинете, смотрит футбол. Главный режиссер аккуратно накрывает для себя стол в своем кабинете. А Секретарша, сидя за своим столом, говорит по телефону.

Секретарша. Не может быть! Заскочил в шифоньер?
Директор (*вскакивает с места*). Бей! Бей! Ах ты!.. (*Схватившись за сердце, садится на место*.)

Молодая актриса (*читая по тетради, которую держит в руке, входит в приемную*). Элс эрайс джентл Касси!.. Май адвекейшен из нот нау ин тыон... (*Направляется в сторону кабинета директора*.)

Секретарша. Шеф занят! (*В телефонную трубку*.) Я не с тобой...
Молодая актриса (*продолжая читать, хочет открыть дверь кабинета Директора*). Май лорд из нот май лорд...

Секретарша. Я же сказала, он занят! Читает произведение!
Молодая актриса. Я буду стоять здесь и ждать, когда он освободится.

Секретарша (*зло*). Жди! (*В телефонную трубку*.) Я не с тобой. Что делать, ни минуты не дают поговорить по важному делу! Это просто театр!
Молодая актриса (*старается вызубрить*). Май лорд из нот май лорд!..

Секретарша (в телефонную трубку). Да так... (Тихо.) Есть тут одна, роль Дездемоны на английском языке заучивает. Видно, надеется, что за границей играть будет... (Смеется.) И не говори!..

Директор (вскакивает с места). Ну бей же! Чего ждешь?! Бей! (Хватается за сердце, садится.) Болван несчастный!..

Молодая актриса. Но-о-о шулд ай ноу хим...

Главный режиссер неслышными шагами подходит к двери своей комнаты, прикладывает ухо к двери и внимательно прислушивается, потом приблизившись к письменному столу, достает из тумбочки водку, глядя в сторону двери, наливает в рюмку.

Директор. Бей!..

Дядя входит в приемную, с любопытством оглядывается по сторонам.

Дядя. Здравствуйте!

Секретарша. Здравствуйте, я не с тобой! (В телефонную трубку). Так... Пришел какой-то тип... На бывшего цекашника похож...

Дядя направляется к директорской двери.

Секретарша. Нельзя! Он читает произведение!

Молодая актриса. Май лорд из нот май лорд...

Дядя (Молодой актрисе). Что?

Молодая актриса (не обращая внимания). Но-о-о шулд ай ноу хим...

Секретарша (в телефонную трубку). Ой!.. (Громко смеется и, увидев, что Дядя направляется к кабинету Главного режиссера, громко.) И туда нельзя!

Дядя. Почему!

Секретарша. Он работает!

Дядя. Над чем работает?

Секретарша. Над «Гамлетом»! А в общем вам-то что до этого? Кто вы вообще такой?

Дядя. Я?

Секретарша. Да, вы.

Дядя. Дядя.

Секретарша. Кто это – дядя?

Дядя. Ну, дядя, просто дядя!

Секретарша (глубоко вздыхает). О господи, откуда такие находят нас?! Как будто у нас своих мало!

Главный режиссер опрокидывает рюмку.

Дядя (сначала внимательно смотрит на Молодую актрису, потом вынимает из кармана старинные часы). Старые стали. Испортились.

Секретарша. Часы у него испортились, сам как будто в полном порядке... (В телефонную трубку.) Я не с тобой...

Директор (вскакивает с места). Ну бей же, ишак, бей! Бей!

Дядя (Молодой актрисе). Который час, красавица?

Молодая актриса (не обращая внимания). Вуэ хи ин фейва... эс ин хьюма олтед...

Дядя. Что?

Молодая актриса (не обращая внимания). Эс ин хьюма олтед...

Секретарша (в телефонную трубку). Не может быть?! И в одних трусиках? Вай-вай-вай!.. (Громко смеется.)

Молодая актриса (наизусть). Май лорд из нот май лорд...

Дядя (Секретарше). Я который час спрашиваю, а она что говорит?

Секретарша, показывая на Молодую актрису, вертит пальцем у своего виска, мол, у нее в голове не хватает. Дядя показывает на свою голову.

Да?

Секретарша. Да!.. (Увидев, что Молодая актриса смотрит на нее, поспешно взглядывает на свои часы.) Четвертый час.

Молодая актриса (зло). До ночи отсюда не уйду! Со хелп ми эври... спирт... сенгифайд...

Директор (вскакивает с места). Ну, держи! Держи! Ох! (Хватается рукой за сердце.) Прозевал! Ты что – Горбачев?

Дядя. О-о-о? Четвертый час? Уже поздно! Больше я ждать не могу! Отложим на завтра! В три часа Мехтигулу-бек должен был мне звонить из Штатов!.. (Поспешно собирается уходить.)

Молодая актриса. Со хелп ми эврию... (Неожиданно вздрагивает.) Откуда?

Дядя (останавливается). Ну из Америки, из Лос-Анджелеса.

Молодая актриса (как бы не веря своим ушам). Из Лос-Анджелеса?

Дядя. Ну да. Мехтигулу-бек.

Молодая актриса. Кто это – Мехтигулу-бек?

Главный режиссер снова подходит к двери в приемную, прислушивается и, поскольку все спокойно, снова возвращается, достает из тумбочки письменного стола бутылку водки, наливает в рюмку.

Секретарша (с иронией). Кто-кто? Президент Соединенных Штатов Америки! (В телефонную трубку.) Я не с тобой!

Дядя. Что она такое говорит? Если бы Мехтигулу-бек стал президентом Америки, я бы знал. (Нерешительно.) Он бы мне сообщил... Хотя бы телеграмму да! В крайнем случае, телекс отбил бы в общество «Ветен», Эльчин-муаллиму!.. Нет, она ошибается...

Молодая актриса. Вы на нее не обращайте внимания! А кто же он?

Секретарша (зло, в телефонную трубку). Здесь – театр, понимаешь! Здесь сам черт не разберется, слушай, ты рассказывай!.. Да, значит в трусиках сбежал, говоришь?..

Директор. Вай!.. (Обеими руками бьет себя по голове.)

Молодая актриса (нетерпеливо). Так кто же этот Мехтигулу-бек?

Дядя. Президент «Мехтигулу портиш компани» в Голливуде.

Молодая актриса (едва не теряя сознание). Ой!.. Ой!.. Что? Где? В Голливуде?.. Май лорд из нот май лорд... В Голливуде...

Главный режиссер опрокидывает рюмку.

Дядя. Да, в Голливуде!.. Вот так случается на свете... Мы вместе сражались в Крыму. Он попал в плен... Сначала писал сюда письма, мол, я был партизаном... А теперь говорит, нет, я был власовцем, сражался в легионе... Хочет стать почетным гражданином Баку!.. Посмотрим, что смогу для него сделать?! Вот написал письмо главе исполнительной власти города... (Хочет уходить.)

Молодая актриса. Одну минутку!.. Минуточку!.. Это ваш друг?

Дядя. Еще бы! С первого класса вместе учились! Но он до сих пор по утрам зарядку делает, хорошо сохранился!

Молодая актриса. Ой!..

Секретарша. Ты смотри, за Мехтигулу замуж собралась!..

Молодая актриса. Энд студ визин зе бланк оф хис дисплежа... Он в Америке живет?

Дядя. Ну да...

Молодая актриса. В Голливуде?

Дядя. Да...

Молодая актриса. И к тому же власовец?

Дядя. Да!.. (Смелся качает головой.)

Молодая актриса. А... А вы кто?

Дядя. Я? Я – дядя...

Молодая актриса. Чей дядя?

Дядя. Нашего мальчика...

Молодая актриса (внимательно смотрит на дядю). Ахмеда!..

Директор (вскакивает с места). Бей! Бей! Сукин сын!.. Собачий сын!.. Сын ишака!..

Дядя. Ну да...

Молодая актриса. О-о-о!.. Ахмед – мой самый любимый актер!.. Спросите у него самого, он вам скажет!.. Я всегда говорила: Ахмед – надежда этого театра!..

Секретарша. Ой!.. (Измученно.) Ты посмотри, как она вошла в роль! Молодая актриса. Я очень старалась сохранить его в театре, но из этого ничего не вышло.

Секретарша. Куда Дездемоне? Куда остальным? Какое коварство! Какая ложь! (В телефонную трубку.) Нет, я не с тобой.

Молодая актриса (с детской непосредственностью). Моей самой большой мечтой было сыграть с ним вместе в «Отелло»!.. Он должен вернуться в театр!.. Я устрою митинг!.. Объявлю голодовку! О-о-о. США!.. Голливуд!.. Дорогой Мехтигулу-бек!.. Любимый мой!.. Фо май фри спитч!.. О-о-о!.. Элс эрайс – джентл Касси!.. Май адвекейшен из нот нау нн тьон! Я напишу в Милли меджлис!.. Пойду на прием к спикеру!.. У нас зажимают таланты... Ахмед талант! О-о-о!.. Голливуд! (Берет дядю под руку.) Пошли!.. Я вам расскажу историю всей моей жизни!.. Пусть Мехтигулу-бек знает все... Идемте!.. Я вам все расскажу!.. Я ничего от вас не скрою!.. Ахмед должен вернуться в театр!.. Но и вы должны передать мои слова Мехтигулу-беку!.. (Под руку уходят со сцены.)

Директор (вскакивает с места). Давай! Давай! Ой! (Обеими руками ударяет себя по голове, садится.)

Главный режиссер смотрит на тумбочку письменного стола, на дверь, после больших колебаний снова вытаскивает водку.

¹ Милли меджлис (азерб.) – Парламент.

Секретарша (в телефонную трубку). Нет, Нат, я не с тобой!.. (Перебивает молодую актрису.) Май лорд из нот май лорд... Вот тебе, вот! (Прижав телефонную трубку плечом к уху, обеими руками делает жест «пепел тебе на голову».)

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Грим-уборная Актера. А к т е р , С и л ь в а н а. Актер, в гриме и костюме Отелло, сидя перед зеркалом, подправляет там-тут и повторяет слова роли.

А к т е р. Эмилия! Наверно, с сообщением о смерти Кассио! Сейчас, сейчас...

Д я д я (открыв дверь, просовывает голову внутрь). Можно?

А к т е р. Нет! Нет!

Теперь она не вздрагивает больше.

Прощелестело что-то. Тишина.

Теперь она недвижна как могила.

Д я д я. На одну минутку!

А к т е р. Я же сказал, что занят!

Впустить ли мне Эмилию, иль нет?

Мне кажется, опять пошевелилась.

Нет, показалось...

Д я д я входит.

Вы что, не слышите меня?

Дядя закрывает за собой дверь.

(Внимательно смотрит.) Вы что, тот самый дядя? В театре такие разговоры ходят... да?

Д я д я (прикладывает палец к губам). С-с-с...

А к т е р. Что?

Д я д я (с пальцем у рта). С-с-с...

А к т е р. Ага!.. Вы, кажется, привыкли угрожать в театре всем, по одному? Я не из тех, кого можно испугать бабайкой! Я советской власти не побоялся! Я не испугался русских танков! (Властно.) Выйдите вон!

Едва она войдет, как обратится к моей жене.

Я же сказал вам, выйдите!

Жене, какой жене?

Нет больше у меня жены на свете!

(Кричит еще громче.) Убирайтесь! Я вам не партократ какой-нибудь, меня не испугаешь! Я ради народа здоровье на митингах оставил! Пишите на меня жалобу Президенту! (Встает.) Скажите, Отелло прогнал меня!

Жене, какой жене?

Нет больше у меня жены на свете!

Д я д я (спокойно). «Фараоны любят охотиться!» (Пауза. Не меняя мимики, с тем же напряженным спокойствием.) «Фараоны любят охотиться!» (Пауза.)

А к т е р (совершенно растерянный). Я... Вы... Я... (Садится.)

Д я д я (властно). Встаньте!

А к т е р (вскочив с места, козыряет, отдает честь по-военному). Есть, товарищ...

Д я д я (прерывая его). Отставить!..

А к т е р. Пожалуйста!

Д я д я. Садитесь!

Актер тотчас же садится на место.

(Прохаживаясь по комнате, время от времени обмакивая палец в грим, поглядывая.) Повторить?

А к т е р (взволнованно глядя на дверь, поспешно). Нет...

Дядя прохаживается по комнате.

Вы кто?

Д я д я. Дядя.

А к т е р. Это я понял... А еще кто?

Д я д я. И еще Дядя.

А к т е р. А... А пароль откуда знаете? (Предельно напряженно.) А-а-а... Вы откуда пришли?

Дядя. Нет.

Актёр. А откуда?

Дядя. С другой стороны.

Актёр (*взволнованно*). Из Турции?

Дядя. Вопросы здесь задаю я!

Актёр. Пожалуйста!

Дядя (*приложив палец к носу актёра, рассматривает грим*). Где ты это нашёл?

Актёр. Купил.

Дядя. Да?

Актёр. Ей-Богу, это не из Москвы прислали! На руках купил.

Дядя. Где?

Актёр. На Кубинке.

Дядя внимательно рассматривает грим на пальце. Нюхает.

Ей-Богу, это не из Москвы! Жутко дорогие! Вот это прислали. (*Показывает кисточку.*) И все! (*Показывает на баночки с гримом.*) Эти я сам покупал.

Дядя. Мы должны решить два вопроса.

Актёр. Пожалуйста!

Дядя. Во-первых, этот наш племянник...

Актёр (*с усердием, прерывая Дядю*). Вы говорите об Ахмеде? Он мой брат! Сколько я ни защищал его, не вышло! Его этот партократ сократил!

Дядя, приложив палец на этот раз к уху Актёра, внимательно смотрит.

Ей-Богу, не из Москвы!

Дядя. Ахмед должен вернуться в театр!

Актёр. Пожалуйста! Если не вернут, я созову пресс-конференцию!

Дядя. Во-вторых... (*Вытащив из кармана бумагу, даёт ему.*) Пиши!

Актёр. Пожалуйста!

Дядя (*диктует*). «Фараоны больше не любят охотиться!»

Актёр. Но... Но со мной ведь что-нибудь сделают!..

Дядя. Раньше надо было думать.

Актёр. А что мне было делать?.. Сказали, Отелло будешь играть...

Соблазнили, завербовали... Я... Я...

Дядя. Пиши!

Актёр. Я... Я...

Дядя, приложив палец к щеке Актёра, внимательно смотрит.

(*поспешно*). Пишу!..

Дядя. «Фараоны...»

Актёр. По-русски писать?

Дядя. Конечно!

Актёр. Пожалуйста!

Дядя. «Фараоны...»

Актёр (*пишет*). «Фа...раоны...»

Дядя. «...больше не... любят...»

Актёр. «...больше...» чтобы ты сторел, КГБ!.. «боль... ше...» Чтоб ты... «не... не любят...»

Дядя. «... охотиться!»

Актёр. «... о... хо... титься... ся!» Написал.

Дядя. Дай сюда!

Актёр. Пожалуйста! (*Отдаёт бумагу Дяде.*) А никто не узнает? А? Не узнает?

Дядя. А вы же говорили, пиши Президенту?

Актёр. Пишите куда хотите, но чтобы в театре никто не узнал! В театре!.. В театре!.. Это же театр!.. Театр!..

ХОР: «ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ»

Не любят люди глупых пьес,
А к этим благослонны.
К ним постоянный интерес:
Там действуют шпионы.

У кассы зрителей прилив,
Сегодня в театре детектив.
Когда в спектакле дебютант,
Народа полный зал...
На сцене храбрый лейтенант
И мудрый генерал.

Глядите, хитрый враг проник
К доверчивой кокетке.
Становится кокетка вмиг
Майором из разведки.

Шифровка, явка и пароль –
И можно не готовить роль.
К чему уменье и талант?
И так оваций шквал...
На сцене храбрый лейтенант
И мудрый генерал.

А сын чекиста, например,
Во всем похож на папу.
Легко обманет ФБР,
Как раньше тот – гестапо.

Зато у нас любой агент
Разоблачит в любой момент.
Любой шпион и диверсант
Вчистую проиграл...
На сцене храбрый лейтенант
И мудрый генерал.

Внезапно свет выхватывает только С и л ь в а н у и столкнувшегося с ней лицом к
лицу Дядю.

Д я д я (*растерянно*). О!.. Неужели это вы?! Боже мой!

С и л ь в а н а (*удивленно*). Что?

Д я д я. Смысл моей жизни!.. Вы этого не подозреваете...

С и л ь в а н а. Что вы говорите?

Д я д я. Конечно, вы не знаете! Откуда вам знать? Откуда вам знать, что я,
простой человек, всю свою жизнь восхищаюсь вами...

С и л ь в а н а. Что?

Д я д я. Да! Да! Сто раз да! Тысячу раз да! Мы когда-то должны были встре-
титься! Когда-то я должен был сказать вам эти слова! Это должно было свер-
шиться!

Д я д я. Конечно... Но зато вас в Азербайджане знают все! Вы наша Сара
Бернар!

С и л ь в а н а (*понемного входя во вкус*). О-о-о... Вы и Сару Бернар знаете?..

Д я д я. Когда годами живешь мечтой о вас, разве можно не увлечься теат-
ром вообще? Нет, это невозможно! Если бы вы, как Сара Бернар, жили во
Франции, то не только Азербайджан – весь мир восхищался бы вами! Ваша Дез-
демона!.. Ваш голос!.. (*Голосом Дездемоны*.)

Я полюбила мавра, чтоб везде

Быть вместе с ним. Стремительностью шага

Я это протрубила на весь мир.

Я отдаю себя его признанию,

И храбрости, и славе. Для меня

Краса Отелло – в подвигах его.

Ах!.. Кто кроме вас сумеет прознести эти слова?! Кто? (*Кричит*.) Кто?

С и л ь в а н а (*в приятном волнении*). Ну что вы? Успокойтесь...

Д я д я. Никто! Никто!

Отец, в таком кругу мой долг двоится.

Вы дали жизнь и воспитанье мне.

И жизнь и воспитанье говорят мне,

Что слушаться вас – мой дочерний долг.

Но вот мой муж...

Никто! Вы! Только вы!

С и л ь в а н а. По правде... Я впервые вижу такого пылкого поклонника,
как вы...

Д я д я. Нет... Я не просто поклонник! Я... Я... Я влюблен в вас! И стол-
кнувшись с вами так, лицом к лицу, я обо всем забыл... И об Ахмеде забыл!..

С и л ь в а н а. А-а-а!.. Так вы – тот самый дядя Ахмеда, да?

Дядя кивает головой, мол, да, я.

(*оценивающим взглядом оглядев Дядю с головы до ног*). Да... Ахмед... Ахмед –
безусловно человек не без таланта. Из него можно вырастить мастера...

Д я д я (*со страстью*). Я многое должен вам сказать!.. Ахмед – это так!..

С и л ь в а н а. Нет, почему? Ахмед не лишен творческих возможностей...

Д я д я. Вы!.. Прежде всего вы!.. Я хочу высказать вам все, что у меня на
сердце. Где-нибудь на лоне природы!.. Не отказывайтесь! Умоляю вас! Это
высшая точка моей жизни!.. Не отказывайтесь!..

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Приемная, кабинеты Директора и Главного режиссера.

Секретарша, Главный режиссер, Автор, Директор.
Секретарша, как всегда, сидя за своим столом, говорит по телефону. Директор прохаживается в своем кабинете. И наш друг – Главный режиссер – сидит за своим столом.

Директор. Кому бы в голову могло прийти?! Кому бы в голову могло прийти, что такое огромное советское государство рухнет в мгновение ока? Что ты в гробу перевернулся, Сталин!

Секретарша. Нет, на самом деле поцеловались?

Главный режиссер открывает тумбочку стола и, барабая пальцами по столу, внимательно заглядывает в тумбочку. Автор с портфелем в руке входит в приемную.

Секретарша. Нельзя!

Автор быстро открывает дверь Главного режиссера и просовывает внутрь голову.

Я же сказала, нельзя! *(В телефонную трубку)*. Я не с тобой.

Главный режиссер *(отводя глаза от тумбочки, недовольно)*.
Опять ты?

Автор. Ну да... Вы же сами сказали!

Секретарша. Нельзя!

Главный режиссер. Что я сказал?

Автор. Сказали, завтра приходите. Проведем творческое обсуждение твоего произведения.

Главный режиссер. Когда я сказал? Где?

Автор. Ну вчера же... В ресторане...

Главный режиссер. Да? Хорошо... Заходи...

Автор *(входя в кабинет, Секретарше)*. Он разрешил!

Секретарша. Псих! *(В телефонную трубку)*. Да так, есть тут один... Да откуда я знаю его имя? Один он что ли? Пять их? Десять? У вас? Да нет, дорогая, у вас не может быть больше!.. Зато у нас директор – демократ!

Главный режиссер. Садитесь...

Автор садится.

Такое дело... Творческое обсуждение это... Ну так... Барашки у тебя там...

Автор. Да! А что?

Главный режиссер. Их надо заменить... Пусть это будут не бараны...

Автор. Как? Ведь пьеса посвящена овцеводству! Гюльзар берет ягнят на руки, ласкает их...

Главный режиссер. Кто это – Гюльзар?

Автор. Возлюбленная Ядигяра!

Главный режиссер. Кого?

Автор. Ядигяра!

Главный режиссер. А он кто?

Автор. Ядигяр? А вам же так понравилось! Вы так хвалили!

Главный режиссер. Я? Где?

Автор. На прошлой неделе... В ресторане...

Главный режиссер. Ах?... Ядигяр... Ядигяр...

Автор. Да! Передовой пастух! Он получает по три ягненка от каждой овцематки!..

Главный режиссер. Ну и что же? Разве от коровы нельзя получить телят? Нам теперь нужно развивать животноводство! Коров не осталось, буйволов не осталось, контрабандисты угоняют скот в Иран!.. Молока не найти, гатыга¹ нет! А без гатыга долму не съешь, ну можно такое терпеть?! А? Я спрашиваю тебя. А еще хочешь стать драматургом!.. Хочешь, чтобы в нашем театре ставили твою пьесу!.. Да?

Автор. А...

Главный режиссер. Что «а»? У коровы и мяса больше!

Автор. А как же Гюльзар сможет обнять таких здоровых телят?

Главный режиссер. Да ну!.. Что, у Гюльзар объятия – вокзальный буфет? Обязательно она должна кого-то обнять?! Не может смиренно себя вести эта Гюльзар? Пусть будет дояркой! Пусть надаивает молоко! У тебя совершенно гражданственности нет э!

Автор. Мой талант...

Главный режиссер *(прерывая его)*. Что – мой талант?! В это голодное для нации время твой талант против мяса, молока?

¹ Гатыг (азерб.) – простокваша.

Автор (*поспешно*). Нет! Нет!

Главный режиссер. Тогда о чем ты говоришь?

Секретарша. О-о-ой!.. И тоже в одних трусиках?!

Автор. Но ведь сначала она была дояркой!..

Главный режиссер. Кто?

Автор. Гюльзар! Вы сказали, что доярки уже вышли из моды!..

Главный режиссер. Я?

Автор. Да! Вы сказали, что это осталось в наследство от тоталитарного режима, от соцреализма!..

Главный режиссер. Да когда я это говорил, послушай?

Автор. На прошлой неделе!.. В ресторане... Вы сказали, что я должен сказать новое слово на сцене!.. Вот я и сказал!..

Главный режиссер (*сердито*). Ладно! Ладно!.. Делай, что тебе говорят! Мы жизнь отдаем ради искусства!.. Это театр, э, театр! (*Встает.*) Ты понял?! (*Кричит.*) Театр!

ХОР: «НА ТРУДОВОЙ ВАХТЕ»

Все мы на сцене куем или лечим,
Вроде другим и заняться нам нечем,
Словно лишь в этом успех.

Все мы на вахту встаем трудовую:
Кто на морскую спешит буровую,
Кто-то торопится в цех.
Однообразны на сценах герои,
Заняты делом своим...
В жизни – мы можем влюбиться порою,
А в пьесах – на вахте стоим!
Что, драматурги, вы сделали с нами?
Всюду: в трагедии, фарсе и драме
Мы неизменно скучны.
Правильны все мы на сцене до дрожи,
Как близнецы, друг на друга похожи,

Но никому не нужны.

Люди в театры ходить разучились,

Заняты делом своим.

В жизни – спокойно бы с горя напились,

В пьесах – на вахте стоим.

Свет падает только на А в т о р а.

А в т о р. Все! Никаких ресторанов! Кончено! Ни за что больше в ресторан тебя не поведу! В ресторане выпьет и хвалит, говорит, пусть на сцене будет романтика: пусть Гюльзар обнимает ягнят, люди устали уже от стресса! А протрезвев, начинает баранов коровами делать! За что судьба так несправедлива ко мне, что позволяет ему топтать мой талант? Мало мне мучений пока я пишу?! За что?! Но я не сдамся! Я стану любимым драматургом нашего героического народа! Я буду бороться за свое произведение! Я напишу новые пьесы! Во что бы то ни стало! Мое вдохновение – бурлящий источник! Бурный водопад! Хрустальная слеза! Я не могу изменить своему таланту!.. Если я это сделаю, наш героический народ не простит своего художника! (*Поставив портфель на пол, воздевает обе руки к небу.*) О великий творец! Защити музу моего вдохновения! Храни, храни своего талантливого сына, храни!..

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Прекрасный уголок природы. Сильвана, Дядя.
Сильвана с Дядей прохаживаются по этому прекрасному уголку природы, время от времени останавливаясь, любуются природой и друг другом, затем снова прохаживаются.

Сильвана. Ах!.. Вы слышите, как поют птицы?

Дядя. Слышу...

Сильвана. За тридцать лет в театре я так привыкла к поддельному чириканью, что от настоящего птичьего пения чуть в обморок не падаю...
(Пауза.)

Дядя. За сколько лет?

Сильвана. Что сколько лет?

Дядя. Вы сказали сколько лет в театре вы слушаете это поддельное чирикание?

Сильвана. Э-э-э... Несколько лет!.. Мой дорогой, послушайте, как поют птички... Забудьте о годах... И давайте смотреть в эту сторону, а в ту не надо...

Дядя. А что в той стороне?

Сильвана. В той стороне торчит крыша нашего театра... В эту сторону смотрите, в эту сторону!.. Послушайте птиц!.. Обратите внимание на шелест листьев!.. *(Закрывает глаза.)* Вот так. *(Пауза.)* Вы тоже закройте глаза!.. Закружили?..

Дядя. Да...

Сильвана. Я вижу горные водопады... Какой прекрасный луг... Все вокруг в маках... Вы тоже видите?

Дядя. Я – нет...

Сильвана *(открывает глаза, беспокоиво)*. Не видите?

Дядя. Нет...

Сильвана *(со скрытым волнением)*. А что вы видите?

Дядя. Я?

Сильвана. Ну да, вы!

Дядя. Вас...

Сильвана *(поспешно)*. Не открывайте глаза, не открывайте!.. *(Снова закрывает глаза.)* Не буду открывать и я! О-о-о... Я тоже вижу вас... Мы вместе – у того водопада... На нас падают водяные брызги... О-о-о... Вы мне говорите...

Дядя. Что? Что я вам говорю?

Сильвана. Что в таких случаях говорят мужчины женщинам?

Дядя. Э-э-э... *(Открывает глаза.)*

Сильвана. Теперь я хочу услышать эти слова от вас самого...

Дядя. Прямо здесь?

Сильвана *(открывает глаза)*. Конечно... Здесь так хорошо... Только *(показывает рукой в сторону театра)* не смотрите в ту сторону...

Дядя. А вдруг сюда кто-нибудь придет?

Сильвана. Ну и что ж? Пусть приходит!..

Дядя *(оглядывается по сторонам)*. И никакой достаточно длинной скамьи нет...

Сильвана. Э-о-о... *(Тихо.)* Ты смотри, что уже у него в голове э... Ну и штука!.. *(Громко.)* Я надеюсь, что вы предложите что-то серьезное...

Дядя. То есть... Я...

Сильвана *(несколько нетерпеливо)*. Предложите создать семью.

Дядя. Вы... Вы за меня пойдете?

Сильвана. О-о-о!.. *(Закрывает глаза.)* Как от души вы это говорите!

Вы слышите голоса птиц?

Дядя. Да...

Сильвана. Закройте глаза...

Дядя. Опять?

Сильвана. Да...

Дядя закрывает глаза.

Мне кажется... Нет, наверное, у меня галлюцинации... Это на самом деле, не так ли?

Дядя. Так...

Сильвана. Повторите...

Дядя. Я слышу голоса птиц.

Сильвана. Нет, не это. Ваше предложение!

Дядя. Вы за меня пойдете?

Сильвана. О-о-о!.. Я должна сейчас дать вам ответ, да?

Дядя *(пожимает плечами)*. Наверное, да...

Сильвана. Так сразу ответить? Ведь на столь серьезное предложение невозможно ответить тотчас... Первый раз... Первый раз мне делают такое предложение! Обычно всегда предлагала я сама...

Дядя. Что?

Сильвана. То есть, это очень серьезное дело! Давайте... давайте я два дня подумаю!

Дядя *(поспешно)*. Что вы говорите? Я даю вам на обдумывание аж целый месяц.

Сильвана. Нет, нет!.. Двух дней достаточно!

Дядя. Ничего, пусть будет десять! Что бы вы ни попросили, я хочу дать вам больше!.. Чтоб было вам по душе!..

Сильвана. Ах, дорогой мой!.. Но двух дней достаточно!

Дядя. Но я...

Сильвана *(открывает глаза)*. Что – но?

Дядя. Так, ничего. Я за того мальчика беспокоюсь...

Сильвана. Ахмед? *(Внезапно переходит от такой прекрасной романтики к суровой реальности.)* Ахмед! Ахмед непременно должен вернуться в театр! Ахмед должен играть! Он должен стать моим партнером!

Дядя. Ахмед?

Сильвана. Да!

Дядя. И вы будете с ним вместе играть?

Сильвана. Непременно! Мы непременно будем играть вместе! Я должна растить новые таланты! Я должна обучить его секретам искусства!

Дядя. Но раньше...

Сильвана. Раньше в моей жизни не было вас! Я верну его в театр! *(Подняв руку, грозит в сторону, где виднеется театральное здание.)* Я им такое устрою, что они себе даже не представляют! Они меня еще не знают. Нет, я этого не потерплю! *(Быстрыми шагами направляясь в сторону театра, уходит со сцены.)*

Дядя. Спаси и помилуй, Аллах!..

Свет гаснет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Приемная, кабинеты Директора и Главного режиссера.

Секретарша, Директор, Главный режиссер, Молодая актриса, Сильвана.

Секретарша, сидя за своим столом, разговаривает по телефону. Директор, сидя в кабинете, смотрит телевизор. Главный режиссер, сидя за столом в своем кабинете, читает «Гамлета».

Директор *(слушая звучащую по телевизору зурну)*. Эх!..

Секретарша *(в телефонную трубку)*. Ой, не может быть!

Главный режиссер *(стукает кулаком по столу)*. Вот каким должно быть искусство!..

Горацио, ты изо всех людей,

Каких я знаю, самый настоящий.

Не думай, я не льщу,

Зачем мне льстить, когда такое богатство,

И стол, и кров – один веселый нрав?

Это тебе не животноводство э, искусство это, искусство!

Директор. Ах, злодей!.. Ах, злодей!.. Ты посмотри, как играет!.. Так и вспоминается доброе старое время!.. Так и встает перед глазами!.. Оф... оф!.. *(Пауза.)* Оф! *(Вывув из кармана платок, вытирает повлажневшие глаза.)*

Молодая актриса *(входит, заучивая по-английски)*. Май лорд из нот май лорд...

Секретарша *(зло)*. Явилась красotka!.. *(В телефонную трубку.)* Я не с тобой!..

Молодая актриса. Но-о-о шулд ай ноу хим... *(Направляется к кабинету Директора.)*

Секретарша. Он занят! *(В телефонную трубку.)* Я не с тобой!..

А голос зурны просто убивает Директора.

Директор. Эх... Кто ты был, а теперь, смотри, кем стал?! Жаль, не вернуть прошедших дней!.. Не смогли мы сберечь те дни! Не смогли, не смогли!.. *(Вытирает повлажневшие глаза.)*

Молодая актриса. Ву хи ин фейва эс ин хьюма олтед... *(Неожиданно открыв дверь директора, входит.)* Салам!..

Директор *(вздрагивая)*. А? Кто это? *(Встает.)*

Секретарша. Нельзя!

Молодая актриса. Ой, что случилось? Как у вас глаза покраснели!

Главный режиссер. Вот оно, искусство!..

Теперь пора ночного колдовства, скрипят гроба и дышит ад заразой!

Вот!..

Директор. Ничего... Пылинка в глаз попала...

Секретарша *(в телефонную трубку)*. Я не с тобой!.. Есть здесь одна, хочет Дездемону играть. Ей роли не дают. Теперь она по-английски роль учит, чтобы Мехтигулу дал ей роль в Америке!.. Мехтигулу? Так, есть один...

Директор. Что вам опять нужно?

Молодая актриса. Дездемона!

Директор. Что?

Молодая актриса. Дездемона! Вы должны дать мне эту роль!.. Я должна играть Дездемону на сцене!.. Я живу этим! Не для меня, так хотя бы для зрителей сделайте это!..

Директор. Послушайте...

Молодая актриса. Потом будет поздно!.. Мехтигулу-бек все равно пригласит меня в Америку! Тогда вам будет стыдно!

Директор. Мехтигулу?

Молодая актриса. Или вы еще с Дядей не знакомы?

Директор. Ей-Богу, я из ваших слов ничего не понимаю!

Молодая актриса. Ничего! Когда Ахмеда в театр вернут, поймете!

Директор. Ахмеда? *(Смеется.)* Ахмед ушел э!..

Молодая актриса. Нет!

Директор. Ей-Богу, не понимаю, что со всеми вами случилось? Как-то вы все стали не такие!.. *(Послушайте! Вы знаете, что я всегда боролся за демократию!.. Сколько сил я приложил, чтобы мы достигли наших сегодняшних прекрасных дней!.. Вы еще молоды!.. Цените эти прекрасные дни!.. Тоталитарный режим уже кончился! (Показывает на телевизор.)* Слышите? Эта журнал рассказывает о нашей борьбе за свободу!..

Секретарша *(в телефонную трубку)*. Погоди минутку. *(Кладет трубку на стол и, подойдя к двери директорского кабинета, наклоняется и заглядывает в замочную скважину.)*

Молодая актриса. Я знаю, что вы – демократ!

Директор. Конечно!.. *(Снова на мгновение прислушивается к звуку зурны.)* Оф-оф!..

Молодая актриса. Но я хочу Дездемону!

Директор *(со скрытой угрозой)*. А демократию не хотите?

Молодая актриса. Нет, пусть она будет!.. Пусть будет демократия, пусть будет что угодно, но дайте мне Дездемону!

Директор. Ай-я-яй! Таких слов я от вас не ожидал!.. Цените эти дни, в которые мы живем!.. Когда мне вспоминается тот отвратительный режим, у меня от гнева комок в горле!

Главный режиссер *(ударив кулаком по столу, встает)*. Эх Шекспир, Шекспир!..

Без зверства, сердце! Что бы ни случилось,

Души Нерона в грудь мне не вселяй!

(Открыв дверь в приемную, видит секретаршу, наклонившуюся спиной к нему.) Эхе-хе...

Секретарша *(торопливо выпрямляясь)*. У меня пуговица упала...

Главный режиссер. Вы бы покрепче пришили эти ваши пуговицы! Сколько раз у человека могут падать пуговицы? Я занимаюсь «Гамлетом». Пусть никто не входит!

Секретарша. И тот, с портфелем?

Главный режиссер. Никто!

Секретарша. Хорошо.

Главный режиссер, закрыв дверь, подходит к столу, открыв тумбочку стола, вытаскивает бутылку с водкой, рюмку, наливает в нее водку. Секретарша опять, наклонившись, заглядывает в замочную скважину.

Молодая актриса. Дездемона!.. Дездемона! *(Рыдает.)* Дездемона!..

Директор. Послушайте!.. Я хочу вам помочь. Вы знаете, что я демократ! Но...

Молодая актриса плачет еще громче.

Но... Сильвана!.. Сильва!.. О-о-о!.. Вы знаете, какой это ужас!.. Даже если прокурор республики придет, не сможет отнять у нее из рук Дездемону!

Молодая актриса. Я ее... Я ее убью!

Директор *(в сторону)*. Откуда такое счастье?! *(Громко.)* Что вы говорите? Возьмите себя в руки! Я сам буду с ней бороться! Сильва – пережиток отвратительного тоталитарного режима! Память о так называемом Советском Союзе! Вы потерпите немного! Увидите, что я сделал!

Главный режиссер. Эх, Шекспир!.. Шекспир!.. *(Опрокидывает рюмку.)*

Сильвана *(войдя в приемную, видит Секретаршу, склонившуюся спиной к ней, заглядывающую в замочную скважину)*. О-о-о! Какая прекрасная панорама!

Секретарша *(вздвигнув, выпрямляется)*. Я... Просто так...

Сильвана. В чем дело? *(Показывая на дверь.)* Там что-то происходит?

Секретарша. У меня пуговица упала...

Сильвана. Когда я там в кабинете, у тебя тоже пуговицы падают?

Секретарша. Ну не-е-е-т!..

Сильвана. Правду говори! Когда я туда вхожу, ты тоже заглядываешь в скважину?

Секретарша. Клянусь Богом, не заглядываю!..

Сильвана хочет войти в кабинет Главного режиссера.

Он Гамлетом занят...

Сильвана со злостью открывает директорскую дверь и входит внутрь.

Посмотри на нее! *(Передразнивает.)* «Когда я туда вхожу, ты тоже заглядыва-

ешь в скважину?» Бабушке моей ровесница, а туда же, о чем думает?! (*Поднимает лежащую на столе трубку.*) Алло!

Директор (*растерянно*). Здравствуйте... Ханум... Вы...

Сильвана. Почему вы удалили Ахмеда из театра?

Директор (*удивленно*). Он же под сокращение попал... и вы тоже приуставали. И это вы предложили...

Сильвана. Нет! Я это дело так не оставлю! (*Косо взглянув на Молодую актрису.*) Есть сколько людей, которых нужно сократить в первую очередь... Я займусь этим делом! А что с «Гамлетом»?

Директор (*кивая в сторону кабинета Главного режиссера*). Он виноват, говорит, что с Шекспиром шутить нельзя!.. Я и сам бы сейчас хотел заняться «Гамлетом»... Вы... вы здесь поговорите, я приду...

Сильвана (*властно*). С «Гамлетом» тянуть нельзя!

Директор. Конечно!

Молодая актриса стонет еще громче.

Сильвана. Я должна играть Гамлета!

Директор. Кого?

Сильвана. Гамлета! самого Гамлета!

Пауза

Директор (*в сторону молодой актрисы*). Разве... Гамлет – не мужчина?

Молодая актриса стонет еще громче.

Сильвана (*грозя пальцем*). Сара Бернар могла, а я тем более! И вопрос Ахмеда я так не оставлю! Сейчас – время демократии! Нельзя разбрасываться талантами! (*В гневе уходит.*)

Молодая актриса очень громко плачет.

Главный режиссер (*опять наполняя рюмку*). Эх, Шекспир!..

Директор (*не в силах сдержаться, кричит*). Что это за жизнь?! Это не жизнь, театр!.. Театр... Театр!..

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Приемная, кабинеты Директора и Главного режиссера.

Секретарша, Директор, Главный режиссер, Автор. Секретарша говорит по телефону. Директор сидит в своем кабинете за столом. Главный режиссер, нагнувшись, вынимает из тумбочки водку и наливает в рюмку.

Директор (*кивая головой в сторону кабинета Главного режиссера*). Он «Гамлета» хочет ставить, а я сам в положении Гамлета... Как он говорил? «Не быть...» Ты смотри, забыл... Да что я, в театр ходил?! Кому могло в голову прийти, что время изменится и я вдруг стану директором театра?! Эх, судьба!

Автор входит в приемную.

Секретарша. Вот прилепился, как банный лист... (*В телефонную трубку.*) Я не с тобой!..

Автор направляется к двери Главного режиссера.

Нельзя!

Автор. Здравствуйте.

Секретарша. Нельзя!

Автор. Разрешите, я слегка приоткрою дверь, чтобы он меня увидел.

Секретарша. Нельзя! Вы мешаете мне работать!

Автор. Ну, пусть он только увидит...

Секретарша. Нельзя! Он тоже работает, понимаете? Здесь не только я одна работаю! Он творчеством занят! Над «Гамлетом» работает!

Главный режиссер выпивает рюмку водки и прячет бутылку в тумбочку стола.

Главный режиссер (*довольно*). «Московская» – лучше всего!

Автор приоткрывает дверь.

Секретарша. Я же сказала, нельзя! (*Встает.*)

Главный режиссер (с подъемом). О-о-о-о!.. Заходи, дорогой!

Автор (укоризненно, Секретарше). Вот видите?! Он сам говорит – заходи! Шекспир – посторонний драматург, ну и что ж, что его все знают?! А я – художник своего народа! Почему у нас ценят художника после смерти? Не «Гамлет», а это вот наша трагедия! (Входит.)

Секретарша. Ничего не понимаю, что он говорит! А еще с портфелем! (В телефонную трубку.) Нет, я не с тобой!..

Главный режиссер. Добро пожаловать!.. Добро пожаловать!..

Автор. Здравствуйтэ, муаллим!..

Главный режиссер. Садитесь!..

Автор садится.

Одни в мясной лавке командуют, другие в винном магазине, а ты – директор книжного магазина!

Автор. Да!..

Главный режиссер. Был комендантом такого большого базара и по собственному желанию стал директором книжного магазина. Да?

Автор. Да!..

Главный режиссер. Знаешь, почему?

Автор. Почему?

Главный режиссер. Потому что ты... искусством дышишь, вот почему!

Автор. Большое спасибо!..

Директор. Да!.. Быть или не быть! Вот в чем вопрос! Я вспомнил! Да! Вот в чем вопрос! Для Гамлета этот вопрос – на сцене, а для меня в жизни... Если бы для меня он остался на сцене, а не в жизни!.. Не ценили, не ценили мы те дни!..

Главный режиссер. Я весь день о тебе думал! Жрец искусства!

Автор. Большое спасибо!..

Главный режиссер. К тому же я нашел!

Автор (встревоженно). Что вы нашли?

Главный режиссер. Верблюд!

Автор. Что? Кто?

Главный режиссер. Слушай, тебя собственный дар ослепил, что ли? Тебе в голову не пришло? Верблюд!

Автор. Но что – верблюд?

Секретарша (в телефонную трубку). Ва-а-ай!.. Совершенно голый?

Главный режиссер. Ну верблюд, верблюд! Я нашел для тебя! Теперь надо развивать верблюдоводство! Азербайджан теперь вступил на путь строительства суверенного государства! Теперь надо развивать наши древние традиции!..

Автор. Ведь!..

Главный режиссер (не дает ему говорить). Что – ведь?! За семьдесят лет тоталитарный режим полностью уничтожил верблюдоводство в Азербайджане! Когда ты последний раз ел кутабы с верблюжатиной?

Автор. Ведь!..

Главный режиссер. Да!.. Ведь!.. Потому что даже вспомнить не можешь! Я последний раз, Бог знает, двадцать лет, тридцать лет назад ел верблюжьи кутабы, до сих пор вкус их помню! Да, верблюдоводство обязательно надо восстановить!

Автор. Ведь!..

Главный режиссер. Опять он начал «ведь»... Ты почему сам себя не ценишь?! Это – чисто твоя тема! Ты смотри, есть у Шекспира хоть один баран, корова?! Нет и не может быть! Это пришло к нам от соцреализма! Верблюдоводство! И Гюльндам – научный работник!..

Автор. Какая Гюльндам?

Главный режиссер. Твоя героиня да!.. Которая теленка целовала!..

Автор. Гюльзар!..

Главный режиссер. Да, Гюльзар!.. Слушай, это имя – Гюльзар – тоже какое-то не такое... Его тоже поменяй, сделай – Гюльндам!

Автор (неожиданно запротестовав, встает). Нет! Никогда! Я никогда не изменю имя Гюльзар! О... Так звали мою первую любовь!.. Я вас прошу!..

Главный режиссер. Хорошо, хорошо, садись, дорогой! Откуда мне было знать, что это была твоя первая любовь?

Автор снова садится.

Директор. Да, быть, или не быть!.. Чем все это кончится? Неужели эта советская власть действительно больше не возвратится? То есть, и с коммунистической партией покончено? И политбюро больше не будет? Ей-богу, как задумаешься, кажется, что это сон, бред!.. А тут еще эти вдруг начали разговор об Ахмеде, не знаю почему, но это мне совершенно не нравится... Что-то подозрительно это!..

Главный режиссер. Пусть будет Гюльзар! Права автора трогать нельзя! Да еще и первая любовь; с другой стороны... *(Внезапно ему приходит в голову.)* Слушай, а напиши о первой любви!.. На что тебе этот скот?

Автор *(бурно)*. Нет! Любовь – это святая тема! О ней я еще обязательно напишу! Мое перо...

Главный режиссер. Хорошо! Хорошо! Значит, так!.. Гюльзар – научный работник, причем член Народного фронта! Дни и ночи работает в архиве! Ведет борьбу за верблюдов, за наши традиции! Верноподанные нашей империи хотят помешать ей... Но Гюльзар одерживает над ними победу!

Автор. А... А Ядигяр?

Главный режиссер. Какой Ядигяр?

Автор. Ну Ядигяр... Жених Гюльзар. Он же пас баранов. Потом стал пасти крупный рогатый скот...

Главный режиссер. Что ты говоришь, послушай?! Разве это нам подобает? Что за время сейчас для пастухов? Что скажут наши враги? Что скажут о нас в мире? В Турции что скажут? А?

Автор *(совершенно растерянный)*. Ей-Богу... вы так ставите вопрос, что... ведь...

Главный режиссер. Профессор! Ядигяр должен быть профессором! Причем, членкором Академии Национального Творчества! Гюляндам...

Автор *(тотчас встает)*. Нет! Гюльзар! Тут я никогда не пойду на компромисс! Вы знаете, муаллим, я вас уважаю, но...

Главный режиссер *(поспешно)*. Да, Гюльзар! Гюльзар и Ядигяр любят друг друга, но... но профессор Ядигяр – член коммунистической партии... И конфликт должен быть построен на этом!

Секретарша *(в телефонную трубку)*. Вай-вай-вай!.. Говоришь, муж узнал, да?!

Автор. Но ведь...

Главный режиссер. Что опять «ведь»?

Автор. Ведь тогда нужно писать совершенно новое произведение... Моя пьеса ведь совсем о другом...

Главный режиссер. Так напиши!

Автор. Ведь вчера в ресторане вы сказали, я откладываю «Гамлета» и завтра начинаю эту работу!..

Главный режиссер. Кто? Я сказал?..

Автор. Да...

Главный режиссер. А теперь я что говорил? Напиши, принеси и поставим спектакль! У тебя – талант! У тебя – жизненный опыт! Боишься?

Автор *(со страстью)*. Нет! Я никогда не боялся писать!

Директор. Да! Быть или не быть?! Вот в чем вопрос!

Главный режиссер. И все! Не бойся! Пиши! Твори! Здесь – театр э, театр!

Свет падает только на Автора, а из темноты слышится припев.

Вчера, сегодня, завтра
Есть волшебство Театра.
Там ненависть ужасней, прекраснее любовь!
Трагические маски,
Забавные гримаски...
Истории и сказки
там оживают вновь.

Автор. Я пойду до конца! Я докажу этим алкашам от искусства, что нельзя ставить преграду таланту! Кончено с ресторанами! Кончено! Больше я не буду обманывать себя! Искусство не прощает простодушия! Не видать ему больше ресторанов, как своих ушей! Сегодня же прочитаю программу коммунистической партии! Ядигяр должен знать программу наизусть! И устав! Я напишу! Я докажу! *(Быстрыми шагами уходит со сцены.)*

ХОР: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ШЕКСПИР!»

Отреклись мы от старого быта,
И не нужен нам новый кумир.
Сколько громких имен позабыто,
Но как прежде волнует Шекспир.

В Театре все бывает,
Как автор хочет.
Смотрите: тот рыдает,
А тот хохочет.
На сцене целый мир:
Отелло, Гамлет, Лир...
Виват! Да здравствует Шекспир!

Замирают и зритель, и сцена.
Триста лет, – но не видно конца.
Гнев и зависть, любовь и измена
Неизменно тревожат сердца.

Вас пленяет Ромео влюбленный,
Так любить не умеете вы.
Триста лет молода Дездемона,
Но актрисы стареют, увы!

В Театре все бывает,
Как автор хочет.
Сегодня тот рыдает,
А тот хохочет.

Ведь это целый мир:
Отелло, Гамлет, Лир...
Виват! Да здравствует Шекспир!

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Приемная, кабинеты Директора, Главного режиссера.

Секретарша, Директор, Главный режиссер, Дядя.
Секретарша, сидя за своим столом, говорит по телефону. Главный режиссер в своем кабинете занимается «Гамлетом». Директор в своем кабинете смотрит телевизор. Дядя входит в приемную.

Дядя. Здравствуйте...
Секретарша (одной рукой держит телефонную трубку, другой – показывает на оба кабинета). Нельзя!
Дядя. Почему?
Секретарша. Работают!
Дядя. Оба?
Секретарша. Да.

Дядя. Вот молодцы! (Внезапно резким движением открывает директорскую дверь, входит.)

Секретарша. Нельзя! (Положив телефонную трубку на стол, встает.) Нельзя!

Главный режиссер. Эх!

Он к матери пошел в опочивальню...

Вот где конфликт! Вот!

Дядя. Можно?

Директор (поспешно отходит от телевизора). Что вы хотите?

Секретарша. Я ему не разрешала.

Директор. Как? Я сторонник демократии, но не до такой степени!

Входить в мой кабинет без разрешения?!

Дядя (не обращая внимания, листает толстую тетрадь в руке, читает).

«Во имя развития азербайджанского национального театрального искусства мы должны потребовать от драматургов, актеров, режиссеров создания блестящего художественного образа пламенного большевика Сергея Мироновича Кирова, товарищи!...»

Директор. Что за глупости вы говорите?

Дядя (не обращая внимания, читает). «Одна из непростительных ошибок азербайджанского театра заключается в том, что до сих пор на нашей сцене не создан покоряющий сердца, незабываемый образ всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина, товарищи!...»

Директор (Секретарше). Откуда это он появился? (Сердито Дяде.) Мы должны воплощать на сцене наше национальное самосознание! Где национальное театральное искусство и где этот козлобородый тип Калинина?

Дядя (не обращая внимания, читает). «В то время, когда дорогой Никита Сергеевич Хрущев ведет неустанную борьбу в связи с развитием культуры кукурузоводства, мы не смогли еще показать на сцене кукурузное хозяйство, имеющее судьбоносное значение для азербайджанского народа, и потому руководство театра должно быть строго наказано!...»

Директор (раздраженно). Вы где находитесь, по-вашему?! Это что за нелепые слова такие?

Дядя. Это все – ваши слова...

Директор. Что?

Дядя. Это все – ваши слова... Совещание работников искусства Азербайджана, 1958 год, 13 мая, ваш доклад. 1960 год, 20 октября, совещание деятелей театра, ваше выступление, газета «Коммунист»...

Секретарша (прыснув, рассмеялась). Вот это да...

Директор (*сердито, Секретарше*). А ты почему сюда вошла?
Секретарша. Подумаешь! (*Выйдя в приемную, в телефонную трубку*.) Погоди минутку! (*Подходит к двери, наклонившись, заглядывает в замочную скважину*.)

Директор. Вы кто?

Дядя. Дядя.

Директор. Как это – дядя?

Дядя. Ну дядя да, дядя. Вы спрашиваете, кто я, я и говорю – дядя!

Директор. Вас так зовут – Дядя?

Дядя. И зовут меня Дядя, и сам я тоже – Дядя.

Директор. Ничего не понимаю...

Главный режиссер. Он молится. Какой удобный миг!

Удар мечом – и он взвывается к небу...

Эх!.. (*Стукнув по столу, открывает тумбочку, вытаскивает водку, рюмку, внимательно смотрит, потом медленно наливает*.)

Директор. Чей вы дядя?

Дядя. Да этого нашего ребенка...

Директор. Ребенка?.. Сильваны?!

Дядя. Нет.

Директор. А... Чей?

Дядя. Ахмеда...

Директор. Так... Значит, тот самый Дядя – это вы?

Дядя. Да.

Директор. А от меня вы чего хотите.

Дядя. От вас... (*Читает*.) «Анастас Иванович Микоян...»

Секретарша. Вот это да!..

Директор (*поспешно*). Хорошо, хорошо!.. Ведь... Ведь это не я его сократил. Коллектив...

Дядя (*прерывая его, начинает читать*). «Анастас Иванович Микоян...»

Директор (*взволнованно*). Потихе!..

Главный режиссер. Лучше «Московской» нет! (*Опрокидывает рюмку*.)

Директор. Ахмед очень талантлив! Я ему очень симпатизировал...

Главный режиссер. Что это такое? (*Нюхает бутылку с водкой*.) Кто налил сюда воды? (*Кричит*.) Кто выпил мою водку, а вместо нее налил воды?!

Директор. Я бы очень хотел, чтобы Ахмед вернулся, но...

Дядя (*читает*). «Анастас Иванович Микоян...»

Директор. Тише!.. Услышат!..

Главный режиссер. Кто? (*Встает, открывает дверь в приемную, видит Секретаришу, которая наклонившись, спиной к нему, заглядывает в замочную скважину*.) Кто налил сюда воды?! Опять у тебя пуговица упала?

Секретарша. Да...

Главный режиссер. Так ты бы одела что-нибудь без пуговиц, чтобы мы от этого избавились!

Секретарша. Что это вы себе позволяете? У меня есть жених!.. Если он услышит, что вы мне такие слова говорите...

Главный режиссер, махнув рукой, уходит со сцены.

Секретарша (*поднимая телефонную трубку*). Ой!.. Что творится!..

Директор. Я Ахмеда очень люблю! Хочу, чтобы он вернулся на сцену, стал свободным художником нашей независимой республики, но...

Дядя (*читает*). «Анастас Иванович Микоян...»

Директор. Тише, тише!.. Услышат!.. Ей-Богу, это ведь не от меня одного зависит...

Дядя (*читает*). «Анастас...»

Директор. Хорошо! Хорошо!.. Ахмеда мы вернем, а... а кого сократить?

Дядя (*читает*). «Анас...»

Директор. Есть! Есть! Да?! Договорились! (*Тихо*.) Такой мир, чтоб тебя... Чтоб... чтоб!..

ХОР: «КРЕМЛЕВСКИЙ ТЕАТР»

Великий режиссер товарищ Сталин
Не ездил на гастроли, жил в Кремле.
Но был настолько он универсален,
Что доставал любого на Земле.

В Кремлевском театре наша режиссура
Собрать сумела лучшую из трупп.
Кто был ничем, тот нынче стал фигура.
Кто был вчера фигура – нынче труп.

Талантливый актер товарищ Сталин
 Великого вождя играл в Кремле.
 Как трагик он был просто гениален,
 И плакали все люди на Земле.

Проходят времена былых титанов.
 А как рукоплескала им страна...
 Калинин, Киров, Берия и Жданов... –
 Забыты, слава Богу, имена.

Какой был драматург товарищ Сталин!
 Такого не найти теперь в Кремле.
 Финал же был настолько радикален,
 Что хлопали все люди на Земле.

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Приемная, кабинеты Директора и Главного режиссера.

Секретарша, Директор, Главный режиссер, Автор,
 Дядя.

Секретарша на своем месте говорит по телефону. Автор, сидя в кресле перед ней, с нетерпением поглядывая на дверь Главного режиссера, ждет приема. Директор, сидя в своем кабинете, глубоко задумался, обхватив голову руками. Главный режиссер, вытащив из кармана груды ключей и двумя-тремя отдельными ключами открывая новые замочки тумбочки стола, достает водку, рюмку, парочку деликатесов, внимательно нюхает водку, аккуратно раскладывает на столе деликатесы.

Секретарша (в телефонную трубку). Ой!.. Не может быть!

Дядя (входит в приемную). Здравствуйте!..

Секретарша. Ой!.. Опять появился! (В телефонную трубку.) Нет, не произведение, еще хуже!..

Дядя (показывая на кабинет Главного режиссера). Можно?

Секретарша. Нет! Нельзя! (Показывает на Автора.) Он тоже его ждет!.. Дайте человеку покончить с «Гамлетом»!..

Главный режиссер опрокидывает рюмку.

Директор. Этот разговор об Ахмеду совсем мне не нравится!.. Подозрительно!..

Главный режиссер. Водка!

Дядя (Автору). Вы тоже в театре работаете?

Секретарша. Этого только не хватало!.. (В телефонную трубку.) Я не с тобой!

Автор. Нет!

Дядя. Значит, вы не имеет к театру отношения...

Автор. Как это – я не имею отношения к театру? Что это за слова? Я – автор!

Дядя. Автор чего?

Автор. Драмы!

Дядя. Современной драмы?

Автор. Да! Она посвящена развитию верблюдоводства. Есть и политические конфликты.

Дядя. Как называется?

Секретарша. «Судьба зануды!» (Смеется, в телефонную трубку.)

Нет, я не с тобой!..

Автор. «Ангелы парят в грезах...»

Дядя. Не слыхал...

Автор (бурно). Ничего! Услышите! Все услышат! Все! Я в эти суровые дни делю с народом его беды! Мои произведения пропитаны слезами народа! Моя пьеса будет поставлена в этом театре!

Секретарша. Да уж!.. (В телефонную трубку.) Да нет!.. Да наш Шекспир сидит тут с портфелем в руке!.. Я знаю, что Шекспир умер. Но это – новый!..

Автор. Обязательно! Я должен выразить беды и горести, радость и гордость нашего народа в стихах! Показать на сцене! Описать в книгах!

Секретарша. Жди!..

Автор. А вы что здесь делаете?

Дядя. Играю роль.

Автор. Что? Какую роль?

Дядя. А вы какую роль играете? (Показывает на Секретаршу.) Какую роль играет она? А еще драматург! Вы разве не знаете, что в этом мире все играют роль? (Неожиданно открывает дверь Главного режиссера, входит.)

Секретарша *(вскакивает с места, бросается за ним)*. Стой! Он над «Гамлетом» работает!

Автор *(кричит)*. Я пришел первым! *(Секретарше)*. Кажется, у него с головой не все в порядке...

Секретарша *(сидя на месте)*. Про свою голову лучше подумай...

Директор. Совсем мне не нравится!.. Этот разговор об Ахмеди мне совсем не нравится!.. Подозрительно!.. Когда Горбачева избирали генеральным секретарем, я тоже испытывал именно такое чувство.

Главный режиссер поспешно накрывает разложенные на столе деликатесы газетой.

Главный режиссер *(сердито)*. Разве здесь можно работать?! В таком месте можно ставить Шекспира?! Кто хочет, суется сюда! Шекспира надо в президентском аппарате готовить к постановке, чтобы в дверях полицейский стоял! Вы кто?

Дядя *(блеет, как баран)*. Ме-е-е!..

Главный режиссер. Что?

Дядя. Ме-е-е!

Главный режиссер *(гневно)*. Это что такое?

Дядя. Ме-е-е!

Главный режиссер. Вы где находитесь, по-вашему?

Дядя. Ме-е-е!

Главный режиссер. Здесь театр, а не стойло!

Дядя. Ме-е-е!.. Баран!

Главный режиссер. Что?

Дядя. Баран! Баран, которого вам домой послал тот вроде драматурга, такой Гурбанализаде, начальник почты! Ме-е-е!.. Покойный перед тем, как в ваш холодильник попасть, так блеял: ме-е-е!.. А Гурбанализаде хотел, чтобы его пьесу обсудили в театре. А теперь он весь ваш театр кроет по-всякому! Ме-е-е!..

Главный режиссер *(хочет перейти в наступление)*. Знаете что?! Я не тот...

Дядя *(прервав его, внезапно начинает танцевать под джаз, дергаясь руками и ногами)*. Бам-бам-бам!.. Ба-ба-бам-бам-ба!.. Ву-ви-ви!.. Ба-бам-бам!..

Главный режиссер. Вы... что делаете?! Вы сумасшедший?!

Дядя. А это магнитофон! *(Танцует на месте)*. Ба-ба-бам!.. Ва-баб-баб-баб!.. Ви-ву-ви!..

Автор. Я раньше него пришел на прием!

Секретарша. Да ради Бога, отстань от меня! *(В телефонную трубку)*. Да ты что, я не с тобой!.. Есть тут один, работать не дает человеку...

Дядя *(танцует)*. Магнитофон, который вам послал поэт Гулам Бабаши! Бедняга до сих пор ждет, когда вы его поэму поставите!.. Ба-ба-бам!.. Ву-ви-ву!..

Пауза.

Директор. Совсем мне не нравится, совсем!..

Дядя *(вдруг начинает качаться туда-сюда, как будто пьяный)*. Мьям-ням!.. А это... а это я пью... лично за твое здоровье!..

Главный режиссер. Да вы что... Он сумасшедший, что ли?

Дядя. А что? Поддаем да? Тот бочонок вина, который вам домой послал ассистент режиссера Мелик Мамедли, его мы пьем!.. Бедняга, он хотел стать вторым режиссером... *(Снова, как будто пьяный)*. За твое здоровье!..

Короткая пауза.

Главный режиссер *(с трудом приди в себя)*. Слушай, а ну присядь на минутку! Ты кто? Откуда? Кто тебя послал? Знаю! *(Показывает на комнату Директора)*. Тот партократ тебя послал!

Дядя *(усевшись в кресло, качает головой, в смысле, нет)*. Ы-ы-ы!..

Главный режиссер. Сильвана?

Дядя *(опять качает головой)*. Ы-ы-ы!..

Главный режиссер. А кто?

Дядя. Я сам.

Главный режиссер. Чего ты от меня хочешь?

Дядя. Сокращение...

Главный режиссер. Что?

Дядя. Вопрос о сокращении...

Главный режиссер. Вопрос о сокращении? О каком сокращении? Чье сокращение?

Дядя. Того нашего мальчика...

Главный режиссер. Мальчика? Какого мальчика?

Дядя. Его да...

Главный режиссер. Уж... Уж не об Ахмеди ли вы говорите?

Дядя *(кивком подтверждает)*. Гы-ы-ы!..

Главный режиссер. Он все говорил: дядя, дядя, так это вы?

Дядя *(кивком подтверждает)*. Гы-ы-ы!..

Главный режиссер. Слушай, ну так и говори!.. А то пожилой человек и начинаешь тут. *(Передразнивает, как Дядя танцевал джаз.)* Ви-ву-ву: бам-баом-бам. Ей-Богу, все – его дела! Этого партократа! *(Показывает на комнату Директора.)* Его! Он сократил, я тут ни при чем! *(Садится напротив Дяди.)* Ахмед – талантливый парень! Как я его ни защищал – не получилось!

Дядя *(встает с места, как будто управляет машиной)*. Выр-р-р! Бап! Бап!.. Ба-бап!..

Главный режиссер. Опять что такое?

Дядя. Машина да!.. *(Усаживается за столом, на месте Главного режиссера.)* Ваша машина! Карбюратор! Карбюратор, который купил и прислал вам из Гянджи актер Рза Балазаде *(Снимает газету с тех деликатесов на столе, откладывает в сторону.)* Бедняга все еще сидит и ждет, когда вы пригласите его в Баку, в театр... Бап!.. Бап!.. Выр-р-р!..

Главный режиссер *(с постепенно нарастающей тревогой)*. Слушай, ну ей-Богу, это – дело того партократа! Вы мне не верите?

Дядя достает из тумбочки стола водку, рюмку, внимательно разглядывает водку на свет, потом медленно наливает в рюмку.

Вы думаете, легко быть здесь главным режиссером? Я ему... Я ему Гамлета хотел дать!

Дядя *(поднимает рюмку)*. Если ты мужчина, дай кубок мне! Отдай его! *(Опрокидывает рюмку, потом берет со стола пару кусочков из лежащих на столе деликатесов.)*

Каким бесславием покроюсь я в потомстве,
Пока не знает истины никто...

(Снова наливает в рюмку водку.)

Директор. Подозрительно! Очень подозрительно!.. Совсем мне не нравится!.. Не нравится!..

Дядя *(выливает водку)*. Нет, если ты мне друг, то ты на время поступишь-ся блаженством... *(Снова наливает в рюмку водку.)*

Автор. Я пришел первым! *(Секретарше.)* Я буду на вас жаловаться!

Секретарша. Да отстань ты от меня! Хочешь, чтобы я своему жениху сказала?! *(В телефонную трубку.)* Нет, я не с тобой!.. Как это, какой мой жених?..

Дядя *(поднимает рюмку)*. ...и поведай про жизнь мою!.. *(Опрокидывает рюмку.)*

Главный режиссер. Хорошо, хорошо! Вернуть Ахмеда в наш театр – это мой долг! Даю слово! *(Говоря это, он встает, берет стоящую на столе водку.)* Даю слово, что поставлю его вопрос очень серьезно! Ахмед должен вернуться в театр! *(Постепенно возбуждается.)* Нельзя так обращаться с молодыми талантами! Мы должны ценить таланты! Я даю слово! Когда-то и я должен сказать в этом театре свое слово! Теперь я его скажу!

Дядя *(встает)*. Если не скажете, я напишу!

Главный режиссер. Что? Вы и пьесы пишете?

Дядя *(пальцем показывает на водку в руках Главного режиссера)*. Жалобу на вас в президентский аппарат напишу! *(Быстрыми шагами выходит в приемную.)*

Автор *(вставая с места)*. Я раньше вас пришел! Права человека неприкосновенны! *(С портфелем в руке всовывается в кабинет Главного режиссера.)*

Секретарша. Нельзя! Он занят! Над «Гамлетом» работает!

Дядя. Бедный Шекспир! *(Уходит со сцены.)*

Главный режиссер *(увидев автора, раздраженно)*. Танк!

Автор. Что?

Главный режиссер *(кричит)*. Танк! Танк!

Автор. Какой танк?

Директор. Подозрительно!

Главный режиссер. Как не стыдно?! Всюду воюют! Гибнут люди! Тысячи людей без крова! А ты тут начинаешь, верблюд так пошел, тележок так пришел, я знаю, с бараном то-то случилось! Должен быть танк! А Гюляндам...

Автор *(тотчас взорвавшись, прерывает его)*. Нет! Гюльзар! Я не откажусь от своих убеждений!

Главный режиссер. Ну хорошо, Гюльзар! А Гюльзар – командир женского батальона!

Автор *(взволнованно)*. А Ядигяр?

Главный режиссер. Какой Ядигяр?

Автор *(кричит)*. Возлюбленный Гюльзар!

Главный режиссер. Ядигяр – тоже танкист! Все! В армии должна быть дисциплина! Это театр! Понял?! Театр! Театр!

Свет гаснет.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Прекрасный уголок природы. Сильвана, Дядя.

Оба прохаживаются в этом прекрасном уголке, временами останавливаются, чувства перекрещиваются через край, потом снова прохаживаются.

Сильвана (*взволнованно*). Я должна вам сказать... Да, должна сказать... Мне... Мне уже за сорок...

Дядя. Для меня это не имеет никакого значения!.. Вам может быть и за восемьдесят...

Сильвана. Что?

Дядя. Да! И девяносто, и сто может быть! Но для любящего сердца – разве это имеет значение?

Сильвана. Ах!.. Тогда я должна сказать вам правду! Все равно вы это узнаете! Когда пойдем в ЗАГС, придется показать паспорта! Ах, эти пережитки тоталитарного режима!.. Паспорта – самая мерзкая память, оставленная социализмом! Ни в одной культурной стране мира нет такого! Это безобразие!

Дядя. Не нервничайте.

Сильвана. Нет, я должна сказать!.. Я должна сказать вам правду... Мой возраст... Мне – за пятьдесят...

Дядя. Я даю вам слово, что никогда не загляну в ваш паспорт.

Сильвана. Ах!.. Вы – настоящий рыцарь!.. Но... Но у меня есть сын... Судьба предала меня... Моя невинная юность стала жертвой негодяя... Он был коммунист!.. От того трагического обмана у меня остался сын...

Дядя. Тогда я – его отец!

Сильвана. О-о-о!.. Вы не человек, вы – святой!.. Но... у меня еще есть внук... Вы, наверное, теперь разлюбите меня?

Дядя. Как? У вас есть внук?

Сильвана (*в волнении*). Да... Ах!.. Значит, пришел миг расставания?

Дядя. Внук?

Сильвана. Ах, моя несчастная судьба!..

Дядя. Я всю жизнь мечтал о внуке! Какое огромное счастье! Большое спасибо! Вы подарили мне внука!

Сильвана. О-о-о!.. Господи, какой вы благородный человек! Значит, вы меня все еще любите?

Дядя. Вы меня в одно мгновение сделали счастливым! Как вас можно не

любить?! Вы божественны! Вы даже сами этого не понимаете! Теперь мое самое большое желание – взять на руки нашего внука, нянчить его!

Сильвана (*смущенно*). Да, но...

Дядя. Ничего не желаю слышать! Он вырастет у меня на руках!

Сильвана. Ведь...

Дядя. Что ведь?

Сильвана. Ведь... он... взрослый...

Дядя. Взрослый? Ну сколько же ему?

Сильвана (*прослезившись*). Ему двадцать лет... Меня очень рано обманули в беспощадной жизни...

Дядя. Двадцать?

Сильвана. Да... Нет, вы больше не сможете меня любить!..

Дядя. Что вы говорите?! Свадьба! Значит, нам пора готовиться к свадьбе! Мы выдадим нашу прекрасную внучку замуж!

Сильвана. Это не девушка, парень...

Дядя (*с энтузиазмом*). Значит, мы женим его на прекрасной девушке! Ах! Мы сыграем пышную свадьбу! А потом будем брать на руки наших правнуков и нянчить их!

Сильвана. Да. Но не будем никому говорить, что это наши правнуки...

Дядя. Мне и в голову не пришло бы, что я буду устраивать свадьбу, что мой внук будет строить семью?! Большое спасибо! Большое спасибо, что вы делаете меня таким счастливым!

Пауза. Сильвана смотрит в сторону здания театра.

Дядя. Не смотрите в ту сторону...

Сильвана (*взволнованно*). Нет, буду смотреть! (*Кричит.*) Директор! Только директор!

Дядя. Что?

Сильвана. Директор! Только директор! Только!

Дядя. Что – директор?

Сильвана. Ахмед должен быть директором! Да! Ахмед должен быть директором нашего театра! Он достоин быть руководителем! Директор! Обязательно! Обязательно! (*С криком быстрыми шагами уходит со сцены.*) Директор!

«ТЕАТР ГЛАЗАМИ СЕКРЕТАРШИ»

В театре я работаю одна,
Но этого, увы, не понимают.

Энергию растратила до дна, –
 Все силы телефоны отнимают.
 Как трудно мне приходится порой,
 Все надо и увидеть, и подслушать.
 Потом переварить, причем одной,
 Затем излить по телефону душу.
 Звонят кому не лень, всегда ко мне,
 Но нужно проявлять и к ним заботу.
 Никто, пожалуй, лучше на земле
 Не знает всю театральную работу.
 Директор дуб, зануда, партократ
 И в театре ничего не понимает,
 А главный режиссер пропил талант,
 Но места никому не уступает.
 Придется править театром мне одной.
 О том, что это нелегко, я знаю.
 Но разберусь, хоть с Бабою-Ягой,
 А нужно – и Дездемону я сыграю.

Свет гаснет.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Приемная, кабинеты Директора и Главного режиссера. Директор, Главный режиссер, Сильвана, Актер, Молодая актриса, Автор, Секретарша и иной театральный люд.

Весь знакомый нам творческий состав театра набился в приемную, все кричат, никто никого не слышит. Директор в волнении, стоя в дверях, часто прикладывает ухо к двери и прислушивается. Главный режиссер прохаживается в своем кабинете. Секретарша, сидя за столом, говорит по телефону, в шуме не слышно, что она говорит, но чувствуется, что она передает в трубку прямой репортаж о происходящих событиях.

Сильвана (*кричит*). В от-став-ку!.. В от-став-ку!

Театральный люд хором кричит:

В от-став-ку!

В от-став-ку!
 В от-став-ку!
 Сильвана (*кричит*). Ахмед должен быть директором нашего театра!
 Молодая актриса (*кричит*). Он – настоящий человек искусства!
 Директор. Я подозревал! Моя селезенка как барометр, она сигнализи-
 ровала!
 Актер (*кричит*). Да, Ахмед – директор!
 Главный режиссер (*нервно*). Опять шанс ускользает от меня!
 Неужели я так никогда и не стану директором этого театра?!
 Сильвана (*подняв кулак, грозит в сторону кабинета Директора*).
 Позор партократам, мешающим искусству!
 Директор. Ах ты стерва!

Театральный люд хором кричит:

Позор!..

Позор!..

Позор!..

Секретарша (*взволнованно в трубку*). Ой, что творится!.. Митинги перед Верховным Советом – ничто перед этим!..

Сильвана (*пальцем показывая на кабинет Директора, кричит*). Этот человек должен перейти на должность администратора! Ахмеда – директором!

Директор (*обеими ладонями шлепнув себя по голове, потрясенный*). Подумать, кем ты был и кем теперь становишься?! Администратор! Будь проклят Горбачев! Гори он а ду!

Сильвана (*кричит*). В искусстве надо открывать дорогу талантам! Дамы и господа! Этот год – год государственного строительства в Азербайджане! Ахмед-бек должен стать нашим директором!

Театральный люд хором:

Ах-мед ди-рек-тор!..

Ах-мед ди-рек-тор!..

Ах-мед ди-рек-тор!..

Директор. Нет! Я больше не выдерживаю! (*Водит взглядом по углам кабинета*.) У меня тоже есть достоинство! Со мной нельзя обращаться как с Горбачевым!..

Секретарша (в телефонную трубку). Нет, громче всех кричит – Сильва! Другая тоже кричит. Иногда пугает, говорит Мехтигулу!..

Директор (не найдя в кабинете искомого, поспешно расстегивает и снимает с пояса ремень). Увидите!.. (Сделав из ремня петлю, надевает на шею и ищет в кабинете место, где бы повеситься.) Я больше не выдерживаю!..

Главный режиссер. Не вышло! И на этот раз не вышло!.. Во времена коммунистов – так, теперь – эдак! О несчастный!.. Мое время никогда не придет! (Шлепает себя по лбу, потом быстрыми шагами подойдет к столу, вытаскивает из тумбочки бутылку водки, дрожащими от волнения руками наливает в рюмку.)

Сильвана. Ахмед-бек должен быть директором!

Директор. Прямо Буденный, Буденный, только в юбке!..

Сильвана. Бесповоротно!..

Молодая актриса. Ахмед – талант!..

Актер. Да! Озарим путь таланту ярким светом прожектора искусства!

Театральный люд хором:

В от-став-ку!

В от-став-ку!

В от-став-ку!

Директор (не найдя в кабинете места, где повеситься, кладет на стол конец ремня и накладывает на ремень все, что попадает под руку). О, бренный мир!.. Смотри, какой тебя ждал конец?! Кому бы пришло в голову, что ты покончишь с собой в театре? Чтоб Горбачев... (И не находит слов.) Чтоб Горбачев... кровью харкал!..

Сильвана (показывая на дверь Главного режиссера). А этот почему не выходит?

Секретарша (на мгновение оторвавшись от трубки). Он готовит «Гамлета»!

Сильвана. Что? Сегодня под угрозой азербайджанская государственность! Какой «Гамлет»?! (Со злостью открывает дверь кабинета Главного режиссера.)

Главный режиссер (только что выпитая водка застряла у него в горле, поперхнувшись). Я... Я лекарство принимаю! Я... Мое сердце...

Сильвана (зажимает нос). Фу-у-у!.. Тридцать лет уже это лекарство пьете, почему сердце еще не прошло? Почему не присоединяетесь к требованию

коллектива об отставке? Не знаете, что сейчас у нас в республике идет государственное строительство?

Главный режиссер. Я... Я...

Актер (засунув голову внутрь, со скрытой угрозой). Сейчас придет Дядя!

Главный режиссер (глотая воздух, кричит). В от-став-ку!.. В от-став-ку!.. (Быстрыми шагами выходит в приемную.)

Секретарша (в телефонную трубку). Ой!.. Гамлет тоже вышел!..

Театральный люд хором:

В от-став-ку!..

В от-став-ку!..

В от-став-ку!..

Автор (войдя в приемную с портфелем в руке, сначала терется, увидев всю эту кутерьму, потом Секретарше). Что здесь происходит?

Секретарша (прикрикивает). Слушай, тут тебя только не хватало?!

Автор. Вы не имеете права топтать мои права человека!

Сильвана (кричит). Мы не позволим душить демократию!..

Главный режиссер (кричит). Позор бывшим партократам!..

Актер (кричит). И Ахмед, и его дядя умеют ценить искусство!..

Директор, став на колени, резким движением отдергивает шею. Все, что он навалил на ремень: груды папок, бумаги, канцелярские принадлежности, телефон – разлетается по полу, а сам он, упав на пол, торопливо пытается освободить ремень на шее.

Сильвана. Дамы и господа! Хватит уже!

Главный режиссер. Этот человек из страха не выходит к народу!

Молодая актриса. У нашего терпения тоже есть пределы!..

Сильвана (протягивая руку в сторону кабинета Директора). Вперед!.. (Ударив по двери Директора, входит внутрь.) В от-став-ку!..

И театральный люд следом за Сильваной набивается в директорский кабинет:

В от-став-ку!..

В от-став-ку!..

В от-став-ку!..

Директор (встает и, наконец-то развязав ремень с шеи, торопливо). Я согласен!.. Я согласен быть администратором!..

Секретарша (*встает, заглядывая в открытую дверь кабинета, в телефонную трубку*). Ой!.. Бедняга боится, что его даже администратором не оставят!..

Автор (*вытащив из портфеля записную книжку, заглядывая в кабинет, делает пометки*). Ага!.. Значит так!.. Тут начинается кульминация...

Директор. Только...

Сильвана. Что – только?

Директор. Только оставьте мне хотя бы служебную машину.

Сильвана. Я категорически возражаю!

Главный режиссер. Как это, директором будет другой, а директорская машина – у вас?

Актер. Я тоже категорически возражаю!

Молодая актриса. Разве в Америке директор театра такое скажет?

Ассистент. Безобразия!..

Актриса. Позор!

Пактриса. А еще говорит, я демократ!..

Актриса. Это ложь!..

Сильвана. Машина должна возить Ахмеда! Ведь... Ведь, возможно, иногда она понадобится его дяде!..

Актер. Правильно!

Молодая актриса. Он из-за машины спорит!.. Хорошо, что Мехтигулу-бека здесь нет, а то бы просто не знала, куда деваться от стыда!

Секретарша. Ой-ой-ой!..

Пактриса. Ахмед – талант!

Директор. А где был его талант до сих пор? Почему вы его сократили?

Сильвана. Значит, вы говорите, что у него таланта нет, да?

Директор. Я... Я говорю, что...

Главный режиссер (*прерывает его*). Дядя в курсе этих ваших мыслей?!

Директор. А? Нет... Вы меня неправильно поняли... Я демократ... Я... не жалел жизни ради построения демократического общества... Мы вступаем в новую жизнь... Я... Вы говорите, администратор, ну ладно... Что мне сказать... Что мне сказать... Я... (*Внезапно, не сдержавшись, кричит*). Я хочу машину! Я умру, если у меня не будет персональной машины! Я сорок лет ездил на казенной машине!..

Сильвана. Дамы и господа! Мы должны быть гуманистами! Тоталитарный режим искалечил этого человека!

Директор. Да... Да..

Автор (*с той же страстью делая заметки в записной книжке*). Это должен быть отрицательный герой!

Сильвана. Он – жертва сталинизма!

Директор. Да... Да...

Сильвана. Жертва хрущевского волонтаризма!

Директор. Да... Да...

Сильвана. Жертва эпохи застоя! Жертва горбачевщины!

Директор. Да... Да...

Сильвана. Жертва всего дурного, что есть на свете!

Директор. Да... Да...

Сильвана. Но мы должны быть гуманистами!

Директор. Да... Да... Будьте!

Сильвана. Мы не хотим, чтобы он умирал! Это не соответствует нашим принципам! Не так ли, дамы и господа?

Директор. Так!

Актер. Конечно, пусть не умирает.

Молодая актриса. Нет, пусть не умирает! Что нам скажут деятели культуры мира?

Главный режиссер. Да ему лучше знать! Не будем вмешиваться в его личную жизнь!

Сильвана (*не обращая внимания на слова Главного режиссера*). Дамы и господа! (*Показывает на Директора*). Этот человек не может жить как обыкновенные люди! Это не его вина! Это вина тоталитарного режима!

Директор. Да... Да...

Сильвана. Если мы не хотим, чтобы он умирал, надо дать ему персональную машину!

Директор (*растроганный*). Большое спасибо! Я никогда в жизни не забуду вашей доброты! Клянусь партбилетом... э-э-э... своей совестью!

Сильвана. Помните! Когда он работал в Центральном Комитете, он торжественно вручал нашему театру почетную грамоту!

Актер (*тихо*). А мне пятнадцать лет не давал почетное звание...

Главный режиссер (*тихо*). А мне пять выговоров влепил...

Сильвана. Мы должны думать не о себе, а о театре! Человек – смертен! Искусство – вечно! Дамы и господа! Я предлагаю ему машину, которая возит в буфет сосиски!

Директор. Что?

Сильвана. Машину, которая возит сосиски! Пусть он ею пользуется!

Директор. Да?.. Хорошо... Я согласен!.. Согласен!.. Пусть... пусть *(печально)* будет машина для сосисок, я согласен!..

Секретарша *(заглядывая в открытую дверь, в телефонную трубку)*. И на сосисочную машину согласился. Бедный боится, что и она из рук выскользнет! *(Прикрикивает на Автора, который, тесня ее, заглядывает внутрь.)* Да отойди ты!.. Не видишь, я смотрю?!

Автор *(взволнованно)*. Как это – отойди? Как – отойди? Вы не сможете отобрать у меня мои авторские права! Я собираю художественный материал! Я напишу трагедию нашего времени!

Секретарша *(вертит ладонью)*. Ай-хай!..

Сильвана. Дамы и господа! Значит, мнение коллектива таково: Ахмед восстанавливается в театре.

Актер. Да!

Молодая актриса. Он – талант!

Сильвана. И утверждается на пост директора! А этот человек *(показывает на Директора)* переводится на должность администратора.

Директор. И ко мне прикрепляется машина для перевозки сосисок.

Сильвана. Да.

Директор. Ставьте на голосование! Теперь – демократия, поставьте на голосование, чтобы потом и с этим не вышло какой-нибудь неувязки.

Сильвана. Иногда и этот человек правильно говорит. Дамы и господа! Кто согласен с этими предложениями...

Директор. Нет. Ставьте предложения на голосование по одному! И сосисочную машину отдельно!

Актер. Слушай, ну мы верим, что ты демократ, но уж не настолько же!

Сильвана. Мы должны решить вопрос быстро. Не надо терять времени. Дамы и господа! Ставлю эти предложения на голосование. Кто согласен со всеми этими предложениями, пусть поднимет руку.

Все поднимают руку. Автор торопливо втискивается внутрь и начинает по одному подсчитывать голоса.

Автор. Один, два, три, четыре, пять, шесть...

Директор. Подсчитайте и тех, кто против, чтобы потом из-за сосисок и из-за машины недоразумения не вышло...

Сильвана. Дамы и господа! *(Со скрытой угрозой.)* Кто против?

Автор *(записывает в книжку)*. Все за.

Сильвана. Против – нет. Кто воздержался?

Автор. Нет. *(Записывает в книжку.)* В моей будущей трагедии все должно быть точно!

Директор *(Автору)*. И машину отметь там, чтобы потом документ был на руках.

Автор. Нет! Я теперь буду писать не о машинах, коровах, баранах, а о людях!

Сильвана. Дамы и господа! Таким образом, наш родной коллектив добился того, чего хотел! Задушить голос народа, остановить демократию оказалось невозможно! Искусство – вечно, жизнь – коротка! Мы ведем борьбу за искусство!

Директор. У меня есть еще одна просьба!

Главный режиссер. Я же говорил, этому типу нельзя оказывать снисхождения!

Директор. У меня есть одна просьба. Указать буфетчику, чтобы он со мной из-за сосисочной машины не спорил.

Сильвана. Это ему наш новый директор укажет! Да, дамы и господа! Ахмед-бек возвращается в свой родной очаг искусства!

Дядя входит в приемную.

Секретарша. О-о-о! *(В телефонную трубку.)* Самый главный пришел! Нет, не премьер-министр, Дядя! *(Дяде.)* Поздравляю вас!

Дядя. Меня? По какому случаю?

Секретарша. Ахмед-муаллим вернулся в театр! Он наш директор! Большое спасибо!

Дядя. Мне за что? Это вам спасибо!

Театральный люд в кабинете видит в открытую дверь Дядю и каждый по-своему хочет высказать свое особое уважение, и наш друг Дядя под этот шумок входит в кабинет Директора.

Актер *(Дяде)*. Что я вам обещал?

Главный режиссер. Я вырастил Ахмед-муаллима вот на этих руках, как я мог позволить, чтобы он остался в стороне?

Ассистент. Все, что я вам говорил, я высказал этому человеку! *(Показывает на бывшего Директора.)*

Сильвана. Я сказала, что не позволю свершиться несправедливости!

Актер. Я сделал, что вам обещал!

Сильвана. Не нужно лишних слов! *(Показывает на Дядю.)* От зорких глаз этого человека не ускользнет ничто!

Автор *(внимательно глядя на Дядю)*. Вот не знаю, положительный это герой или отрицательный?

Сильвана. Ничто, ничто не ускользнет! *(Кокетливо.)* Он знает, кто есть кто...

Молодая актриса. Мехтигулу-бек не звонил еще?

Дядя. Кто?

Молодая актриса. Мехтигулу-бек!

Дядя. Кто это Мехтигулу-бек?

Молодая актриса. Ну президент «Мехтигулу портиш компани» да!

Секретарша *(в телефонную трубку)*. Все! Я решила! *(Бросает трубку на рычажок телефона и с необыкновенным волнением бросается к Дяде.)* Вы... К вам... У меня к вам просьба! Не отвергайте ее!

Дядя. Какая просьба?

Секретарша. Станьте и моим... и моим дядей! Прошу вас! Будьте мне дядей тоже!

Дядя. Но в чем у вас нужда? Чего вы хотите?

Секретарша. Я... Я хочу играть Дездемону!

Пауза.

Жених мне разрешил! Это мое давнее желание! Станьте моим дядей!

Автор. Ага! *(Записывает в книжку.)*

Актер. Как невыносим, тяжел этот миг,

Как будто поднялся страшный ураган!..

Сильвана. Ну это уже слишком... Скорее! Позвоните Ахмеду, пусть он придет!

Дядя. В этом нет необходимости...

Сильвана. Как нет? Пусть придет? Приступит к своим обязанностям в этом храме искусства!

Дядя. Он здесь, не беспокойтесь...

Сильвана. Здесь? *(Секретарше.)* Иди быстро его позови! *(С иронией.)* Дездемона!

Дядя. Да нет... Нет необходимости звать...

И Дядя не спеша начинает снимать свой парик, усы, брови, полотенцем стирать с лица грим, и на протяжении всего этого времени все как загнипнотизированные смотрят на него. Наконец, вместо Дяди возникает Ахмед.

Пауза.

Ахмед. Здравствуйте! Я ваш дядя. *(Пауза. Сильване.)* Наконец-то мы с вами стали партнерами!

Сильвана. Ой!.. *(Теряет сознание.)*

Актер *(подхватывает Сильвану)*. Изменилась жизнь,

Под действием луны произошло это...

Секретарша *(бежит к телефону и быстро набирает номер)*. Алло! Алло!..

Молодая актриса. А Мехтигулу-бек?

Пауза.

Весь театральный люд все еще не может прийти в себя и, замерев в молчании, смотрит на Ахмеда.

Автор *(внезапно нарушая это мертвое молчание)*. Я нашел свою главную тему! Я напишу об истинном театре! Театр!.. *(С криком убегает писать свое новое монументальное произведение)*. Театр!.. Театр!..

ХОР: «БРАВО, ТЕАТР!»

Вот и все. Мы дошли до развязки.

Злу конец, начинается рай.

Вы не верите? Скажете «сказки»?

– Хочешь правды, газеты читай!

Ты друзьям говоришь откровенно:

Что хорошего в театре твоём? –

Потому что мы в зеркале сцены

Неохотно себя узнаем.

О театре по-разному судят.

Что ж, имеют законное право.

Театр был, театр есть, театр будет!
Театру слава! Актерам браво!

Показали сегодня, понятно,
Мы не вас и не ваших друзей.
Просто-напросто темные пятна
В рамке сцены гораздо темней.

Нам отсюда видней в человеке
И улыбка, и честь, и любовь!
Мы в театре, бессмертном навеки,
Будем рады увидеть вас вновь!

О театре по-разному судят.
Что ж, имеют законное право.
Театр был, театр есть, театр будет!
Театру слава! Актерам браво!

Сцена вращается и снова становится, как во время спектакля «Отелло», разделенной на две части: половина – театральная сцена, а половина слева – пространство за сценой. Занавес опускается. Слышны аплодисменты невидимых зрителей.

Сильвана. Поднимите занавес! Поднимите!

Молодая актриса. О Господи!.. После такого позора она опять вперед вылезает!..

Сильвана. Возьмите меня за руку!

Директор. Я? Ну уж нет, со мной – все! У меня тоже есть свои принципы!

Сильвана. Поднимите занавес!

Участники спектакля по одному, по двое выходят на сцену, кланяются невидимым зрителям, и в течение всего этого времени участники хора все так же произносят свои тексты.

З А Н А В Е С

ИЩИТЕ СУМА СШЕДШЕГО,
ИЛИ МОЙ ЛЮБИМЫЙ
СУМА СШЕДШИЙ

Почти комедия в девяти картинах
с прологом и трагифарсовым подтекстом

«Видите сумасшедшего, или
Мой любимый сумасшедший»

Эльман

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Главный редактор – личность загадочная, почти нереальная.

Профессор – ученый всех времен и режимов.

Медсестра – вечная тень великих мужей.

Ответсекретарь – мудрый алкоголик с философским уклоном.

Политобозреватель – почти ясновидящий.

Завотделом – телепат на уровне межпланетных связей.

Пантелеймон Поликарпович – русскоязычный журналист, в прошлой жизни чистокровный азербайджанец.

Литработник – автор многоглавой поэмы «Симузар», враждующий с будущей тещей и не понимающим его миром.

Секретарша – обобщенная жертва новейших преобразований, порой представляющая себя фазаном.

Место и время действия определяются содержанием комедии.

ПРОЛОГ

На сцене полумрак, звучит тихая, убаюкивающая музыка. Появляется человек в полосатой пижаме, он явно от кого-то прячется, затем убегает. Слышны голоса:

Мужской голос. Эй, Захра! Уберите музыку и дайте полный свет. Час светомузикотерапии закончился.

Женский голос. Сейчас, профессор. Одну минуточку. Я тут вам сюрприз готовлю...

Мужской голос. Какой еще сюрприз?

Женский голос. Сами увидите. Закройте глаза.

Мужской голос. Тут и так темно. Вы нарушаете мои предписания. Больных пора выводить из камер... э-э-э из палат. Никак не привыкну к демократической терминологии.

Женский голос. Я следую вашей гениальной методике. Минута в минуту. Включаю!

Яркий свет освещает сцену. Появляется Профессор, он в халате, протирает очки, оглядывается.

Профессор. Захра, а где музыка бодрости, радости, оптимизма? Перед сном пациента надо взбодрить, зарядить...

Звучит бравурная музыка, чем-то похожая на пионерский марш.

На сцене появляется Медсестра, она в коротком халате, загадочно улыбаясь, прячет что-то за спиной.

Медсестра. Закройте глаза, профессор.

Профессор. Без очков я почти не вижу даже вашего прелестного личика.

Медсестра. Вот, взгляните! *(Показывает медную пластину.)*

Профессор. Что это?

Медсестра. Очки, профессор. Наденьте очки...

Профессор *(надев очки, читает)*. «Главный специалист республиканского центра психоанализа и профилактики...»

Медсестра. Тут все ваши заслуги, профессор. (*Читает.*) «Почетный академик, заслуженный деятель, лауреат...» и прочее, и прочее.

Профессор. Зачем? Вы же знаете, кто я...

Медсестра. Знаю, профессор, знаю. Но это для тех, кто пока не знает. Подопытный должен не входить, а вползать в ваш кабинет...

Профессор (*оглядываясь*). Какой такой подопытный?

Медсестра. Простите... Я оговорилась. Так себя называет ваш любимец.

Профессор. Да, любопытный экземплярчик. По всем параметрам нормальный человек. Но как только речь заходит о величайших преобразованиях...

Медсестра. А его новое хобби! Редактирует газеты, комментирует телепередачи. Вчера снова покушался на телекомментатора. Чуть не разбил телевизор...

Профессор. Меня предупреждали: за ним глаз да глаз. Рецидивы буйства отмечались у него и на воле... Когда баллотировался в народные избранники.

Медсестра. Так вы одобряете?

Профессор. Что?

Медсестра. Новую вывеску на двери вашего кабинета?

Профессор. Ну, если вы на этом настаиваете...

Медсестра. Настаиваю, профессор! Вы же, наверное, догадываетесь, как я вам... как мне с вами.

Трижды мигает свет.

Профессор (*смотрит на часы*). Странно...

Медсестра. По вашей гениальной методике до отбоя еще целых...

Свет гаснет, воцаряется напряженная тишина, слышны чьи-то торопливые шаги. И тут же включается сигнал тревоги, сквозь его завывания прорываются голоса:

Мужской. Буйный дал деру...

Женский. Куда он денется. Включайте свет, сейчас мы его...

Мужской. Закройте двери. Предупредите охрану.

Женский. Свет, дайте свет!

Мужской. Ворота закройте! Ворота!

Женский. Пробки вывернул... Ищи его теперь.

Мужской. Свечи, принесите свечи!

Женский. Загляните под лестницу!.. Под лестницу!..

Мужской. Объясните мне толком: кто пытается сбежать?

Женский. Пытается... Ха, его уж след простыл.

Мужской. Туалет осмотрите!.. Туалет!..

Женский. Телик его доконал. Болтали что-то про демократию...

Мужской. Прекратите! Развести всех по камерам... э-э-э... по палатам. Вызовите электрика.

Женский. Попробуй вызови. Теперь уж до утра будем кукарекать...

Высвечивается кабинет Профессора, он ходит по кабинету.

Профессор (*взволнованно*). Сбежал!.. Я всю ночь глаз не сомкнул. Каков, а?

Медсестра. Вы... ой... вы себя берегите, профессор!.. Куда он денется. Скоро мы на этого беглеца смирительную рубашечку... И в карцер, суток на...

Профессор. За этот побег с меня... Вы даже не представляете...

Медсестра. Представляю. Но вам нельзя так волноваться!..

Профессор. Как тут не волноваться... Как тут... (*Ходит по кабинету.*)

Медсестра. Сядьте... Сядьте... и успокойтесь. Я сейчас вам дам...

Профессор. Азербайджанская наука понесла непоправимую потерю! Мой больной, мой самый умный сумасшедший сбежал! Он был выдающимся сумасшедшим. Позор, позор на мою голову, на мой... этот... престиж.

Медсестра. Вы подумайте... подумайте о себе!.. Так же нельзя!..

Профессор. Без него моя жизнь теряет смысл. Я этого не вынесу! Лечение прервалось на середине! В истории медицины не было такого ценного, такого блестящего эксперимента. Да, мой пациент был самым выдающимся сумасшедшим. (*Хватается за сердце.*) Конец, мой конец, кажется, уже...

Медсестра. Успокойтесь. Прошу вас, профессор. (*Торопливо достает из сумки таблетку и силой всовывает ее Профессору в рот.*)

Профессор (*пытаясь проглотить застрявшую в горле таблетку*). Он... э-э-э... Должен вернуться... Обязательно должен... Он обязан быть в своей камере... э-э-э... в своей палате. Мы должны его найти. Пусть земля разверзнется, небо обрушится, но мы должны его найти! Это наш долг перед народом, государством, правительством! Наш долг перед человечеством, да, да, перед человечеством!..

Медсестра (*подавая стакан воды*). Запейте, профессор. И успокойтесь. Его найдут. Он сам выдаст себя. Начнет выступать, протестовать, разоблачать.

Профессор. Нет, буйство я в нем подавил. Вы мой метод знаете. Я пытался его закодировать...

Медсестра. Конечно, знаю. После его применения все становятся такими тихонями, почти демократами...

Профессор. Именно этого я и боюсь. Он затаится, замаскируется и начнет действовать. Он может принять облик кого захочет. *(Оглядывается.)* Он очень опасен для общества!.. О-о-о! Что он теперь может сделать с человечеством! Это только я один знаю, хорошо знаю!.. О-о-о! Страшно даже подумать...

Медсестра. Не переживайте, профессор. Не иголка же он, чтобы потеряться. Сумасшедший рано или поздно проявится. Хотя в наши дни попробуй отличить...

Профессор. Он очень хитер, очень умен. Он талант!..

Медсестра. Мы уже сообщили в полицию. У него нет документов.

Профессор. Обманет! Что для него изготовить фальшивый паспорт? Как воды, извиняюсь, стакан выпить. Он очень коварен. А это уже катастрофа, это... это... *(Пьет воду.)*

Медсестра. Объявим по телевидению, покажем фотографию.

Профессор. И это не поможет. Изменить внешний облик для него ничего не стоит! Я знаю, куда он может направиться! Мы сами должны отыскать его. Тихо, без лишнего шума. Согласны?

Медсестра. Конечно. Очень хорошо, сами, без шума, без...

Профессор. Вы дадите мне слово?

Медсестра. Даю, профессор, я всегда готова дать...

Профессор. Тихо, но настойчиво. Обещаете? Что кроме нас никто...

Медсестра. Обещаю, профессор. Я всегда буду с вами, чтобы спасти общество, человечество... А главное - вашу непогрешимую репутацию, о, великий... О, застенчивый... *(Встает на колени.)* Позвольте мне, в знак признательности...

Профессор. Что вы, что вы! Встаньте... Сюда могут войти...

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В темноте суета, шум, незнакомые голоса:

Мужской. Хватайте его за брюки! Так держи...

Женский. Ой!.. Они, кажется, без ремня, сползают...

Мужской. Отпусти мои штаны!.. Я уже в петле...

Женский. Вай!.. От него током... Включите свет...

Мужской. Прощайте, прекрасный поэт... Мы тебя не забудем...

Высвечивается просторная редакционная комната, множество столов, заваленных бумагами. На одном из них стоит стул, взобравшийся на него Литработник держится одной рукой за люстру, а другой пытается затянуть на шее петлю.

Вокруг стола суетятся коллеги.

Завотделом *(подойдя к окну, сам себе)*. Я улавливаю сигналы! Они уже где-то рядом. Летят! *(Шепотом.)* Брын-дыр гар... Ар-ар!.. *(Литработнику.)* Кончай, поэт, кончай, дорогой.

Литработник. О!.. Какие были светлые мечты... Я ухожу, я завещаю вам наш родной Азербайджан... Все искореняйте и насаждайте... демократию... Сажайте как можно больше этих, как их... тюльпанов...

Секретарша *(плача)*. Всех засадим, всех посадим... Только снимите петлю.

Политобозреватель. Как же!.. *(Насмешливо, сам с собой.)* Уходит... *(Оглядываясь по сторонам, снова сам с собой.)* Меня не обманешь... Я читаю даже твои мысли. *(Литработнику.)* Кого ждешь?

Литработник. Берегите наш Азербайджан!.. Берегите нашу независимость!.. Родина – сладкая штука! *(Всхлипывает.)*

Ответсекретарь. Наладится, сынок. Не бойсь, все наладится. Трудно, но только до смерти... Потом все наладится... *(Достает из кармана фляжку, пьет.)* За поступок! Уходя, хлопни дверью, да! *(Пьет.)*

Завотделом. Фу!.. Ну и воняет же паршивец. Как будто в общем вагоне. Разве можно столько пить? *(Литработнику.)* Надо бы запечатлеть твое переселение в другие миры. *(Тихо.)* У меня там есть кое-какие знакомства. Хочешь, я тебе...

Л и т р а б о т н и к. Не стоит... (*Ответсекретарю.*) Я вам завещаю больше не пить... Вы так много страдали... и наконец-то выстрадали свободу. (*Плачет.*) Я вам всем завещаю... (*Секретарше.*) Оставьте в покое мои штаны...

С е к р е т а р ш а. Не могу, руки не слушаются...

З а в о т д е л о м. Эх... (*Махнув рукой, тихо.*) Все равно эта планета обречена. (*Глядя в сторону окна, тихо.*) Ар-ар!.. Брын тыр пар мыр гыр-гыр!..

О т в е т с е к р е т а р ь. Что?

З а в о т д е л о м. Ничего, вы этого не поймете... (*Сам с собой, тихо.*) Какая от него исходит отрицательная энергия...

Л и т р а б о т н и к. Я ухожу, любя всех людей. И вас любя, ухожу. Я желаю всем вам стать депутатами.

О т в е т с е к р е т а р ь (*зрителям.*) Конечно, если бы вместо него там повесили жирного барана, было бы лучше! С условием, чтобы и мне полкило мяса даром дали!

Л и т р а б о т н и к. Прощайте!..

П а н т е л е й м о н П о л и к а р п о в и ч. Я это уже видел! Рахматлик¹ мой сосед, Аллах рахмат версин,² Мирза Мамед Кули хан Табризи озун беля покончил... Асды озун!³ (*Показывает рукой на горло.*) Хырт! И нет человека!

С е к р е т а р ш а (*кричит*). Помогите! Он убивает себя! Позовите главного редактора! (*Литработнику.*) Одну минуту, подожди одну минуту, прошу тебя, пойду быстро главного редактора позову!

Л и т р а б о т н и к. Нет. Ничего в жизни больше не может удержать меня. (*Плачет.*) И никто... Кроме этой, как ее...

Появляются Главный и Секретарша.

Г л а в н ы й (*спокойно*). Что случилось? (*Смотрит на Литработника.*) Что это за выходка? Слезайте!

С е к р е т а р ш а. Он убивает себя! Не видите, вешается...

Г л а в н ы й. Почему?

Л и т р а б о т н и к. Я не могу соединиться с моей любовью...

Г л а в н ы й. В каком смысле «соединиться»?

Л и т р а б о т н и к. Для меня нет жизни без Симузар...

Г л а в н ы й. Кто это – Симузар?

¹ Рахматлик (азерб.) – покойный.

² Аллах рахмат версин (азерб.) – царство ему небесное.

³ Асды озун (азерб.) – повесился.

Л и т р а б о т н и к. Моя любовь!

Г л а в н ы й (*вздыхая*). О Господи, ну и что с вами делать?

С е к р е т а р ш а. Мы вышли на перерыв... Ответсекретарь, кажется, был в комнате...

Г л а в н ы й (*Ответсекретарю*). Почему же вы не остановили этого сумасшедшего?

О т в е т с е к р е т а р ь. Я подумал, он взбрался туда стихи писать. А когда до меня дошел его коварный замысел...

Г л а в н ы й. Надо меньше пить. Стихи пишут за столом, а не там на люстре.

Ответсекретарь пожимает плечами, обиженно отворачивается.

П о л и т о б о з р е в а т е л ь (*насмешливо*). Выходит, что пишут... и на люстре... (*Почти что шепотом.*) Я переговорю с вами обо всех этих делах особо...

Л и т р а б о т н и к. О, мое солнце, луна, свет!.. (*Плачет.*) О, моя вера, совесть, прекрасный цветок!..

С е к р е т а р ш а. О, несчастный!.. Опять читает из поэмы «Симузар»... Какова сила любви... И при последнем вздохе у него на устах – имя возлюбленной! Но вам этого не понять. О, я несчастная! (*Громко завывает.*)

П а н т е л е й м о н П о л и к а р п о в и ч (*тихо, сам с собой*). Нет, это не поэзия. Вот она. (*Декламирует.*) Ман! Ман озу язды вар!.. Ман бунлара озу гостарды вар, настоящая поэзия!

З а в о т д е л о м (*глядя в окно, сам себе*). Слышу позывные... (*Еще тише.*) Что? Что вы спрашиваете? Сообщаю. (*Шепотом.*) Дар газ баз-баз!.. Аз дар-дар!.. Маз фыр-фыр гыр!..

Л и т р а б о т н и к. Прощайте, дорогие друзья!.. (*Собирается оттолкнуть стул.*)

Г л а в н ы й. Одну минуту!

С е к р е т а р ш а. О, истинный жрец любви!.. (*Громко рыдает.*) Не уходи,ними петлю. (*Хватается за штаны.*)

Г л а в н ы й (*удерживает стул*). Одну минуту! Кто вам мешает соединиться с луной, цветком, солнцем?

Л и т р а б о т н и к. Бессердечные, бесстрастные родители с ледяными сердцами.

Г л а в н ы й. Родители?

Литработник. Да! Эти безжалостные люди! Особенно будущая теща...

Пантелеймон Поликарпович (*внимательно глядя на Литработника, сам себе*). Он очень похож на покойного, Аллах она рахмат версин, даллак,¹ Уста Ибрагима Ардабили, который сорок лет брил мою голову... Тайно пил, рука тряслась у него, как рыба, вынутая из воды. Сволочь, Аллах рахмат версин, однажды маним башыны да касди,² вот здесь. (*Показывает зрителям место над виском.*) Ган ахды³ целое ведро... Неужто это он?

Главный. Но почему родители вас отвергают?

Политобозреватель (*насмешливо, зрителям*). Да... И действительно, почему? Как они нас разыгрывают. Ну-ну, ваяйте.

Литработник. Прощайте!.. (*Пытается отбросить стул.*) Пустите меня... Что вы делаете? У нас свобода, демократия... У нас эта, как ее – личность...

Секретарша. Позовите пожарных! (*Кричит.*) Пожарный!.. Сюда, помогите!.. Горит сердце!.. Сердце последнего влюбленного...

Литработник. Не раздевайте меня... Я еще жив, мне будет стыдно...

Главный. Вам стыдно, мне стыдно, всем стыдно. И это хорошо. Значит, у нас есть еще совесть. Слезайте, давайте поговорим по-мужски. (*Секретарше.*) Отпустите его штанину.

Секретарша. Под вашу ответственность, господин... товарищ... (*Отпускает, но стоит рядом.*)

Ответсекретарь. Сынок, поэт, подожди минутку! Расскажи о причине нашему уважаемому редактору. Пусть он будет в курсе, а потом иди, да! Ей-Богу, в проклятые времена советской власти так неуважительно к главному редактору не относились. Что случилось? Все равно все наладится, трудно – до смерти...

Литработник. Нет, я не могу...

Политобозреватель (*зрителям*). Конечно, истинную причину он сказать не сможет!.. (*Глядя на Литработника, сам себе.*) Кто это тебе позволит!..

Главный. Почему не можете?

Литработник. Потому что слова здесь бессильны. Я не могу поведать об этом горе словами, я должен с сазом, с сазом сказать...

¹ Даллак (азерб.) – парикмахер.

² Маним башыны касди (азерб.) – порезал мою голову.

³ Ган ахды (азерб.) – пошла кровь.

Главный. Но где найти саз, чтобы дать его вам? (*Сам себе, раздраженно.*) Ей-Богу, мне тоже весело! Хоть этого я нормальным человеком считал, и он туда же... Так работать можно? Что это за люди? Что с ними, Господи! Почему они дошли до этого?

Секретарша. Да мы и без музыкального сопровождения готовы слушать тебя до бесконечности...

Пантелеймон Поликарпович (*уйдя в романтические воспоминания, сам себе*). Эх, ман да прошлы жинда ушаг вахты гезал тар чалмаг варды!.. (*Вынув платок, вытирает слезы, громко высмаркивается.*) Какой человек, какой был человек...

Завотделом (*глядя на Пантелеймона Поликарповича, тихо*). Самая отрицательная энергия исходит от этого человека. Она мешает сеансам связи...

Литработник. Прощайте!..

Секретарша (*кричит*). Пожарный!.. (*Снова хватая Литработника за штанину.*)

Ответсекретарь. Погоди, сынок, поэт!.. (*Кивая на Главного.*) Этот человек в одиночку, преодолев тысячи трудностей, в короткий срок учредил газету. В трудное время демократических преобразований дал нам кусок хлеба... Все его помыслы направлены на то, чтобы служить народу! И жизнь его в эти два месяца у нас перед глазами!.. Чист, как кристалл. Я тридцать девять редакторов пережил. Но такого бескорыстного, стремящегося принести пользу нации...

Главный (*прерывая*). Перестаньте, зачем...

Ответсекретарь (*продолжая*). Но такого грамотного, осведомленного главного редактора не видел...

Главный (*строго*). Я вас очень прошу! Лучше помогите вынуть из петли этого...

Ответсекретарь. Сынок, главный редактор! Я араб, чей верблюдох, у меня все в прошлом. Сейчас же не проклятое советское время, чтобы я притворно нахваливал или врал... Теперь демократия... Что есть, то и говорю, да!

Завотделом (*глядя в окно, сам себе*). Кажется, в другую сторону направились. (*Шепотом.*) Гуд! Гуд! Дыр бир мыр гор-гор! Ага!.. Ясно!.. Значит, пока планы меняются. Отлично!.. (*Шепотом.*) Фигы тыр!..

Литработник (*сквозь слезы*). Кто вам дал право посягать на личную свободу гражданина демократической страны?

¹ Я тоже в прошлой жизни, в детстве хорошо играл на таре.

Секретарша. Пожарный!.. Кто у нас отвечает за пожары? (*Литработнику.*) Не держись за люстру. Она может оборваться...

Литработник. Вот и хорошо. Не дадите повеситься – я убью себя током. (*Раскачивает люстру.*)

Секретарша. Остановись! Ты убьешь меня... нашего горячо любимого Главного... Покалечишь древнейшего Пантелеймон Поликарповича...

Литработник (*сквозь слезы*). Как же вы все мне... (*Плачет.*)

Ответсекретарь' (*нервно, Литработнику*). Хотя бы в последний момент будь деликатным! Погоди, я выскажусь, потом – счастливого пути! (*Главному.*) Он с утра до вечера громко читает поэму «Симузар». Правда, она пока не окончена, но из нее следует...

Главный (*перебивая*). Как?! Я с трудом снял с работы предыдущего литработника. Он на работе писал пустые стихи. Обратился к уважаемым представителям интеллигенции. Мне порекомендовали вот этого...

Секретарша. А по-вашему, любовь – это так себе?!

Пантелеймон Поликарпович. Нет, он не поэт! Настоящий поэт ман гостар сиза!¹

Главный. Что?

Пантелеймон Поликарпович. Сами видите... Он не поэт.

Литработник (*задетый за живое*). Я не поэт?

Ответсекретарь (*кричит*). Постой! (*Поспешно, Главному.*) Значит, так. Его отец в проклятое советское время был партократором. Потом, как все, переменялся, стал фронтовиком. Отец девушки, то есть отец Симузар, сначала был фронтовиком, а потом перешел на сторону коммунистов. Теперь они враждуют... Особенно будущая теща. (*Литработнику.*) Ну, прощай, я все сказал...

Литработник. Значит, я не поэт? А как вам эти строки:

Кровавые реки текут в моем сердце.

Ушел я, Симузар, прощай, любимая!

Секретарша. О, счастливица Симузар!

Пантелеймон Поликарпович (*внимательно поглядев на Литработника, сам себе*). Да, бу точно даллак Уста Ибрагим Ардабили, мой парикмахер! Сволочь, башмы барк касди... ган много ахды... Остался таким же прямым ослом! Аллах рахмат версин!..

Литработник. Кто упрямый осел? Я?.. Я поэт с самой большой буквы. (*Декламирует.*) Прощай, мое сердце, прощай, моя луна, мои мерцающие звезды, мое горе! Мое сердце поэта...

¹ Настоящий поэт ман гостар сиза (азерб.) – я покажу вам, кто настоящий поэт.

Главный (*перебивая*). Нет, вы не настоящий поэт!

Литработник (*после паузы*). Что? Что вы сказали?

Секретарша. Ой!.. Вы же его досрочно убьете...

Литработник. Я не настоящий поэт?..

Пантелеймон Поликарпович. Конечно... Настоящий поэт ман гостар сиза!

Литработник. Что?.. И это вы говорите мне?.. Поэту с петлей на шее?..

Политобозреватель. Куда хватил, а?

Ответсекретарь. Кончай, сынок. После смерти демократия разберется...

Главный. Да, вы не настоящий поэт. Если бы вы были поэтом, то не вешались бы, не окончив поэму «Симузар».

Ответсекретарь (*после паузы*). На правду что возразишь? Кончай, сынок, пора...

Литработник (*с неожиданной страстью*). Я закончу ее!.. Как завещание влюбленным. (*Начинает отвязывать веревку от люстры.*) Я не оставлю «Симузар» незавершенной. (*Отвязав веревку, сразу же начинает творческую деятельность.*)

Ты моя... Ты моя...

Ты моя жизнь, моя кровь,

Любимая, чистая возлюбленная!

Секретарша. Ах!.. Жрец любви!.. (*Вскакивает на стол, целует его.*) Пронесло...

Завотделом (*глядя в сторону окна, шепотом*). Дар бар? Зар-зар!.. Зар-зар!..

Главный (*нервно*). Все! Давайте покончим с этими комедийными представлениями. Каждый должен заняться своим делом. Я всем делаю строгое предупреждение! В такие дни мы не можем заниматься чепухой. У нас нет на это морального права. Кто пишет стихи, пусть делает это после работы. Кто хочет любить, пусть любит после работы. Кто хочет покончить с собой, пусть убивает себя после работы. (*Смотрит на часы.*) Мы потеряли уйму времени. Через час я должен подписать номер. (*Пытается уйти.*)

Ответсекретарь. Не переживайте... Наладится, все наладится.

Главный. А когда наладится?

Ответсекретарь. После смерти...

Главный. Что может наладиться после смерти?

О т в е т с е к р е т а р ь. Все, сынок, Главный редактор. Все трудное – до смерти, потом, потом все наладится... (*Тихо.*) Что мне от вас скрывать... Я тоже скоро покончу с собой...

Г л а в н ы й (*удивленно*). Вы покончите с собой?!

О т в е т с е к р е т а р ь. Да. Но не так э-э-э... я после работы...

Г л а в н ы й. Вам не по душе эта жизнь?

О т в е т с е к р е т а р ь. Да, сынок, Главный редактор. Разве это жизнь? Разве так можно жить? Даже простое сладкое вино даром не дают. Денег нет, жить невозможно... Идешь домой, нажимаешь на звонок... жена, дети, открывающая дверь, сначала тебе в руки смотрят, потом в лицо... Такая жизнь не имеет смысла...

Г л а в н ы й (*потрясенный*). Ничего... Вы многое повидали... Не будет же так продолжаться всегда... Потерпите... Свобода всегда приходит через трудности.

О т в е т с е к р е т а р ь. Ей-Богу, не могу больше терпеть! Семьдесят лет уже терплю, терплю... Больше невозможно... Ахмеду я должен, Мамеду я должен, Гасану должен!.. Не могу больше.

Г л а в н ы й (*порывшись в карманах*). Ну ничего, Бог милостив. Как говорят у нас, Аллах керимди!¹...

О т в е т с е к р е т а р ь (*не поняв*). Беда в том, сынок, что я и Кериму должен... Да, и Кериму...

П о л и т о б о з р е в а т е л ь. Вот и спеся наш ответственный. Демократия, видите ли, довела его до ручки.

Л и т р а б о т н и к (*усевшись на стул с петлей на шее*). Какой у нас чудесный коллектив. (*Секретарше.*) Я свою поэму посвящаю вам и Главному...

С е к р е т а р ш а (*взволнованно*). Спасибо... (*Целует его и, взмахивая руками, как птица, проходит перед Главным и Ответсекретарем.*) Я улетаю на свое рабочее место. (*Уходит.*)

Л и т р а б о т н и к (*ласково*). До скорого свидания, чудеснейший фазан...

Г л а в н ы й. Почему она так делает? Какой такой фазан?

О т в е т с е к р е т а р ь. Аллах ее знает... сынок... фазан он и есть фазан.

Г л а в н ы й (*не удержавшись, громко*). Боже мой!.. Боже мой!.. (*Торопливо уходит.*)

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Звучит уже знакомая музыка, полумрак. В психбольнице час светомузыкотерапии. Высвечивается кабинет П р о ф е с с о р а, он один, ждет важного звонка, а потом ходит по кабинету, смотрит на часы, то и дело поднимает трубку, слушает.

П р о ф е с с о р. Нету! Нигде нету!.. Мы не сможем его найти! Я хорошо его знаю! Он так спрятался, так замаскировался, что мы не сможем его найти! Он самого дьявола обхитрит... О господи! Какой бессмысленной вдруг стала моя жизнь! (*Жмет на кнопку, кричит.*) Сестра!

Входит М е д с е с т р а, она зевает и протирает глаза.

М е д с е с т р а (*с порога*). Ваша светосоннемузыкальная профилактика просто гениальна. Она меня расслабила, разморила... (*Зевает.*) Простите...

П р о ф е с с о р. Не могу! В такое время, когда вся страна... Свобода и демократия в опасности. А вы расслабились, разморились.

М е д с е с т р а. Простите, профессор. Но во всем виноват ваш метод...

П р о ф е с с о р (*неожиданно*). Вы газеты читаете?

М е д с е с т р а (*рассеянно*). Что? Какие газеты?.. Их сейчас столько развелось...

П р о ф е с с о р. Да, развелось... Но надо читать. Я знаю его стиль, разрушительную агрессию. Это у него в крови. Будем читать, будем выходить на след через прессу.

М е д с е с т р а. Гениально! Такая мысль могла осенить только самого...

П р о ф е с с о р (*оглядываясь*). Не проговоритесь, не время. Пусть все воспринимают меня как простого смертного профессора. Я обязан помочь стране, народу, человечеству. Я очень хочу, я так желаю...

М е д с е с т р а. И я, профессор... Я сама себе не верю. Как только представлю, что общаюсь с таким неземным... (*Встает на колени.*)

П р о ф е с с о р. Встаньте... Умоляю вас... Сюда, кажется, идут...

Свет гаснет.

¹ Аллах керимди (азерб.) – Бог милостив.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кабинет Главного. Маленькая комната, стол, заваленный рукописями, несколько стульев. Главной, сидя за столом, просматривает бумаги.

Главной. До чего дошел этот мир? Что случилось с людьми? Кому ни позвонишь, куда ни обратишься, все жалуются на жизнь. Такие мнения выслушиваешь, просто обалдеваешь!.. Может, все это происходит накануне смены тысячелетия? Природа влияет на психику людей?.. *(После паузы.)* Кажется, и я потихоньку в мистику ударяюсь... Во всяком случае мои наблюдения говорят, что не только в нашей республике, но во всем мире идет какой-то активный процесс. И он влияет на поведение людей. Мы этого не замечаем... Я и сам прежде не задумывался. Но теперь, ей-Богу, не знаешь, что и делать. *(Выдвинув ящик стола, достает зеркало, внимательно рассматривает свое лицо, высовывает язык.)* А-а-а!.. *(Положив зеркало на стол, нажимает на кнопку звонка.)*

Входит Секретарша, но она в пестром платье с широкими рукавами, похожими на крылья птицы.

Секретарша. Да, я вас слушаю...

Главной. Если вам не трудно, вызовите, пожалуйста, заведомом.

Секретарша. Не трудно, но...

Главной. Почему же вы не идете?

Секретарша. Сейчас... я... как бы это вам объяснить. Мне надо взлететь... *(Начинает махать руками, как крыльями.)*

Главной *(изумленно)*. Что вы делаете?

Секретарша *(растерянно)*. Простите!.. Извините... Но...

Главной *(сердито)*. Что, но?

Секретарша. Я... Я вам скажу... Я никому этого не говорила, но вам скажу... Вы такой чистый человек... Такой простой... Такой мудрый... Я впервые вижу такого начальника... Совсем даже не смотрите на женщин... *(Еще сильнее волнуясь.)* Я вам скажу...

Главной *(нетерпеливо)*. Говорите же!

Секретарша. Вы знаете... Мне... Мне кажется... Мне кажется... я птица...

Главной. Что? Кто вы?

Секретарша. Птица!..

Главной. Какая птица?

Секретарша. Фазан... *(После паузы.)* Я боюсь!.. Умираю от страха... И когда в метро сажусь, и когда по улице иду, и здесь тоже боюсь... Боюсь, что люди меня поймают и съедят!..

Главной *(после паузы, мягко)*. Послушайте!.. Вы молодая красивая женщина... Почему это вы птицей становитесь, в фазана превращаетесь? У вас отец – человек, мать – человек, значит, и вы – человек. Ведь... у птицы бывают перья... клюв, настоящие крылья.

Секретарша *(поспешно)*. Нет!.. Нет!.. У меня перьев нет! Я фазан без перьев. У меня более нежное тело... Могу показать.

Главной *(подняв руки, настойчиво)*. Вы не фазан!.. Фазан водится в лесу, на берегу реки... Выбросьте эти мысли из головы! Я понимаю, сейчас трудное время, распалась гигантская империя. Это большой катаклизм, землетрясение. Причем не только на геополитической карте мира, в общественной жизни, но и в простом быту потрясение. Мы завоевали независимость. Наша независимость делает пока очень робкие шаги, жить стало труднее. Нервы у людей напряжены до предела... Но вы не бойтесь людей! Напротив, любите их! В вашем сердце должна быть любовь!.. Тогда и вас полюбят! И к вам будут испытывать добрые чувства... Сейчас наша республика как грудной младенец. Она встает на ноги, она вырастет, наберется сил! Тогда и вы полюбите, станете прекрасной матерью. Ваши дети будут гражданами свободной, независимой, богатой республики!

Секретарша. А какие прекрасные слова говорите... Так хочется верить, что я не фазан, что меня не подстрелят, не съедят...

Главной. Конечно, верьте! Ваше будущее впереди!.. Человеческое будущее. Без перьев, без клюва, без крыльев.

Секретарша. Так мне не стоит бояться людей?

Главной. Конечно, не бойтесь!

Секретарша. И я больше не фазан? У меня нет крыльев, перьев и этого... носа...

Главной. Нет. Вы никогда и не были фазаном. И теперь вы не фазан, вы молодая красивая девушка.

Секретарша *(с подъемом)*. Большое спасибо! Сейчас я пойду и позову заведомом! *(Хочет поднять руки и взмахнуть ими, но тотчас же отпускает.)* Нет! Я больше не фазан. *(Убегает.)*

Главной *(облегченно вздыхает)*. Бедная девушка. *(Смотрит на лежащие перед ним бумаги.)* Такой маленький коллектив, а люди в нем один другого загадочнее.

Входит Завотделом.

Завотделом. Салам!... господин Главный редактор. *(Подозрительно оглядывается.)*

Главный. Салам. Пожалуйста садитесь.

Завотделом. *(Достает из кармана блокнот, ручку).* Слушаю вас, уважаемый... Какое задание на этот раз вы мне придумали? *(Подходит к окну, выглядывает.)* В космосе порядок.

Главный. Не понял? Где порядок?

Завотделом *(серьезно)*. Во Вселенной. Но это так, между прочим.

Главный. Почему вы все время оглядываетесь?

Завотделом. Профессиональная привычка, так сказать.

Главный. Вас, видимо, преследовали при советском режиме?

Завотделом. Если бы не космические связи, то сидеть бы мне в дурдомовской камере, как канарейке в клетке. Но кто старое помянет, тому сами знаете. Я слушаю ваше задание.

Главный. Нет, на этот раз не задание... Знаете, я хочу с вами серьезно поговорить... Сейчас такое время, что мы должны ощущать двойную ответственность. Где нет дисциплины и порядка, ничего нельзя сделать. Я очень сожалею, что вынужден говорить вам эти слова. Я знаю вас как серьезного человека. Но иногда вы уходите с работы, никому ничего не сказав... И вчера вас весь день на работе не было...

Завотделом. Да... если подходить формально, по земным канонам, то я... *(Оглядывается.)*

Главный. То вы... что?

Завотделом. Очень торопился, не успел... Иногда секунды решают все...

Главный. Куда же, если не секрет, вы так спешили?

Завотделом *(после паузы, напряженно)*. Правду сказать?

Главный. Хотелось бы!

Завотделом. Вам можно сказать... От вас идут положительные лучи... Они не мешают космическим связям... Моей репутации это не повредит. И вам поможет кое-что понять. Меня срочно вызвали туда. *(Осторожно кивает головой вверх.)* Я там был... Общался, докладывал...

Главный *(ничего не понимая)*. Где «там»?

Завотделом. Ну там... *(Снова вздергивает головой вверх.)* По земным меркам – это...

¹ Салам (азерб.) – здравствуйте.

Главный *(смотрит на потолок, потом на Завотделом)*. Вы конкретнее можете сказать, где?

Завотделом подходит к Главному и что-то шепчет ему на ухо.

Завотделом *(многозначительно)*. Теперь понятно?

Главный *(вытучив глаза)*. Что?.. Послушайте, уважаемый, вы какой-то...

Завотделом. Могу повторить, если вы не поняли.

Главный. На Венере? И не дальше и не ближе?..

Завотделом. Да! И не дальше, и не ближе. Хотя случается и дальше, за пределы...

Главный *(показывая на потолок)*. То есть на той Венере?

Завотделом. Да! Да! На самой загадочной для простых смертных планеты.

Главный *(после паузы, с тайной надеждой)*. Вы шутите, да?

Завотделом. Какие тут шутки, дорогой! С такими вещами шутить нельзя. Они такие шутки не любят.

Главный *(выдержав значительную паузу, показывает рукой вверх)*. Они, значит, не любят? Так, так...

Завотделом. Да, они не любят. Сыр бы бабыр фар мар-мар...

Главный. Что это за тарабарщина?

Завотделом. Фар-фар гыр!.. Вы этого пока не поймете. Это самый зашифрованный сарсарский язык...

Главный. Сарсарский язык?

Завотделом. Да, сарсарский! Фыр-тыр дынг-дынг! Он пришел из космоса... Пока на Земном шаре этот язык знают четверо: один сидит в России, в Кремле, но имя его я не назову, один в Монголии, и один – я ваш покорный слуга.

Главный. А четвертый?

Завотделом. Его местожительства назвать нельзя. Он сейчас в космосе, дежурный... *(После паузы, про себя.)* Эх, несчастные люди... если бы они знали сарсарский язык, как бы это облегчило жизнь... Я знаю, у вас много забот и бед... Забот и бед много, а денег нет. Ничего, придет время, вы все узнаете. Причем очень скоро. *(Главному.)* Тогда и вам станет легче, потому что от вас идут положительные лучи. И вы выучите сарсарский язык. Я уже написал первый том словаря этого языка. Тысяча семьсот тридцать девять страниц. Теперь работаю над вторым томом. Жаль только, не хватает времени. Работа в нашей газете сильно отвлекает...

Г л а в н ы й. Тысяча семьсот тридцать девять страниц?.. Когда же вы успели? (*Вздыхая.*) Какой же ценой вам это дается?

З а в о т д е л о м. Ценой моих бессонных ночей! (*После паузы.*) Улавливаю в вашем энергетическом поле сомнение. Ваши лучи стали холодными... Я понимаю. Вы думаете, он трудился зря, попусту... Сколько вместо этого можно было сделать полезного... Вы думаете, я сошел с ума... Скоро вы все поймете. Тогда и выяснится, кто был сумасшедший... (*Подходит к окну, к чему-то прислушивается.*) Да, да, скоро! Они уже в пути.

Г л а в н ы й. Они?

З а в о т д е л о м. Да! Уже вылетели. По решению Тыр-быр-дыра в другое место свернули. Закончат там дела – и к нам...

Г л а в н ы й. А что такое Тыр-быр-дыр?

З а в о т д е л о м. Космический Милли меджлис¹.

Г л а в н ы й. Какие такие дела они там закончат и придут? Если, конечно, не секрет?

З а в о т д е л о м. О-о-о!.. Это долгий разговор!.. Чтобы понять их миссию, надо быть с ними в контакте... (*После паузы.*) Может, сегодня ночью мне придется смотреть на Луну.

Г л а в н ы й. Вы впервые летите на Луну?

З а в о т д е л о м. Да нет, дорогой... Какое впервые? Тринадцать раз. Раньше мы на Сатурне собирались.

Г л а в н ы й. Но Сатурн, насколько мне известно, планета весьма опасная.

З а в о т д е л о м. Да, очень опасная, послезавтра у меня там встреча. Заранее вас извещаю, что не смогу выйти на работу...

Г л а в н ы й. С кем же встреча? Я, конечно, не настаиваю.

З а в о т д е л о м. С Лениным, с кем же еще. Его межпланетарное учение в опасности.

Г л а в н ы й. С Владимиром Ильичом?

З а в о т д е л о м. Да, с Володей. У нас все запросто, без дурацких земных почестей.

Г л а в н ы й. Он же умер много лет назад...

З а в о т д е л о м. Это вам внушили, что он умер! Вы так и считаете. А я с Володей виделся ровно шестнадцать раз! (*Как бы сообщая очень важную вещь, шепотом.*) Причем ему нравится наш демократический Азербайджан. А вот Армению он не любит. Говорит, армяне... раньше других отказались от социализма... Да! Именно за это и не любит.

Г л а в н ы й. Прямо так и говорит?

¹ Милли меджлис (азерб.) – парламент.

З а в о т д е л о м. До сих пор я никогда еще не лгал! Что слышал, то и говорю. Он на нас, землян, в обиде. Не без того. Как-то на одном из совещаний, кажется, на Марсе, подходит он ко мне, прищурился и говорит: «Ну что, земной товарищ. Делишки-то у вас дрянь. Опять по нацквартиркам разбежались. Обидно, архиобидно, товарищ...» (*Что-то вспоминая.*) Чуть не забыл. Он просил полное собрание сочинений Маркса прихватить. (*Вынимает из кармана блокнот, записывает.*) Тяжеловато, но ради межпланетного учителя... (*Снова подходит к окну, выглядывает.*)

Г л а в н ы й. Жена-то в курсе ваших полетов?

З а в о т д е л о м. А как же! Мы всей семьей летаем. Бывает, и кого-нибудь из соседей прихватим... Но это когда совещание не секретное, не экстренное. (*Внезапно выглядывает в окно, тихо.*) Пар-пар, мыр гыр? Дабы! Дабы! Хорошо. Сейчас. (*Главному.*) Меня вызывают на контакт... Что это? Какие холодные лучи. Вы мне не верите... Да-да, не верите. Ваш земной разум не в состоянии переварить столько информации... (*Смеется.*) Какое примитивное мышление... Нет! Жизнь обширна! Бесконечна! Она – безграничнее вашего примитивного образа мышления! Придет время, вы это поймете. Осознаете. А сейчас считайте меня сумасшедшим! Да! Считайте, что я сумасшедший! Находите в этом утешение. А я обязан исполнить свой межпланетный долг! (*Быстро и решительно уходит.*)

Главный некоторое время молча смотрит в потолок, встает, ходит по кабинету.

Г л а в н ы й (*вздыхая, после паузы*). Может, они меня разыгрывают? Если так, то каждый из них достоин уважения.

Стремительно входит возбужденный Л и т р а б о т н и к.

Л и т р а б о т н и к. Можно? (*Хватает Главного за руку, трясет.*) Я пришел поблагодарить вас, господин Главный редактор! Поэма «Симузар» превращается в эпопею!

Г л а в н ы й (*пытаясь освободить руку*). Поздравляю... Но не забывайте и про свою...

Л и т р а б о т н и к. Спасибо, главный редактор! Я вам очень признателен. И не только я один, все будущие читатели вам благодарны. Я и от Симузар передаю вам благодарность. Она сама придет специально повидаться с вами. Потому что, если бы не вы, поэма «Симузар» могла бы остаться неоконченной... А этого история мне бы не простила. Я включил в поэму и политические мотивы.

Этапы нашей борьбы за независимость. Истинную сущность великих держав, использующих против нас политические уловки. Разоблачил коммунистов. И господину Жириновскому врезал как следует.

Г л а в н ы й (*сдерживаясь*). Прекрасно... Вы настоящий демократ...

Л и т р а б о т н и к. Я еще хочу от души вас порадовать: мы уже и с родителями помирились! Представляете?

Г л а в н ы й. Пытаюсь...

Л и т р а б о т н и к. Спасибо! Спасибо! Только... Только с тещей помириться совершенно невозможно! Ах! С ней мы не можем найти общий язык. Она губит нашу жизнь...

Г л а в н ы й. Как-нибудь уложите ее... Почитайте что-нибудь из своей поэмы.

Л и т р а б о т н и к. Эх!.. О чем вы говорите, господин Главный редактор! (*Горько.*) Невозможно!.. Что мы только не делаем!.. И я, и Симузар!.. Но никак невозможно! Вы не знаете мою тещу!.. В самом деле, она... (*Оглядывается, тихо.*) Мне даже неловко... Боюсь, что это вас шокирует. А вы такой, вы даже не догадываетесь какой. В самом деле, она... (*Опускает голову. Молчит.*)

Г л а в н ы й (*нетерпеливо*). В самом деле, она что? Львица, змея, тигрица?!

Л и т р а б о т н и к. Она... Она... мужчина! (*Закрывает лицо руками.*)

Г л а в н ы й. Что?! Какой такой мужчина?! (*Кричит.*) Это черт знает что! Сумасшедший дом!.. Дурдом!.. (*Убегает.*)

Л и т р а б о т н и к (*искренне удивляясь*). Что это с ним? Я считал его нормальным человеком... А он... «сумасшедший, дурдом». Убежал, даже не попрощался. Что о нем подумает Симузар? (*Садится за редакторский стол, задумывается.*)

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В полумраке звучит все та же музыка, мерцают разноцветные огни – это час светомышкотерапии по гениальной методике Профессора. Высвечивается уже знакомый кабинет, здесь всюду разбросаны газеты: на столе, стульях, даже на полу. М е д с е с т р а, ползая по ковровой дорожке, устилает ее развернутыми газетами, вчитывается в заголовки, что-то записывает в блокнот.

М е д с е с т р а (*устало*). От этих заголовков можно сойти с ума. Лают, кусают, рычаг. Бедная наша демократия... (*Читает.*) «Чем отличается демокра-

тия от продажной женщины?» (*Вчитывается в текст.*) Шакал! Укусил и радуется. Стиль вроде знакомый. Может, это наш беглец? (*Записывает.*) Что-то много подозрительных типов развелось. Вот еще один. (*Читает.*) «Кто больше берет: вчерашний партократ или нынешний демократ»?! (*К чему-то прислушивается.*) Музыка, свет, час расслабления. (*Подползает к столу на полу приемыш, увеличивает звук.*) Да, это гениально... я во власти неги и покоя... (*Зевает.*) Бюрократы, партократы... демокра... (*Засыпает.*)

Входит П р о ф е с с о р, осторожно ступая по газетам, опускается на колени, включает приемник, листает блокнот, ищет выписанные заголовки.

П р о ф е с с о р (*ползая от одной газеты к другой*). Молодец Захра... На глазах в рост идет. Работает до полного упадка сил...

Звонит телефон.

(*Подползает к столу, снимает трубку.*) Республиканский центр психо... Что? Нет, не психов, а психоанализа... О, здравствуйте, здравствуйте... (*Стоя на коленях, кланяется.*) Кто обеспокоен? Общественность, страна, прогрессивные, независимые, объединенные профсоюзы... Чем могу успокоить? Мы на верном пути. Я и моя правая, нет, моя левая... Да, да – левая моя рука ползем по следу... Почему ползем? Э-э-э... акт поиска происходит по полу, почти лежа... Поза, прямо скажем... Нет, я вполне в своем... Вы не кричите... Здесь женщина. Она по двенадцать часов в сутки отдается... э-э-э... в неудобной позе... Какой дурдом? Кто секс-маньяк? Как вы смеете?... Вы оскорбляете республиканский... э-э-э... центр психо... (*Слушает гудок в трубке.*) А кто такой сам?..

М е д с е с т р а (*проснувшись, сладко потягивается*). Ой? Профессор... Почему вы на коленях?

П р о ф е с с о р (*гневно*). Дурдом! Секс-маньяк! Кто дал ему право?.. Я – секс-машина! Как вам это нравится? Только искренне?

М е д с е с т р а. Неслыханное преувеличение! За такой наговор, такую ложь можно привлечь... И я готова выступить свидетельницей...

П р о ф е с с о р (*положив трубку, после паузы*). В каком смысле «свидетельницей»?..

М е д с е с т р а (*замявшись*). Ну в том... что вы нормальный, обходительный, даже ласковый... В каком-то смысле мужчина...

П р о ф е с с о р (*перебивая*). Благодарю вас... Но мы ползем... Э-э-э... идем, продвигаемся..

Медсестра (*радостно*). Эврика, профессор! Я нашла бациллу... Нет, микроб, вирус. Вот они! (*Показывает на разбросанные газеты.*) У меня от них крыша поехала... Я мыслю, я говорю, я даже люблю цитатами... Кошмар, профессор! (*Возбуждаясь.*) Мой мозг поражен бациллой подозрительности!.. В моем сердце микроб цинизма, низменных страстей! Кровь моя, профессор, отравлена вирусом... Я инфицирована с ног до ...

Профессор. Успокойтесь. Что вы такое несете? (*Включает музыку.*)

Медсестра. Я сомневаюсь профессор... Все перевернулось... Я не знаю, кто мой папа, мой мама...

Профессор. Моя мама, Захра.

Медсестра. Да, ваша... профессор... (*Прислушивается к музыке.*)
Ваша мама там.. (*Показывает на потолок.*)

Профессор. Там мой папа, если можно так выразиться...

Медсестра. Выражайтесь, профессор... А я сомневаюсь... Даже в том, кто вы, сомневаюсь... профессор, маньяк, сексуальный, профессиональный... (*Зевает.*) Гениальная музыка. Включить бы ее на весь мир... Чтобы сразу всех в камеру... Капиталистов, коммунистов, демократов... (*Засыпает.*)

Профессор (*со вздохом*). Устами этого трудолюбивого ребенка говорит сам Аллах. (*Укрывает ее газетами.*)

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кабинет Главного, он сидит за столом, просматривает какой-то материал, вчитывается, пытается редактировать.

Главный (*удивленно*). Что это такое, а? Странно, но это не обзор, а какой-то абсурд... (*Жмет на кнопку.*)

Входит Секретарша, она в странном наряде.

Секретарша. Политический обозреватель хочет с вами встретиться, поговорить, пошепаться. Мечется в приемной, как фазан... Ой!...

Главный. Что случилось? (*Поднимает голову.*) Что с вами?

Секретарша. Я... Я... Но он похож на этого...

Главный. Скажите, пусть войдет. А я сам разберусь, на кого он похож.

Секретарша. Конечно, конечно, но я почему-то боюсь...

Главный (*раздраженно*). Кого вы боитесь?

Секретарша (*подняв обе руки, начинает размахивать ими, как крыльями*). Этого, который пиф... паф... пиф... паф...

Главный (*выходя из себя*). Опять? Ведь... мы с вами договорились!.. Вы поняли, не являетесь птицей!.. Вы дали слово!.. Вы просто не можете быть фазаном!.. Поймите наконец...

Секретарша (*внезапно приходя в себя*). Правильно!.. Конец, прекрасный конец! Я больше не птица! Не фазан! Фазан живет в лесу!.. На берегу реки!.. Конец!.. Сейчас!.. Сейчас!.. (*Опускает руки, радостно выходит.*)

Главный (*вздыхая, машет руками, спохватывается*). Что это я?.. Если они меня разыгрывают, то делают это почти профессионально...

Входит Политобозреватель.

Политобозреватель. Можно? (*Оглядывается.*) С кем это вы?...

Главный. Да, пожалуйста, садитесь... И позвольте сразу к делу...

Политобозреватель (*приблизившись*). Сначала давайте поздороваемся. Я считаю, что это – историческая встреча. (*Тихо.*) Позвольте вам по секрету. Большой торопится, но груша поспевает в свое время. Вот теперь это время пришло. Груша созрела!

Главный (*удивленно*). Какая груша?

Политобозреватель (*Внимательно глядя на Главного, протягивает руку*). Салам алейкум!

Главный (*встав с кресла, пожимает руку*). Алейкум салам. (*После паузы.*) Садитесь.. Вы личность, конечно, неординарная. Может, даже в чем-то, как это выразиться...

Политобозреватель (*продолжая стоять*). Не надо. Я выше, скромнее, засекреченнее. Мои обзоры зашифрованы, в них... глобальные прогнозы, в них...

Главный. Ей-Богу, не знаю, о чем вы говорите, но по правде говоря, я ваш... (*показывает на лежащий перед ним материал.*) Этот международный обзор, мягко говоря, не очень понял...

Политобозреватель (*взволнованно*). Груша! В этом весь фокус.

Главный. Как это – груша? Какой фокус?

Политобозреватель. Вы шокированы, вижу, понимаю.

Главный. Я говорю, что ничего не понял из написанного вами международным обзором! Это же, если можно так выразиться, кошмар какой-то.

Политобозреватель. Да! Я то же самое говорю... Это хорошо, это естественно... Вы еще пока не созрели, а груша...

Главный. Что естественно? И при чем здесь груша?

Политобозреватель (*с нарастающим волнением*). Когда-то я должен сказать человечеству правду, или нет?! При чем тут груша? Да притом, что она уже созрела! Человечество должно это знать!

Главный. Что знать?

Политобозреватель. Истину!

Главный. Какую истину?

Политобозреватель. Истина одна. Единственная! Я говорил вам, что приду к вам поговорить особо! Да! Созрела груша! Надо спасти человечество! Я должен привлечь к этому делу всю общественность, все средства массовой информации! Истина должна разорваться как бомба! Иначе само человечество взорвется и погибнет!...

Главный. Одну минуту!... Одну минуту!... Разговор идет о вашей статье...

Политобозреватель. Я отрекаюсь от всего написанного мною до сих пор! (*Показывает на материал, лежащий на столе.*) Кроме этого! От всего остального я отрекаюсь!...

Главный. Одну минуту!...

Политобозреватель (*не дает ему говорить*). Нет, я до сих пор писал ложь. Был вынужден писать ложь!.. Я ждал, выжидал, маскировался...

Главный (*кричит*). Погодите! (*После паузы.*) Вы почему клеветаете на себя? Что это за слова? Вы – один из самых влиятельных политических обозревателей республики! Я и прежде следил за вашими публикациями в печати. Еще в советское время... Правда, тогда вы служили коммунистической идеологии, но все равно писали интересно... Потом ваша публицистика за независимость Азербайджана... То, что вы писали о народном движении... Умные рассуждения, смелость... Вы же знаете, я вас сам нашел. Никто не просил, я сам взял вас на работу...

Политобозреватель. Так. Но я писал ложь с тех пор, как взял в руки перо... Хотел ввести в заблуждение определенные круги... и мне это удалось... Я сумел сохранить себя для человечества. Не считайте эти слова нескромными. Такова истина... Теперь, наконец, груша созрела, и я должен написать правду...

Главный. Но какую правду? Вот я читаю и ничего не могу понять... Из вашей статьи следует, будто мировая политика решается в стране под названием Джарджулистан?

Политобозреватель. Да!

Главный. Но... но ведь на карте нет такой страны.

Политобозреватель (*усмехнувшись*). Конечно, нет! На карте нет.

Главный. Но если ее нет, тогда почему вы написали, что она есть?

Политобозреватель. Потому что на самом деле она есть!

Главный (*раздраженно*). Послушайте...

Политобозреватель (*не дает ему говорить*). Да, есть! Ее скрывают от человечества! На карте нет, а на самом деле есть! Это секретная страна!

Главный. Что?

Политобозреватель. Секретная страна!

Главный (*вздыхая*). Есть секретное управление, секретный отдел, ну ладно, секретное задание, тайная любовь, но секретная страна?

Политобозреватель. Да! Да! Груша уже созрела. Мировая общественность должна узнать правду! Миром управляют не Америка, Россия и Англия. А только одна организация! Организация, находящаяся в секретной стране – Джарджулистан!

Главный. Одна организация?

Политобозреватель. Да, одна.

Главный. Какая же это организация?

Политобозреватель (*после паузы*). КГБ!..

Главный. КГБ? Но ведь СССР развалился и КГБ тоже.

Политобозреватель. Вы ошибаетесь. КГБ построил свою работу так, чтобы думали, будто его нет... Но по сути дела все это – игра. Крупная, очень крупная игра!

Главный. Джар... (*Смотрит в лежащий перед ним материал.*) Джарджулистан...

Политобозреватель. Верно! Штаб КГБ теперь находится в этой стране...

Входит Секретарша, у нее в руках поднос с двумя большими грушами. Поставив его перед онемевшим от удивления Главным, она, размахивая руками как крыльями, молча вылетает из кабинета.

Главный. Что все это значит? (*Берет грушу, разглядывает, нюхает.*) Кажется, настоящая. (*Кричит.*) Но кто заказывал?!

Секретарша (*возвращаясь*). Ах... Простите... Я перепутала... (*Берет поднос.*) Конечно... нет, я не фазан... Извините. (*Выходит из кабинета.*)

Политобозреватель (*глядя ей в след*). Вопрос ясен. (*Тихо.*) В групи вмонтированы микрофоны.

Главный. Какие микрофоны?

Политобозреватель (*кивая на дверь*). Все это организовано... Они заинтересовались нашей беседой.

Главный. Ей-Богу, братец, я всегда считал вас серьезным обозревателем... Сидел перед телевизором, слушал ваши политические обзоры... И вдруг такая подозрительность.

Политобозреватель. Все это была маска!.. Странно... Вообще все в этом мире странно... Надеваешь маску – принимают как правду... Правду говоришь – считают ложью... Вы, как мне кажется, умный человек. Вы понимаете, что надо спасать человечество. Вы догадываетесь, что зря направили Кастро на встречу со мной в Баку...

Главный. Кого?

Политобозреватель. Кастро... Ну этот, который на Кубе в роли...

Главный. Фиделя Кастро?

Политобозреватель. Да. Фиделя, Федю, Федора. Он у них нечто вроде «скорой помощи». Где почувствуют опасность, туда и посылают! Но я с ним не вижусь, избегаю... Вообще у меня жизнь – не жизнь... Я прячусь. Я вынужден прятаться. Ночь у одних родственников, другую – у других. Уже и мест больше не осталось... Я думаю, надо мне одну ночь у вас переночевать. Если вы, конечно...

Главный (*испуганно*). У меня?

Политобозреватель. Да, у вас. Это – наш общий долг. А люди Кастро пусть...

Главный. Но я сегодня утром видел Кастро по телевизору. Он в Гаване, выступал на митинге...

Политобозреватель (*улыбаясь*). Да... Но то не настоящий Кастро, мой дорогой Главный...

Главный. А кто?

Политобозреватель. Иван Петрович Сидоров! Генерал-майор КГБ. (*Смеется.*) О-о-о!.. Я его хорошо знаю.

Главный. А... почему прячетесь от Кастро, который Фидель, Федя, Федор?

Политобозреватель. КГБ поручил Освальду меня ликвидировать.

Главный. Какому Освальду? Который Кеннеди...

Политобозреватель. Допустим...

Главный. Так Освальда тоже убили... А имя убийцы, кажется, было Руби...

Политобозреватель. Руби? (*Смеется.*) Сергей Михайлович Петров! Полковник КГБ! (*После паузы.*) Ли Освальд не умер, знайте это, дорогой мой, наш уважаемый Главный... До каких пор вы будете таким наивным, а? Ведь я же сказал – все это игра. Очень крупная игра. За ней стоит супердержава. В целях конспирации не называю страну... Хотя вам можно. (*Шепчет на ухо.*)

Главный (*изумленно*). А Клинтон знает обо всех этих делах?..

Политобозреватель. Клинтон? Президент Соединенных Штатов Америки?

Главный. Да, если он тоже не из этих...

Политобозреватель (*смеется*). Митрофан Филимонович Поддубный! Генерал-лейтенант КГБ! Я и его хорошо знаю, очень даже хорошо... Герой Советского Союза. Во времена Черненко дали... (*Доверительно.*) Поговаривают, что после второго срока его перекинут в одну из стран СНГ. (*После паузы.*) Я понимаю... Все это звучит для вас необычно, вы думаете, что это фантастика... Но, к сожалению, это не фантастика, дорогой мой, уважаемый Главный!... Это правда! Груша уже созрела! Всю информацию сразу давать нельзя. У простых людей крыша поедет! Постепенно...

Главный. Значит, вы хотите через нашу газету поведать человечеству всю правду?...

Политобозреватель. Во-первых, я и вам рассказал не всю правду. В лучшем случае сотую часть.

Главный. Сотую?

Политобозреватель. Конечно! Может, и сотой не будет. Вся важнейшая информация у меня тут. (*Стучит по голове.*) Что я вам такого сказал? Самое известное... А во-вторых, вы никому ничего не скажете и не напечатаете. (*Забирает свой обзор.*)

Главный. Почему?

Политобозреватель. Потому, что я вас тоже знаю!

Главный. И что же вы знаете?

Политобозреватель. Знаю, кто вы такой. В каком звании. Кому служите. Я раскусил вас сразу. Грубо работаете. Мы живем в демократической

стране... Зачем вешать литсотрудника?.. Внедрять в коллектив марсианина... насилловать секретаршу, чтобы она изображала из себя фазана... Ах, как мне это напоминает старые времена. Но меня голыми руками не возьмешь! *(Идет к двери.)* Весь фокус в том, что груша созрела. *(Уходит.)*

Г л а в н ы й *(хватаясь за сердце)*. Оф-оф-оф!.. *(Нажимает на кнопку звонка.)* Они, видимо, сговорились... Не может быть, чтобы мания преследования...

Входит С е к р е т а р ш а.

Мне... мне... стакан воды принесите... если, конечно, вы не...

С е к р е т а р ш а. Пожалуйста. *(Подняв руки, начинает махать ими как крыльями.)* Сейчас, я уже в полете... *(Уходит.)*

Г л а в н ы й. *(Откинувшись в кресле, закрывает лицо руками)*. Сон, бред, кошмар... Надо проснуться, скорее проснуться...

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кабинет П р о ф е с с о р а, звучит светомызыка, на полу, укрытая газетами, сидит М е д с е с т р а. Хозяин кабинета сидит за столом, говорит по телефону и одновременно листает газету.

П р о ф е с с о р *(в трубку, тихо)*. Не находится! Нету! Вся моя жизнь гибнет!... Его нет! Он исчез! Да, должны найти! Вернуть, его в камеру... э-э-э... в его палату! Я должен продолжить над ним свои эксперименты. Довести лечение до конца! ... Что? ... Проверим, обязательно проверим! Куда заглянуть? К писателям? Спасибо за подсказку... Согласен, согласен... Там каждый третий, нет, каждый второй... Что? Конечно, конечно...

В трубке гудки.

Сразу видно воспитание новых демократических образованных. *(Оглядывается, прикрывает ладонью рот, бережно кладет трубку.)* Вдруг Захра не спит, подслушивает мою болтовню... *(Подходит к спящей медсестре, прикрывает газетой голые колени, качает головой, тихо.)* Захра... *(Включает музыку.)* Захра, милая... пора просыпаться...

М е д с е с т р а *(сбрасывая газеты)*. Что?.. Профессор, вы произнесли волшебное слово. Повторите, умоляю, повторите еще раз!..

П р о ф е с с о р. Дело в том, Захра, что я хочу... *(Смущаясь)*. Давно за все страдания хочу вас...

М е д с е с т р а. И я, профессор... Давно чувствую, догадываюсь... Но боюсь последствий... Как-никак, но вы не простой смертный...

П р о ф е с с о р. Перестаньте...

М е д с е с т р а. Позвольте один вопрос, профессор.

П р о ф е с с о р. Конечно, Захра, хоть десять.

М е д с е с т р а. Один, но почти роковой. *(После паузы, взволнованно.)* Скажите, если простая маловерующая девушка оплодотворится от святого, почти неземного мужчины, то кто у нее родится?

П р о ф е с с о р *(подумав)*. Как сказать... В лучшем случае от святого может родиться пророк. В худшем – какой-нибудь гений...

М е д с е с т р а. Я согласна даже на гения.. *(Берет Профессора за руки, пытается поцеловать.)*

П р о ф е с с о р *(сопротивляется)*. Позвольте мне закончить свою мысль.. С этой минуты вы назначаетесь моей правой.. Нет, правая у меня есть. Я назначаю вас моей левой рукой по руководству поиском и поимкой опасного для всей мировой демократии сумасшедшего...

М е д с е с т р а. Благодарю, профессор, благодарю... для меня великая честь быть хотя бы мизинцем на вашей левой ноге... Главное, чтобы впоследствии, в худшем случае...

П р о ф е с с о р. Да! Да! Как хорошо, что вы есть! Вы снова пробудили во мне надежду. *(С энтузиазмом.)* Пошли! *(Быстро покидают сцену.)*

Свет гаснет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кабинет Г л а в н о г о, раннее утро, он в спортивном костюме убирает с дивана одеяло, подушку, прячет в шкаф. Видимо, кабинет является одновременно и его квартирой.

Г л а в н ы й *(вынув из кружки кипятильник)*. Сейчас мы выпьем кофейку и взбодримся.. *(Смотрит на часы.)* Сегодня у меня трудный день. Беседа с Пантелеймоном.. *(Пьет кофе.)* Хорош. *(После паузы.)* От этих бесед мне всякие фантастические сны снятся. *(Прохаживаясь по кабинету.)* Ей-Богу, и спать

боишься. Боишься лечь на диван и заснуть... Вчера ночью вижу во сне полный стадион. Идут соревнования по легкой атлетике. А я – прыгнул в высоту... Бегу, разбегаюсь и прыгаю... Люди встают... Я прыгаю, но больше на землю не опускаюсь... так и поднимаюсь в небо, и поднимаюсь... Люди становятся невидимыми, стадион невидимым, Баку невидимым. И, наконец, Земной шар как маленький мячик.. А я все поднимаюсь в небо. Причем и сам не хочу возвращаться к людям, на Земной шар... И на сердце у меня такая грусть, такая печаль, обиделся я на людей. На Земной шар, устал... Проснувшись, полчаса в себя прийти не мог... *(Пьет кофе, смотрит на часы.)* Время бежит. Надо переодеться. Вдруг эта птичка снова чуть свет явится на работу. *(Достает из шкафа костюм.)* Надо бы гардероб обновить. Сотрудники уже обратили внимание, что я в одном и том же костюме. Главный все же, начальник... *(Вздыхает.)* А в карманах пусто. Все уходит на газету... Ладно, к трудностям мне не привыкать. Что-нибудь придумаю.. Мне самому что нужно? Ничего. Я один как перст. Семьи нет, детей нет... Даже пристанища у меня нет.. *(Внимательно из ящика стола бритву, бреется.)* Да, жизнь моя в мытарствах. Со временем напишу роман, а может, пьесу. Сейчас надо выжить, газета должна обрести авторитет. Я изучил все законы, которые принял Милли меджлис. С тысячами трудностей преодолел все препоны взяточников, распахнувших пасть, как голодные акулы. Взял у государства кредит, арендовал помещение, учредил газету. Привез из Латвии бумагу, заключил договор с типографией. Разыскал и взял на работу людей, которых я знал по публикациям... Для чего? Для того, чтобы что-то сделать... У меня есть мысли, которые хочу довести до нации... но люди? Что с ними случилось? С развитием науки, техники они стали... как будто половину своего ума передали электронным аппаратам... Взять хотя бы наших редакционных... Посмотришь, нормальные люди... А как только поближе столкнешься – о-о-о... Не пересказать... Надо, как говорит наш поэтоподобный, саз в руки взять... Уволишь их с работы – умрут с голоду... С этой зарплатой хоть как-то перебиваются... Но что же делать? Как выпускать газету? Я уже больше не могу, устал, обессилел. *(После паузы.)* Что на меня нашло, кому я исповедуюсь? *(Побрившись, начинает переодеваться.)* Надо было погладить штаны. И рубашка не первой свежести. *(Смотрит на часы.)* Скоро появится эта... *(Машет руками.)* Женщине простительно возомнить себя фазаном. А вот Политобозреватель меня шокировал. Не видишь, говорит, Клинтон – Герой Советского Союза... Другой на сарсарском языке с космосом разговаривает. Вместе с женой и детьми летает на Венеру, с Лениным встречается. Несчастливая нация! За семьдесят лет столько вдалбливали Ленина в их мозги, что империя уже развалилась, а они все еще от этого отказаться не могут. Как будто в их подсознании дремала раковая болезнь. Теперь возникла благоприятная почва, и болезнь проснулась... И вот попробуй выпускать газету!..

Ей-Богу, иногда сам себя подозревать начинаешь... Думаешь, может, они и есть нормальные люди, а ты – того... *(После паузы.)* Что я говорю? Выходит, эта несчастная девушка – не девушка, не человек, а фазан... И у литработника теща – мужчина. *(Качая головой, подходит к письменному столу, достает из ящика зеркало, высовывает язык, внимательно смотрит в зеркало, кричит.)* А-а!.. А-а!..

Вбегает Секретарша.

Секретарша *(испуганно)*. Что с вами?

Главный *(удивленно)*. Вы уже на работе?

Секретарша *(внимательно разглядывает шефа)*. Да, и не только я... Пантелеймон Поликарпович сидит в приемной.

Главный *(завязывая галстук)*. Странно... Но коль он в приемной, приглашайте. *(Садится за стол, листая статью.)*

Секретарша. Будьте с ним поделикатнее... *(Уходит.)*

Появляется взволнованный Пантелеймон Поликарпович.

Главный. Здравствуйте, проходите, садитесь. Я для чего взял вас на работу? Вот здесь, в этой комнате, о чем мы с вами говорили, Пантелеймон Поликарпович, припоминаете?

Пантелеймон Поликарпович. Да!.. Припоминаю...

Главный. А вы что сделали?

Пантелеймон Поликарпович. Ман нейнади!

Главный *(берет в руки статью, читает)*. Ана ветен, ана ветен,

Сени чохла севирем мен!

Азербайджан!

Джан, ветен, джан!

Тебризм меним!

Эзизим меним!¹

Что это такое?

Пантелеймон Поликарпович. Стихотворение.

Главный *(раздраженно)*. Слушайте. Что, у нас азербайджанских соловьев мало? Мы с поэзией «Симузар» не можем справиться. Теперь и вы еще...

¹ Ман нейнади? (азерб.) – что я сделал?

² Родная страна, Азербайджан, тебя я очень люблю! Сердце мое! Тебриз мой, родной мой!

Пантелеймон Поликарпович (*опустив голову*). Бали!¹
 Главный. Как вы, не зная азербайджанского языка, пишете стихи?
 Пантелеймон Поликарпович (*страсшно*). Ахы бу дил маним ана дили!²
 Главный. Что?
 Пантелеймон Поликарпович. Маним ана дили! Родной Азербайджан дили!
 Главный. Как это, азербайджанский – ваш родной язык?
 Пантелеймон Поликарпович. Бали, инди русам...³
 Главный. Как это – «теперь я русский»?
 Пантелеймон Поликарпович (*с энтузиазмом*). Ахы ман аввалки хаятта азербайджанес был!⁴
 Главный. Что?
 Пантелеймон Поликарпович (*С еще большим душевным подъемом*). Да! Да! Ман (*Бьет себя в грудь*). Аввалки хаятта азербайджанлы!
 Главный (*после паузы*). Слушайте, вы сорок лет тому назад окончили в Ленинграде факультет журналистики. Потом приехали в Баку. Так написано в вашем личном деле.
 Пантелеймон Поликарпович. Бали!
 Главный. Так какой это «аввалки» а?
 Пантелеймон Поликарпович. Бали! Бу инди, в этом году мана малум олду!⁵ Бали! Бали! Конец восемнадцатого, начало девятнадцатого века!.. Он саккыз аср конесинда, он догтуз аср аввалинда ман Тавризда яшады!..⁶
 Главный. Астагфуруллах!.. В конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века вы жили в Тебризе?
 Пантелеймон Поликарпович. Бали! На улице Молла Гусейн Кули!
 Главный. Вот черт!.. И были азербайджанцем?
 Пантелеймон Поликарпович (*горделиво*). Бали!
 Главный. А... а как вас звали?
 Пантелеймон Поликарпович (*с большим удовлетворением*). Хазрат Кули-бек!

¹ Бали (азерб.) – да.

² Но это мой родной язык!

³ Да, теперь я русский...

⁴ В первой жизни я был азербайджанцем!

⁵ Это мне стало известно в этом году.

⁶ Я в начале XIX века жил в Тебризе.

Главный (*после паузы*). Как? Как?
 Пантелеймон Поликарпович. Хазрат Кули-бек! Я сеид был!¹ Сеид Хазрат Кули-бек!
 Главный (*хватается обеими руками за голову*). Эй-Богу, клянусь у меня больше нет слов!.. Может, у меня действительно что-то не в порядке? Может, я действительно сумасшедший?..
 Пантелеймон Поликарпович. Не-е-ет! Сиз яхчи человек! Сиз очень хороший адам! И большой мастер! Ман сизи да таныды!²
 Главный. Вы меня узнали? (*Встает*.) Меня?!
 Пантелеймон Поликарпович. Конечно, таныды! Вы очень большой мастер! Вы – Даллак Имамверди! Ман сразу таныды сизи! Бали, дорогой Даллак Имамверди...
 Главный. Это я-то?..
 Пантелеймон Поликарпович. Бали! Сиз конец восемнадцатого асрда даллак идиз. Даллак Имамверди! Онда ман ушаг... Отец гатирди биза сизи...³ Онда ман ушаг...⁴ (*Внезапно*.) Неудобно...
 Главный. Что неудобно?
 Пантелеймон Поликарпович (*смущенно*). Сиз мани... Сиз мани суннат этди...⁵
 Главный. Что?! Я, именно я?
 Пантелеймон Поликарпович. Бали!
 Главный. Я делал вам обрезание? Послушайте, что вы несете?
 Пантелеймон Поликарпович. Бали!
 Главный (*кричит*). Нет! Нет! (*Обессилленно садится на место*.) Или я сумасшедший, или вы все повально спятили!..
 Пантелеймон Поликарпович (*обиженно*). Ну, Даллак Имамверди, дорогой, зачем вы так?..
 Главный. Нет, я не Даллак Имамверди!
 Пантелеймон Поликарпович. Ну почему данмак?⁶ Это нехорошо, я вам скажу, очень даже нехорошо...

Входит Секретарша.

¹ Сеид (азерб.) – прямой потомок пророка Мохаммеда.

² Я и вас узнал!

³ Привел вас к нам...

⁴ Тогда я был ребенком.

⁵ Вы сделали мне обрезание.

⁶ Данмак (азерб.) – отрицать.

Секретарша (*испуганно*). Ой!.. Ой!.. Что за шум? (*Главному*.) У вас что-то с головой? Почему держитесь за голову?

Главный. Ужас! Ужас! Так работать невозможно! Абсурд, сплошной абсурд...

Секретарша. Где абсурд? Какой абсурд?

Пантелеймон Поликарпович, показывая рукой на Главного, удивленно пожимает плечами, потом подносит палец к виску: мол, как видно, Главный свихнулся. Секретарша внимательно смотрит на Главного, потом, подняв руки, начинает махать ими, как крыльями.

Главный. Хватит, прекратите!

Секретарша (*прослезившись*). Я боюсь... Мама!.. Где абсурд, он вооружен?..

Главный. Вы опять? Вы же говорили, что поняли! Поняли, что вы не фазан! Вы – человек!

Секретарша. Да! Я поняла! Я знаю, что я не фазан!..

Главный. Тогда почему вы боитесь?!

Секретарша. Другие не знают, что я не фазан! И ваш абсурд, я его боюсь...

Пантелеймон Поликарпович (*подняв руку, направляет палец на Секретаршу*). Бах! Бах! Бах! (*Хохочет.*) Жирненький фазанчик. Бах! Бах!

Секретарша (*в страхе*). Вай!.. Он меня съест, убьет.

Главный (*кричит*). Уходите! Уходите немедленно! Чтобы я вас не видел! (*Задыхаясь.*) Всею наступают конец, всему...

Секретарша, махая руками, как крыльями, уходит. Пантелеймон Поликарпович, имитируя стрельбу, следует за Секретаршей.

Пантелеймон Поликарпович (*задержавшись у двери, целится в Главного*). Бах! Бах! Бах! (*Хохочет.*)

Главный (*повертев пальцем у виска, снимает трубку*). Алло! Это центр психо... Что? А куда я попал? Дом интимных встреч и развлечений? Коммерческий филиал бывшего центра психо... Простите... нет, не нуждаюсь...

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Высвечивается редакционная комната, сотрудники в полном сборе, все делают вид, что заняты делом. Входит Секретарша, ставит стакан чая перед Литработником.

Секретарша (*вздыхая*). Скоро ты станешь самым известным поэтом. (*Тихо.*) А у нашего главного, кажется, крыша поехала. Уставился в потолок и молчит. (*Оглядывается.*) Ладно, я пошла... Вдруг вызовет. (*Уходит.*)

Литработник (*тихо, но горячо*).

Невирая на божественные качества Симузар,

Покушается на нашу любовь проклятая теща!...

Ответсекретарь (*сам себе*). Бах-бах-бах! Счастливцев, кто не слышит этого ужасного бреда.

Пантелеймон Поликарпович (*подняв голову от бумаг, внимательно смотрит на Политобозревателя*). Клянусь! Сиз Гасан Кули мюрдашира¹ чок окшады! По-моему, вы и есть покойный Гасан Кули мюрдашир! Ей-Богу, это вы! Тавризда Кассаб Абыш улица жили! Дружили манимла!² Когда ман умер, мани мечитда Гасан Кули мюрдашир юду!³ Неужели вы не помните? Не помните, как вы мани юду мечитда? Тысяча восемьсот девятом году! (*Еще внимательнее приглядывается к Политобозревателю.*) Да, озудур! Гасан Кули, дорогой! (*Хочет обнять и поцеловать Политобозревателя.*) Мой родной! Наконец мы встретились!

Политобозреватель (*уклоняясь*). Вы меня в такие игры вовлечь не сможете! Я хорошо знаю и вашу стратегию, и вашу тактику! Оставьте меня в покое! А то я за себя не отвечаю! Армуд созрел!..

Пантелеймон Поликарпович. Гасан Кули! Дорогой мой мюрдашир! При чем тут армуд? Вот причудливый человек!.. при чем тут стратегия, тактика? Речь ведь не о войне идет!.. Речь идет о вечной дружбе, милый моему сердцу человек! В прошлой жизни мы были друзьями! Вот в чем дело! А ты – стратегия бела гелди, тактика ела гетди... Ведь были, были хорошие времена!.. Дорогой моему сердцу Гасан Кули мюрдашир, неужели сан мени таны-

¹ Мюрдашир (азерб.) – человек, занимающийся ритуальным омытием покойников у мусульман.

² Ман (азерб.) – я; Манимла (азерб.) – со мной.

³ Когда я умер, меня в мечети помыл мюрдашир Гасан Кули.

мады? Тысяча семьсот девяносто девятый годда Новый год оlanda биз сининла халватда тут водкасы ичдык,² ты это тоже не помнишь? Закусили холодной чолпа!¹ Ну, опять не помнишь?

Политобозреватель. Нет! Мюрдашир – это твоя игра! Не пройдет! Меня нельзя свернуть с моего пути! Я хорошо знаю, кто вас послал! И вас самих я хорошо знаю! (*С издевкой.*) Пантелеймон Поликарпович!.. Обманщика отец пусть перевернется в гробу!..

Пантелеймон, Поликарпович (*радостно*). Вот! Вот! Перевернется в гробу! Я же говорю сан мюрдашир!

Литработник (*с большим творческим подъемом*). Жизнь без Симузар – абсолютная легенда! А ее мать – ведьма!..

Ответсекретарь. Легенда – ведьма... Ей-Богу, даже в проклятое советское время таких рифм в стихах я не встречал.

Литработник. Что?

Ответсекретарь. Ничего, сынок, я о рифме говорю... легенда – ведьма... Ты считаешь, это хорошая рифма?..

Литработник (*нетушится*). Прошу вас не вторгаться в мою творческую лабораторию! Она... она священна!

Завотделом (*в сторону окна, сам себе*). Да!.. Есть!.. Учту, Кто? Представители центра? (*Подходит к окну.*) Ага!.. Ясно!.. сар мыр сыр дыр-дыр? Дырам? Дыр хыра пыр тыр! (*Садится за стол.*) Послежу, доложу. (*Углубляется в чтение.*)

Входят Профессор и Медсестра, они в халатах, а потому похожи на инопланетян. В руках у Медсестры большой саквож, у Профессора – молоток и мобильный телефон.

Профессор (*откашлявшись*). Позвольте приветствовать вас...
Медсестра (*робко*). Здравствуйте...

Никто из сотрудников даже не поднял головы.

Профессор (*тихо*). Вот наглядный пример каптруда. У них отняли право даже на ответное приветствие.

Медсестра. Бедненькие... (*Разглядывает сотрудников.*) Внешне никто из них не похож на нашего беглеца.

¹ Неужели ты не узнал меня?

² Тогда мы с тобой выпили туговую водку.

³ Чолпа – цыпленок.

Профессор. Сейчас проверим. Доставьте магнитофон с нашей музыкой. Как только я дам знак – включайте. На нее он реагирует словно кобра на звук флейты.

Медсестра (*вынув из саквожа магнитофон*). Я всегда наготове, профессор... Включать?

Профессор. Я дам знак. А сейчас приступим к визуальному осмотру. (*Подходит к Литсотруднику, изучает его как экспонат.*)

Завотделом (*тихо*). Докладываю: неопознанные пока объекты сыр мыр дыр-дыр... Дурам, дырам. Прекращаю связь.

Политобозреватель (*презрительно*). Топорная работа. Олухи, кретины. Опять затеяли спектакль...

Литработник (*подняв голову*). Это что такое? Вы кто? (*Закрывает руками рукопись.*)

Профессор пальцами поднимает его подбородок. И еще более пристально разглядывает.

Профессор (*Медсестре*). Молод, но уже явный кандидат в наше заведение.

Медсестра. Согласна, профессор. У него шизовидное выражение глаз...

Литработник. Почему вы на меня так смотрите?

Профессор. Потому что он умеет менять облик! О-о-о!.. от него можно ожидать чего угодно. Он творец! Очень большой творец!

Медсестра. Да! Это так, профессор!.. Но этот кандидат пусть пока созревает.

Политобозреватель (*сам себе*). Вопрос совершенно ясен!.. Болваны, они думают, я в это поверю... Как будто я не знаю, кто их послал?! (*Зрителям.*) Ведь их специально ради меня послали! Эти халаты, я знаю, профессор, медсестра – все маскарад!

Литработник. Ага!.. Я догадался! Вас сюда послала моя теща! Да! (*Хватает со стола бумаги, прижимает к груди.*) Вы хотите украсть мой любовный дастан! Присвоить себе авторство, будущую славу...

Медсестра. Нет!.. Нет!.. Какая теща? Какой любовный дастан? Вы хоть знаете, с кем разговариваете?

Ответсекретарь. О-о-о!.. профессор!.. Конечно, мы вас знаем!.. Имели честь, так сказать... Гордость нашей медицинской науки! Наш знаменитый на весь мир ученый!.. Действительный член почти всех академий!.. Почетный доктор Шанхайского!.. В Мозамбике вашу фотографию в календаре печатали! Ну как же?! Знаем... знаем!.. С чем вы к нам, профессор?

Профессор. Из клиники в самоволку отлучился мой подо... э-э-э... мой пациент...

Ответсекретарь (*улыбаясь*). Помнится, в страшные, застойные времена, когда вы были еще кандидатом меднаук, я тоже иногда отлучался...

Профессор. Вы?... То-то мне лицо ваше кого-то напоминает. Да, да... вам помогла, кажется, моя новейшая, прогрессивная методика.

Медсестра. Профессор, вы увлеклись, мы обследуем здоровье...

Политобозреватель (*сам себе*). Жди... Так мы тебе и поверили. (*Улыбается*.) Старый сценарий... Но мы больше не будем молчать! Груша созрела!..

Профессор. Согласен с вами...

Медсестра. Профессор, я вас умоляю!..

Пантелеймон Поликарпович (*внимательно смотрит на Медсестру*). Бу маним покойная Шарабану ханума чох охшады... Маним арвады бывший хаятда, Тавризда...¹ Неужели это она? (*Медсестре*.) Шарабану! Ты почти не изменилась...

Медсестра. Что? (*Оглядываясь*.) Вы, собственно, о чем?

Пантелеймон Поликарпович (*колеблется*). Нет... Все же это – не она... Столько лет прошло...

Завотделом (*глядя в сторону окна, сам себе*). Я вас слушаю! Ага! Ясно! (*На полном серьезе что-то записывает*.) Тыр-пыр флинго фом-фом!... Сар! Сар!

Профессор. Кажется, его подо... э-э-э... подопечного здесь нет...

Литработник (*все еще прижимая к груди бумаги*). Вы по какому праву здесь, в нашей редакции, ищите подопытного? Разве здесь дурдом?

Завотделом (*продолжая писать*). Тыр тыр сыр-сыр? Фор!.. Фор!.. (*На мгновение подняв голову, грозит Профессору пальцем*.) Пусть ищет, пусть рыскает. Сейчас... Сейчас... я освобожусь... кончу свое дело... Я отдам этого наглеца под суд!

Медсестра (*потрясенно*). Что?... Отдадите под суд? Наглеца?

Завотделом. Да! За нарушение прав человека! За оскорбление творческого коллектива.

Медсестра (*показывает на профессора*). Его?

Завотделом. Да! Сыр мыр сыр дыр!

Литработник. Господи, благодарю тебя! Хорошо, что Симузар всего этого не видит! (*Целует бумаги, еще крепче прижимая их к груди*.)

¹ Она очень похожа на мою бывшую жену в прошедшей жизни Шарабану, когда мы жили в Тевризе..

Завотделом. Кто дал право этому хмырь дыр пырю искать здесь сумасшедшего?

Медсестра (*совершенно убитая*). Право?.. Кому?.. Ему?..

Завотделом. Да, ему!

Медсестра. Ведь вы... ведь вы его не знаете!.. И не смейте оскорблять на своем хмырь-пырском языке!

Политобозреватель (*зрителям*). Меня одно поражает, их метод не меняется, и все тут. Какими надо быть тупоголовыми, чтобы не найти хотя бы одну новинку. Зашкало на поиске инакомыслящих.

Пантелеймон Поликарпович (*глядя на Медсестру*). А может, она? Туманы ичинда бир хал вар иди...¹ (*Показывает на свой бок*.) Вот здесь! Как узнать?

Ответсекретарь. Успокойся, дочка, мы очень хорошо его знаем. Он наша гордость! Разве не он получил в прошлом году премию общественной академии? На Филиппинах не его ли именем улицу назвали?... В Береге Слоновой Кости бюст изваяли.

Медсестра (*уже не в силах сдерживаться*). Нет! Вы его не знаете! Вы ничего не знаете! Вы понятия не имеете о великой истине! Вы живете в каком-то превратном мире! Несчастные! Жалкие! Но вы сами не знаете об этом! Вы не знаете, с кем рядом живете! С кем вместе вдыхаете вот этот самый воздух! С кем вместе пьете одну воду! На кого взирают ваши невидящие глаза! Ах, эти ваши слепые глаза!..

Пантелеймон Поликарпович. Все же она маним арвадым Шарабану-ханум очень охшады!..² Очень!..

Медсестра. Вы ушли в свою скорлупу, не видите дальше собственного носа!

Литработник. Что она такое говорит? Мы не видим носа?..

Профессор (*Медсестре*). Прошу вас, довольно...

Медсестра (*горячо*). Нет, профессор! Я больше не могу терпеть! Эти несчастные, эти убогие люди не знают истины! До какой степени дошло невежество, низость, ибужество! Они хотят подать на вас в суд! Они вас не знают!...

Ответсекретарь. Доченька моя, ты опять говоришь, будто мы его не знаем? Знаем! Его многие наши граждане знают! В прошлом году он был в Венесуэле избран вице-президентом Международного общества психиатров...

Медсестра (*в крайнем волнении*). Нет! Вы его не знаете!

Профессор (*Медсестре*). Прошу вас... Не нужно...

¹ Под трусиками у нее родинка была.

² Все же она очень похожа на мою тогдашнюю жену Шарабану.

Медсестра. Нет! Я больше не могу выносить такого неуважения к вам! Пусть эти несчастные, эти жалкие люди узнают, кто вы!.. (Случайно включает музыку, тут же пытается выключить, у нее не получается.)

А тем временем все присутствующие, кроме Литработника, как по команде, начинают потягиваться, зевать, встают, окружают Профессора и Медсестру, танцуют вялый танец теней, затем почти одновременно валятся на пол и засыпают. Литработник, лишившись дара речи, взобрался на стол и застыл как статуя.

(Зева.) Ой, профессор, у меня что-то заело... Я едва держусь на ногах...

Профессор (выключив музыку). Вы не ту кнопку жмете. (Разглядывает уснувших.) В разные годы они были моими подо... э-э-э... пациентами... Я их закодировал на гениальность. И вот результат: все они в супернезависимой газете...

Медсестра. Все они похожи на кротов.

Профессор. Почему?

Медсестра. Потому, что роют под фундамент мировой демократии...

Профессор. Просто они закодированы на социальное равенство. А у нас, сами видите, что творится. Но это исправимо, перекодируем. Вот расширим наше заведение...

Медсестра. А сейчас что с ними делать?

Профессор. Включайте музыку бодрости, радости, созидания.

Медсестра (перебирая кнопки). Как бы не перепутать. Ага, вот. (Включает.)

Звучит ритмичная музыка, спящие бодро вскакивают, улыбаются, включаются в танец. Каждый танцует в силу своего возраста и умения, но особым рвением выделяется Пантелеймон Поликарпович. Входит Секретарша и от удивления не может выдать ни слова.

Пантелеймон Поликарпович (атакуя Медсестру). Шарabanу! Жена моя незабвенная, давай! Выходи, Шарabanу. Как в молодости, помнишь? Тысяча восемьсот...

Медсестра (не удержавшись). Старый развратник... (Танцует, попадает в объятия Пантелеймона.) Не прикасайтесь к запретным местам... (Вырывается.) Хулиган!.. (Продолжая танцевать, Профессору.) Умоляю, выключите музыку... Я не могу остановиться... (Пантелеймону.) Уберите руки!.. (Профессору.) Спасайте!.. Иначе он меня изнасилует...

Профессор (выключив музыку). Только за это эмоциональное воздействие я достоин звания академика.

Медсестра (задыхаясь). Отпустите меня!.. (Всем.) Прошу занять свои места. Быстренько, быстренько...

Только что плясавшие и веселившиеся сотрудники послушно занимают свои рабочие места и погружаются в будничную атмосферу.

Литработник (слезая со стола). Магия музыки, сила внушения. О, я был свидетелем... (Спохватывается.) Надо по горячим, живчим следам запечатлеть это в моей поэме «Симузар». (Садится за стол, пишет.)

Секретарша. Светопреставление... Глазам не верю...

Медсестра (с вызовом). Ну что, жалкие людишки! Вы убедились в могуществе этого человека. И это еще не все! Сейчас вы будете раздавлены, как жалкие черви.

Профессор. Не говорите... Прошу вас...

Медсестра. Нет! Пусть знают! Он... (Показывает на Профессора.) Он... Только не падайте со своих стульев. Перед вами святейший из святых... Пророк Муса!

Литработник. Что? (Подозрительно смотрит на Профессора.) Сам Моисей, собственной персоной... Он же, кажется, давным-давно...

Медсестра (торжественно). Да! Пророк Муса! Мудрейший из мудрых, скромнейший из скромных.

Профессор (с глубокой грустью). Вы не должны были открывать эту тайну...

Медсестра. Я виновата! Да! Я вас ослушалась! Но пусть они знают, кто вы на самом деле!

Профессор (не может скрыть своей печали). Во всех случаях эта тайна не должна быть открыта... Мне не нужны жалкие земные почести...

Секретарша. Ой, Пророк Муса!... Со своей Секретаршей! Надо сказать Главному! (Торопливо уходит.)

Пантелеймон Поликарпович (глядя на Профессора). Моисей?... Не помню... (Приглядывается пристальнее.) Валлах¹, убей не помню!...

Политобозреватель (улыбаясь, сам себе). Эх, КГБ, КГБ!.. Твои методы не меняются. И все тут... Остолопы!...

Ответсекретарь (тихо). Кажется, есть опасность протрезветь... (С интересом, громко.) Сколько же ему лет?

Медсестра. У него нет возраста! Его существование не вмещается в критерии этого жалкого мира, в котором вы живете! Его возраст...

¹ Валлах (азерб.) – ей-Богу; клянусь Богом.

Профессор (*прерывая ее*). Не нужно... Все равно эти люди не смогут осознать!..

Медсестра (*глубокой грустью*). Да, это так... Как и всегда, вы опять правы, профессор.

Пантелеймон Поликарпович (*смотрит на Медсестру*). Да!.. Да!.. Она Шарабану! (*Кричит*). Шарабану!

Медсестра (*с досадой*). Отвяжись!..

Пантелеймон Поликарпович. Ты моя Шарабану! Жена моя незабвенная! Туман алтда хал да вар!¹ Вот здесь! (*Показывает на свой бок.*)

Медсестра. Да заткнись ты! В такой торжественный момент...

Пантелеймон Поликарпович (*сам себе, растерянно*). Вот стерва! Маним арвадым оlanda да точно бела иди!² Не изменилась! Настоящая ведьма была! Юз шестьдесят ил кечди³, но она не изменилась, стерва...

Завотделом (*глядя в сторону окна, тихо*) Тыр! Пыр-пыр! Ясно! Я вас понял. Завтра встретимся на Меркурии! Владимир Ильич тоже будет?... Прекрасно!.. Пыр-пыр!.. Пыр-пыр!..

Политобозреватель (*улыбаясь, тихо*). Вот болваны!.. И таким людям дают ордена... Я бы даже гроша ломанного не дал. И сценарий старый! Думают, я не знаю истинного Пророка Мусу! Как же!.. Нет, вы мою бдительность обмануть не сможете!

Литработник (*прижимая бумаги к груди, встает, Профессору*). Нет! Вы не Пророк Муса! Я в это не верю! И Симузар в это не поверит!

Медсестра. Не поверит?

Литработник. Не поверит! Потому что она самая умная, самая прекрасная, самая...

Профессор (*с печалью Медсестре*). Вот видите?.. (*После паузы.*) Нет, не надо было открывать эту тайну... Потом, когда мы найдем нашего главного подозреваемого, я закодирую их на веру в пророков.

Медсестра. Одну минуту, профессор!.. (*Редакционным работникам.*) Убогие, жалкие, слепые бедолаги!.. В ваши мозги не вмещается, с кем в одно время вы живете! Какая разница между вами и простыми баранами? (*От злости блеет, как баран.*) Ме-е-е-е!.. Ме-е-е-е!.. Раскройте свои слепые глаза! (*Показывает на Профессора.*) Откройте на свет! Откройте на ясность! Увидьте солнце, осознайте, перед кем вы находитесь!

Пантелеймон Поликарпович (*изумленно*). Но она стала грамотной!.. Ничего не скажешь! Вот стерва!..

¹ Под трусиками у нее есть родинка.

² Когда была моей женой, было то же самое.

³ Сто шестьдесят лет прошло.

Медсестра. Ме-е!.. Ме-е-е!..

Ответсекретарь. Наладится. Все наладится, трудно только до смерти... Потом все наладится...

Пантелеймон Поликарпович (*кричит*). Шарабану! Супруга моя незабвенная! Гара хал да есть туман алтда! Вот здесь! (*Показывает на бок.*)

Входят Главный и Секретарша.

Медсестра. Хулиган!

Главный (*нервно*). Что опять приключилось? Я вас предупреждал! Больше терпеть не буду! Так работать нельзя! Конечно! Где этот заново возродившийся Пророк Муса? Я сейчас...

Главный, увидев Профессора и Медсестру, словно остолбенел. Профессор и Медсестра, не веря своим глазам, тоже уставились на Главного.

Профессор (*радостно*). Глазам своим не верю... (*Протягивает руки.*) Ну, здравствуй, голубчик.

Медсестра (*радостно*). Поздравляю, профессор! (*Сквозь слезы.*) Нашелся...

Профессор (*главному*). Мой дорогой, мой драгоценнейший...

Главный (*отступая к двери*). Вы, вы... кажется, ошибаетесь, профессор... Пророк... Муса... Моисей...

Профессор (*делая знак Медсестре*). Как же, как же... (*Медсестре.*) Включайте, пока он не улизнул.

Медсестра (*включив музыку*). Сейчас мы проверим... Сейчас мы выведем вас на чистую воду...

При первых звуках музыки Главный как-то сразу обмякает, зевает, потягивается и, как кролик на удава, идет на Профессора. Его конвульсии и сопротивление неведомым силам похоже на замысловатый танец. Магическая сила музыки подействовала на всех сотрундыков, и они, образовав круг, повторяют движения Главного.

Профессор (*злорадствуя*). Вот последнее слово эмоционального психовоздействия. Нобелевская премия у меня в кармане.

Медсестра. На Олимпе славы не забудьте и про свою левую руку.

Профессор. Не забуду, Захра, не забуду. (*Набирает номер.*) Алло! Это я. Машину и двух бойцов спецотряда... Э-э-э... и двух спецмедбратьев по

адресу... Что? Вы знаете? Вот и отличненько, вот и прекрасненько... Да, и не забудьте смирительную рубашку. Что? Да, пока одну.

О т в е т с е к р е т а р ь (*танцует, Профессору*). Трудности встречаются только до смерти... А потом как по маслу... (*Удаляется.*)

Л и т р а б о т н и к (*Медсестре*). Я посвящу вам целую главу в моей многоглавой поэме... Думаю, Симузар будет не в обиде. А что касается тещи, то она всегда против моего таланта... (*Танцует, удаляется.*)

С е к р е т а р ш а (*махая руками, Профессору*). Нет, я не фазан... Хотя и умею летать... Вот, смотрите... (*Улетает.*)

З а в о т д е л о м (*танцует, Профессору*). Сар-сар? Пыр тар мыр-мыр. Я сегодня же улетаю на Марс. Там у меня архиважная встреча с Владимиром Ильичом, с Леонидом Ильичом и с этим, ну как его, Кузьмичом... Прощайте, фокусник!.. (*Удаляется, может, даже взлетает.*)

П а н т е л е й м о н П о л и к а р п о в и ч (*запыхавшись, Медсестре*). Шарабану, Шарабану! Ман сани... гара халы олду! Маним азизим! Супруга моя ненаглядная!.. (*Удаляясь, шлет воздушный поцелуй.*)

П о л и т о б о з р е в а т е л ь (*возбужденно, Профессору*). Ну вы даете, блин! Геополитический скандал! В присутствии агентов враждебных государств разоблачать своего... Да вам за это товарищ-господин генерал Моисей на полную катушку... Я все предвидел... Но чтобы такой финал! Нет, блин, извините-подвиньтесь... (*Отдает честь, удаляется.*)

Раздается сигнал подъехавшей машины.

М е д с е с т р а (*радостно*). Наши прибыли!..

П р о ф е с с о р (*вздыхая*). Жаль, что у нас только одно вакантное место...

Свет гаснет.

ЭПИЛОГ

В луче света по авансцене прохаживается П р о ф е с с о р, он говорит по мобильному телефону.

П р о ф е с с о р. Захра! Введите, пардон, ввезите... Э-э-э... вкати́те этого опаснейшего копателя под фундамент мировой демократии... И дайте большой свет. Чтобы всем было видно и слышно, чем опасно блудомыслие в демократи-

ческом до предела обществе... Что? На что я намекаю? На тех, кто роет, копает, подрывает...

Сцена освещается ярким светом, звучит уже знакомая музыка. М е д с е с т р а толкает впереди себя коляску, в которой сидит Г л а в н ы й. На нем смирительная рубашка, с длинными, туго обернутыми вокруг пояса рукавами, волосы взъерошены, в глазах ужас.

М е д с е с т р а (*на военный лад*). Подопытный доставлен, господин профессор!

П р о ф е с с о р (*в трубку*). Вы хотите сказать, видимо, подопечный. Да, он перед нами. Живехонький, здоровенький и, как ребеночек, упакованный. Сейчас вы услышите его ангельский голосок. (*Главному.*) Ну, порадуя дядю, высунь язычок. (*Главному.*) Так, где наш язычок? (*Подает знак Медсестре.*)

Та бьет Главного по голове деревянным молотком.

Зачем же мы упрямяемся?

М е д с е с т р а (*стукнув несколько раз молотком, резко*). Язык!

Г л а в н ы й (*высунув язык, тихо*). На-аа...

П р о ф е с с о р. Вот так, молодец. Еще громче.

М е д с е с т р а (*стукнув молотком*). Ну!

Г л а в н ы й (*высунув язык, громко*). А-а-а!..

П р о ф е с с о р (*в трубку*). Узнали? Язык! Голос! И погромче. Чтобы все видели, слышали и тряслись в страхе. Голос!

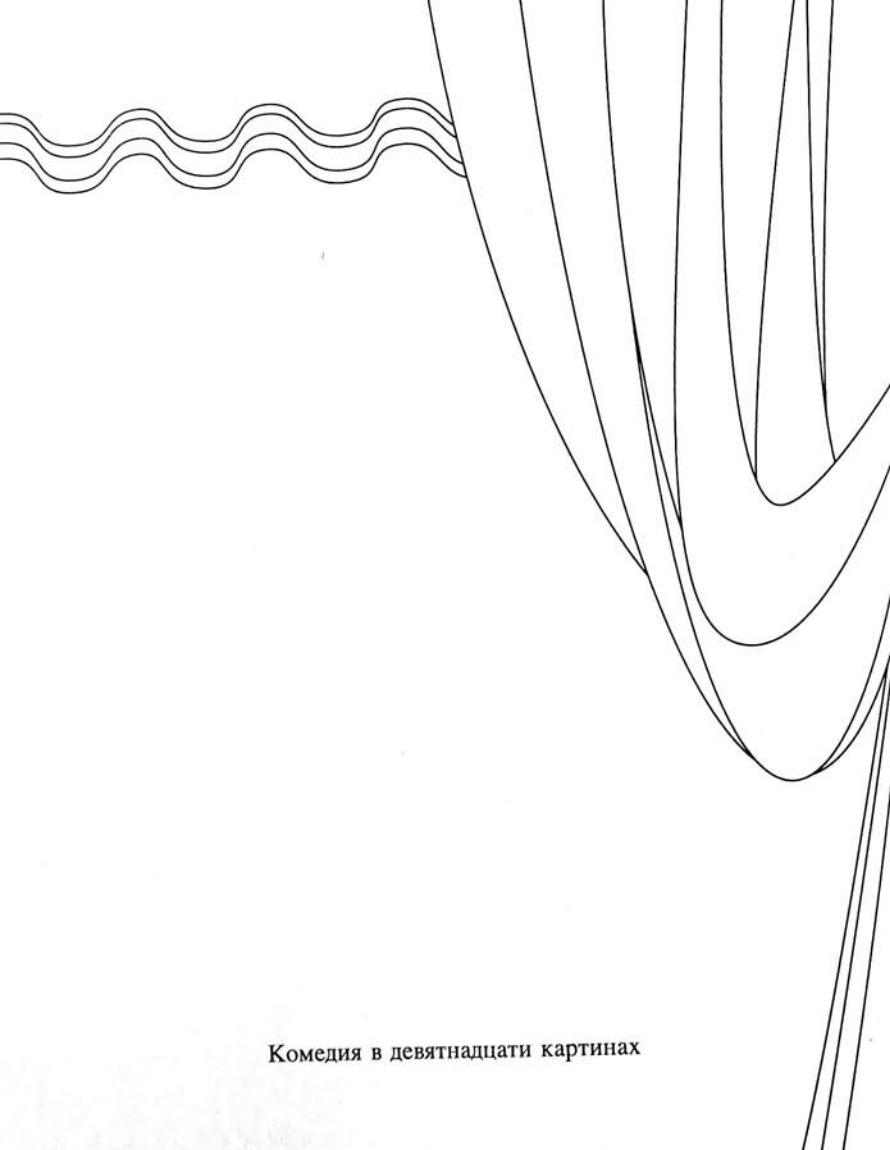
Г л а в н ы й (*высунув язык*). А-а-а-а!.. О-о-о-о!.. У-у-у-у!..

На этом ужасном волчьем завывании идет медленное затмение сцены.

З А Н А В Е С

МОЙ МУЖ - СУМА СПЕДШИЙ!

Комедия в девятнадцати картинах

Мой мут - сумасшедший!

А. Г. Р.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

М у ж.

Ж е н а – Его жена.

С ы н – Их сын, пока коммунист, но, несмотря на это, мечтает о собственной машине и достигает своей цели.

Д о ч ь – Их дочь, любит Сузика.

С о с е д – Несчастный, вечно в тревожном ожидании.

Л и д е р – Председатель партии.

Д а м а – Его жена; жизнь посвятила политической борьбе мужа (и своей тоже).

Д р у г – Сейчас он сделался тюркистом; лицом схож с великим вождем пролетариата В. И. Лениным.

П р о ф е с с о р – Бывший атеист, в настоящее время фанатически верующий, а завтра... Однако это уже тема для другой пьесы.

Э к с т р а с е н с - г а д а л к а А г а б а д ж и – Впервые предсказала развал СССР; и об особом смысле родимого пятна на лбу Михаила Горбачева впервые заявила она же; как утверждает сама гадалка, она получает телепатические сигналы от болгарской целительницы Ванги, даже после ее смерти.

1 - й р а б о ч и й.

2 - й р а б о ч и й.

3 - й р а б о ч и й.

4 - й р а б о ч и й.

Т е л о х р а н и т е л ь.

И еще: С у з и к – Вот здесь говорят: услышь имя джигита, а самого видеть не обязательно. Однако если режиссер посчитает нужным не оставлять уважаемых зрителей в неведении, он может показать на сцене хотя бы портрет Сузика.

Место действия – город Баку.

Время действия – начало осени 1997 года.

Лучше быть безумным, чтобы о тебе заботились,
чем умным, обремененным заботами.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Мужа. Раннее утро. Муж, Жена, Сын, Дочь, Друг, Сосед. Входит Муж и, осторожно оглядываясь по сторонам, хочет выйти из квартиры. В этот момент внезапно проснувшаяся и невыспавшаяся Жена выглядывает из-за кулис и тут же торопливо натягивает халат, выходит на сцену.

Ж е н а (громко). Куда собрался?

Муж застывает на месте.

Уходишь не попрощавшись, да?!

М у ж (медленно поворачивается в сторону Жены). Не хотелось вас будить.

Ж е н а. Нет, дорогой мой! (С издевкой.) Доброе тебе утро!.. (Показывает на настенные часы.) Тебе до работы еще целых тридцать пять минут!..

Пауза.

Ты, значит, нарочно встал пораньше, чтобы, пока мы спим, улизнуть из дома... (Плаксиво.) Ты думаешь, я не знаю... Знаю... Знаю, что у тебя полно забот. С утра до вечера на ногах. А что делать?.. Я же не для себя, для вас прошу... Разве можно жить в такой квартире?..

Муж громко вздыхает.

(Сердится.) Не вздыхай! Я что, не права? (Все сильнее заводится.) Стены рушатся! Ванная в жутком состоянии! В кухне – не то что окна, – даже дырки нет, чтобы проветривать, готовлю обед – задыхаюсь. В кухне нет дырки, чтобы дышать, зато в комнатах их полно – в каждом углу по мышинной норе! Клянусь Богом, мыши в этом доме живут лучше нас... Вчера с потолка вот такая (показывает руками) штукатурка обвалилась, чуть ребенку на голову не упала!

М у ж. Какому ребенку?

Ж е н а. Что значит – какому ребенку? Уже своих детей не помнишь?

Пауза.

Упаси Аллах!

Пауза.

(Снова заводится.) Ровно семь лет твердишь (*передразнивает*): «Сделаем ремонт, сделаем ремонт»... И что же?.. Когда?.. На том свете?

М у ж (*тихонько поглаживает себя по груди, успокаивая*). Спокойно... Не нервничай... Немного поворчит и закончит. Успокойся...

Ж е н а. Что ты там бормочешь, не слышу?

Пауза.

М у ж (*продолжает бормотать, успокаивая себя*). Успокойся... Не нервничай... (*Смотрит в окно*.) Посмотри, какой прекрасный день... Спой песню... Песню. (*Тихо начинает петь*.)

Мир прекрасен.

Жизнь прекрасна...

(*Смотрит в сторону Жены*.)

Есть только ведьма одна...

И это – ты...

Ж е н а. Что ты говоришь, а? (*Зрителям*.) В последнее время, что ему ни скажу, начинает бормотать, ничего понять не могу. (*Мужу*.) Ты – мужчина в доме! Кому же еще нам говорить о своих проблемах? А? Кому? Посмотри. (*Показывает на потолок*.) Вот это – наш свет – висит одна лампочка, как в солдатской казарме! Упаси Бог! Три года обещаешь купить люстру. Где?! Где люстра?!

М у ж (*успокаивает себя*). Спокойно, спокойно... Все отлично...

Мир прекрасен.

Жизнь прекрасна...

Ж е н а. Что?

М у ж (*продолжает тихо напевать*). Есть только ведьма одна... И это – ты...

Ж е н а. Не слышу э-э, что ты говоришь?..

Пауза.

Что, неправду сказала? У людей квартиры – глаз не оторвешь! Вот и Сузук говорит...

Входит С ы н, верзла в трусах и майке, потирая со сна глаза.

(*Глядя в сторону Сына*.) Ребенка разбудил.

М у ж (*смотрит на Сына*). Этого ребенка?

Ж е н а. Какого же еще?

Пауза.

С ы н. Сегодня во сне маленького Володю видел.

Ж е н а. К добру ли?.. Что он говорил?

С ы н (*расчувствовавшись*). Он говорил... Говорил, что Горбачев – шпион мирового империализма!

Ж е н а (*приподнявшись на цыпочки, гладит Сына по голове*). Ладно... Ты себя не изводи...

М у ж (*успокаивая себя*). Спокойно... Не волнуйся... (*Громко*.) Хорошо. Я пошел.

Ж е н а. Чтобы тебе, вернувшись с работы, осчастливить меня, а? Принес бы большую коробку, вручил бы мне: «Вот тебе, дорогая! Наша новая люстра!» Эх! (*Безнадежно*.) Видно, не суждено мне дожить до такого счастливого дня... Что ж... У каждого своя судьба... Два хлеба купи, не забудь!

М у ж (*не сдержавшись, кричит в сторону Сына*). Пусть он купит, да!

С ы н. Мне надо на заседание политбюро!

Ж е н а. Ладно... Мало тебе, что ребенку такие сны снятся...

Сын растроганно опускает голову.

(*Мужу, назидательно*.) Вот видишь. (*Протягивает мужу квитанции*.) Возьми. Вчера принесли. Заплати за квартиру.

Муж, как приговоренный, берет квитанции.

Это квартплата. Уже просрочена.

Муж берет квитанцию.

Это за телефон. Сегодня последний день. Не заплатишь – отключат.

М у ж (*опять, не сдержавшись, кричит в сторону Сына*). Даже за телефон не может заплатить!

С ы н (*с горечью*). А что, разве у меня есть машина? Была бы у меня машина, все бы дела переделал! У всех есть машины, у всех, кроме меня!

М у ж. А разве ты не коммунист?

С ы н (*гордо*). Конечно, коммунист!

М у ж. Зачем же тебе машина? Разве коммунисты не против частной собственности?

Ж е н а. Вот потому коммунисты и докатились до такого положения! Такую страну развалили!

С ы н (*с воодушевлением*). Это временное поражение! Мы восстановим СССР! Ленин говорил, что...

Д о ч ь (*кричит за сценой*). Папа! Папа!.. (*Выбегает в пижаме*). Папа!.. У Сузика бабушка заболела!

М у ж. Что?

Д о ч ь. Сузика бабушка заболела! Надо купить эти лекарства. (*Протягивает отцу рецепт*.)

М у ж (*берет рецепт, успокаивает себя*). Спокойно... Спокойно... (*Смотрит на бумаги у себя в руках, потом подходит к буфету, открывает, чтобы взять деньги. Считает деньги. Кивает в сторону Сына и Дочери, обращаясь к Жене*.) Кто-то из них опять брал отсюда деньги...

Сын и Дочь смотрят в разные стороны, будто не слыша.

Ж е н а. Откуда ты знаешь, что они, может, я сама брала?

М у ж. Нет, это не ты.

Ж е н а. Почему?

М у ж. Потому что, если б брала ты, ничего бы не осталось.

Звонок в дверь.

Ж е н а. Кто это с утра пораньше? К добру ли?.. (*Сыну*.) Иди, открой.

С ы н. В таком виде?

Д о ч ь. Ты же не женщина, что тут такого?

С ы н (*сердито*). Как то есть, что тут такого? Я – член политбюро.

Ж е н а. Ладно, отойдите в сторону. Папа откроеет. (*Уходя*.) Прислал бы нам Бог Дела-Мороза с люстрой...

Жена, Сын, Дочь уходят. Муж идет открывать дверь.

Д р у г (*входит торопливо*). День добрый! День добрый! Как хорошо, что я застал тебя дома! Эвет!¹ Да!

М у ж. Опять будешь со мной на турецком трепаться?

Д р у г. Эвет! Эвет! Да! Непременно! У нас тюркские корни. (*Искренне удивляется*.) Как же иначе, эфенди!²

Пауза.

М у ж. Клянусь Аллахом, у меня больше нет слов! (*Сердится*.) Слушай, не ты ли семь-восемь лет назад; в советское время, обвинял людей в пантюркизме? Не ты ли, будучи секретарем парткома института, на каждом партсобрании обвинял своих коллег в том, что они находятся под турецким влиянием?

Пауза.

А может, это не ты писал в газету «Коммунист», что композитор Эмин Сабитоглу, подпав под турецкое влияние, вместо своей – по паспорту – фамилии Махмудов пишет «оглу», как турки? А?!

Пауза.

Д р у г (*нервно*). Почему это так? Почему? Мы с тобой вместе выросли, в пору бурной своей молодости выпили сто вагонов раки, а сейчас ты претензии предъявляешь ко мне?! (*С нарастающим волнением*.) Сто вагонов раки!

Пауза.

М у ж (*кричит громче него*). В советское время не было раки!

Д р у г (*кричит*). Пусть не раки, пусть водка!

Пауза.

Эвет! Да! Даже водка не могла разрушить все турецкое в нашей душе! Я только сейчас стал понимать, что Москва использовала водку, как диверсию, против нашего тюркизма. Эвет! И падкость нации на водку организовал КГБ. КГБ стремился, напоив нас водкой, начисто стереть всё турецкое из нашей памяти! Но это им не удалось! Потому что мы – потомки великого Атиллы! Мы Чингизы!

¹ Эвет (турецк.) – да.

² Эфенди (турецк.) – господин.

Теймуры мы! Фатехи! Шах Исмаилы! Гаджары! Все это – мы!.. Я сейчас собираю документы, удостоверяющие, что Бетховен был турок!

М у ж. Кто?

Д р у г. Бетховен!

М у ж. А армяне утверждают, что Бетховен был армянином.

Д р у г. (выходит из себя). Как это?! Не смогут доказать!

М у ж. Газеты пишут, что доказали...

Д р у г. Но это невозможно! Как доказали?..

М у ж. Пишут, что в Ереване ученые нашли сапог Бетховена. На этом основании академия наук Армении доказала, что Бетховен был армянин.

Д р у г. И тут они нас опередили! Но ничего... Ты посмотришь, что я докажу!

Д о ч ь. (высовываясь на сцену). Нет, это не Дед-Мороз!

Ж е н а. (за сценой). Еще бы! Откуда у меня такое везение?..

Д р у г. Мы прошли через многие испытания! Эвет! Мы еще в буйные наши молодые годы прошли испытания КГБ водкой! Сберегли и сохранили наши турецкие корни! (Расстроганно.) Дай, я тебя обниму! (Обнимает Мужа.) Я поздравляю тебя с этой исторической победой!

М у ж. (стараясь отстраниться от объятий). Пусти! Я спешу! У меня сотни дел!

Д р у г. А я ведь тоже пришел с делом.

М у ж. И ты с делом? (Успокаивает себя.) Спокойно... не волнуйся!..

Д р у г. Да... Эвет! Я долго размышлял и пришел к мнению, что никто лучше тебя не сможет с этим делом справиться! Ты обладаешь острым пером, для тебя это – пустяки!

М у ж. (хочет уйти). Нет, братец, я устал, Я уже не могу справиться даже со своими делами.

Д р у г. Погоди, погоди... Мое дело очень простое. (Берет Мужа под руку и танует на середине сцены). Мне надо, чтобы ты организовал в одной из газет статью, разоблачающую меня как ярого пантюриста!

Пауза.

М у ж. Что?

Д р у г. Раскритиковать меня в статье как пантюриста!

М у ж. Зачем?

Д р у г. (передразнивая). «Зачем? Зачем?...» Вот бестолковый. (Подталкивает его немного вперед, тихо.) Хочу заняться научной работой в Стамбуле. Теперь понял?

М у ж. Нет.

Д р у г. (сердится). Господи, Боже мой! Ты раньше не был таким тупицей, что с тобой произошло? (Взяв его под руку, подводит к краю сцены, так что чуть оба не падают в зрительный зал.) Хочу отправиться туда с имиджем турецкого патриота. Понял ты, бестолочь?!

Пауза.

Э-э, что такое одна газетная статья, сам сядь, напиши, долбай меня в хвост и в гриву, как тюркского националиста. А подпишись другим именем. И дай в газету. Ну?

Пауза.

Я бы сам написал, да не получается. Не могу сам себя ругать. Рука не поднимается. Что ни напишу о себе – выходит хвала! У тебя – другое дело! Ладно, напишешь, дашь мне, я сам отправлю в газету... Что с тобой?

Муж. (хватается руками за голову). Клянусь Богом, я сойду с ума! Боже мой, да быть сумасшедшим в сто раз лучше такой жизни!

Д р у г. Э, что может быть проще? Я же не говорю – хвали меня. Наоборот – критикуй! Разоблачай! Что может быть проще, как очернить человека?! Редакции из рук вырывают такие материалы.

С о с е д. (входит). Здравствуй, сосед! Что это ты дверь оставил открытой? Что-нибудь стряслось?

М у ж. (по-прежнему держится за голову, кричит). Нет! У меня не инфаркт будет! Нет! Я сойду с ума! С ума! (Убегает.)

С о с е д. Что это с ним?

Д р у г. (убегает за ним). Какой же ты турок?! Где же твоя турецкая совесть?!

С о с е д. Бу-уй!

Д о ч ь. (выбегает с криком). Папа! Папа! Не забудь лекарства Сузика!

Ж е н а. (за сценой кричит). Напомни про телефон! Чтобы не забыл заплатить за телефон!

С о с е д. Эй, куда убежал? Ала², я же по делу! (Убегает.) Одну минутку!.. Одну минутку!..

Свет гаснет.

¹ Буй (азерб.) – восклицание, выражающее удивление, недоумение и т.п.

² Ала (азерб.) – жаргонное слово, выражающее обращение к кому-либо.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сквер. Муж, сосед. Муж, приостановившись, тяжело переводит дыхание. Сосед с трудом догоняет его.

Сосед (*зыхавшись*). Ала, ты бегаешь совсем как кенгуру! Не утонишь за тобой! Минутку! (*Переводит дыхание*.) Как поживаешь? По твоему бегу вижу, что ты в форме!

Муж (*самоу себе*). Спокойно... Не волнуйся...

Сосед. Что?

Муж (*самоу себе*). Мир прекрасен... Жизнь прекрасна...

Сосед. Не слышу э-э...

Муж (*глядя на Соседа, продолжает тихо*). Есть одна бестолочь... И это – ты...

Сосед. Да? (*Берет Мужа под руку*.) Слушай, знаю, дел у тебя – завались! Но я прошу, ради меня, чтобы мне сдохнуть! – не откажи, возьми эти три тысячи долларов. (*Тревожно оглядывается вокруг, вытаскивает из-за пояса брुक конверт и протягивает Мужу*.) Тут в магазине один браслетик, пойдем, потрать пять минут, купи его мне.

Муж. Опять Лачинову взятку даешь?

Сосед. Тише! Тише, сосед. Такими вещами не шутят! (*Тихо*.) Нет, это не взятка.

Муж. А что же?

Сосед. Это... не то, что ты думаешь.

Муж. Но что именно?

Сосед (*снова тревожно оглядываясь по сторонам*). Тут речь... О женщине!

Муж. Что?

Сосед. О женщине, говорю.

Пауза.

И знаешь, как ее зовут? Дездемона!

Муж. Но у тебя же есть жена!

Сосед. Ну и что?

Муж. Как это – ну и что?

Сосед (*назидательно*). Э-э... сосед... (*оглядывается в тревожном волнении, тихо*.) Жена хороша год, два, ну, от силы три года, потом становится... товарищем по несчастью...

Пауза.

Муж. Нет, это уж чересчур! Твоей дамочке браслеты тоже я должен покупать?

Сосед. А что тут такого? Ты – настоящий мужчина! Я тебе доверяю. Не слышал разве, старая мудрость гласит – сосед ближе брата. Я доверяю тебе свою душу, свой духовный мир!

Муж. Покупка браслета – это духовный мир? Это материальное, материальное!

Сосед. Э-э, ты сам ученый человек, разве не знаешь, что материя первична?

Муж. Нет, не знаю! И ничего покупать не буду. Однажды я уже купил для тебя машину на свое имя за двадцать тысяч долларов. Двадцать тысяч! Подумать только! Ты говорил, что это взятка для Лачинова.

Сосед. Тихо!..

Муж. ...Купил, но ту машину я даже в глаза не видел... В другой раз ты дал десять тысяч долларов – купить бриллиантовый комплект на день рождения Лачинова... Еще помню, восемь тысяч долларов, мол, Лачинову...

Сосед (*поспешно перебивает его*). Тише, услышат!

Муж (*оглядываясь*). Кто услышит?

Сосед. Лачинов. Знаешь, какие у него уши?

Муж. Длинные? Он что, длинноухий?

Сосед. Да, очень длинноухий! (*Сам пугается своих слов*.) Что?! Что это ты позволяешь себе говорить в адрес такого большого начальника?!

Муж. Ты же сам сказал.

Сосед. Ладно, пошли, сосед. Я не могу жить без духовной пищи! Пойдем, минут пять займемся моим духовным миром, и дело с концом!

Муж. Нет! На этот раз сам иди покупай.

Сосед. Как это сам?! А если спросят, эй, братишка, ты производишь сосиски, колбасы, и вечно хнычешь, что ни копейки не зарабатываешь... Откуда же у тебя столько денег?

Муж. Кто спросит?

Сосед. Неважно. Осторожность – украшение джигита! Кто знает, как еще обернется...

М у ж. Сейчас рыночная экономика. Советского правительства нет! Нет!
Ушло!

С о с е д. А вдруг вернется?

М у ж (*успокаивая себя*). Спокойно... Не волнуйся...

С о с е д. Что?

М у ж (*рассерженно*). Нет. Я не буду покупать! (*Торопливо уходит.*)

С о с е д. Этот несчастный, похоже, свихнулся. (*Крутит пальцем у виска.*)

Сам с собой разговаривает, (*Засовывает конверт на прежнее место, кричит
вслед Мужу.*) Сосед!.. Сосед!.. (*Поспешно уходит.*)

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Квартира Мужа. Вечер. Муж, Жена, Сын, Дочь, Профессор,
Лидер, Дамма. Муж сидит, просматривает газеты. Сын читает «Капитал»
Маркса.

С ы н. «Капитал» – самое крупное, самое божественное произведение во
вселенной!

М у ж (*успокаивая себя*). Спокойно... не волнуйся... Прекрасный вечер. Ты
отдыхаешь...

Пауза.

С ы н. Каждый раз, читая «Капитал», я делаю для себя новые открытия.

М у ж (*не сдержавшись*). Как это – каждый раз? (*Заводится.*) Вот уже
шесть месяцев, как ты дальше девятой страницы не двигаешься!

С ы н (*стараясь скрыть растерянность*). Нет, нет! Не забывай, что это
Маркс! Каждую его фразу нужно изучать!

Ж е н а (*входит и протягивает Мужу листок*). На...

М у ж. Что это?

Ж е н а. Список дел на завтра. Боюсь, утром ты опять захочешь улизнуть,
как сегодня.

М у ж (*взяв список, успокаивает себя*). Спокойно... Что тут особенного?
Все отлично... Спокойно...

Ж е н а. Что ты там опять бормочешь?

М у ж (*по-прежнему обращаясь к себе*). Мир прекрасен... Жизнь прекрасна.
Ж е н а. Что с тобой происходит в последнее время? Будто... Упаси Аллах!
Заговариваться начинаешь... А?

М у ж (*все так же самому себе*). Спокойно... Успокойся...

Ж е н а. Эх, была бы у нас люстра, сейчас сидели бы под ней. (*В сторону
Сына.*) Боюсь, чтение при таком свете испортит ребенку зрение...

С ы н. Конечно. Гутен таг, как говорил Маркс.

Звонок в дверь.

Сын торопливо садится на место и, опустив голову еще ниже, начинает старательно
изучать талмуд известного немецкого экономиста, защищавшего интересы пролетариата
и заодно ставившего эксперименты на всем остальном человечестве.

(Мужу.) Открой дверь.

Муж сердито смотрит на Сына, поднимается и уходит.

(*Глядя в книгу.*) Пах-пах! Кладезь! Кладезь!

М у ж (*за сценой*). О-о! Профессор! Здравствуйте! Добрый вечер! (*Входит
вместе с Профессором, держащим в руках большой старый портфель.*) Как это
вы нас вспомнили?

Ж е н а. Добро пожаловать.

С ы н. Здравствуйте!

М у ж. Как поживаете?

П р о ф е с с о р. Бисмиллахир-рахманир-рахим! Пришел с именем Алла-
ха на устах!

М у ж (*изумленно*). Профессор, это... вы?

П р о ф е с с о р. Хвала Всевышнему, я!

Пауза.

М у ж. Вы?

П р о ф е с с о р. Хвала Аллаху, я!

М у ж. Точно вы?

С ы н (*устав слушать*). Папа, если этот товарищ утверждает, что это он,
значит – он. Он самый!

М у ж (*будто не слыша слов Сына, с прежним изумлением*). Но что?.. Что
это за слова?..

¹ Бисмиллахир-рахманир-рахим – Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

Профессор. Какие слова?

Муж. Вы же... Вы же читали нам лекции по научному атеизму... Вы сорок лет преподавали атеизм в университете, были в одно время председателем комитета атеистов! Вы – автор стольких статей и книг против религии!..

Жена. Спаси нас Аллаха! Пойду чаю принесу!

Профессор. Эх, мой бывший студент... Зачем тебе ворошить грязное белье? Вчера было вчера, сегодня, хвала Аллаху, – сегодня, а завтра, если будет угодно Всевышнему, будет завтра. Сейчас я – покорный раб Божий. Трижды в день молюсь, совершаю намаз!

Муж. И поститесь тоже?

Профессор. А как же! Всенепременно! Всенепременно! (*Поглаживает живот, в сторону.*) И без того сейчас все профессора постятся...

Муж. Ей-Богу, когда видишь подобное, кажется, вот-вот спятишь!

Профессор. А ты молись. Читай молитвы. Вот и не спятишь. Как я, например. Иначе быть бы мне падишахом в дурдоме...

Муж. Говорите, молиться, да?

Профессор. Всенепременно. Всенепременно! Молись и твори добрые дела! И мне тоже сделай одно доброе дело...

Муж. Какое доброе дело, профессор?

Профессор. С Божьей помощью, хочу отправиться в паломничество по святым местам. Но, мой дорогой бывший студент, одного моего желания мало. Кому сейчас до нас, профессоров, чего мы хотим, чего не хотим? Сейчас рыночная экономика. (*Характерным жестом трет палец о палец, намекая на необходимость денег.*) А у нас в карманах мыши водятся...

Муж. Что же я могу сделать?

Профессор. Есть международное благотворительное общество «Ульвийат» – чистота... Знаешь?

Муж. Знаю.

Профессор. Знаю, что знаешь. Потому я и пришел к тебе... Богатое общество! Но этим чертовым детям – прости Аллах! – или надо дать в лапу, или иметь там своего человека, или же выступить в прессе, сделать им рекламу: что они, мол, с чистыми чувствами творят святые дела во имя нации. Правда, уважаемая гадалка-экстрасенс Агабаджи обещала похлопотать за меня, но каждый раз, сверяясь с гороскопом, сообщает мне, что еще не время...

Муж. Кто сверяется с гороскопом?

Профессор. Гадалка Агабаджи.

Муж. А кто это?

Профессор. Гадалка Агабаджи?

Муж. Да!

Пауза.

Профессор. Ты не знаешь?

Муж. Нет.

Профессор. Не может быть!

Муж. Ей-Богу, не знаю.

Профессор. Ни за что не поверю!

Пауза.

Сын. Вот тебе раз!

Муж. Профессор...

Профессор (*с воодушевлением*). Уважаемая Агабаджи – великий человек! Великий! Вели-и-икий! Эти разные общества, эти «Ульвийаты», то, сё – для нее – тьфу! – как семечки! Просто у меня судьба такая, гороскоп не позволяет уважаемой Агабаджи действовать... Сейчас я хочу, чтобы ты поговорил с этим обществом и пустил бы в ход свое чудесное перо. Ну, что-то вроде: благотворители принимают страдания во имя нации, то, сё... А потом попросишь, чтобы мне оказали материальную помощь... А я с помощью Аллаха поехал бы по святым местам, совершил бы паломничество... Но самое главное – по десять кило баранины выдают на человека!

Муж. Баранины?

Профессор. Именно. (*Сглатывает слюну.*) Такая прекрасная, жирная баранина! Десять кило! (*Втягивает носом воздух во всю мощь легких.*) Свежее, свежайшее мясо!

Муж. Ладно. В таком случае, прежде чем заняться вашей просьбой, позвольте мне несколько дней помолиться.

Жена вносит стаканы с чаем.

Профессор. Нет, любезнейший, нет! Ты сначала реши мою проблему насчет десяти килограммов баранины (*сглатывает слюну*), а после, с Божьей помощью, помолишься.

Жена. Прошу вас, садитесь.

Профессор. Нет, спасибо. Спешу! (*Вытаскивает из кармана листок, читает.*) У меня сегодня столько дел!

М у ж (*взволнованно*). Профессор!
 П р о ф е с с о р. Что, дорогой?
 М у ж. И вы без списка не выходите из дома?
 П р о ф е с с о р. Кто же сейчас выходит без списка?
 М у ж (*расчувствовавшись, обнимает Профессора*). Дорогой брат мой по несчастью! Я непременно решу ваш вопрос с бараниной!
 П р о ф е с с о р (*сглатывает*). Вот спасибо! А сейчас – прощайте! Поручаю вас Всевышнему. (*Уходит*).
 С ы н (*не отрываясь от книги, восхищенно*). Кладезь! Кладезь!
 Ж е н а. Людям баранину устраиваешь, а сами ютимся в этой темной комнате! Кран протекает! Часы стали, батарейки сели... телевизор так показывает, что уж лучше бы вовсе не показывал.

Звонок в дверь.

Это еще кто? Удивительно, что нас еще кто-то помнит... Откройте дверь!

Сын, чтобы не идти открывать, еще ниже склоняет голову к книге. Муж сердито заглядывает в книгу в его руках.

М у ж. Он все еще на девятой странице! (*Идет к двери*).
 Л и д е р (*за сценой*). Здравствуй, дорогой друг!
 Д а м а (*за сценой*). Рада вас видеть!
 М у ж. Здравствуйте, здравствуйте. Проходите в комнату...

Выходят на сцену.

Ж е н а. Добро пожаловать. Садитесь.
 Д а м а. Ей-Богу, ни минутки свободного времени нет из-за этой политической борьбы! С трудом нашли часок, чтобы проведать вас.
 Ж е н а. Правильно сделали. (*В сторону*.) Еще и одолжение делает! (*Громко*.) Спасибо!
 Л и д е р (*кивает на Сына*). А этот все еще читает своего дядю Маркса?
 С ы н (*вскочив на ноги, сердито*). Я не задевал ваших политических принципов!
 Л и д е р. Наши политические принципы прошли испытания в народе! А ваши не прошли!
 С ы н. Напротив. Будущее за коммунизмом! Мы вам еще покажем!

М у ж. Ладно. Прекратите. Здесь вам не митинг!
 Д о ч ь (*входит, поигрывая ключом, которым только что открыла дверь*). Здравствуйте! Всем привет от Сузика!
 Д а м а (*тихо, Лидеру*). Если человека зовут Сузик, представляю, какой это кретин!
 Ж е н а. Спасибо ему!..
 С ы н. Тоже мне! (*Уходит*).
 Д о ч ь (*подходит к Лидеру и Даме*). Как поживаете?
 Д а м а. Эх! Как мы можем поживать? В гуще политической борьбы!
 Д о ч ь. Знаете... Сузик думает вступить в вашу партию...
 Д а м а (*радостно*). Да? (*Лидеру*.) Я же говорила! Чужало мое сердце, что он – умный парень!
 Д о ч ь. Но...
 Д а м а (*встревоженно*). Что – но?
 Д о ч ь (*несколько расстроено*). Но... Он говорит, что там место председателя занято... И место первого секретаря тоже...
 Д а м а. Ну и что? Мы дадим ему место секретаря по идеологии. (*Смотрит на Лидера*.)
 Л и д е р. Можно...
 Д о ч ь. Посмотрим...
 Л и д е р (*мужу*). Может, спустимся во двор? Пройдемся немного. Есть разговор...
 М у ж (*тяжело вздыхает*). Что ж, спустимся..
 Д о ч ь. А Сузик говорит, что...

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Сквер. М у ж , Л и д е р , Д р у г .

Л и д е р. Видишь ли, дорогой друг, у меня опять к тебе небольшое дельце.
 М у ж. Опять?
 Л и д е р. Да.
 М у ж. Знаешь, какая у меня самая заветная мечта?
 Л и д е р. Какая?

М у ж (на крыльях мечты). Чтобы в один прекрасный день позвонили бы в дверь, вошло бы прекрасное творение Аллаха и спросило бы меня: дорогой друг, дорогой брат, дорогой отец, в чем нуждаешься, скажи? Чем могу тебе помочь?

Пауза.

Л и д е р (осуждающе помахивая рукой). Ай-хай! В то время, как нация борется за свою независимость, ты тут мечтаешь о пустяках. Нет, дорогой друг, так не пойдет!

М у ж (оторвавшись от своих мечтаний). Говоришь – не пойдет?

Л и д е р. Конечно, не пойдет.

М у ж (вздыхает). Ладно... Что случилось?

Л и д е р. Ну, ты же знаешь, этот мир политики – Содом и Гоморра!

М у ж. А кто просил тебя соваться в этот Содом? Работал себе спокойно ветеринаром, забот не знал, сидел среди коз и баранов... Что может быть лучше? Разве это не прекрасно – с утра до вечера возиться с баранами, козами, собаками, кошками, не видеть ни одной человеческой морды? Замечательные животные! Ничего у тебя не просят, не ворчат с утра до вечера, не требуют люстры, не читают Маркса, а о Сузике и слыхом не слыхивали!

Л и д е р. А нация? А судьба республики? Я поднялся на политическую борьбу во имя будущего моего народа! Наша независимая республика...

М у ж (прерывает его). Ладно... Не вешай мне лапшу...

Л и д е р. Что это за выражение?! Ты задеваешь мои патриотические чувства! Мои гражданские принципы этого не потерпят!

М у ж. Прекрати, ради Бога! (Передразнивает.) «Мои патриотические чувства!.. Мои гражданские принципы!..» Может, это не ты предлагал в советское время переименовать Баку в Брежневabad?

Л и д е р. Я в то время верил в коммунистические идеалы! Верил в Ленина. В Брежнева верил!

М у ж. Опять двадцать пять! Можно подумать, это не ты в узком кругу после второй рюмки начинал рассказывать про Брежнева грязные анекдоты!

Пауза.

Л и д е р. А я-то, глупец, ищу врагов в других политических партиях... (Обеими руками указывает на Мужа.) Во-он он! Человек, десять лет проучившийся со мной в одной школе, десять лет сидевший со мной за одной партией,

пожалуйста! И вот слова этого человека обо мне! Слышал бы какой-нибудь корреспондентшишка эти твои высказывания, и все – конец моей политической карьеры! Кто бы тогда голосовал за меня на выборах? (Растроганно.) А я... я связывал с тобой такие надежды во имя процветания нашей суверенной республики...

М у ж. Ну, завелся... Не надо со мной так говорить! Знаю я твое гнилое нутро. Не ты ли создал партию на своем дне рождения?! Твои гости до сих пор уверены, что это была шутка, когда ты заставлял их подписывать протокол: мол, это не день рождения, а выездное собрание оргкомитета...

Л и д е р. Ты... ты... Ты против демократии! Наша независимая республика...

М у ж (прерывает его). В таком случае, я пошел! (Хочет удалиться.)

Л и д е р (поспешно). Хорошо... Постой!

М у ж. Нет, с меня хватит!

Л и д е р. погоди минутку!

М у ж. Тогда признай...

Л и д е р. Что признать?

М у ж. Признай, что я прав!

Входит Д р у г.

Д р у г. О-о! Пеки! Отлично. (Мужу.) Как хорошо, что я встретил тебя здесь! День добрый!

М у ж. Здравствуй. (Лидеру.) Этот вырос со мной в одном квартале. (Другу.) А этот учился со мной в одной школе.

Д р у г. Пеки эла! Отлично! Отлично!

М у ж. Ты поднимайся к нам. Мы сейчас...

Д р у г. Эвет! Эвет! Хорошо.

Друг уходит.

М у ж. Ну, как? Я прав, или нет?

Л и д е р. Ладно. Ты прав. А что же мне делать? До каких пор быть ветеринаром? Я тоже хочу быть на руководящей должности! Я тоже человек! Кривой-косой, все на должностях! Чем я хуже других?

М у ж. Эх ты, неблагодарный, не знающий своей выгоды! Судьба сделала тебе подарок. А ты не смог оценить этих прекрасных коров, быков, лошадей (как бы самому себе), ишаков... Ишак, не ценивший ишаков!

¹ Пеки (турецк.) – отлично.

Л и д е р. Что?

М у ж. Что-что? Тихие, смиренные животные, только смотрят на тебя. Ничего не говорят, не портят настроение, не задирают! Не завидуют! Не клеветают за спиной у тебя! Эх ты, простофиля! Не ценил свои прекрасные денечки! Чего же теперь ты хочешь?

Л и д е р. Чтобы ты дал информацию в прессе...

М у ж. Какую информацию?

Л и д е р. Что, мол, ему, то есть мне, предложили пост министра аграрной политики страны, но я не согласился...

Пауза.

М у ж. Что?

Л и д е р. Да, да... Ты мне с утра толкуешь о баранах и козах. Это же и есть аграрная политика! Министр аграрной политики страны! Звучит? Пусть газеты начнут трепать мое имя! И тогда все, начиная от бизнесменов животноводства до торговцев рыбой – ведь рыба и икра тоже относятся к аграрному сектору, – все станут перечислять деньги в фонд моей партии, подумают, а вдруг и в самом деле назначат! Скажу тебе, это я гениально придумал! У моих соперников из других партий от зависти сердца лопнут!

Пауза.

М у ж. Нет, я на это не пойду!

Л и д е р (удивленно). Почему? Для тебя это – раз плюнуть!

М у ж (самоу себе). Спокойно... Не волнуйся... Все будет хорошо. Успокойся.

Л и д е р. Что ты говоришь? Не слышу...

М у ж (не сдержавшись, кричит). Нет! Нет!

Л и д е р (отвечая криком на крик). В таком случае, я тебя знать не хочу! Пусть не пойдут тебе впрок наши школьные учебники, по которым мы вместе учились! Не пойду к вам! Поди, скажи жене, чтобы спускалась! (Неожиданно смягчившись.) Слушай, а может, сделаешь, а? Что тебе стоит? Ну ради меня...

М у ж (кричит). Ей-Богу, я схожу с ума!

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Мужа. Жена, Дама, Дочь, Друг, Муж.

Ж е н а. Посмотрите только, в каком жутком состоянии квартира! Даже не знаю, как быть с ремонтом. Вода не идет! Крышка от унитаза сломана! Газовая колонка с угаром! Просто не знаю, о какую стену биться головой от горя!..

Д а м а. Почему же не знаете? Нашей партии...

Ж е н а. О стену вашей партии?

Д а м а. Да нет же, я в том смысле, что будьте членом нашей партии.

Ж е н а. И тогда крышка от унитаза станет новой?

Д а м а (в сторону). Вот попробуй веди политическую борьбу с такими недалёковидными, узколобыми людьми! Боже мой, что ожидает эту нацию?

Д о ч ь (входит). Говорила с Сузиком по телефону!

Д а м а. Да? Ну и как?

Д о ч ь. Сузик спрашивает...

Д а м а. Что спрашивает?

Д о ч ь. Сузик спрашивает, а нет ли в вашей партии вакансии секретаря по торговле?

Пауза.

Или же по таможене?

Пауза.

Д р у г (выходит на сцену). Дверь у вас открыта. Вот это по-дружески! Друг всегда должен держать свою дверь открытой для друзей! Мархаба!¹ Здравствуй-те! (Заметив Даму, вдруг застывает на месте.)

Ж е н а (в сторону). Опять осчастливил нас своим визитом. (Другу.) Добро пожаловать! Присаживайтесь... А я сейчас чай заварю.

Д о ч ь. А я пойду позвоню Сузику!

Ж е н а. Ты же только что говорила с ним!

Д о ч ь. Как это только что! Столько времени прошло!

¹ Мархаба (турецк.) – приветствие.

Жена и Дочь уходят.

Д р у г (*взволнованно*). Доброе утро!Д а м а (*удивленно*). Сейчас ведь вечер.

Д р у г. Да... Не обращайтесь внимания... Прошу прощения... Это непроизвольно. Сейчас, когда я вас увидел, будто снова, как двадцать лет назад, для меня взошло солнце...

Д а м а (*кокетливо*). Нет...

Д р у г. Эвет. Да, да... Это волнение, охватившее меня... Эти двадцать лет...

Д а м а (*прерывая его*). За эти двадцать лет многое изменилось. И вы изменились... Облысели... Бороду отпустили.

Д р у г. Зато вы не изменились...

Д а м а. Что вы! Я тоже изменилась... Теперь я замужняя женщина.

Д р у г (*торопливо*). Нет, я холост!

Д а м а. Помнится, вы устраивали комсомольскую свадьбу с болгаркой. В то время об этом писали все газеты. Писали, что на свадьбе вы приняли благодарственные письма Брежневу и Тодору Живкову.

Д р у г. Все это теперь кануло в Лету! Моя бывшая жена не могла смириться с моим пантюркизмом, вернулась в Болгарию...

Д а м а. Вы сейчас пантюркист?

Д р у г. Эвет! Эвет! Да! Я даже назвал свою собаку Тодор Живков!

Д а м а. Назвали собаку?

Д р у г. Эвет! Мы должны источать на современный тюркский мир лучи солнца Атиллы!

Д а м а. Но... Я помню, как-то раз я видела вас по телевизору... Вы... Вы тогда называли Атиллу прогнанным повелителем, палачом-эксплуататором...

Д р у г. Отнюдь! Отнюдь! Что вы говорите!

Д а м а. Это не я говорю. Это вы в то время говорили.

Д р у г. Так нельзя! Атилла – символ героизма!

Входит М у ж и, услышав их разговор, останавливается. Дама и Друг, естественно, его не замечают.

Д р у г (*вспоминая*). Двадцать лет назад... Студенческие годы...

Д а м а. Тогда вы были секретарем комсомола факультета.

Д р у г. Нет! Почему вы вспоминаете только общественные, официальные события? (*В романтическом настроении*.) Никогда не забуду тот благословенный светлый день, когда я впервые вас увидел... Свет этого дня вечно жил в моей душе... День, когда мы с вами пошли в синама...

Д а м а. Помню... Мы тогда смотрели «Чапаева».

Д р у г. Вы не фильм вспоминайте... Вы вспомните, как мы сидели с вами рядышком в темном зале... Давайте не будем ворошить всякий официоз. Эти черные воспоминания канули в бездну вечности. Вернемся к нашим светлым воспоминаниям о темном зале... Вернемся к самим себе. (*С еще большим воодушевлением*.) Давайте... Давайте начнем новую жизнь... Возродим бессмертные традиции тюркского мира на примере нашей любви!Д а м а (*с беспокойством*). Что вы?! Что вы говорите? Я посвятила свою жизнь мужу и его политической борьбе! Больше так не говорите! Услышат. Ваши слова могут навредить политической карьере моего мужа.Д р у г (*постепенно приходя в восторг*). Отнюдь! Я эти слова говорю не для себя. Я от всего тюркского мира говорю... Я чувствую его! Вы могли бы стать для меня таким стимулом, таким источником энергии, что я мог бы творить чудеса своей деятельностью в тюркском мире!

Д а м а. Прошу вас не говорить подобных слов! Я не могу позволить вам навредить политической карьере моего супруга! Видите, как нехорошие женщины мучают бедного Клинтона? Я не могу с этим смириться.

Д р у г. Нет! Вы не должны бояться! Вы – внучка тюркской женщины с волчьим сердцем бозгурта! Я верну вас к вашим тюркским корням! Мы должны начать новую жизнь!

Д а м а. Вы опять за свое? (*Внезапно с диким воодушевлением*.) Придите! Придите, и мы станем провозвестниками истины!

Пауза.

Д р у г. Как?

Д а м а. Провозвестниками истины.

Д р у г. А что это?

Д а м а. Вы вступите в нашу партию!

Д р у г. В вашу партию?

Д а м а. Именно!

Д р у г. А что это за партия?

Д а м а. Партия Высшей Истины Азербайджана! (*Поднимает кулак, страстно*.) Ведущая партия страны! Мы ведем борьбу за власть во имя благоденствия народа! Придите! Придите, и мы станем единомышленниками! Станем единоверцами! Мой муж – председатель нашей партии, я – первый секретарь. Вы будете секретарем по идеологии!

Д р у г. Но я же был пантюркистом!

Д а м а. Ну и что? Только политически необразованные люди могут упрекнуть вас в этом. В Турции кто хочет, выходит из одной партии, вступает в другую. И вы теперь станете идеологическим секретарем нашей партии.

М у ж (*откашливаясь*). Кхе-кхе!

Д а м а (*заметив его, теряет, тихо*). Интересно, он что-то слышал?

Д р у г. Пришел?

М у ж. Пришел и уйду.

Д р у г. Куда уходишь? У меня просьба к тебе.

М у ж (*уходя в другую комнату*). Нет! Хватит с меня! Голова трещит! Кончилось мое терпение! (*Даме.*) Муж ждет вас внизу. (*Уходит.*)

Д р у г. Что это с ним?

Д а м а (*по-прежнему обеспокоенно*). Неужели он слышал?

Д р у г. Почему вы так волнуетесь? вспомните, что вы внучка Томрис!¹

Д а м а. Нет. Мою бабушку звали Нисабаджи.

Д р у г (*с прежней страстью*). вспомните, что вы внучка Нушабы!²

Д а м а. Нет. Другую мою бабушку звали Гызханум. Я уйду! (*Хочет уйти.*)

Д р у г. Повремените минутку! (*Идет за ней.*)

Д а м а. Нет!

Ж е н а (*входит с подносом с чаем в руках*). Куда же вы? А чай?

Д о ч ь (*поспешно входит*). А Сузик говорит...

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Квартира Мужа. Воскресное утро. Ж е н а, С ы н, Д о ч ь, М у ж, Д р у г.

Ж е н а в халате со списком в руках, С ы н в трусах и майке внимательно изучает «Капитал», Д о ч ь в пижаме, зевая, – все трое стоят у двери туалета.

Ж е н а (*стучит в дверь туалета*). Выходи, сколько можно там сидеть?! Этот список со вчерашнего дня лежит на столе. Ты давно должен был все это купить. (*Читает список.*) Хлеб надо! Зелени нет дома! Пучок кинзы, редиски, укропа!

¹ Томрис – царица массагетов, амазонка (V век до н.э.); царство массагетов было расположено на территории исторического Азербайджана.

² Нушаба – героиня поэмы Низами Гянджеви «Искендернамэ», правительница Барды.

Д о ч ь. Сузик говорит, что больше всего витаминов в укропе! (*Хочет пролезть и стать впереди Сына.*) Ты пришел после меня!

С ы н (*не пропуская ее*). Нет! Это ты пришла после меня!

Ж е н а (*стучит в дверь туалета*). Что ты там делаешь, в конце концов?!

Д о ч ь. А Сузик не успевает войти в туалет, как тут же выходит.

С ы н (*в восторге от прочитанного*). Кладесь!.. Кладесь!.. Океан!..

Д о ч ь (*заглядывает в книгу*). Опять на девятой странице!

С ы н. Не вмешивайся в мою личную жизнь.

Д о ч ь. А ты пришел после меня!

Ж е н а (*стучит в дверь туалета, с нарастающим беспокойством*). Ты что не выходишь? Что случилось?

М у ж (*кричит за сценой*). О-о-о!

Ж е н а. Что?

Д о ч ь. А-а-а!

М у ж (*за сценой*). О-о-о!

Ж е н а. Что он говорит?

Д о ч ь. Не знаю...

М у ж (*за сценой*). О-о-о!

Ж е н а (*в тревоге стучит в дверь туалета*). Выходи сейчас же!

Д о ч ь. Может, позвонить Сузику?

Звонок в дверь.

Ж е н а. Кого это еще принесло в воскресное утро? (*Уходит открывать.*) Кто там?

Д р у г. (*Входит*). Добрый день.

Ж е н а (*следуя за ним*). Извините, мы еще не одеты...

Д р у г. Ничего. Считайте меня своим братом. У меня важный разговор с вашим мужем. Поэтому я так рано... Чтобы застать его дома...

М у ж (*За сценой, кричит*). О-о-о!

Друг удивленно смотрит на Жену.

Ж е н а. Сидит тут битый час, не выходит, не откликается. (*Барабанит в дверь туалета.*) Выходишь?

С ы н (*в восторге от прочитанного*). Ты только посмотри, какая глубокая мысль! Потрясающе!..

М у ж. (*Кричит за сценой*). О-о-о!

Д р у г. Эфендим! Друг мой!

Дверь туалета распахивается, и выходит М у ж с всклокоченными волосами.

М у ж. Ровно тридцать семь! Наповал!

Ж е н а. Тридцать семь – наповал?

М у ж. Именно так.

Ж е н а. Чего тридцать семь?

М у ж. Мух! И каждая величиной с дракона! (*Смотрит на Друга и, раскинув руки, показывает.*) Вот такие!

Д р у г (*ошарашенно*). Д-добрый д-день...

М у ж (*подходит к нему и еще шире раскидывает руки*). Вот такие!

Д р у г. Что он говорит? (*Затравленно пятится в угол.*)

Ж е н а. Что с тобой, дорогой?

М у ж. Что это за дом? Разве могут быть в доме такие мухи? Столько тараканов! Каждый – величиной с крокодила!

Д о ч ь. Вай, мама!

М у ж (*подходит к Сыну*). Семь... (*Заглядывает на страницу «Капитала»*.) Нет, девять штук убил! (*Подходит к Жене*.) Это не дом, а зоопарк! Пауки, как бегемоты!

Ж е н а. Ты что, выпил? Это на него непохоже – напиток с утра пораньше... Дыхни! Дыхни, говорю!..

М у ж. Фу! Фу!

Ж е н а. Нет, не пахнет.

Д р у г (*из своего угла*). Может, жвачкой зажевал, чтобы перебить запах?

Д о ч ь. Сузик говорит, так делают...

Ж е н а. Жевал?

М у ж. Нет.

Ж е н а. А что же ты делал?

М у ж. Тридцать семь штук убил! Вот таких вот! (*Раскидывает руки, показывая.*)

Д о ч ь. Вай, мама!

Ж е н а (*вне себя, кричит*). Таких мух не бывает!

М у ж. Бывает! (*Тихо.*) Потом сел на одну муху и полетел!

Ж е н а. Сел на муху?

М у ж. Да.

С ы н (*оторвав, наконец, взгляд от книги*). Ага! Это не логично! Как это ты улетел? Ты же говоришь, поубивал их?

М у ж. Это ложная логика, ай... товарищ! Вы живете по ложной логике! Да, да! Сначала убил! Каждая вот такая! (*Раскидывает руки.*) Потом сел на одну и улетел!

Д о ч ь. Вай, мама!

Ж е н а (*в ужасе*). Куда полетел?

М у ж. К Горбачеву. Окунулся в перестройку.

Пауза.

(*Прохаживается по сцене и вдруг останавливается перед Другом.*) О-о-о! Дорогой товарищ Ленин! (*Обнимает Друга.*) Владимир Ильич! Я знал, что мы встретимся.

Д р у г (*растерянно*). Нет... Я...

Ж е н а (*начинает понимать постигшее ее горе*). О, Боже! Муж сошел с ума!

Д о ч ь. Вай, мама! Что я Сузiku скажу?

М у ж (*воодушевленно*). Слава СССР! Ура, товарищи!

Пауза.

Ура, товарищи! Да здравствует СССР! Ура!

Ж е н а (*плакливо*). СССР уже не существует.

С ы н (*поспешно*). Временно. Временно не существует!

М у ж (*жене*). Что?! Как ты смеешь говорить такое?!

Ж е н а. Э-эх! Да Бог с ним, с СССР! Мне тебя, дорогой, жалко!

М у ж (*дочери*). Она правду говорит?

Д о ч ь. Да.

М у ж. А что же?.. Что же случилось с такой огромной страной? С одной шестой частью суши?

Д о ч ь. Развалилась.

С ы н. Временно. Временно развалилась!

М у ж (*дочери*). Как это?

Д о ч ь. Да, развалилась...

М у ж (*кричит*). Кто развалил?

С ы н (*проворно*). Горбачев!

М у ж. Этот наш Михаил Сергеевич!

С ы н. Да.

Пауза.

Ж е н а. Ради Бога...

М у ж. *(прерывает ее)*. Хорошо! Я должен ехать! Прощайте! *(Подходит к Другу.)* Прощайте, Владимир Ильич!

Д р у г. Нет... Я...

М у ж. *(не дает ему договорить. Обнимает Друга)*. Прощайте!

Ж е н а. Куда ты уходишь?

М у ж. Убивать Горбачева!

Ж е н а. Что?

С ы н. Правильно.

Д о ч ь. Вай! А как же Сузик? Что с ним будет?

М у ж. Прощайте! *(Открывает дверь туалета, входит, закрывает за собой дверь.)*

Д р у г. Он вошел в туалет...

Ж е н а. Врача... Нужно вызвать врача! *(Плачет.)* Эх, непостоянный, переменчивый мир! Какого человека не уберег! Во что превратил такую личность!Д о ч ь. *(кричит)*. Папа, зачем ты сошел с ума? Что теперь скажет Сузик? Как же теперь я? *(Плачет еще громче.)* Когда Сузик узнает, что ты сошел с ума... он... он... Вай! Сузик!.. Сузик!..

Свет гаснет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Квартира Мужа. Полдень. Муж, Жена, Сын, Дочь, Сосед. Муж один на сцене. Он в пижаме, голова обвязана. Сидит посреди сцены в кресле, закрыл глаза, старается соединить, как при гадании, поднося издалека, кончики указательных пальцев.

М у ж. Сбудется, не сбудется. Да или нет?

Ж е н а. *(входит)*. Как холодно! Отопление не дают нормально, а газ горит так, что лучше бы и вовсе не горел! А-а-а... *(Показывает на окно, Мужу.)* Ты почему открыл форточку? Закрой, на улице холодно!М у ж. *(открывает глаза)*. Закрывать форточку?Ж е н а. *(поеживаясь)*. Да, дорогой, закрыть. На улице холодно.М у ж. *(смотрит, то на Жену, то на форточку)*. Значит, если я закрою форточку, на улице сразу станет тепло?

Пауза.

Ж е н а. *(плакливо)*. В чем я провинилась, Боже? За что мне такое испытание? Зачем ты отнял у него разум? Одни врачи говорят – размягчение мозга вследствие реактивного психоза, другие говорят – шизофрения... Не знаю... Он же хороший был человек... Мухи не обидит... Мягкий, добрый... Даже курицу не мог зарезать...М у ж. *(услышав последнюю фразу, начинает гоготать, как курица)*. Гак-гак-гак!Ж е н а. *(хватается за голову)*. Горе мне!

Входит Сын с «Капиталом» в руках.

Закрой окно!

С ы н. Э-э-э! Не видишь, я читаю? *(Мужу.)* Ну, как?

М у ж. Что – ну как?

С ы н. Ты же вчера вечером опять отправлялся убивать Горбачева.

М у ж. И отправился!

С ы н. Убил?

М у ж. Нет.

С ы н. Почему?

М у ж. Там огромная очередь была.

С ы н. Очередь? Какая еще очередь?

М у ж. Обыкновенная. Столько людей собралось, чтобы убить Горбачева, что создалась очередь. Мне дали номерок. Я – триста четырнадцатый.

Пауза.

С ы н. *(немного подумав)*. Нет логики. *(Смотрит на Жену.)*Ж е н а. Конечно. *(Вздыхает.)* Какая уж теперь логика!М у ж. *(передразнивает Жену)*. Какая уж теперь логика?! Да?! Когда мне было двадцать пять лет, я чуть не утонул в море. Тогда ты была рядом со мной? Ж е н а. Хвала Аллаху, какая у тебя память! Конечно, я была рядом с тобой. Будь проклят тот день.

М у ж. Когда у меня случился первый инфаркт, ты была рядом?

Ж е н а. А как же?

М у ж. Когда я в ванной поскользнулся, ногу сломал, лежал в гипсе, ты была рядом?

Ж е н а. Конечно, я была рядом.
 М у ж. И когда второй инфаркт, ты тоже была рядом со мной?
 Ж е н а. А как же, дорогой, конечно!
 М у ж. Вот видишь... Значит, когда ты рядом со мной, я то в море тону, то ногу ломаю, то инфаркт получаю, то живот болит. Вот это и есть логика!

Жена в растерянности. Звонок в дверь.

Ж е н а (*все еще не придя в себя, Сыну*). Иди, открой.
 С ы н. (*уткнувшись в книгу*). Я читаю...
 Ж е н а (*тяжело вздохнув*). Эх... (*Уходит, чтобы открыть дверь.*)
 С о с е д (*за сценой*). Рад вас видеть. Как ваш муж?
 Ж е н а. (*за сценой*). Как он может быть...
 С ы н (*оторвавшись от книги, сердито*). Буржуй! (*Уходит.*)
 С о с е д (*выходит на сцену*). А что говорят врачи?
 Ж е н а. (*выходя следом за ним, тихо*). Да что говорят... Я и сама потеряла голову... Все говорят по-разному... Реактивный психоз... Шизофрения... Размягчение мозга... (*Плаксиво.*) Беда на нас обрушилась, сосед, беда!
 С о с е д (*показывая пальцами у виска*). То есть... это очень серьезно?
 Ж е н а. Нет, нет... Память у него отличная... Но... Вот, например, говорит – ездил к Горбачеву...
 С о с е д. А что? Может, и правда ездил?
 Ж е н а. Что вы! Он из дому ни на шаг. Проходите, садитесь. Я сейчас. (*Уходит.*)
 С о с е д (*подходит к Мужу*). Здравствуй!

Муж молча кивком головы отвечает на приветствие.

Как поживаешь? Что новенького? Говорят, ты в поездке был?

М у ж. Да. Времени не хватило. Вернулся.
 С о с е д. Ну, конечно...
 М у ж. Здесь у меня дел полно.
 С о с е д. А как же!
 М у ж. Недавно я и Архангелу Гавриилу говорю...
 С о с е д. Кому?
 М у ж. Архангелу Гавриилу.
 С о с е д. Он приходит к вам?

М у ж. Да. Был недавно. Пили с ним чай.
 С о с е д. Чай пили? (*Смеется.*)
 М у ж. Да.
 С о с е д. С Архангелом Гавриилом? (*Смеется.*)
 М у ж. Да.
 С о с е д. Отлично. Отлично. (*Смеется.*)
 М у ж. Я и ему сказал... Я говорю, должен встретиться с Лачиновым!
 С о с е д (*выпучив глаза*). Что?!
 М у ж. Я купил ему такой браслет!.. За пятнадцать тысяч долларов!
 С о с е д (*тревожно оглядываясь*). Тише!.. Тише!..
 М у ж. Нет! Хватит! (*Поднимается.*) Я обещал Архангелу Гавриилу! Буду кричать! Такой браслет я ему купил! А он!.. Хотя бы раз позвонил, поздравил с праздником! А у меня – ничего! Даже машины нет! Недавно пришлось Архангела Гавриила взвалить на плечи, чтобы отнести в рай... А была бы у меня машина! Я бы его на своей машине подбросил!
 С о с е д (*окончательно растерявшись*). погоди... послушай!..
 М у ж. Ты не печалься... Я этому Лачинову такое устрою, ты увидишь!
 Пусть вернет мои пятнадцать тысяч долларов! В газету напишу!
 С о с е д. Не кричи! погоди минутку!
 М у ж. Митинг устрою. Прямо перед его домом! По телевидению выступлю!
 С о с е д. Тихо!
 М у ж. Сколько я ему ценностей накопил! А у самого даже машины нет!
 С о с е д. послушай!..
 М у ж (*кричит*). Лачинов! Позор на твою голову!
 С о с е д. Тихо! Не то знаешь, что он может тебе сделать?!
 М у ж. Мне?
 С о с е д (*оглядываясь по сторонам, тихо*). Ты его не знаешь. О-о-о!

Пауза.

М у ж. Ничего он не сможет мне сделать!
 С о с е д. Почему?
 М у ж. Потому что я – сумасшедший! (*Кричит.*) Лачинов!
 С о с е д. Тебе не сможет, мне сделает!
 М у ж (*кричит*). Лачинов!
 С о с е д. Меня... Меня пожалей... Не уничтожай меня!
 М у ж (*вовсю разошелся*). Нет, меня нельзя остановить! Я обещал Архангелу Гавриилу. (*Кричит.*) Лачинов – взяточник! А у меня даже машины нет!

С о с е д. Есть!.. Есть...
 М у ж. Что есть?
 С о с е д. Машина есть! Есть машина... Я же еще не умер! Сегодня же куплю тебе машину!
 М у ж. Но...
 С о с е д. Никаких но... Я слов на ветер не бросаю. Когда же еще сосед нужен соседу?

Входит Ж е н а с подносом, уставленным стаканами с чаем, Сын с «Капиталом» в руках и Д о ч ь.

Ж е н а. Что тут у вас за шум?
 С о с е д. Ничего...
 М у ж (*бежит по сцене, будто водит машину*). Ба-бап! Хр-р-р-р! Вы-ы-и-и!
 Ж е н а. Что ты опять вытворяешь?
 М у ж (*жене*). Ба-бап! Уйди с дороги! Задавлю!
 Ж е н а. Что?
 Д о ч ь. Не видишь, он водит машину?
 М у ж. Ба-бап! Прочь с дороги!
 Ж е н а (*плакливо*). Бедняга! Разве у тебя есть машина?
 С о с е д. Есть! У него есть машина! Я, как человек, занимающийся благотворительной деятельностью, принял решение протянуть и вам руку помощи в это трудное для вас время! Я подарю вам машину! Правда, она немного подержанная, но ничего...

Пауза.

М у ж (*бежит по сцене, словно водит машину*). Ба-бап! Вы-ы-и-и-и!
 С ы н. Как?! У нас будет машина? Я буду водить машину?
 Д о ч ь. Сузик тоже будет водить!
 Ж е н а. Спасибо вам, сосед! Вы всегда были для нас ближе брата!
 С о с е д. Пустяки...
 М у ж (*бежит по сцене*). Ба-бап! Вы-ы-и-и!
 С ы н (*от радости не знает, что делать, и вдруг вспоминает*). Мамочка, а сейчас же закрою окно!

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Квартира Мужа. Вечерет. Муж, Жена, Сын, Дочь, Друг. Жена что-то вяжет, Муж перед зеркалом.

М у ж (*глядя на свое отражение в зеркале*). Вай! Как зарос!
 Ж е н а (*с постепенно нарастающим волнением*). Ой, как хорошо! Кажется, ты приходишь в себя, да?
 М у ж. Принесите бритву! Крем для бритья! Кисточку!..
 Ж е н а (*кричит*). Дочка, побыстрей! Принеси его бритву и все остальное!..
 Д о ч ь (*входит*). Что случилось?
 Ж е н а. Папа хочет побриться! Побыстрей, принеси, что нужно!
 Д о ч ь (*обрадованно*). Ой, папа, как здорово! Скажу Сузику! (*Убегает.*)
 М у ж (*внимательно осматривая зеркало, проводит рукой по небритым щекам*). Посмотри только, как зарос! Сколько волос!
 Ж е н а (*тихо*). Раз стал следить за собой, значит, приходит в себя. Ей-Богу, как появилась эта машина, как будто все стало налаживаться.
 М у ж (*кричит*). Мыло!
 Ж е н а (*кричит*). Ну, что там?
 Д о ч ь (*за сценой*). Сейчас! Только позвоню Сузику!
 Ж е н а. Какой еще Сузик! Сейчас же неси прибор!
 М у ж (*кричит*). Кисточку!
 Д о ч ь (*вносит прибор для бритья, обиженно*). Сузик обидится, что сначала ему не позвонила. (*Отдает поднос отцу.*) На. (*Жене.*) Знаешь, что Сузик говорит? Говорит, я, то есть он – рыцарь! Говорит, если у твоего папы крыша... то есть, если он заболел, то я должен еще сильнее оберегать тебя!
 Ж е н а. Хотя я и в глаза тебя не видела, Сузик, но дай Бог тебе счастья!
 Д о ч ь. Вместе со мной!
 Ж е н а. Дай Бог!
 М у ж (*ставит поднос с прибором перед зеркалом, взбивает пену, опять внимательно смотрит в зеркало.*) Ай-ай-яй! (*Начинает мылить свое изображение в зеркале.*)
 Ж е н а. Что ты делаешь?
 Д о ч ь. Папа!
 М у ж. Как это, что я делаю?! Что вы кричите? (*Показывает на зеркало.*) Не видите, сколько тут волос? (*Начинает водить бритвой по зеркалу.*)

Ж е н а. Погоди! Стой! Не порть зеркало!
Д о ч ь. Хорошо, что я не сказала Сузику!

Слышен шум машины. Входит С ы н.

С ы н (*воодушевленно*). Здравствуйте!

Пауза.

(*Обнимает мать.*) Маленький Володя очень любил свою маму!
Д о ч ь. Маленькому Володе тоже дарили машину?
Ж е н а. Хватит!
Д о ч ь. Не видишь, что ли? Не дает Сузику машину водить!

Муж пытается брить зеркало.

Ж е н а. Не грызьтесь! (*Показывает на Мужа.*) И без того забот хватает!
Видите?

С ы н. Что, опять, мамочка?

Ж е н а. Хочет брить зеркало вместо лица...

С ы н. Одну минутку! Сейчас я его сам побрею! (*Подходит к отцу, забирает у него бритву.*) Крупская говорила, что дети должны помогать родителям. (*Начинает старательно брить отца.*)

Д о ч ь. Ну и что? Сузик бы тоже мог побрить.

С ы н (*брея отца, с воодушевлением*). С тех пор, как у нас появилась машина, мой авторитет в партии значительно возрос! Со мной теперь считаются!

М у ж (*кричит*). Да здравствует коммунизм!

С ы н. Верно, отец! Придет время, и наш народ опять выйдет на демонстрации. А я на трибуне буду принимать парад!

Ж е н а. Дай Бог!

Звонок в дверь.

Д о ч ь (*встает, чтобы идти открывать*). Ну и что? Сузик тоже станет большим человеком! (*Уходит.*)

М у ж (*показывает на зеркало, хочет отнять у сына бритву*). Дай, это я побрею.

С ы н. Погоди, папочка!

Д р у г (*за сценой*). Добрый вечер!

Д о ч ь (*за сценой*). Здравствуйте!

Д р у г (*входит*). Добрый вечер! Как себя чувствует наш друг?

Ж е н а (*тяжело вздыхает*). Не знаю, что и сказать...

М у ж. О-о-о! (*Отстранив Сына, подходит к Другу.*) Товарищ Ленин! (*Обнимает Друга.*) Дорогой Владимир Ильич! Рад вас видеть! Очень рад! (*Загребастав в объятия, целует Друга.*)

Д р у г (*старается отстраниться*). Осторожно! Потихе! Ты вымажешь меня мылом!

М у ж. Мыло тебе полезно.

Д р у г. Пусти!

М у ж. Ах, как поредели твои волосы, дорогой Володя!

Д р у г. Пусти!

М у ж. Великий вождь пролетариата! Мой дорогой друг! (*Хочет обнять его.*)

Д р у г. Нет, нет! Сколько раз говорить тебе, что я – не Ленин! (*Сыну.*) Помоги да...

С ы н. А что такого? Разве он принимает вас за плохого человека? Националист! (*Сердито уходит.*)

М у ж. Хватит, Владимир Ильич! Хватит! Оставьте эти шутки! (*Жене.*) Он и в детстве был такой... Но тогда он не был лысым, густые волосы имел! (*Внезапно расчувствовавшись.*) Эх, Володя... Где? Где твои густые волосы? Все выпали во имя нашего прекрасного будущего! Дорогой Ульянов! Приди! Приди, я еще раз прижму тебя к сердцу!

Д р у г. Нет. Я не Ленин. Пойми это раз и навсегда!

Ж е н а. Не обращайтесь внимания...

Д р у г. Как не обращать? Он же намылил меня с ног до головы!

М у ж. Повторяю: мыло тебе полезно, Володя!

Д р у г. Нет!

М у ж. Так не пойдет, Владимир Ильич! Чего вы опасаетесь? Уже нет необходимости в конспирации, в подпольной деятельности. Мы теперь живем в твоей созданной стране!

Ж е н а. Эх, где она, та страна? Нет уже ее... Кило мяса стоило рубль девяносто...

М у ж. Нет, ты не верь этим словам, дорогой Владимир Ильич! Мы Сталина выгнали из мавзолея, перезахоронили! С Хрущевым собирали кукурузу и обгоняли Америку! Брежневу надавали вот столько вот (*показывает рукой ниже*)

пося) орден! Потом с Горбачевым делали перестройку... Ах, Миша, Миша!.. Он тоже был лысым, как и ты...

Д р у г (абсолютно уничтоженный). Я – не Ленин!

Ж е н а. Не обращайтесь внимания...

М у ж. Как это – не обращайтесь внимания?! Как это – я не Ленин?! Я пишу поэму о твоей любви к Надежде Константиновне! И Крупская тоже тебя любила!

Д р у г. Мой бедный, несчастный друг. Ты устал, иди отдохни...

М у ж. Какой тут может быть отдых, дорогой? Работая над поэмой о двух таких влюбленных, могу ли я позволить себе отдых?! Ленин стоял в этой комнате, вот тут вот. (Показывает.) Крупская вон там. (Показывает.) Как сейчас перед глазами...

Ж е н а. Боже мой!

М у ж. Они снова повстречались через двадцать лет! Ленин говорил: «Давайте начнем новую жизнь! На примере нашей любви возродим бессмертные традиции тюркского мира!» А Крупская возражала: «Что вы такое говорите?! Я – замужняя женщина!»

Ж е н а. Подумать только, что ему мерещится!

М у ж. Я пойду в редакцию и доведу до сведения мировой общественности поэму об этой негасимой любви!

Д р у г (взволнованно). Нет, не надо!

М у ж. Как это – не надо?! Могу ли я не писать историю вашей любви?! Это произведение будет называться «Дастан о Володе и Наде»! Пусть все узнают о чистой и вечной любви Ленина и Крупской, которая происходила здесь!

Д р у г. (встревоженно). Найди себе другое занятие!

М у ж. Нет. Это невозможно!

Ж е н а. Да пусть пишет... Чем бы дитя ни тешилось...

Д р у г. Нет! Нет!

М у ж. Дорогой Ленин! Владимир Ильич! Поймите, я не могу не писать эту поэму!

Д р у г. Но почему?

М у ж. Потому что я за эту поэму получу гонорар! И на этот гонорар куплю (показывает на потолок) люстру.

Пауза.

Д р у г (смотрит на потолок). Ты... Ты отдохай... Люстру куплю я.

М у ж. Но я хотел купить хрустальную люстру.

Д р у г. Эвэт! Да! Да! Я не могу предать любовь!

Ж е н а. Что?

Д р у г. Ничего, ничего...

М у ж. Импортную люстру!..

Д р у г. Да, да...

Ж е н а. А-а... Зачем вы беспокоитесь?

Д р у г. Мы же друзья. Прошу вас принять от меня этот подарок.

Ж е н а. Как вы заботитесь о своем друге! Ради его спокойствия делаете нам такой подарок! Спасибо!

Д р у г. Пустяки! Я пошел покупать люстру. (Уходит.)

Муж опять внимательно смотрит в зеркало.

Ж е н а. Даже не верится, что у нас будет люстра! (Смотрит на Мужа, зовет Сына.) Лицо у папы в мыле...

С ы н (входит с бритвой в руках). Ушел этот националист?

Ж е н а. Он не националист, а дорогой друг. Иди, добрей папу.

Сын начинает брить отца.

Он пошел покупать нам хрустальную люстру!

М у ж (кричит). Лицо мне порезал! Смотри – кровь...

Ж е н а (кричит). Дочка, побыстрее неси йод!

М у ж. Вот вы и с нацией так обходитесь – брить и стричь учитесь на ее голове!

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

На сцене – крошечная тьма. Кто-то ходит в этой темноте, освещая слабым лучом фонарика то пол, то стены, то мебель, но кто это на сцене – определить невозможно.

Некто осторожно, на цыпочках ходит по сцене. Останавливается, прислушивается. Слышен храп... Он снова ходит на цыпочках, стараясь не шуметь, останавливается, что-то где-то ищет, роется и, кажется, находит то, что искал. Садится в кресло посреди сцены спиной к зрителям и при свете ручного фонарика начинает читать газету.

Лица его не видно, так как он сидит спиной к зрителям.

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Квартира Мужа. Полдень. Муж, Жена, Лидер, Дама. Муж что-то увлеченно мастерит из бумаги.

Лидер. Ну, как себя чувствуешь, дорогой друг?

Дама. Ей-Богу, наша политическая деятельность съедает столько времени, что еле нашли минутку, чтобы провести вас.

Жена. Спасибо.

Лидер. Ничего. Тяжелые дни недолго длятся. Что у вас нового?

Муж (*возься с бумажками*). Я – прекрасно!

Лидер. Вижу... Ты и выглядишь прекрасно!

Дама. Точно!

Муж. Но...

Лидер. Что – но?

Муж. Каждую ночь мне снятся мыши.

Лидер. Мыши?

Муж (*по-прежнему возится с бумажками*). Да...

Лидер. И как ты их видишь?

Муж. Снилось, что мыши из нашей квартиры снюхались с соседскими, создали команду и играют в футбол...

Жена (*вздыхает*). Эх... Врач для подобных случаев выписал лекарство. Выпьешь – перестают сниться такие вещи... (*Подходит к столику, тесно установленному лекарствами, выбирает среди них две таблетки и приносит мужу вместе со стаканом воды*.) На... Выпей...

Муж (*оторвавшись от своего занятия*). А завтра нельзя?..

Жена. Почему завтра?

Муж. Сегодня ночью – финальная игра.

Пауза.

Дама (*желая поменять тему разговора, показывает на люстру*). Какая у вас красивая люстра!

Жена. Да...

Лидер. Что-то сына вашего не видно... Опять «Капитал» читает?

Жена. Читает, когда время находит... Теперь все дела по дому на нем. Дай ему Бог! (*Вздыхает*.) Эх! Все хорошо... Будто жизнь для нас только началась... Если б не одна эта проблема... (*Показывает на Мужа*.)

Муж. Уже двадцать семь пригласительных билетов готовы!

Лидер. Зачем тебе эти пригласительные?

Муж (*удивленно*). Как это зачем?

Лидер. Ну да, зачем? (*Усмехается*.) Что-то пишешь, клеишь...

Муж. Свадьбу справлю!

Лидер. Свадьбу?

Муж. Да.

Жена тяжело вздыхает.

Лидер. Благослови Аллах! Извини за нескромный вопрос – а чья свадьба?

Муж. Моя!

Жена. Что?

Лидер. Дорогой друг, не забывай, что у тебя семья – жена, дети...

Жена (*поднимается*). Оф-ф-ф! За что мне такое горе?!

Дама (*поднимается*). Ничего. Все устроится... Пусть мужчины поговорят между собой... Пойдемте в другую комнату, посудачим... И я тоже хотя бы несколько минут отдохну от политической борьбы.

Дама и Жена уходят.

Лидер. Ах, ты, значит, возжелал новую жену, хитрец!

Муж. Нет, я не на женщине женюсь.

Лидер. Не на женщине?

Муж. Нет.

Пауза.

Лидер. А что же это за свадьба? А-а... Мальчиковая, маленькая свадьба – обрезание, да?

Муж. Нет необходимости.

Лидер. А что же ты задумал?

Муж. Я беру в жены... партию!

Лидер. Что?

М у ж. НПДКПБА!

Л и д е р. Не понял.

М у ж. Национально-Просветительская Демократическая Консервативная Партия Будущего Азербайджана! Я приготовлю двести пятьдесят пригласительных. *(С удовольствием берет один из разноцветных билетов, над которым все время трудился, и рассматривает его.)* И раздам их уважаемым людям. Все подумают, что моя свадьба, но когда соберутся гости, я объявлю, что женюсь не на женщине, а на Национально-Просветительской Демократической Консервативной Партии Будущего Азербайджана!

Пауза.

Да! У нас в этой области, слава Богу, опыта хватает! Разве не помнишь, как на твоём дне рождения мы создали партию? Это качественно новое начинание в мире политики. Я приглашу журналистов и расскажу им об опыте твоей партии! Пусть они разнесут по всему миру весть об этом начинании! Все это объясню своим гостям, и они женят меня на Нац. Прос. Дем. Конс. Партии Будущего Азербайджана!

Пауза.

Л и д е р *(с нарастающим беспокойством)*. Послушай... Это – пустая затея... Выбрось это из головы. Журналисты сейчас только и ищут, что такие дешёвенькие сенсации.

М у ж. И прекрасно! Зачем выбрасывать из головы?! *(Показывает ему пригласительный.)* Посмотри, какой красивый!

Л и д е р. Я куплю тебе красивую книжку с картинками...

М у ж. Нет! Я женюсь на НПДКПБА!

Л и д е р. Скажи правду: уж не противники ли моей партии затумили тебе мозги?

М у ж. Нет! *(Сердито.)* Кто мне может затумить мозги?!

Л и д е р *(поспешно)*. Никто!.. Но ты об этом никому еще не говорил?

М у ж. Я не стукач!

Л и д е р. Я не в том смысле. На свою свадьбу еще никого не приглашал?..

М у ж. Еще нет. Потерпи. Как только я женюсь на НПДКПБА, мы станем с тобой союзниками. Вместе пойдем на выборы! *(Поднимается и кричит.)* Победа будет за нами!

Л и д е р. Тихо! Тихо! Такими вещами не шутят.

М у ж. Какие шутки? Ты что, спятил?

Л и д е р. Нет.

М у ж. Я и говорю – не похоже. Я уже подготовил устав. Пошлю его в министерство юстиции, чтобы зарегистрировали, основываясь на опыте твоей партии. Зарегистрируют, куда не денутся! Замминистра – мой друг! Я сам буду председателем, а мой сын – первым секретарем!

Л и д е р. Но он же коммунист!

М у ж. Ну и что? Там он был членом политбюро, а здесь сразу повышение – первый секретарь!.. А нашу квартиру я превращу в штаб партии! Потом соберу партийные взносы и на эти деньги сделаю здесь отличный ремонт!

Л и д е р. Послушай!

М у ж. Говорю, ты не беспокойся. Станем союзниками с твоей партией! Не бойся! Я все продумал! Все будет отлично! И сделаем здесь прекрасный ремонт!

Л и д е р *(кричит, не сдержавшись)*. Тебя надо запереть в дурдоме! В любой демократической стране ты бы уже давно сидел в психушке!

Ж е н а *(за сценой)*. Вы – нам?

Л и д е р *(поспешно)*. Нет!

М у ж. Я понимаю твоё волнение, дорогой мой школьный товарищ! Это от радости! Ты радуешься вместе со мной. Уже двадцать семь билетов готовы. Осталось всего двести двадцать три пригласительных. С завтрашнего дня начну потихоньку приглашать гостей. В первую очередь журналистов! Не бойся, тебя я прямо сейчас приглашаю! Расхвалю тебя перед журналистами, вот увидишь! Кому еще могло прийти в голову на своём дне рождения создать партию? Это даже Сталину было бы не под силу! Время я уже назначил! В следующий вторник – моя свадьба! *(Раскинув руки, показывает комнату.)* А потом я сделаю здесь шикарный ремонт!

Пауза.

Шикарный ремонт!

Пауза.

Л и д е р. Послушай...

М у ж. Сказал – расхвалю тебя, значит – расхвалю! Всем в пример тебя поставлю! Пусть узнают, какие крутые люди есть в Азербайджане! А потом – сделаю здесь ремонт!

Л и д е р. Нет... Ты послушай меня... Ремонт я беру на себя... Из фондов нашей партии... Хотели на эти деньги провести международный симпозиум... Придется отказаться... А ты эту идею насчет свадьбы выбрось из головы!

М у ж. Да?

Л и д е р. Да.

М у ж. А когда?

Л и д е р. Что – когда?

М у ж. Ремонт.

Л и д е р. В следующем месяце...

М у ж. Нет. Мне оставаться холостым невмоготу! Женюсь! Беру в жены свою партию!

Л и д е р. Ладно... На следующей неделе...

М у ж. Нет. Я не могу больше терпеть холостяцкую жизнь!

Л и д е р. Хорошо, хорошо... Завтра же начнем.

М у ж. Да?

Л и д е р. Да...

Пауза.

Да, завтра начнем.

М у ж. Тогда, пожалуй, вместо устава я пойду писать роман.

Л и д е р. Да, иди пиши роман. И чтобы не на собственном опыте. Свадьбы, именины – это забудь! Сейчас наш народ переживает тяжелые дни. Многие не могут на кусок хлеба заработать! Ты пиши о бедах народа! Понял? О бедах, о проблемах народа!

М у ж. Я создам произведение искусства! Иду! *(Возбужденно.)* Нет, я не иду. Моя муза несет меня на своих крыльях! *(Раскинув руки, как крылья, убегает.)*

Свет гаснет.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Квартира Мужа. Полдень. Муж, Жена, Сын, Дочь, Рабочие. Четверо рабочих ремонтируют квартиру: кто штукатурит, кто красит стены, кто занимается мелким ремонтом, шкурят рамы, окна и т. д. Одним словом, кипит ремонт. Муж сидит перед одним из окон и смотрит на улицу. Жена с большим воодушевлением, увлеченно руководит работами. Дочь в приподнятом настроении, с интересом следит за ходом ремонта.

Ж е н а. Вот видите это место? Здесь надо покрасить голубым, но чтобы не совсем голубым...

1-й рабочий. Голубым, но не голубым?

Ж е н а. Да...

1-й рабочий. И как это сделать?

Ж е н а. Вот голубой.

1-й рабочий. Да.

Ж е н а. Добавляешь желтой...

1-й рабочий *(смешивает краски)*. Ала-ала!

Ж е н а *(радостно)*. Видишь? Вот так! Двадцать лет эти краски мне по ночам снятся...

Д о ч ь *(подходит к матери)*. О, как красиво! Пойду позвоню, скажу Сузику. *(Убегает в волнении.)*

Ж е н а. Вот здесь обязательно должна проходить белая черта.

Шум машины. Входит Сын с базарной сумкой в руках.

С ы н. Здравствуйте, товарищи рабочие!

2-й рабочий *(другому)*. Что это он говорит, ала?!

С ы н *(подняв кулак)*. Мы победим!

2-й рабочий. Чего победим? Что за «победим»? Где наш обед?

Ж е н а. Не волнуйтесь. Сначала – работа, потом – обед.

С ы н. Роза Люксембург говорила, что труд облагораживает человека.

2-й рабочий. Что?

Д о ч ь *(входит)*. Сузик говорит, что к желтой надо немного добавить зеленой краски...

Ж е н а *(не слушая Дочь, заглядывает в корзину, что принес Сын, подходит к Мужу)*. Видишь, какой у нас сын? Храни его Аллах! Посмотри, какие консервы он купил тебе!

Д о ч ь. И я хочу консервы!

Ж е н а. Смотри – гусиный паштет!

Д о ч ь. Сузик это не любит.

Ж е н а. А вот баклажанная икра!

М у ж *(воодушевленно)*. Дай только поправлюсь!..

Ж е н а. Дай Бог! Дай Бог!..

М у ж. Построю большую консерваторию!

Ж е н а. Что?

М у ж. Консерваторию.
Ж е н а. Зачем тебе консерватория?!
М у ж. Чтобы у нас было, где хранить консервы!

Пауза.

2 - й р а б о ч и й. Уважаемая сестра! Давно пора обедать!

Свет гаснет.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сквер. Полдень. Л и д е р , Д а м а , С о с е д .

С о с е д. Поздравляю вас! Поздравляю!..
Д а м а. Что случилось? Выздоровел?
С о с е д. Нет, что вы! Этот бедняга не так свихнулся, чтобы когда-нибудь выздороветь! По правде говоря... у него и раньше голова не очень-то хорошо работала... Эта писанина портит людей (*машет рукой у головы*), странноватые ми становятся... (*Лидеру.*) Я вас поздравляю, вас!
Л и д е р. Меня?
С о с е д. Да, да. Именно вас, крупного политического деятеля нашей страны!
Л и д е р. Я день и ночь тружусь, во имя народа!
С о с е д. Знаю. А как же? Поздравляю...
Д а м а (*нетерпеливо*). По какому поводу?
С о с е д. Как по какому? (*Лидеру.*) Вам предлагали пост министра по аграрной политике, но вы отказались! От такой должности!

Пауза.

Л и д е р. Вот тебе раз! Кажется (*оглядывается*), и земля имеет уши...
С о с е д. Дорогой! В этой стране в таких делах у этого (*сует руку в карман и неожиданно вытаскивает зеленую купюру, тут же засовывает ее обратно.*) Нет, не у этого... Вот у этого... (*наконец, вытаскивает из кармана, что хотел – спичечный коробок, вынимает спичку и показывает*), вот у этого даже

есть уши! А ты как думал?!. Неизвестно, где найдешь, где потеряешь... Я восхищен! Отказаться от такой должности!

Л и д е р (*гордо*). Меня должности не интересуют!
Д а м а. Нашу партию интересуется только судьба суверенной и независимой Азербайджанской Республики!

С о с е д. Отлично сказано! Браво!
Л и д е р (*все больше приходя в возбуждение*). Для меня должность – не самоцель. Граждане нашей республики это хорошо знают. Вот по этой причине другие политические партии раскалываются, закрываются. А в нашу партию – напротив – вступают массы!

Пауза.

Д а м а (*внимательно смотрит на соседа и вытаскивает блокнот*). Давай-те и вас примем в нашу партию.

С о с е д. Меня?
Д а м а. Да. Наша партия готова оказать вам доверие.
С о с е д. Нет, нет... Я – нет...
Д а м а. У вас отлично пойдут дела!
С о с е д. Нет, уважаемая, нет. Это в СССР была коммунистическая партия – вступал в нее, и дела шли как по маслу! Теперь демократия. Вступишь в одну партию, другие, как блохи, ползут на тебя. Куда пошел, что сделал, что заработал, как заработал? Какой-нибудь псих пустит утку, а газетам только того и надо, иди потом, отмывайся всю жизнь! Нет, дороги мои, мне со всех сторон выгодно быть беспартийным, пусть все грызутся между собой, мне надо, чтобы только дела шли...

Л и д е р. Ай-ай-ай! Я и не думал, что вы такой беспринципный...
С о с е д. Как? Это я беспринципный? (*В сторону.*) Ала, кто знает, как все обернется, вдруг он делается важным шишкой?! (*Лидеру.*) Колбасы, сосиски тоже относятся к аграрной политике, да?

Л и д е р. Конечно!
С о с е д. А я ведь занимаюсь этими делами, сосиски, колбасы, мясо, копчености, то, сё... Вот такими делами...
Л и д е р. Я надеюсь, вы аккуратно платите налоги государству?
С о с е д. Что? Налоги?

Пауза.

Поди-ка поближе. (*Тихо.*) Какие налоги?.. Я и так, если хотите знать, состою в вашей партии. Только тайно!

Д а м а. То есть, вы – сочувствующий?

С о с е д. Нет. Какой сочувствующий? Самый настоящий тайный член! И перевожу на счет вашей партии десять миллионов манатов!

Л и д е р. Десять миллионов?

С о с е д. Да. Только тайно. Очень тайно!

Л и д е р. Ба-а! О чем речь! Я эту тайну унесу в могилу! Ни одна сволочь, кроме меня, не узнает, что вы член нашей партии!

Д а м а (*поспешно*). И кроме меня тоже!

Л и д е р. Мой друг и единомышленник. (*Обнимает его.*) Товарищ по принципам! Мы с тобой, взявшись за руки, поведем нашу суверенную республику к прекрасному. (*Еще раз обнимаются.*) Мы с тобой будем строителями этого прекрасного будущего.

С о с е д. Ну, пока ты один... Я потом... Да. Так вот... Да?

Л и д е р. Почему? Ты что, не любишь Родину?

С о с е д. Я?

Л и д е р. Да, вы!

С о с е д. А-а... Что это за вопрос? Я обижусь на вас, честное слово...

Л и д е р (*с еще большей страстью*). Отвечайте! Вы любите Родину?

С о с е д. Конечно.

Л и д е р. Вы готовы умереть за Родину?

С о с е д (*немного испуганно*). А что? (*Глядя затравленно то на Лидера, то на Даму, в сторону.*) Ала, от этих всего можно ожидать!..

Л и д е р. Готовы вы умереть во имя Родины?

Пауза.

Да?

Д а м а. Отвечайте же!

С о с е д. А кто же?.. А кто же тогда будет любить Родину?

Пауза.

Я пошел (*Смывается.*)

Л и д е р (*вслед ему*). Куда?

Д а м а (*вслед ему*). Куда?

Л и д е р. Ушел...

Д а м а. Побегу, возьму этого антипатриота за шиворот, притащу сюда!..
Л и д е р. Нет.

Д а м а. Тогда потащу его в Общество женщин-патриоток! Там его бросят на пол и...

Л и д е р. Не надо... Что же мне делать с такими типами? Как с такими людьми можно вывести эту несчастную нацию на светлый путь? Как устранить это бедственное положение, которое оказывает мне мой народ? С одной стороны – Америка, с другой – Россия, с третьей – Иран, да еще свои путаются под ногами... Посмотришь на все это и... будто черт нашептывает – хочется взять и объединить к чертовой матери свою партию с партией власти!

Д а м а. Да?

Л и д е р. Нет. И еще раз – нет! Я не могу изменить своим политическим принципам.

Д а м а. Точно! Мы не можем изменить своим политическим принципам! (*Тихо.*) Интересно, он переведет нам десять миллионов?

Лидер пожимает плечами.

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Квартира Мужа. Под вечер. Муж, Жена, Сын, Дочь, Друг.
П р о ф е с с о р. Муж сидит в уголке перед столиком и что-то лепит из пластилина. Ж е н а с удовольствием ходит по только что отремонтированной квартире и вытирает тряпкой каждый угол. Д о ч ь смотрит, что лепит отец.

Д о ч ь. Папа, что ты делаешь, э?

М у ж. Ш-ш! Помолчи!

Д о ч ь. Почему я должна молчать? Сузик говорит, что тебе постоянно надо задавать вопросы.

М у ж. Молчи. Я делаю открытие!

Ж е н а. Не мешай! Ей-Богу, иногда мне кажется, что все это во сне... И ремонт во сне сделали... И люстру во сне повесили... И машину нам подарили во сне... Одного боюсь – проснуться...

Пауза.

Упаси Аллах!

Сын (*входит, читая известное произведение Карла Маркса*). Гений...
Гений.

Муж хочет взглянуть на страницу книги. Сын отходит от него, чтобы он не заметил страницу.

Муж. Девять? Девять...

Жена. Что девять?

Муж (*показывая на кучу пластилина*). Девять вылеплю...

Сын (*с пафосом*). Мы вернемся!

Дочь. Сузик говорит, что коммунисты уже ничего не смогут.

Сын (*сердито*). Сузик политически безграмотный!

Дочь (*в ужасе*). Что?! Сузик политически безграмотный?! Слыхали, что он сказал? Да Сузик... Сузик наизусть знает фильм «Ленин в Октябре»!

Жена. Хватит!

Звонок в дверь. Жена идет открывать.

Сын. Нет, ты не беспокойся, мамочка... Я открою! (*Уходит*.)

Жена (*растроганно*). Ей-Богу, как будто это сон...

Муж (*многозначительно качает головой и вдруг, будто машину водит*).
Ба-бап! Ба-ап!..

Входят Д р у г и следом – Сын. Друг сбрил бороду.

Д р у г. Добрый вечер!

Ж е н а. Добро пожаловать!

Д р у г. Как наш уважаемый друг?

М у ж (*внимательно смотрит на него, удивленно*). Владимир Ильич?..

Д р у г (*подходит к нему*). Дорогой мой, разве не видишь, я теперь без бороды? Теперь ты понял, что я не Ленин?

М у ж (*не обращая внимания на его слова*). Ах, Владимир Ильич, зачем вы сбрили бороду?

По мере того как Друг ходит по сцене, Жена следует за ним и вытирает его следы на паркете.

Д р у г. Нет, я не Владимир Ильич! Я и бороду сбрил потому только, чтобы ты понял, что я – не Ленин!

Д о ч ь. Какой же вы хороший Друг! Ради папы сбрили бороду! Я сейчас же позвоню, скажу Сузику! (*Уходит*.)

М у ж (*растерянно*). Зачем вы это сделали? Ведь пролетарии всех стран не представляют вас без бороды!

Д р у г. Боже мой! Боже мой!

С ы н. Ты не беспокойся, отец! Мировой пролетариат уже стал сознательным!

Д р у г. Приди в себя, дорогуша! Приди в себя! Я не Ленин. Ленин так и умер с бородой! А у меня – видишь – нет бороды! Мы же с тобой дети одного квартала...

Пауза.

М у ж. Надежда Константиновна знает об этом?

Д р у г (*откашливаясь, поднимает взгляд на потолок*). Кхе-кхе! Красивая люстра!

М у ж. Да... Хорошая.

Д р у г (*обращается к Жене, показывая на пластлин*). Что он делает?

Ж е н а. Памятник.

Д р у г. Насыл?

Ж е н а. Что? Не поняла?..

Д р у г. Говорю, значит памятник лепит?

Ж е н а. Да. Сегодня целый день с этим возится.

Муж опять тянется, чтобы взглянуть на страницу книги в руках Сына. Сын отодвигается, чтобы он не увидел.

М у ж. Девять... Девятый... Памятник...

Д р у г. Какой памятник?

М у ж. Девятый.

Ж е н а. И раньше было девять... Не увеличивается?

М у ж. Слово мужчины – закон!

Д р у г. Значит, ты лепишь маленькие памятники, мой бедный друг?

М у ж. Да, я сделал великое открытие! Это открытие меня вдохновило. У меня большие творческие планы, Володя! Я собираюсь сказать новое слово в искусстве скульптуры! Я своим искусством прославлю свой народ на весь мир. Володя! Жаль, жаль, что Марья Александровна, твоя дорогая мама, не видит торжества нашего творчества; она и меня любила, как тебя, я этого никогда не

забуду! Сейчас я одновременно работаю над десятью (*смотрит на Сына*), нет, над девятью памятниками... Я буду создавать и возвышать их один за другим...

Д р у г. Эх, несчастный друг мой! Хочешь создавать памятники в то время, когда их сносят? Где теперь эти огромные памятники? Где памятники Ленину, Сталину, где памятник Кирову, протянувшему руку над Баку? (*Показывает.*) Где? Все порушили, снесли, разломали. Ломать – не строить! Все провалилось в тартарары!

С ы н. Ага! И вы тоскуете по советскому времени?

Д р у г. Нет, нет... Мои тюркские позиции незыблемы! Над Баку должны простираться руки отца нашего Атиллы! Матери нашей Томрис! К сожалению, им памятников еще нет...

М у ж. Вот в том-то и дело, Владимир Ильич! (*Поднимается и смотрит то назад, то спереди на голову Друга.*) Вот ваша голова!.. Я среди скульпторов всего мира первый сделал это открытие! Больше никто не будет сносить памятники!

Ж е н а. Дай Бог!

Д р у г. Но когда же это будет, бедный мой друг? Как ты этого добьешься, несчастный друг мой, в то время, как люди уничтожают друг друга, устраивают революции, диктаторы сменяют один другого?.. Насыл? Насыл? Как?..

Ж е н а (*тихо*). Я ничего из его слов не понимаю...

М у ж. Смотри, Володя! Я леплю тело памятника, туловище, а на шее будет винт!

Д р у г. Винт?

М у ж. Эвет, как ты говоришь. Ставлю винт, чтобы можно было привинтить голову к плечам. Например, твою голову... Потом, когда необходимо, твою голову снимаем и... привинчиваем другую!

Пауза. Звонок в дверь.

Ж е н а. Иду!

С ы н. Ты не беспокойся! (*Уходит.*)

П р о ф е с с о р (*за сценой*). Помоги Аллах! Помоги Аллах! Что это за беда такая? Что за черная весть?! Наслышан, всенепременно наслышан...

Входят П р о ф е с с о р с тем же большим старым портфелем в руках, за ним –

С ы н. Жена внимательно смотрит на обувь гостя.

Ж е н а. Добро пожаловать... Ваша обувь...

П р о ф е с с о р. Вытер. Чисто-начисто! Всевышний велит – чистота прежде всего! Всенепременно так. (*Внимательно оглядывает комнату, принюхивается к запаху свежей краски.*) Кажется, с Божьей помощью, к свадьбе готовитесь?

Ж е н а. Нет. Просто ремонт сделали.

П р о ф е с с о р. Благослови Аллах!

Ж е н а. Спасибо!

П р о ф е с с о р. Что произошло? Говорят, мой любимый бывший студент немного того... (*Вертит рукой над головой.*) А?..

Д р у г. К сожалению...

Д о ч ь (*выходит на сцену*). Сузик говорит, что... (*Увидев профессора, обрывает себя на полуслове.*) Здравствуйте!

П р о ф е с с о р. Доброго здоровья! (*Мужу.*) Ты когда выдашь ее за Сузика?

М у ж. Всегда!

П р о ф е с с о р. Ага, ага!.. Не беспокойтесь. Все в руках Божьих. Ну-ка, сначала я сам его проверю. (*М у ж у .*) Послушай...

М у ж (*глядя на профессора, широко разевает рот и показывает язык*). А-а-а!

П р о ф е с с о р (*оглядывается*). Он думает, я – доктор!

Д р у г. Хорошо!

П р о ф е с с о р. Все устроится... Все в руках Всевышнего! Всенепременно так! Ну-ка, я проверю его логику... (*Мужу.*) У меня пять груш. Я взял у него (*показывает на Сына*), нет, у него (*показывает на Друга*), еще пять груш. Сколько всего у меня груш?

Пауза.

А?

Дочь потихоньку подсказывает отцу, показывая на пальцах.

П р о ф е с с о р. Нет. Подсказывать нельзя! Ну... Пять груш было у меня, пять я взял у него. Сколько получилось?

Пауза.

А?

М у ж. Мы в школе про яблоки проходили.

Ж е н а (*тяжело вздыхает*). Ах!

Профессор. Гадалка Агабаджи!

Жена. Что?

Профессор. Только гадалка Агабаджи!

Жена. Это кто такая, профессор?

Профессор (*удивленно*). Не слышали?

Жена. Нет.

Профессор. Правда? (*Другу*). И вы не слышали?

Друг. К сожалению, сейчас я затрудняюсь вспомнить... Собственно говоря...

Профессор (*сыну*). И вы?

Сын. Мы не верим в гадалок! (*Сердито уходит*.)

Профессор. Как? Что он говорит?

Жена. Не обращайтесь внимания, профессор, просто так говорит...

Друг. Эвет! Да...

Дочь. Сейчас же позвоню Сузику, узнаю, кто такая гадалка Агабаджи!

Профессор. Нет нужды. Экстрасенс-гадалка Агабаджи – обладательница дара Божьего, ниспосланного ей Всевышним! Она – панацея от всех болезней! Гадалка Агабаджи – чудо, пророк на земле Создателя нашего. Ее божественное естество приносит исцеление людям! Да! Всенепременно так! (*Показывает на Мужа*.) Если кто и может помочь ему, так только гадалка Агабаджи! Гадалка Агабаджи!

Жена. Гадалка Агабаджи!

Друг. Эвет! Именно так!

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На сцене – крошечная тьма. Опять кто-то ходит в этой темноте взад-вперед по сцене, освещая то тут, то там слабым лучиком ручного фонаря. И опять мы не видим, кто это. Открывает дверцу – кажется, холодильника, – и на сцену падает квадрат света, берет что-то изнутри, ест, пьет, не видно – и опять слабый лучик фонарика бежит по сцене. Вокруг – тишина. Он снова садится в темноте спиной к залу и при свете фонарика начинает читать газету.

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Квартира Мужа. Полдень. Муж, Жена, Сын, Дочь, Сосед, Лидер, Дама, Друг, Профессор, экстрасенс-гадалка Агабаджи. Жена с тряпкой в руках, Сын с «Капиталом», Дочь, Сосед, Лидер, Дама, Друг ходят по сцене туда-сюда, разговаривают, садятся, встают. На первый взгляд, все, как раньше, но вместе с тем на сцене чувствуется некая напряженность, потому что все ждут экстрасенса-гадалку Агабаджи.

Жена (*тихо*, *Сыну*). Интересно, когда придет гадалка Агабаджи, она вытрет ноги у порога?

Сын (*оторвав взгляд от книги, некоторое время смотрит на мать*). Мамочка! Когда я закончу эту книгу, дам тебе почитать. Ты обязательно должна ознакомиться с «Капиталом»!

Жена (*изумленно*). Я?!

Сын. Знаешь, какая это книга?! Это не просто книга – это материнская колыбельная для человечества! (*Собственные слова так ему нравятся, что он тут же достает из кармана блокнот и ручку*.) Надо записать эти слова! Прозвнесу их завтра на заседании политбюро.

Дама. Ей-Богу, это несчастье так на нас подействовало, что мы чуть было не ослабили нашу политическую борьбу.

Лидер (*поспешно*). Нет, нет! Ничто не может ослабить политическую борьбу нашей партии! Нельзя нам падать духом!

Дама. Конечно. Я так просто сказала...

Друг. Эвет! Да!

Лидер (*показывает на дверь туалета*). Он обязательно должен выздороветь! Должен примкнуть к нашей политической борьбе! Он должен стать нам братом по борьбе во имя будущего нашей суверенной республики!

Сын (*оторвав взгляд от книги*). В таком случае, я буду бороться против вас!

Дама (*горячо*). Мы сами вели борьбу против коммунизма и победили!

Друг. Пеки. Хорошо!

Сын. Нет. Горбачев был шпионом США. И сейчас в наших рядах имеются оппортунисты. Однако... (*Громко*.) Да здравствуют идеи коммунизма!

Сосед (*тихо*, *Лидеру*). Он все еще коммунист?

Лидер (*машет рукой*). Да... (*Тихо*.) Вы перевели на счет нашей партии десять миллионов?

С о с е д (удивленно смотрит на Лидера, будто не понимая, о чем речь). Бывшие коммунисты становятся банкирами, бизнесменами, моллами становятся и ходят по поминкам! Ты же твердо стоишь на своем! (Присутствующим.) Он, к тому же, очень грамотный. Когда его ни увидишь – он с книгой в руках! Иди, я тебя поцелую. (Обнимает и целует Сына.)

С ы н. Спасибо! Я и вам дам почитать эту книгу.

С о с е д. А что это за книга?

С ы н. «Капитал»!

С о с е д. Ты бы вместо книги дал бы мне сам капитал (смеется).

С ы н (сердито). Нет, я не позволю, чтобы вы проявляли неуважение к Карлу Марксу.

С о с е д. Ладно... Пошутил... Слово вылетело... (Внимательно смотрит на книгу.) Не слишком толстая?

С ы н (успокаивается). Что вы? Читается, как стихи!

С о с е д. У нас в роду все очень любят стихи. Я сам, например, без ума от стихов Гасангулу Одатеш Турксевара!

С ы н. Это еще кто?

С о с е д. О-о! Это большой поэт! На нашей старой улице живет...

Д о ч ь. Сейчас позвоню, узнаю у Сузика. (Торопливо уходит.)

С о с е д (в сторону). Он потому коммунист, что пока оборванец. Читает «Капитал» потому, что нет своего капитала. А как сколотит себе капитал, тут же делается демократом! Если же не сможет, то вроде состарившегося девственника, пожизненно останется коммунистом, будет демагогией заниматься.

Л и д е р (тихо, Соседу). Вы не ответили на мой вопрос.

С о с е д. Какой вопрос?

Л и д е р (еще тише). Я спрашивал про десять миллионов.

С о с е д (показывая на дверь туалета, громко). Что он там делает э, столько времени?

Д р у г. Когда изволит явиться эта экстрасенс?

Ж е н а (Другу). Что говорите?

Д р у г. Про гадалку Агабаджи спрашиваю. Когда придет?

Ж е н а. Скоро должна быть. Профессор звонил полчаса назад, сказал, что придет первый, а за ним – и гадалка Агабаджи.

Входит Д о ч ь.

Д о ч ь. Сузик говорит, такого поэта нет!

С о с е д. Как это нет? Он еще семь лет отсидел в тюрьме. В законе! Я думал, Сузик – грамотный парень...

Д о ч ь. Конечно, он грамотный!

С о с е д. Почему же тогда он не слышал о таком поэте? На нашей старой улице даже торговки семечками его знали! (Опять показывает на туалет.) Почему же он не выходит э, оттуда? (Дочь плаксиво шмыгает носом.)

Ж е н а. Что с тобой?

Д о ч ь. Сузик говорит...

Ж е н а. Что говорит?

Д о ч ь. Говорит, что...

Ж е н а. Ну?..

Д о ч ь. Сузик говорит, что... В Гватемале от этой болезни умирают... (Громко хнычет.)

Ж е н а. Где?

Д о ч ь. В Гватемале.

С о с е д. Это Россия?

Л и д е р (тихо). Подумать только, кто меня окружает! Разве с такими людьми можно вывести республику из кризиса?

Ж е н а (беспокойно). Умирают?

Д о ч ь. Да... Сузик говорит...

Ж е н а. Упаси Аллах! Скажи ему, чтобы беду не накликать.

С ы н (оторвавшись от книги). В капиталистических странах людей эксплуатируют, потому и результат такой.

Л и д е р (укоризненно помахивает рукой, мол, вот так сказал!). Куда этот профессор запропастился?

С о с е д. Наверно, ждут телохранителей гадалки Агабаджи. (Опять показывает на дверь туалета.) Что он там делает столько времени?

Л и д е р. Интересно, не аферистка?

С о с е д. Гадалка Агабаджи?

Л и д е р. Да.

С о с е д. Что вы! Она первая предсказала развал СССР. Все газеты об этом писали.

Л и д е р. Нет, этот прогноз впервые сделала наша партия.

Д а м а. Этого нельзя отрицать!

Д р у г. Эвет! Да!

С о с е д. Разве наша партия была в советское время?

Л и д е р. Мы... Мы в то время существовали подпольно.

С ы н (отрываясь от книги). СССР будет восстановлен!

М у ж, открыв дверь туалета, входит на сцену. Внимательно смотрит на присутствующих.

С о с е д. Он, кажется, не узнает нас?

Пауза.

М у ж. Где ружье?

Ж е н а. Какое ружье?

М у ж. Я же говорил – принесите мне ружье!

Ж е н а (*будто вспоминая*). Да! Не волнуйся, принесут...

Д а м а (*тихо*). Зачем ему ружье?

Ж е н а (*тихо*). Хочет мух убить.

Д р у г. Сожалею...

М у ж. Десять... Десять... (*Смотрит на «Капитал» в руках у Сына.*) Нет... Десять... Должен девять убить.

Ж е н а. Одна надежда – на Аллаха! Профессор говорит, гадалка Агабаджи вылечит...

Звонок в дверь.

(*Переполюшались.*) Это они! (*Уходит открывать.*)

Пауза.

Все взволнованы в ожидании гадалки Агабаджи. Входят Профессор и Ж е н а. Жена поспешно вытирает следы от ног Профессора на паркете.

Профессор (*встревоженно смотрит на присутствующих*). Велик Аллах! Идет! Приготовьтесь! Откройте двери! Сейчас она приедет на собственной машине вместе с телохранителями.

Пауза.

Все взволнованы. Лидер, взяв под руку Профессора, отводит его в сторонку. Дама тут же присоединяется к ним.

Л и д е р. Профессор, у меня к вам предложение.

П р о ф е с с о р. Дай Бог, чтобы к добру. Что за предложение?

Л и д е р. Я долго обдумывал... Знаете, сейчас желающих вступить в нашу партию чересчур много... Но я в своей политической борьбе...

Д а м а. Мы в нашей политической борьбе!

Л и д е р. Да, мы в нашей политической борьбе можем опереться только на верных людей... Я долго размышлял, взвешивал и пришел к такому выводу: предложить вам стать членом нашей партии. Мы готовы принять вас в свои ряды!

Д а м а. Вы будете у нас секретарем по идеологии.

П р о ф е с с о р. Партия?

Л и д е р. Да! Партия высшей истины!

П р о ф е с с о р (*тяжело дыша*). Опять партия?! Опять партсобрания на голодный желудок?!

Л и д е р (*поспешно*). Мы решением правления освобождаем вас от собраний!

П р о ф е с с о р. Нет, я уже не смогу быть атеистом.

Л и д е р. И не надо! Напротив! Мы сами – не атеисты.

П р о ф е с с о р. Не атеисты?

Д а м а. Что вы? Абсолютно!

Л и д е р. Да, мы не атеисты.

П р о ф е с с о р (*искренне удивляясь*). Что же это за партия такая?

Шум машины.

(*Поспешно выходит на середину сцены, выглядывает в коридор, громко.*) Приехала! (*В сторону коридора.*) Прошу вас! Прошу вас, уважаемая Агабаджи! (*Присутствующим.*) Постройтесь в ряд!

Пауза.

Присутствующие по-прежнему в тревожном ожидании. Входят двое телохранителей и внимательно осматривают все кругом. Один из телохранителей, неуклюжий верзила, остановившись перед Дамой, кивает на ее портфельчик.

Т е л о х р а н и т е л ь. Что там у вас?

Д а м а. Партийные документы!

Т е л о х р а н и т е л ь. Покажите!

Л и д е р. Я протестую!

С о с е д. Черт меня, дурака, дернул прийти сюда!.. Поди теперь разберись, чем все закончится...

П р о ф е с с о р (*торжественно*). Уважаемая Агабаджи!

На сцену стремительно выбегает экстрасенс-гадалка Агабаджи и своим оригинальным внешним видом (это оставим фантазии нашего друга режиссера-постановщика и художника) подвергает в шоковое состояние выстроившихся полукругом на сцене, нетерпеливо ожидавших ее, взволнованных рабов Божьих. Стоя посреди сцены, гадалка Агабаджи внимательно поочередно разглядывает присутствующих.

Жена (*стараясь взять себя в руки*). Добро пожаловать! Больной...

Гадалка Агабаджи (*прерывая ее*). Нет! Подождите! Больного я сама узнаю.

Профессор. С Божьей помощью, сама найдет.

Гадалка Агабаджи (*медленно приблизившись, останавливается около Друга, громко*). Ага-а!

Друг (*ошарашенно*). Нет, нет... Это не я!

Гадалка Агабаджи (*тихо и многозначительно*). Я знаю.

Профессор. Она сама знает.

Друг. Я себя хорошо чувствую.

Гадалка Агабаджи (*кричит на него*). Что?!

Друг. Я говорю, у меня жалоб нет.

Гадалка Агабаджи (*растопырив пальцы, водит руками перед лицом Друга. Присутствующим*). Почки у него совсем вышли из строя.

Друг (*испуганно*). Как?

Гадалка Агабаджи (*остановившись перед Соседом*). Ага-а!

Сосед. Нет, это не я!

Гадалка Агабаджи (*по-прежнему спокойно*). Знаю.

Профессор. Да она сама знает!

Гадалка Агабаджи (*кивая на Соседа, присутствующим*). Печень у него скоро откажет.

Сосед (*вытаращив глаза*). Что?

Гадалка Агабаджи (*значительно*). Совсем скоро.

Сосед. Я же больше не пью!

Гадалка Агабаджи (*не обращая внимания на его слова, подходит к Мужу, громко*). Ага-а!

Муж (*неожиданно кричит еще громче ей в ответ*). Ага-а-а!

Гадалка Агабаджи (*вздрагивает и кажется немного растерянной*). Ала... Ала, да он же чокнутый!

Профессор (*гордо*). Bravo! Bravo! Видали, как определила? Видали?

Дочь (*взволнованно*). Сузику скажу! (*Подойдя к гадалке Агабаджи, смотрит на нее внимательно и взволнованно*).

Гадалка Агабаджи (*растопырив пальцы, водит руками перед лицом Дочери*). Да?

Дочь. Что?

Гадалка Агабаджи. Сидите на скамейке, да?

Дочь. Вы про Сузика?

Гадалка Агабаджи. На бульваре?

Дочь (*в ужасе*). Вай!

Гадалка Агабаджи (*громко*). Она встречается с одним парнем. (*Дочери*). Он женится на тебе... сразу же... как только разведется.

Дочь. Как?!

Гадалка Агабаджи. Не волнуйся. Потом на тебе женится.

Дочь (*кричит*). Сузик не женат!

Гадалка Агабаджи (*сердито*). Мне лучше знать!

Профессор. Уважаемой Агабаджи лучше знать!

Дочь громко хнычет, начинает плакать.

Сосед (*поглаживая печень*). Говорите, недолго уже?..

Муж (*внезапно кукарекает*). Ку-кури-ку!

Жена. О! Извините!

Гадалка Агабаджи. Ничего. (*Смеется*). Курятинки ему хочется.

Профессор громко смеется.

Друг (*не переставая поглаживать руками почки, обращается к гадалке Агабаджи*). Обе вышли из строя?

Гадалка Агабаджи. Обе! Все остальное тоже скоро выйдет из строя!

Друг (*в ужасе*). Что?!

Гадалка Агабаджи. Зайдешь ко мне. Я поручу старшему референту, чтобы пропустил тебя без очереди.

Профессор (*горячо пожимает Другу руку*). Поздравляю вас!

Сосед (*поглаживая печень*). А как же я?..

Гадалка Агабаджи (*пропустив его вопрос мимо ушей, показывает на Профессора*). Этого учителя я уважаю.

Профессор (*польщенный, с благодарностью*). Благодарю вас, уважаемая Агабаджи!

Гадалка Агабаджи. Я пришла сюда по его просьбе.
 Профессор. Да воздаст вам Аллах!
 Гадалка Агабаджи. Он хорошо знает историю религии.
 Лидер *(в сторону)*. Не религии, а атеизма.
 Гадалка Агабаджи. Да-а... *(Поднимает руки вверх, закрывает глаза и какое-то время кажется, словно летает, руки, тело в полете.)*
 Профессор. Велик Аллах! *(Подносит палец к губам.)* Т-с-с! Тише!

Пауза.

Гадалка Агабаджи *(открывает глаза и начинает водить руками перед лицом Мужа)*. Долго еще будет мучиться!.. *(Тяжело дышит.)* Но жить будет!

Сосед. А я?

Гадалка Агабаджи. *(Водит вокруг Мужа ладонями, продолжает осмотр и лечение)*. Однажды он захочет броситься с крыши!.. Ночью... Без семнадцати минут час... Но я узнаю, предотвращу! Пошлю ему свои биоволны, они его остановят!

Профессор. Спасибо! Как бывший учитель этого одержимого, выражаю вам свою искреннюю благодарность, уважаемая Агабаджи!

Гадалка Агабаджи *(продолжает заниматься своим делом)*. Однажды в метро он захочет броситься под поезд!

Жена. Вай!

Гадалка Агабаджи. Но я не допущу! Узнаю об этом и пошлю свои биоволны – поезд остановится. *(Прикрывает глаза.)* О-о-о! Вот этого я и боялась! Вот этого! *(Открывает глаза.)* Он может умереть в 2007 году... Восьмого ноября. Вы должны будете напомнить мне... Предупредите седьмого ноября, посмотрим, что можно будет сделать...

Жена *(Сыну)*. Запиши где-нибудь. Можем забыть до того времени...

Сын. Я не забуду! Это девяностолетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Гадалка Агабаджи *(продолжая лечение)*. Надо дать ему энергию!

Сосед *(поглаживая печень)*. А мне?

Дочь *(плачет)*. У Сузика нет жены!

Гадалка Агабаджи *(продолжая свое дело)*. Ему надо дать белую энергию, черной в нем самом достаточно! *(Внезапно останавливает взгляд на Лидере и Даме, стоящих рядом с ней, кивая на Даму.)* Ее мысли далеко витают...

Лидер *(ошарашенно)*. Что?!

Гадалка Агабаджи *(присутствующим)*. Его жена э...

Профессор. Боже правый, как угадала! Я столько живу в этом переменившем мире, но такого чуда еще не видел!

Дама. Нигде мои мысли не витают! Я веду политическую борьбу вместе с моим супругом!

Лидер. Да. Мы – политики!

Гадалка Агабаджи *(внезапно поднимая руку к лицу Лидера)*. Вай-вай-вай! У этого несчастного дела совсем плохи!

Лидер. Мои?

Гадалка Агабаджи. Поджелудочная железа! Вуй-вуй-вуй!

Лидер. Да? Что? *(Обеими руками хватается за живот)*.

Гадалка Агабаджи *(Даме)*. А ты бы лучше думала об этом несчастном, и не витала бы мыслями в других местах!

Дама. Я... Вы... Мы...

Друг *(поглаживая почки)*. Ну и дела!..

Дочь *(плачет)*. Нет! У Сузика нет жены!

Гадалка Агабаджи. Тише! *(Закрывает глаза и широко раскидывает руки.)*

Профессор. Не шумите! Не шумите! Она энергию собирает!

Гадалка Агабаджи с закрытыми глазами, размахивая руками, собирает энергию посреди сцены и вдруг, открыв глаза, начинает пересылать собранную энергию в сторону Мужа.

Муж. Ку-кури-ку!

Гадалка Агабаджи. Ага! Это черная энергия из него выходит!

Профессор. Создатель наш! Ты только посмотри, какая сила!

Муж *(еще громче)*. Ку-кури-ку!

Гадалка Агабаджи *(с торжеством)*. Видите?! Видите, как выходит? Белая вытесняет черную!

Сосед *(поглаживая печень)*. А я?

Жена *(Сыну)*. Не забудь напомнить ей за день вперед!

Сын. Не забуду. Но я... по поводу этого экстренного дела... должен буду посоветоваться с политбюро.

Сосед *(перекосившись вправо, руки на печени)*. Вот тебе раз! Ала, политбюро все еще есть?

Сын. Конечно!

Муж (громко). Ку-кури-ку!
 Гадалка Агабаджи. Отлично! Будет жив, не помрет!
 Сосед (поглаживая печень). Да, ему-то что...
 Профессор. Божий дар! Это – Божий дар!
 Лидер (держась обеими руками за низ живота, Профессору). Сколько она берет за сеанс?
 Профессор. Вы спрашиваете об уважаемой Агабаджи?
 Лидер. Да.
 Профессор. Двести пятьдесят долларов.
 Лидер. Двести пятьдесят?!
 Профессор. Да.
 Лидер (согнувшись пополам от такой вести). Черт побери, казна партии опустеет!
 Муж (еще громче). Ку-кури-ку!
 Гадалка Агабаджи (переводит дыхание). Слава Аллаху!
 Профессор (воздев руки к небу). Великий Боже! Храни для нас твое редкое творение – уважаемую Агабаджи!
 Гадалка Агабаджи. Белую энергию дала ему. Постепенно придет в себя. Но не скоро! Нужно время...
 Сосед (по-прежнему перекошенный вправо). А моя печень?
 Дочь (шмыгая носом). Нету! У Сузика нету жены!
 Друг (держит обе руки за спиной, Сыну). Охо-хо! Эти почки доконают меня! У вас... У вас... туалет (показывает на дверь) здесь?
 Сыны. Да. Но только после ремонта мать никому, кроме отца, не разрешает пользоваться туалетом.
 Друг. А куда же вы ходите?
 Сыны. В сад двадцати шести комиссаров.

Пауза.

Гадалка Агабаджи (с торжеством). Завершилось!
 Профессор. Велик Аллах! Да буду я его жертвой!
 Гадалка Агабаджи. А дальше вот что. (Сыну.) Напомнишь мне в декабре 2008 года...
 Сыны. Ошибаетесь. 90-летие Великой Октябрьской социалистической революции исполняется седьмого ноября 2007 года. Мы уже вынесли решение на политбюро о проведении юбилея.

Пауза.

Гадалка Агабаджи. Знаю.
 Профессор. Она сама знает!
 Гадалка Агабаджи. Молодец! Я испытывала тебя!
 Сыны (подняв «Капитал» над головой). Мы и без того прошли все испытания!

Пауза.

Гадалка Агабаджи. Хочу твой галстук превратить в змею.
 Сыны. Что?
 Жена. Спаси нас, Аллах!
 Гадалка Агабаджи (растопырив пальцы, держит перед глазами Сына). О-о-о! Нет! Нет! О-о-о!
 Жена (встревоженно). Что случилось?
 Гадалка Агабаджи (присутствующим). О-о-о! Вы с ним поосторожнее! Он станет заместителем премьер-министра!
 Профессор (горячо пожимает руку Сыну). Поздравляю! Поздравляю!
 Сыны (обрадованный). Мамочка! (Обнимает мать.)
 Сосед (все так же согнутый). Значит, коммунисты опять вернутся?
 Гадалка Агабаджи (смотрит на часы). Все! Мое время истекло. Через полчаса мне должна позвонить жена президента Монголии! Там меня избрали членом академии!
 Профессор. Прекрасно! Прекрасно!
 Гадалка Агабаджи. 24 сентября 2003 года Австралию затопит сель! А через 11 лет 4 месяца 17 дней из Меркурия к нам поступит положительная энергия! Тогда раскроются все тайны! Выяснится, что Горбачев и Ельцин – братья по отцу! (Показывает на верзилу-телохранителя, стоящего на сцене как бронзовый памятник, заложив руки за спину.) Он раньше был девочкой! Я сделала его мальчиком!
 Сосед. А как же моя печень?
 Гадалка Агабаджи. Я ухожу!
 Жена. Я же вам...
 Гадалка Агабаджи. Нет. Мне ничего не нужно!
 Профессор (восторженно). Какая бескорыстность, какая интеллигентность, Господи! Святая! Святая!
 Гадалка Агабаджи. Почему у тебя на столе так пусто?
 Жена. Я... Ей-Богу...

Гадалка Агабаджи. Ладно. Я поручу международной гуманитарной организации Аджиджа-Джаджиджа, чтобы выделили вам гуманитарную помощь. *(Махнет рукой неподвижно стоявшим телохранителям и стремительно выходит вслед за ними.)*

Пауза.

Дочь *(хнычет)*. У Сузика нет жены...

Лидер *(держит руки на животе, Профессору)*. Думаю, не принять ли эту Агабаджи в нашу партию?

Профессор. Вы же мне предлагали!..

Лидер *(показывая на свой живот, тихо)*. Не видите, что ли?..

Дама *(с воодушевлением)*. Должность секретаря по идеологии!..

Лидер *(прерывая ее)*. Как вы думаете, Профессор?

Профессор. Это не я решаю...

Дама. А кто решает?

Профессор *(воздев руки)*. Он! Все, что связано с уважаемой Агабаджи, решает он! Сами же сейчас убедились...

Друг *(тянет Профессора за руку, Лидеру)*. Прошу вас, одну минутку... Помилуйте, одну минутку... Хорошо...

Профессор. В чем дело?

Друг. Сейчас! *(Отводя Профессора в сторону)*. Дорогой Профессор... Э-э-э! Эта... Эта Агабаджи замужем?..

Профессор. Агабаджи замужем?

Друг. Да... Да... Незамужняя?

Сосед. Я же уже не пью!..

Муж *(громко)*. Ку-кури-ку!

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сквер. Полдень. Сосед, Лидер, Дама. Лидер взяв Даму под руку, другой рукой держится за живот.

Лидер. Я ждал удара от оппозиции, а получил от собственного организма! Не приведи Бог, корреспонденты об этом пронюхают! *(Видит Соседа, который идет, держась рукой за правый бок.)* Вон он идет!

Дама. Кто?

Лидер. Тот негодяй! *(Громко)*. Стойте!

Сосед *(остановившись, тихо)*. Их только не хватало!

Лидер *(подойдя к нему)*. Ну как?

Сосед. Что как?

Дама. Вы обещали перевести на счет нашей партии десять миллионов!

Сосед. Вы думаете, уважаемая, после гадалки Агабаджи у меня еще остались деньги?! Четырежды в день к ней на сеансы хожу!

Свет гаснет.

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Сквер. Полдень. Друг, Профессор. Друг еле передвигается, держась за почки. Профессор, как обычно, с портфелем в руках куда-то шагает на другом конце сцены.

Друг *(заметив его)*. Профессор! Профессор!

Профессор приостанавливается.

(С трудом подходит к нему). Сколько дней я ищу вас!.. Доброго дня, Профессор!

Профессор. Ас-салами-алекум! *(Внимательно смотрит на него)*. Как вы чувствуете, дорогой?

Друг. Эх, Профессор! Очень плохо я себя чувствую!

Профессор. Помогите вам Бог! *(Хочет уйти)*.

Друг. Одну минутку, Профессор! Одну минутку! *(Берет его под руку)*. У меня к вам просьба, Профессор! Не откажите... Самый близкий друг турка – это турок... Сами знаете... Вы должны помочь мне в эту тяжелую минуту!

Профессор. А что надо сделать?

Друг. Я хочу, чтобы вы, чтобы вы... Стали моим сватом...

Профессор. Сватом?!

Друг. Да.

Профессор. Кого же сватаем?

Друг. Гадалку Агабаджи!

Пауза.

Профессор (*сочувственно*). Эх, дорогой мой, я только позавчера ходил сватать гадалку Агабаджи.

Друг. Ходили?!

Профессор. Всенепременно!

Друг. А за кого сватали?

Профессор. За себя.

Пауза.

Друг. За себя?

Профессор. Да. Всенепременно.

Друг. И что же?

Профессор. Оказывается, у нее – муж!

Друг. У нее – муж?

Профессор. Да!

Друг. А в министерстве обороны говорили, она одинока...

Профессор. Ну, в общем-то, она одинока...

Друг. А где же муж?

Профессор. В сумасшедшем доме!

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Квартира Мужа. Полдень. Муж, Жена, Сын, Дочь, Профессор, Рабочие.

Муж сидит перед столиком за кучей бумаги. Он что-то увлеченно пишет, создает произведение искусства. В комнате теперь появился дорогой телевизор. Жена вытирает его тряпкой, наводит блеск. Двое рабочих приносят и складывают в угол сцены коробки, и каждый раз Жена обеспокоенно смотрит на их обувь.

Жена. Хорошенько вытирайте ноги!

3-й рабочий. Ей-Богу, я за всю жизнь столько не вытирал ноги, как за эти три дня у вас дома. Чуть подошва не отвалилась!

Жена. Опять бананы?

4-й рабочий. Да.

Шум машины. Входит Сын с авоськой в руках.

Сын (*воодушевленно*). Здравствуй, мамочка! Я хлеб купил!

Жена. Я знала, что ты станешь гордостью нашего рода!

Сын. Вы еще не то увидите! Дай только стану заместителем премьер-министра – я еще не такое для вас буду делать! Папу (*смотрит на Мужа*), папу пошлю на лечение во Вьетнам!

Жена. Во Вьетнам?

Сын. Да.

Жена. Почему именно туда?

Сын. Потому что мы там еще раз одержим победу!

Жена. Как хорошо! (*Мужу*.) Поздравляю! Мы с тобой поедем во Вьетнам!

Муж (*взяв один из листов со столика, читает*). Обаянием своим ты мне душу пленила, красавица!

Жена (*кокетливо*). А-а-а! Перестань! Ребенок тут!

Муж (*не придавая значения ее словам*). Ясноглазая среди красавиц!

Рабочие, управившись с коробками, смотрят на Жену.

3-й рабочий. На сегодня все!

Жена. Большое спасибо!

Рабочие выжидающе стоят.

Жена. Спасибо!

Рабочие все так же стоят. Жена подходит к коробкам, открывает одну из них и, вытащив оттуда несколько бананов, протягивает рабочим. 3-й рабочий неохотно берет бананы. 4-й рабочий не берет.

4-й рабочий. У меня уже от бананов желудок испортился!

Оба рабочих, недовольно ворча, уходят.

Жена (*считает коробки с бананами*). Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять... Дай Бог им здоровья! И я дожидая наконец-то до светлых дней! И мы удостоились получить подарки! И у нас теперь такая квартира, как

у людей, – глаз не оторвешь! Каждый раз, как слышу шум нашей машины, мне кажется – не мотор урчит, соловьи поют! А телевизор! Не телевизор – чудо! Любой дом украсит! Мне кажется, будто он – член нашей семьи. Во сне его вижу. Разговаривает со мной, как человек...

М у ж (*читает по бумаге*). Обаянием своим ты мне душу пленила, красавица!
Ясноглазая среди красавиц!
Верностью...

Ж е н а (*кокетливо*). Ну, перестань...

М у ж. Верностью и преданностью
Известна всему миру,
Любовь моя...

Поднимается. Жене кажется, что он идет к ней, но Муж подходит
к коробкам с бананами.

Любимый мой банан!

С ы н. Папочка!..

Ж е н а (*растерянно*). А-а-а!

М у ж (*не дав ему говорить, на одном дыхании*). Любит тебя Агабаджи!

И Профессор наш – Гаджи!

И ты любишь!

Я жажду любви,

Душа моя, банан!

Красавица – банана!

Это первая глава новой поэмы «Бананиада»! (*Садится на свое место и вновь увлеченно пишет.*)

Д о ч ь (*ест банан, выходя на сцену*). Привет! Сузик говорит, что в банане витамины! Мы с Сузиком на бульваре сидим и едим бананы!

Пауза.

У Сузика нет жены!

Ж е н а. Не знаю, что и сказать, ей-Богу! Значит (*показывает на коробки*), такая уважаемая женщина, как Агабаджи, врёт?

Д о ч ь. Да. Врет!

Ж е н а (*испузганно*). Тише! Тише! (*Тихо*.) Услышат. А почему врёт?

Д о ч ь. Потому что завидует мне!

Ж е н а. Завидует?

Д о ч ь. Конечно!

Ж е н а. Почему?

Д о ч ь. Из-за Сузика!

Ж е н а. Из-за Сузика?

Д о ч ь. Да!

Ж е н а. Она Сузика и в глаза не видела!

С ы н. А кто его видел? Никто не знает, что это – человек, кошка, собака.

Д о ч ь. Ну и что, что никто не видел? Экстрасенс да... Мысленно представляет...

Ж е н а. Не знаю, что и сказать, ей-Богу!

С ы н. Материализм это отвергает!

Д о ч ь. А когда тебе пророчат должность заместителя премьер-министра – это материализм не отвергает?

С ы н. Нет. Это политический прогноз.

Д о ч ь (*кричит*). Нет! У Сузика нет жены! Агабаджи оклеветала Сузика, но бананы Сузику понравились, и он дал в газеты интервью с Агабаджи. К тому же в оппозиционные газеты! (*Сердито швыряет остатки банана на пол.*) Вот увидите, я больше не буду есть бананы! (*Показывает на коробки.*) Пусть хоть сгниют тут все! А сейчас пойду, позвоню, скажу Сузику тоже! (*Сердито уходит.*)

Пауза.

М у ж (*читает по бумаге*). Любимый мой банан!

Только ты на этом свете

Останешься мне!

Только ты –

Дорогой мой банан!

Звонят в дверь. Жена идет открывать.

С ы н. Я открою, мамочка! (*Уходит.*)

Профессор (*за сценой*). Ас-салами-aleyкум! Привет вам! Велик Аллах! (*Со своим всегдашним портфелем выходит на сцену вместе с Сыном.*) О, Аллах! Как мой бывший студент? С Божьей помощью получше?

Ж е н а. Получше. Поэму пишет.

Профессор. Хвала Аллаху! Хвала Аллаху! Все от положительного влияния биоволн уважаемой Агабаджи!

Муж (с пафосом). «Бананиада»!

Профессор. Что?

Муж. «Бананиада»!

Жена (смеется). Да... О бананах пишет...

Профессор (смотрит на коробки). Это все – бананы?

Жена. Да.

Профессор (сглатывая слюну). Все-все?

Жена. Да.

Профессор (сглатывая слюну). И все это принесли сюда по заказу гадалки Агабаджи?

Пауза.

(Замечает телевизор.) Это, кажется, новый?

Жена. Да! Это по просьбе уважаемой Агабаджи нам прислал принц Дубая как гуманитарную помощь.

Профессор. По просьбе Агабаджи?

Жена. Да.

Профессор (отшагнув в сторону, тихо). Эта сучья дочь Агабаджи всем помогает, кроме меня! Как до меня доходит – гороскоп то, гороскоп сё! Дьявол нашептывает мне – стань опять атеистом!

Жена. Наш Сузик дал интервью в газетах с уважаемой Агабаджи о ее благотворительной деятельности. К тому же в оппозиционных газетах! Сейчас весь Баку говорит об уважаемой Агабаджи!

Муж (читает с листа). Эй, банан!

Помоги этим людям!

Непонятым,

Бестолковым.

Бессловесным!

Профессор (глядя на коробки, сглатывает, подходит к Сыну). Когда станешь заместителем премьер-министра, о нас тоже не забудь.

Сын. Нет... Я буду опорой для всех беззащитных!

Профессор. Вот уже четыре года моя книга валяется в типографии. Поможете напечатать.

Сын. Против религии?

Профессор. Нет, душа моя, что вы? Упаси Аллах!

Сын. Тогда не помогу!

Пауза.

Профессор (взяв его под руку, отводит в сторону). Прежние мои книги были против религии. Теперь... Посмотрим... Может, их надо будет переиздать?

Пауза.

Дочь (входит радостная). У Сузика нет жены! Чтобы доказать это, он завтра пришлет к нам сватов! Вот так! Мы официально обручаемся. Ой, мама! (Обнимает мать.)

Жена. Ей-Богу, даже не верится. Боюсь, что нас слгзят...

Дочь (Сыну). Сузик говорит, что потом и тебе найдем невесту!

Сын. Я должен посоветоваться с политбюро!

Профессор (торопливо подбегает к коробкам, открывает одну и поспешно наполняет свой портфель бананами). А это мне за радость – сладость! Это мне за радость – сладость!

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Квартира Мужа. Полночь. Муж, Жена, Сын, Дочь. На сцене – вновь кромешная тьма. Кто-то осторожно ходит по сцене при слабом свете ручного фонарика, что-то берет, что-то кладет и, наконец, как обычно, садится в кресло спиной к зрителям и при свете фонарика начинает читать газету. Неожиданно на сцене зажигается яркий свет.

Жена (в ночной рубашке, рука все еще на выключателе, удивленно). Что это за звуки такие?

Пауза.

Кто здесь?

Испуганно подходит к креслу, и только теперь мы видим, что неизвестный в темноте – это Муж.

Это ты?

М у ж (*поднявшись с кресла, озадаченно*). Да...

Ж е н а (*с надеждой*). Ты... читаешь газеты?

М у ж. Да...

Пауза.

Ж е н а. Прости меня, Боже! Ты... не сумасшедший?

М у ж. Нет...

Ж е н а. Ты притворялся сумасшедшим?

М у ж (*обрадованно*). Да!

Ж е н а. Вай!..

М у ж. Ты не беспокойся! Теперь уже все. Конеч! Считай, что это была такая игра... Началось с шутки, с дурачества, а потом... вот как все обернулось... Ничего! С завтрашнего дня стану прежним. Завтра всем объявлю, что окончательно выздоровел!

Ж е н а. Завтра?..

М у ж. Да. Завтра! Прости меня! Ради Бога, прости! Такое дело... Прости, был грех! Черт попугал...

Ж е н а. Завтра?..

М у ж. Да, завтра.

Пауза.

Ж е н а. Всем объявишь, что ты больше не сумасшедший?

М у ж. Да! Только ты прости меня! Ради Бога, не сердись! Это было ребячеством с моей стороны... Теперь я обещаю – буду делать все, что в моих силах, чтобы ты больше так не страдала! Я знаю, я причинил тебе за это время много горя... Прости меня! Я видел, как ты страдала! Видел, как мое сумасшествие подействовало на тебя... По ночам я сидел здесь и вспоминал нашу молодость... Я очень виноват перед тобой! Ничего, мы начнем все сначала! Сказать по правде, жизнь – сложная штука, мир изменился, людям трудно жить... Но... ничего! Теперь я всегда буду помогать тебе! Завтра всё будет по-прежнему, всё станет на свои места!..

Ж е н а. Завтра?

М у ж. Да!

Ж е н а. Всё как раньше?

М у ж. Да!

Пауза.

Ж е н а (*в шоке*). Нет! Умоляю тебя! Никому ничего не объявляй! Не говори!

М у ж. Не говорить?

Ж е н а. Нет! Не говори! Пусть все думают, что ты – сумасшедший. Ты такой хороший... такой хороший сумасшедший! Мой милый! Я будто снова влюблена в тебя!

М у ж. Снова влюблена в меня?

Ж е н а. Да, мой милый! Мой любимый! Мой сумасшедший муж!

Пауза.

М у ж. Но ведь я устал. Я уже не могу быть сумасшедшим!

Ж е н а. Будь, мой дорогой!

М у ж (*поглаживает себя по груди, тихо успокаивает себя*). Спокойно... Не волнуйся...

Ж е н а. По ночам, когда все уснут, мы с тобой будем разговаривать, делиться впечатлениями...

М у ж (*самоу себе*). Спокойно... Спокойно...

Ж е н а. Мой любимый!

М у ж (*по-прежнему тихо*). Спокойно... Не нервничай...

Ж е н а. Не говори! Никому не говори! Мой сумасшедший! Умоляю тебя! Потерпи еще немного, умоляю! Ведь мы еще должны выдать дочь замуж за Сузика, приданое нужно...

Пауза.

Умоляю тебя!

М у ж (*кричит*). Нет! Я не хочу больше быть сумасшедшим! Я хочу быть нормальным человеком!

Входит С ы н, взволнованный, в трусах и в майке.

С ы н. Что случилось? Что за шум?

Пауза.

Ж е н а. Ничего... Папа... Папа думает, что... Думает, что он – баран!

Сын внимательно смотрит на отца. Жена умоляюще смотрит на Мужа.
Пауза.

М у ж (вдруг начинает блять, как баран). Ме-е-е! Ме-е-е-е!

Д о ч ь (входит в пижаме, потирает глаза). Что случилось?

С ы н. Папа думает, что он – баран!

Д о ч ь. Может, он хочет баранины?

М у ж. Ме-е-е-е!

С ы н. Не беспокойся, мамочка! Утром пораньше пойду и куплю...

Ж е н а. Спасибо, сынок! Спасибо!

Д о ч ь. Купи побольше, чтобы хватило и на сватов Сузика... Мама приготавливает обед... Чтобы не только одни бананы были на столе...

М у ж (еще громче). Ме-е-е-е! Ме-е-е-е!

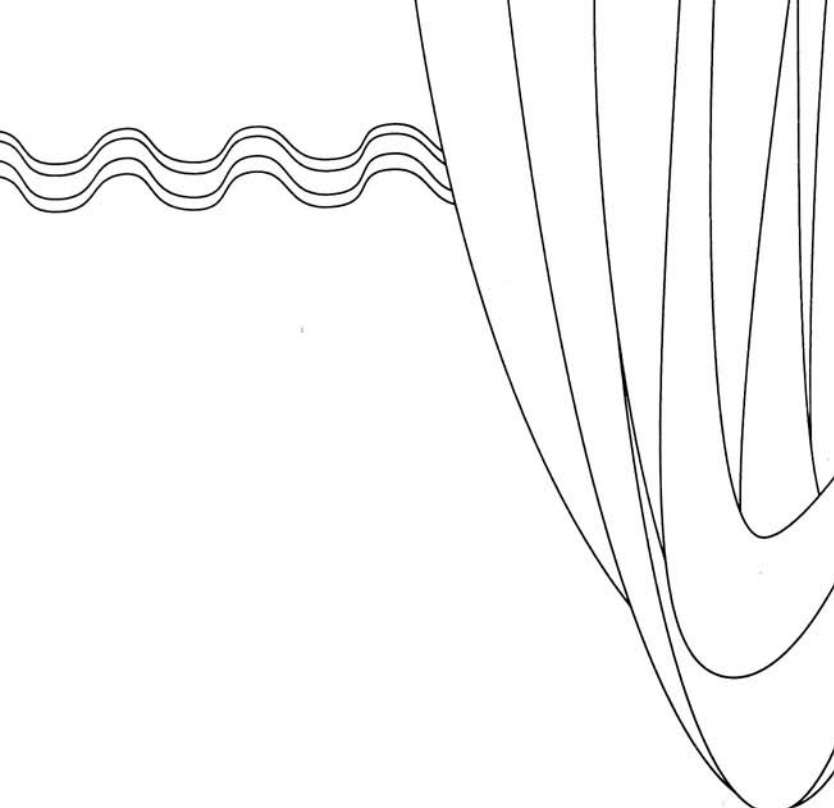
Свет гаснет.

З А Н А В Е С

1998.

ПРИНЦ СТРАНЫ КИСЕЛЬНЫХ
БЕРЕГОВ, ИЛИ ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ВЕЛИКИЙ ЛЕВ ОТИВИ III
ДЕЛЕМБОР ТЫР-ТЫР

„Мини естант киевских
Березов, или да забавляется
Великий Лев Отиди !!!
Декабрь Тур-Тур“

Handwritten signature

Фарс в двух актах, пятнадцать картинах и с эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мужчина.

Женщина.

Дед.

Тетка – говорят, разменявшая седьмой десяток, чур, за что купил, за то и продаю.

Друг-журналист.

Подруга.

Новый азербайджанец.

Мальчик – 13 лет.

Девочки – от пяти-шести до четырнадцати лет.

I негр в желтом костюме.

II негр в желтом костюме.

I Красноштанник.

II Красноштанник.

I, II, III Желтоштанники.

Министр иностранных дел Азербайджана.

Зав.протокольным отделом МИДа Азербайджана.

Корреспондент телевидения.

Начальник полиции.

Генералиссимус Бомбылан Бондра Гыр-Дыр.

I полицейский.

II полицейский.

Учитель математики.

Посол США в Азербайджане.

Посол Японии в Азербайджане.

Сотрудники посольства Страны Кисельных Берегов в Азербайджане.

Дипломаты.

Репортеры.

Дикторы.

Работники протокола.

Сотрудники МИДа Азербайджана.

Полицейские.

Рабочие.

Место действия – город Баку и Страна Кисельных Берегов.

Время действия – 2000-й год.

Примечание: учитывая скудость специалистов по языку Страны Кисельных Берегов, диалоги на этом языке синхронно озвучиваются закулисными микрофонами в переводе автора.

АКТ ПЕРВЫЙ КАРТИНА ПЕРВАЯ

Баку. Старый двор. Дед, Женщина, Мужчина, I негр в желтом костюме, II негр в желтом костюме, Мальчик, девочки.

В левом углу сцены – дверь во двор одноэтажного дома, видны окна, дальше на всем протяжении сцены двор и дверь на улицу. Напротив внутренней двери – высокая чинара; у порога неизменная старая табуретка, дожидаящаяся хозяина. Светает, и на сцене рассеиваются предрассветные сумерки. I негр в желтом костюме заглядывает сквозь оконное стекло вовнутрь жилья. II негр в желтом костюме оттаскивает его за полу пиджака.

II негр в желтом костюме (*тихо и встревоженно*). Гыгыг, мур пыпыр сии...

Синхронный перевод из-за кулис: Пойдем, уже светает.

I негр в желтом костюме (*никак не может оторвать взгляд от окна*). Ги! Ги! Попи мотос гыг!..

Синхронный перевод из-за кулис: Ах! Как он могуществен!

II негр в желтом костюме (*вполголоса, смятенно*). Гыгыг!.. Гыгыг!..

Синхронный перевод из-за кулис: Пойдем! Пойдем!

I негр в желтом костюме. Ги-Ги!.. Догзи сосо гыг!..

Синхронный перевод из-за кулис: Ах!.. Как он мудр!

II негр в желтом костюме (*дергает первого за полу пиджака*). Гыгыг! Гыгыг!..

Синхронный перевод из-за кулис: Пойдем! Пойдем!

Дверь во двор открывается и выходит Дед с тростью в одной руке и с бутылкой мочи – в другой. Оба негра ошеломленно застывают на месте.

Пауза.

Дед, вытаращив глаза от изумления, роняет бутылку. На звук разбитого стекла выходит Женщина.

Женщина. Что стряслось, дадаш? (*При виде застывших негров столбенеет.*) Вай, вай, домовой! (*Кричит.*) Домовой!..

I Дадаш (азерб.) – форма обращения к близкому человеку.

Мужчина (*выскакивает во двор в исподнем*). В чем дело? Что за шум?
Женщина. Ой-ой!.. Домовой!.. (*Хватается за сердце, пошатываясь, и едва не лишается чувств. Мужчина подхватывает ее.*)

Во двор высыпают и девочки в ночнушках, кричат наперебой:

- Домовой!
- Домовой!
- Привидение!

Мальчик свистит изо всех сил в свисток, подвешенный на шее.

Дед. Да что с вами, спятили, что ли? Домового, что ли, не видели? (*Садится на табуретку и пальцем подзывает к себе Мужчину.*) Поди-ка сюда.

Мужчина (*шикает на расшумевшихся детей*). Уймитесь! (*Деду.*) Что тебе, дед?

Дед. Поди сюда.

Мужчина, прислонив Женщину к двери, подходит к старику.

Мужчина. Ну?

Дед (*сердито*). Антисанитарию разводите!

Мужчина. Чего-чего?

Дед (*показывая на разлившуюся мочу*). Кто разлил ее? Почему не убираете? А?

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Утро, тот же двор. К участникам присоединяются Тетка и Дружурналист. Дед выходит во двор, с той же тростью и склянкой с мочой. Осматривается, шурясь, смотрит на небо, ставит склянку у порога, тростью тычет в табуретку, как бы проверяя на устойчивость, и осторожно садится.

В тишине раздается звон будильника, и двор оглашается гвалт детей.

Голос Женщины. Вставайте! Пора в школу! Вставайте же! И в садик опаздываем!

Голоса детей.

- Ну-у-у...
- Встаю-ю...
- У меня животик болит...
- Я сейчас...
- Выходи из туалета!

Доносится свист.

Голос Женщины. Опять свистишь?

Снова свист.

Прекрати!

Голоса детей.

- Это мое!
- Нет!
- Отдай!
- Не отдам!
- Ой!

Голос Женщины. Оставь ее!

Свист.

(Мальчику.) Я сказала: прекрати!

Голоса детей.

- Ну дай же мне чаю!
- Выйди из туалета!
- Ой, у меня туфли каши просят!
- Я не хочу кушать!
- Это мое!
- Нет, мое!

Голос Женщины. Тебе говорят: оставь ее!

Голоса детей.

- Отдай мой портфель!
- Он разорвет мою книгу!
- У меня нос заложило!

Мужчина (выйдя из комнаты, Деду). Доброе утро!

Дед. Кто пришел?

Мужчина (громко). Никто. Доброе, говорю, утро!

Дед. Чего?

Мужчина (кричит). Говорю, доброе утро! Доброе утро!

Дед. А-а... хорошо себя чувствую...

Дети с шумом-гамом выбегают во двор, старшие с портфелями, ранцами спешат в школу, малыши готовятся идти в детский сад, мать мечется по двору, снабжая их завтраками в пакетах.

Женщина (детям). На, бери! Будь осторожен! Не мчись как угорелый! Переходя дорогу, следи за движением.

Дед (глядя на детей, про себя). Да, если этот народ и спасет нечто, то это способность плодить детей...

Женщина (детям). Не болтай на уроках. Возьми и это. На физкультуре не очень-то бегай!

Девочки.

- Не хочу!
- Ладно.
- Пока!
- Отойди!
- Отдай мою книгу!
- Она не у меня!

Мальчик с портфелем выходит со двора и, оглянувшись на старших, извлекает из кармана свисток и свистит.

Женщина. Опять за свистульку?!

Мужчина. Сколько раз тебе говорить!

Женщина. Валлах, свисток для него – что соска.

Мужчина. Геометрию выучил? Или опять «пару» схлопочешь? (Мальчик молча удаляется. Глядя ему вслед.) Математик зол на него донельзя!

После утреннего гама во дворе воцарилась тишина.

Дед (Мужчине). Это все ваши дети?

Мужчина. Да, а чьи же еще?

Дед. Чьи?

Мужчина (кричит). Наши, дадаш, наши!

Д е д. А чего ты орешь? Оглох, что ли? Спрашиваю, ваши все эти балаболки или нет?

М у ж ч и н а (*кричит еще громче*). Да-да-да! Семь девочек, один мальчик!

Д е д. Чего?

М у ж ч и н а с Ж е н щ и н о й (*в один голос*). Да! Наши!

Пауза.

Супруги подкрепляют слова кивком: мол, наши.

Д е д. Ваши? (*Усмехаясь, качает головой*.) Послушайте, вы куры, кролики, что ли? Куда это столько детей нарожали?

Пауза.

Не я ли вас всех содержу?

Супруги мотают головами.

А кто же?

М у ж ч и н а (*тычет пальцем в небо*). Аллах!

Д е д. Чего?

М у ж ч и н а (*громче*). Аллах!

Д е д. Теперь уже и в Аллаха веруют?

М у ж ч и н а. Упаси от таких верующих!

Ж е н щ и н а (*испуганно*). Зачем ты так говоришь?

М у ж ч и н а. Потому что все погрязли в грехах.

Д е д (*ворча про себя*). Слово у них спросишь, начинают орать! (*Тычет кончиком трости в бутылку с мочой, Мужчине*.) Снеси это доктору, пусть произведет анализ.

Ж е н щ и н а. Дадаш, нет в этом нужды. Ваша болезнь уже лет пятнадцать как выявлена. Болезнью Альцгеймера называется.

Д е д. Кто наживается?

Ж е н щ и н а (*кричит*). Никто не наживается! Я о болезни вашей.

Д е д. А?

Ж е н щ и н а. О болезни! О болезни говорю!

Пауза.

Д е д (*указывает тростью на Мужчину*). Это он, что ли, болен?

М у ж ч и н а. Да, я!

Ж е н щ и н а (*смятенно*). Типун тебе на язык! Нет, нет, не он, упаси Аллах! Это вы больны, вы!

Д е д. Я?

Ж е н щ и н а. Да.

Д е д (*в недоумении, всполошившись*). А что такое со мной?

Ж е н щ и н а. Дадаш, у вас... вы подвержены болезни Альцгеймера.

Д е д. Кого-кого?

Ж е н щ и н а. Альцгеймера!!!

Д е д. Не понял.

Ж е н щ и н а. Альцгеймера!!!

Пауза.

Д е д. Он еврей, что ли?

М у ж ч и н а (*тихо*). А еще говорят, он не в себе...

Ж е н щ и н а. Кто его знает...

Д е д. Еврей!

Ж е н щ и н а. Может, и так.

Д е д. Альцгеймер... А разве их всех еще не перестреляли?

Ж е н щ и н а (*ошеломленно*). А-а-а!

Во двор с пухлым портфелем в руке впопыхах вторгается Т е т к а.

Т е т к а (*в приподнятом настроении*). Салам! Салам! Всем салам! (*К Мужчине*.) Смотрел телевизор?

М у ж ч и н а. Какой с утра телевизор, ай хала?

Т е т к а. Как же так? Потому ты так отстал от жизни. Люди дела проворачивают, а ты...

М у ж ч и н а. Что – я?

Т е т к а. Твои ровесники – кто в бизнес подался, кто партию сколачивает, кто митингует! А ты знай талдычишь свои уроки и прозябаешь в хибаре своей.

М у ж ч и н а. Ай хала, где мне было знать, что в этой стране, в этом народе учительство так подешевеет?!

²Хала (азерб.) – тетя.

Т е т к а. Демагогия! Мир меняется. Сейчас другое время, пойми! Общество политизировано! Может ли быть лучший шанс?! Вот мой сосед, Идрис-ага! В дендрарии змееловом работал. И потом ринулся вперед, охрип, кричами: «Нация, нация!» – и теперь, гляди, нация его головой клянется!

М у ж ч и н а (усмехаясь). А он нации лапшу на уши вешает!

Т е т к а. Не скажи! Он любит свою нацию! (С пафосом.) И я тоже всеми фибрами души связана с родным народом. Тржусь, радею о нем! Вот этот вот депутат, который все время о рыбах, экологии говорит, только что опять по телевизору выступал. Жаль, ты не видел.

М у ж ч и н а. Эх, ай хала. Да чего мне на него смотреть? Лучше бы уж рыбки отведасть. (Смеется.)

Т е т к а. Видишь ли, очень он исхудал... Очень... Не понравился он мне... Похоже, его точит серьезный недуг.

М у ж ч и н а. Ну и что?

Ж е н щ и н а. Дай Аллах ему здоровья.

Т е т к а. Да я не о том... Конечно, все мы люди... но я подумала, если он умрет, то я выдвину свою кандидатуру на его место. А?

Пауза.

Ж е н щ и н а. Не приведи Аллах!

Д е д (подзывает пальцем Мужчину). Поди-ка сюда. (Мужчина подходит. Дед показывает на Тетку.) Кто она такая?

М у ж ч и н а. Как это кто? (В ухо Деду.) Тетушка моя.

Д е д. Тетушка? (Мужчина кивает.) Кем же она тогда мне доводится?

М у ж ч и н а (задумавшись). Никем.

Д е д. А?

М у ж ч и н а (кричит). Никем!

Д е д. Тогда что же она тут делает?

Т е т к а. Похоже, опять он обо мне... (В сторону.) Седина в бороду, бес в ребро. Хрыч, а глазки масляные. При виде меня готов хвост распушить... (Подойдя к Деду, громко.) Ну, как самочувствие? Дай Бог справиться двухсотлетие твое! С моим участием!

Д е д. А?

Т е т к а. Ну и дела. (Еще громче.) Я говорю, дай Бог нам справиться твой двухсотлетний юбилей!

Пауза.

¹Ага – господин; сударь; здесь – как уважительное обращение.

Д е д. Вряд ли.

Т е т к а. Почему?

Д е д. Тебе не дотянуть до той поры.

Т е т к а. Фу ты!

Во двор стремительно входит Друг-журналист.

Д р у г - ж у р н а л и с т. Доброе утречко! (Деду.) Привет, патриарх! Живая история наша! Реликт нашего древнетюркского рода! Как ты? Конечно же отлично! Превосходно! (Мужчине.) Я подумал, хорошо бы шелкнуть и эту чинару. Ведь она – ровесница нашего патриарха.

М у ж ч и н а. Нет, чинара – помоложе. Он сам ее и посадил...

Ж у р н а л и с т. Ух ты! (Взирает на чинару, задрав голову.) Ну и ну!

Т е т к а. Кто это такой?

Ж е н щ и н а. Журналист. Позавчера приходил, говорит, пишу в газету о дедушке.

Т е т к а (показывая на старика). О нем, что ли?

Ж е н щ и н а. Ну да.

Т е т к а. За какие такие доблести?

Ж е н щ и н а. Долгожитель, мол.

Ж у р н а л и с т. На одной полосе – фото патриарха, на другой – посаженная им полутораветковая чинара! Блеск! Sensация! Он станет знаменит на весь мир! Да, муаллим¹, если я пишу, то душу вкладываю, кровью пишу! Потому и становлюсь кровным другом! А? Как я сказал?

М у ж ч и н а. Впечатляюще. Стало быть, ты – друг-журналист?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Так точно! Отлично! (Фотографируя чинару.) Я и заглавие придумал к очерку: «Я дождался независимого и демократического Азербайджана, разорвавшего советские оковы!» Каково?

М у ж ч и н а. Кто это говорил?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Как – кто? Патриарх.

Т е т к а (Женщине). Да он и свое имя не может выговорить, как такую тираду выдал?

Женщина пожимает плечами.

Д р у г - ж у р н а л и с т (продолжая снимать). Патриарх! Аксакал нации! Живой свидетель веков! Тюрк, сын тюрка. Потомок Атиллы! Я прославлю его

¹Муаллим (азерб.) – учитель.

на весь мир! Я добьюсь, чтобы его занесли в книгу Гиннеса! Пусть возвысится имя нации моей! Это мое кредо! Мне самому ничего не нужно! Дай-ка еще разочек шелкну. (*Снимая Деда.*) Знаете ли, что самый длинноусый в мире человек – турок. Турок, сын турка. И его нашел я, и написал я. Все газеты напечатали.

Т е т к а (*подходя к журналисту*). Послушай, пишешь – и ладно, пиши. Но усы – это дело прошлое. Нельзя жить только прошлым. Ты о будущем пиши!

Д р у г - ж у р н а л и с т. Как это так: усы – прошлое? Самый длинноусый...

Т е т к а. Ладно, это мы уже знаем. А теперь надо писать о будущем!

Д р у г - ж у р н а л и с т. О каком таком будущем?

Т е т к а. Что-о? Как это – каком таком будущем? Что он говорит? (*Недоуменно тарарит на окружающих, мол, с Луны свалился, что ли?*)

Пауза.

Да хотя бы обо мне!

Пауза.

Да, да! Я ринулась на политическую арену! И весьма успешно. Я включилась в борьбу за счастливое будущее суверенной родины! Я проявляю кипучую деятельность во имя вхождения Азербайджана в Совет Европы!

Д р у г - ж у р н а л и с т. Извините, ханум¹, но я теперь занимаюсь внутренними новостями. С политикой покончил!

М у ж ч и н а. Сейчас все кому не лень ломаются в политику, а ты, значит, пас?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Да!

М у ж ч и н а. Почему?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Я взял интервью у посла Страны Кисельных Берегов, так после публикации его предшественники вот уже месяц устраивают пикеты перед моим домом. Выхожу на улицу в гриме...

М у ж ч и н а. Как то есть – предшественники?

Д р у г - ж у р н а л и с т (*показывая на свою бороду*). Думаете, это настоящая? Нетушки! (*Дергает резину, на которой держится борода.*)

Ж е н щ и н а. Ай аман!²

¹Ханум (азерб.) – госпожа.

²Ай аман! – мольба о пощаде; здесь – выражение смятения.

Д р у г - ж у р н а л и с т. Влип я в историю, муаллим. Вы ведь знаете, в Стране Кисельных Берегов вот уже сколько лет бушует гражданская война. Коммунисты и монархисты точат друг друга. А центральное правительство – бутафория. Что ни день – перевороты. И всякий раз по новому послу присылают к нам. Не успеет один приступить к делу, глядишь, другой прискакал. А прежние упираются: мол, мы и есть законные, чрезвычайные и полномочные. В посольстве ихнем – пара комнат, и все набиты битком. Расселись за столами и твердят: посол – это я! После интервьюированного мной еще двое пожаловали. И тоже присоединились к пикетчикам.

Т е т к а. Послушай, на кой черт тебе послы с Кисельных Берегов?! (*Показывает жестом на себя.*) Мы, политические деятели нации, остались в стороне, а ты уцепился за посла из «банановой республики». И вот результат: в летнюю жару с бородой фальшивой ходишь.

Д р у г - ж у р н а л и с т. А вы не видите: весь мир говорит о Кисельных Берегах, и еще, что скрывать от вас (*подойдя к Мужчине и понизив голос*), Аллах свидетель, на политическом рынке цены – пшик! (*Притирая пальцы, намекает на барыши.*) ... Но, муаллим, о патриархе очерк удался на славу! Вы прославитесь на весь мир.

М у ж ч и н а. Ну-ну. Спасибо за труд.

Д р у г - ж у р н а л и с т. Да уж, стараемся... Надеемся... (*Притирая кончики пальцев.*) Классно получилось. Знаешь, что у меня говорит патриарх? Я, говорит, увижу и двадцать второй век!

Т е т к а. Похоже, доживет.

Д р у г - ж у р н а л и с т (*подойдя к Мужчине, вновь делает жест пальцами*). Очерк – бомба!

Мужчина выворачивает пустые карманы и пожимает плечами.

Д р у г - ж у р н а л и с т (*еще тише*). Хочешь, я накину ему еще больше лет?!

Небольшая пауза.

Ну, еще полста годочков? А?

Мужчина повторяет то же безнадежное движение.

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

СТРАНА КИСЕЛЬНЫХ БЕРЕГОВ
КРАСНОШТАННЫЕ И ЖЕЛТОШТАННЫЕ

На сцене сумрачно, в полумгле проступают контуры камышовых хижин и пальмовых деревьев. Вдруг поднимается шум, на сцену врываются, как стая саранчи, толпы Красноштаных и Желтоштаных, гоняющихся друг за другом, преследующих, нападающих друг на друга, схватывающихся врукопашную, душащих друг друга. В руке одного чернокожего ружье, у другого – дротик, у третьего – лук, кто стреляет, кто пускает в ход зубы. В этой свалке и грязне выявляется превосходство желтоштаных.

Желтоштаный (*орет*). Бырбыр ду быг! (*Одного красноштанного удушают.*)

Синхронный перевод из-за кулис: Ты должен умереть!

Красноштаный. Бали гыг! (*II Желтоштаный протыкает дротиком ему брюхо, и он умирает, не успев договорить.*)

Синхронный перевод из-за кулис: Э-э-э... (*Покашливание.*) Он хотел разразиться непотребной бранью.

Под звуки этой катавасии и диких криков свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Баку. Тот же старый двор. Полдень. Дед, Мужчина, Друг-журналист. Дед, как всегда, восседает на табуретке у двери. Из комнаты выходит

Мужчина.

Мужчина. Когда дети дома, от их гвалта голова раскалывается. А когда их нет, такая тишина, что тоска берет. (*К Деду, уставившемуся на него с любовью.*) Почему так устроен мир, дадаш? А?

Пауза.

Дед (*подзывая его пальцем*). Подойди-ка. (*Мужчина подходит.*) Получил результаты анализа?

Мужчина. Да.

Дед. А?

Мужчина (*прибавив громкость*). Да! Да!

Дед (*раздражаясь*). Чего кричишь? Здесь глухих нет. Спрашиваю, как с анализом?

Мужчина (*кивая головой*). Взял.

Дед. Что доктор сказал?

Мужчина (*с тем же высоким тоном*). Сказал – век проживет. (*Вполголоса.*) А век-то уже позади.

Дед. Что он сказал?

Мужчина (*кричит*). Сто пятьдесят, говорит, проживет!

Дед. Про живот?

Мужчина (*орет*). Двести лет, говорит, проживет!

Дед. Да? Двести лет?... Поживем – поглядим... А ты-то?

Мужчина. Что – я?

Дед. А?

Мужчина. При чем я?

Дед. А тебе сколько лет посулил?

Мужчина. Пять!

Дед. Сколько?

Мужчина. Три года!

Дед. Чего-чего?

Мужчина (*надрывая глотку*). Два года! Два! Два! (*Показывает на пальцах.*)

Дед. Два года? Ну что ж... И то слава Аллаху. (*Всматриваясь в Мужчину.*) А кто ты будешь?

Мужчина. Твой внук.

Дед. Фрукт?

Мужчина. Твой внук!

Дед. Мой внук?

Мужчина. Да! (*Понизив голос.*) Внук ли, правнук ли, или прапра...

Короткая пауза.

Дед. Надо же! У меня такой большой внук?!

Мужчина подтверждает кивком головы.

Как ты?

М у ж ч и н а. Как арбуз, свалившийся с арбы.

Во двор входит Д р у г - ж у р н а л и с т с забинтованной головой и синяком под глазом. Волочит ногу, рука в гипсе. Чувствуется, что каждое движение причиняет ему боль.

Д р у г - ж у р н а л и с т (слабым голосом). Добрый день... Ох-х-х...

М у ж ч и н а. День добрый, друг-журналист!

Короткая пауза.

На сей раз ты здорово «перевоплотился».

Д р у г - ж у р н а л и с т. Да нет... Это не бугафория...

М у ж ч и н а. А что же тогда?

Д р у г - ж у р н а л и с т (плакливо). Эх, муаллим...

Пауза.

(Деду.) Как ты, патриарх? Ох-ох...

Пауза.

Меня поколотили...

М у ж ч и н а. За что?!

Д р у г - ж у р н а л и с т. Хотел принести фотографию патриарху, чтобы была память грядущим поколениям... после нас... Мы-то смертные люди... Патриарх не вечен! Уф-уф! А это снимок чинары. (Протирает кончики пальцев.) Думал, может... Видите, в каком я состоянии... Надо бы купить лекарства, медикаментов...

М у ж ч и н а. Да ты толком объясни, кто тебя так изукрасил? Послы, что ли, с Кисельных Берегов?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Да нет... (Хватается за поясницу.) Ой-ой!

М у ж ч и н а. А кто же?

Д р у г - ж у р н а л и с т (ощупывая шею). Вай-вай!..

Дед, пристально воззрившись в побитого труженика пера, встает и входит в комнату.

Сильный мира сего, муаллим... Туз! Толстобрюхий хапуга! Сбил меня... и давай пинать ногами... Как скотину... Все кости переломал... И кашлять не могу... Эх-х-х... И с внутренними новостями мне не повезло...

М у ж ч и н а (сочувственно). Как же так? Как скотину? Разве укорота нет на свете? А где полиция была?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Эх, муаллим!.. (Держится за шею.) Ох-ох!.. Новый миллионер объявился. В советское время мясником был, а теперь бизнесменом сделался. Бензозаправки строит, бензином промышленяет. Я по заданию редактора взял интервью у водителей, оказалось, в баки недоливают.

М у ж ч и н а. И из-за этого он побил тебя?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Побил – не то слово. Исколошматил среди бела дня. Ай-яй... (Хватается за живот.)

М у ж ч и н а (подойдя, осматривает раны и ушицы). Тебе нужно лечь в больницу. Ходить в таком состоянии нельзя!

Д р у г - ж у р н а л и с т (со слезами в голосе). Умираю...

М у ж ч и н а. А людей вокруг не было? А полиция?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Были люди... да никто не стал вмешиваться. Наконец явился участковый. Этого мордворота, как увидел, сразу отпустил. А меня повел в отделение, нацарапал что-то вроде протокола и наказал мне, мол, не возникай! И точка! Ох! Валлах, послы Кисельных Берегов – ангелы по сравнению с этими... Иностранцы, если что не так, пикетируют, а наши лупцуют, пока мокрое место не останется...

М у ж ч и н а. И что твой редактор?

Д р у г - ж у р н а л и с т. При чем редактор?

М у ж ч и н а. Не заступился? Не возмутился?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Куда уж, отругал даже. Сказал, я не в курсе. А на меня накричал: не впутывай, мол, меня в это дело. Уф-уф!

М у ж ч и н а (возмущенно). Что творится на свете, о Аллах! Что это за жизнь! В какой стране, в какое время мы живем? Как мы дошли до жизни такой? В советские времена думали, может, лет через сто, двести станем и мы независимой страной, флаг наш взвьется перед ООН, народ станет свободным, расправит плечи, дети заживут счастливо, безбедно, по-людски! Сколько митингов отбушевало, сколько бед пережили, сколько жертв понесли!.. Ради этого ли?! Каждый сколачивает партию, всякий рвется в президенты! Карабах под пятой врага, там дух предков наших витает над попанной, истерзанной землей,

а мы тут воюем за высокие кресла! Глядишь, неуч, а амбиции наполеоновские! Столоначальник, шишка на ровном месте, а ног под собой не чувствует, дальше носа своего не видит! Шельмуют друг друга! Мздоимство правит бал! Кумовство, землячество! Культура дышит на ладан! Заводы, фабрики пускают в распыл! Дошли до того, что по ночам столбы электролиний автогенно срезают, чтобы сбить за «бугром», в Иране! Рельсы разбирают и сдают в металлолом, телефонные кабели из-под земли выкапывают, чтобы нажиться! Может, и впрямь настал конец света? Или мы столько грехов совершили в былые годы, что кара Всевышнего обрушилась на нас? Я вот, учитель с двадцатилетним стажем, еле svoju концы с концами, хоть иди семечки продавай, в коробейники рядись, чтоб семью прокормить! А какая-нибудь зажавшаяся сволочь, сколотившая миллионы за счет награбленного, учиняет кулачную расправу над этим бедолагой!

Друг - журналист. Муаллим, побереги нервы!

Мужчина. Что же ты теперь будешь делать?

Друг - журналист. А что я могу?

Мужчина. Как это – что я могу? Подай на негодя в суд! Требуешь справедливости! Ты же журналист!

Друг - журналист. Да кто станет меня слушать?

Мужчина. Нет! Этого нельзя так оставить! Ты смолчишь, я подожду хвост, чем же это обернется?

Короткая пауза.

Послушай, мил человек, разве ты не видишь: мы катимся в пропасть! Так уж трудно это увидеть? Нет! Хватит! Я буду защищать тебя! Я! Дай мне имя, фамилию, адрес этого сукина сына! Сейчас модно брифинги устраивать, пресс-конференции проводить. Я вот днями и устрою пресс-конференцию в школе! Забью тревогу на весь Азербайджан! Я больше не в силах терпеть! Где наша мужская честь? Так жить нельзя! Что ждет моих детей? Чем обернется участь семерых дочерей моих?

Друг - журналист (хватается за голову). Ох-ох... (Переводя взгляд на фотоснимки в руке, пощипывая кончиками пальцев, в сторону.) Похоже, опять ни шиша не будет... (Качает головой.) Эх, судьба моя горемычная!

Мужчина (возбужденно, в то же время с решимостью.) Нельзя оставить безнаказанным это мордобитие! Этот беспредел! Эх, бедный братец ты мой! Что с тобой сделали! Тебя пинал-топтал не этот зажавшийся хапуга... тебя растоптало общество... Знаешь, почему? Потому что мы не смогли постро-

ить это общество. Так что главный виновник – не этот сытый недоумок! Он просто-напросто охламон, пентюх! В том-то и вопрос. Этот фрукт взращен, взлеян общес-твом! Которое спускает ему все с рук! (Распалаясь все больше.) Нет! Мы этого так не оставим! Мы возьмем общество за грудки и тряха-нем. «Э-гей! – скажем, – отвечай! Эгей! Стань на праведный путь!»

Друг - журналист. Валлах, вы говорите так, будто сами не живете в этом обществе.

Мужчина. Хочешь сказать, донкихотствую?

Друг - журналист. Простите, муаллим, но несколько... наивны.

Мужчина (усмехаясь). Видно, это у нас в роду... Ведь моя прабабка была из Африки.

Друг - журналист. Из Африки?

Мужчина. Ну да.

Друг - журналист. Негритянка, что ли?

Мужчина. Да, представь себе, дорогой и милый мой друг.

Друг - журналист. То есть, жена вашего деда? Патриарха?

Мужчина. Да нет...

Друг - журналист. Тогда его дочь?

Мужчина. Нет-нет... (Показывая на пустую табуретку Деда.) Это дед мой по матери. А речь о прадеде моем по отцовской линии. Правда, этот мой дед (показывая на табуретку) по возрасту старше того моего прадеда. Тот учился в брюссельском университете. В студенческие годы, в 1887 году, с одним французом-приятелем они махнули в Африку – попутешествовать. Там он и заперимтил мою прабабушку. Она была в плену у какого-то племени. Прадед мой выкупил ее и повез в Брюссель, женился на ней и с африканской женой вернулся в Азербайджан. Вот как обстояло дело, любезный друг мой.

Друг - журналист. Поразительно! Ох-хо-хо! (Хватаясь за голову.)

Мужчина. Болит?

Друг - журналист. Хана мне...

Мужчина. Крепись! Мы добьемся его наказания!

Друг - журналист. Вы говорите так убежденно, что я и сам готов поверить.

Мужчина. Конечно верь! Верь, друг мой! Верь! Ты увидишь, как я возьмусь за это дело! Умрем, а не отступим! Я подниму на уши все международные институты! Сейчас мир уже не тот мир. Права человека под защитой. Крепись, дружище!

Друг - журналист (с сомнением). Вы думаете, что это дело получит успешный исход?

Мужчина. Не дрейфь! Будем бороться! Нет, друг любезный, мир – это не джунгли! Но и справедливость – не манна небесная. Ее не преподносят на блюдечке с голубой каемочкой! Драться за неё надо, биться!

Друг-журналист. Муаллим, вроде, и боли мои поутихли... Полегчало, валлах. Значит, бороться?

Мужчина. Да!

Друг-журналист. Умрем, но не отступим?

Мужчина. Да!

Друг-журналист (с воодушевлением). Есть, муаллим! Спасибо вам великое. Вы... вернули мне чувство собственного достоинства. Хоть и ребрышки мои ноют, и тело разбито, но... чувствую себя окрыленным... Мы покажем этому мордовороту, где раки зимуют! Заставим уважать себя... И домашние увидят, что мы не лыком шиты! (Пытается поднять загипсованную руку, но боль останавливает его.) Ох!

Мужчина (вскидывает кулак). Да! Мы покажем этому толстомордому!

Из комнаты выходит Дед, и вновь в его руке бутылка с мочой.

Дед (протягивая склянку Мужчине). На, возьми. Свежая. Снеси на анализ!

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Тот же двор, полдень. К присутствующим прибавились Женщина, Тетка, Подруга, позже появятся телерепортеры и корреспонденты. Дед сидит на своем всегдашнем месте. Женщина из лейки поливает цветы. Из дома выходит Мужчина.

Мужчина (всласть потягиваясь). ...Эх ...Какой прекрасный день!..

Дед (заерзав на табуретке). Хы-хы?

Мужчина. Что тебе, дадаш?

Дед. Хы-хы?

Мужчина (крича). Что с тобой?

Дед. У меня бок ломит.

Мужчина. Пройдет.

Дед. Хы?

Мужчина. Вот юмор...

Дед. Кто умер?

Мужчина (кричит). Никто не умер!

Дед. Кто-кто?

Мужчина (орет). Никто-о-о! Никто, слава Аллаху, пока не умер, не дал дуба, не сыграл в ящик. И с твоим боком ничего не случится.

Дед. Но ведь ломит же...

Мужчина (шутливым тоном, громко). Это от старости.

Дед (удивленно). Я – стар?

Мужчина. Чуть-чуть. Немножечко.

Дед. От старости, говоришь?

Мужчина. Ага.

Дед. Тогда почему другой бок у меня не болит? Одного ведь возраста.

Мужчина. Конечно, одного.

Дед. Почему же не болит?

Мужчина (хохочет). А еще говорят, дадаш из ума выжил.

Женщина (подходя к мужу). Знаешь, как тебя красит смех?

Мужчина (смеется еще охотнее). Ну вот и славно. Смех – не мех, чтоб не по карману было.

Женщина. Какой еще мех? К черту эти меха! Я... я горжусь тобой! Весь Баку о тебе говорит.

Мужчина. Оставь, ради Аллаха.

Женщина. Не веришь? Вчера хлеб покупаю в магазине, соседка Зубейда мне говорит: счастливый ты человек, у тебя такой благородный муж, радеет о сырых, беззащитных, вон горой встал за побитого горемыку! Это и есть счастье... Валлах, слушаю ее и не могу нарадоваться, будто весь мир мне подарил. Зубейда говорит, где теперь сыщешь на свете таких людей, как твой муж?! Это еще что... Девчонки наши газету с твоим снимком в школу понесли, всем показывают: вот, мол, это наш папа!

Мужчина. М-да... А сыночек опять хватает двойки по геометрии! (Смеется.) Ладно, ты считаешь, что одна только пресс-конференция преобразила наше житье-бытье?

Женщина. Валлах, так и есть! Когда тебя по телевизору показали, у меня в глазах зарябило, сердце заколотилось, захолонуло, очухалась – вижу, сама не своя, будто меня подменили, другой человек... Такая легкость на душе, такое блаженство... Будто весь дом светом наполнился, заулыбался мне...

Дед с любопытством взирает на них.

Мужчина. Эх, бранный мир! До чего же мы дошли, что, дав укорот одному олуху, становишься народным героем!

Женщина. Зубейда говорила, что таких надо к стенке ставить!

Дед. А теперь как – не расстреливают людей?

Мужчина. Нет.

Женщина поливает цветы во дворе.

Дед. Хы?

Мужчина (*громче*). Не расстреливают!

Дед. Выходит, всяк говорит, что придет в голову?

Мужчина. Да.

Дед. Хы?

Мужчина (*кричит*). Да! Говорят, что заблагорассудится! А при желании и митингуют!

Дед. Хвалят власть?

Мужчина. Да нет! Критикуют!

Дед. Власть?!

Мужчина. Да!!

Дед. И не расстреливают?

Мужчина. Нет!!! Нет!!!

Дед. А враждебные элементы... оппортунисты...

Мужчина (*тем же громким тоном*). Катают статейки в газетах!

Дед. В клозетах?

Мужчина. В газетах!

Дед. Стало быть, не расстреливают?

Мужчина. Не-е-ет!

Пауза.

Дед. Тогда... как же вы живете?

Мужчина (*с горьким смехом*). Собачьей жизнью, дадаш! Собачьей!

Женщина. Ну зачем ты такое говоришь?

Подруга, запыхавшись, вбегает во двор.

Подруга. Салам! Ого! Как хорошо – все в сборе. Я с утра жду не дож-дусь перерыва, чтобы забежать к вам. (*Мужчине*.) Поздравляю вас!

Мужчина. Меня?

Подруга. Конечно, вас.

Женщина. Да ты переведи дух.

Подруга. Ой, вы знаете, что сегодня случилось?

Женщина. Что же?

Дед внимательно смотрит на Подругу.

Подруга. Утром написала срочный материал, вхожу в кабинет вице-пре-мьера и вижу... (*Выдерживает паузу*.)

Женщина (*нетерпеливо*). Ну и...

Подруга. Ой! Вижу, просматривает газету и там (*Мужчине*) – ваш портрет!

Пауза.

Женщина (*растроганно*). Дай Аллах ему здоровья.

Подруга (*Мужчине*). Поздравляю еще раз.

Женщина. А ты не сказала шефу, что знаешь нашего героя?

Подруга. Как же! Сказала, конечно, мол, этот человек – муж моей бли-жайшей подруги.

Женщина (*дрогнувшим голосом*). Спасибо тебе большое. (*Мужу*.) Вон в каких верхах о тебе говорят.

Дед (*Мужчине*). Подойди-ка сюда.

Мужчина (*подойдя*). Ну?

Дед. Кто это такая?

Мужчина. Ну та, что позавчера приходила. Я тебе объяснял. (*Понизив голос*.) Уделал меня...

Дед. Кого ты уделал?

Мужчина. Да никого!! Я тебе говорил о ней, говорю!!

Дед. Да я о другом спрашиваю, о другом. (*Кипячьсь*.) Ну почему они такие непонятливые! Откуда такие люди взялись? (*Мужчине*.) Я говорю (*показывая на Подругу*), кто она такая?

Женщина. Дадаш, это подруга моя. В школе вместе учились.

Дед. Хы?

Женщина (*переходя на крик*). Учились вместе!

Д е д. Чем она занималась?

Ж е н щ и н а. Машинистка она! Машинистка!!

Д е д. Ну, понял. Чего кричишь? Ну что это за люди! Где работает?

Ж е н щ и н а. В Совмине.

Д е д. А Совмин еще существует?

П о д р у г а. Да!

Д е д. И чем он занимается?

М у ж ч и н а (со смехом). Этого никто не знает.

П о д р у г а (обиженно). Ну зачем вы так? Вице-премьер вот сегодня смотрел вашу фотографию в газете.

Д е д (пристально глядя на нее, про себя). Вдова – не вдова, а на вид здорова...

Появляется Т е т к а с портфелем в руке, как всегда, с шумом-гамом.

Т е т к а. Салам-салам! И вам, и вам!

Д е д (тарачась на нее). Ух ты! (Встав с табуретки, входит в дом.)

Т е т к а (Мужчине). Я обиделась на тебя. Оч-чень! Никак не ожидала от тебя, ну никак.

Ж е н щ и н а. А-а...

П о д р у г а (вполголоса Женщине). В чем дело? (Женщина пожимает плечами.)

М у ж ч и н а. Что случилось, ай хала? Какое событие разразилось?

Т е т к а. Как это «какое»? Еще спрашиваешь. Ты создаешь комитет. Выступаешь с заявлением...

Ж е н щ и н а (поспешно). Да! Мы теперь начинаем новую жизнь!

П о д р у г а. Сегодня сам вице-премьер лицезрел его фотографию в газете!

Т е т к а (распаляясь). Вот видишь?

М у ж ч и н а. Что именно?

Т е т к а. Как это что? Уж если ты такой речистый, языкастый, на интервью гораздый, так тебе обязательно надо было тратить порох ради какого-то безвестного журналиста?

Ж е н щ и н а. Он защитник слабых!

М у ж ч и н а. Валлах, ай хала, я тебя не пойму.

Т е т к а. Это почему?

М у ж ч и н а. Что я должен был сделать?

Т е т к а. Как – что? Ты обо мне забыл? Нельзя было подумать о своей родной тетушке? О моей, так сказать, поддержке? Защите?..

М у ж ч и н а (недоуменно). Разве ты нуждаешься в защите?! Кто посмеет тебе слово сказать? Так отбреешь, что мало не покажется.

Ж е н щ и н а (вполголоса, подруге). О-о-о! Ты знаешь, особа еще та...

Т е т к а. Нельзя было, скажем, провести тебе пресс-конференцию, посвященную мне? Вот сосед мой Идрис-ага тоже говорит, что твой племяш должен был собрать прессу, сколотить электорат для тебя...

М у ж ч и н а (изумленно). Для тебя?

Т е т к а. Да, да. Нельзя было тебе приветствовать мое вступление на политическое поприще? Ведь в 2003 году выборы президента в Азербайджане.

М у ж ч и н а. Ну и что?

Т е т к а (кипяясь). Как это «ну и что»?! Вот тебе и племянничек! Чем мы, Азербайджан, хуже Цейлона?..

П о д р у г а. А при чем тут Цейлон?

Ж е н щ и н а (переглядываясь с мужем). Не знаю.

М у ж ч и н а. Я – тоже.

Т е т к а. Не знаешь, да? А чего же тогда в политику лезешь? Не знаешь, что в Цейлоне?

П о д р у г а. Там чай хороший.

Ж е н щ и н а. Да. Только дороговат.

Т е т к а (поводит рукой). Эх вы!

Короткая пауза.

На Цейлоне президент – женщина! Бандаранаике! Сиримава-ханум!

М у ж ч и н а. Вон оно что! Уразумел! Почему бы и у нас не быть президенту – женщине, да?

Т е т к а. Именно! Нельзя ли было тебе уже сейчас включиться в мою предвыборную кампанию? Возглавить ее? Устроить так, чтоб вице-премьер, развернув газету, увидел мою фотографию? А?

Вдруг входная дверь распахивается и во двор врываются корреспонденты.

К о р р е с п о н д е н т ы.

– Эврика!

– Нашли!

– Вот он сам!

– Сюда!

– Включайте свет!

– Приготовь камеру!

Телерепортер. Освещай отсюда! Камера! Начали! *(В объектив, бодрым тоном.)* Дорогие телезрители! Начинаем прямой репортаж из цикла передач «Права человека». Наш собеседник – известный правозащитник...

Голоса обступивших Мужчину тружеников пера заглушают слова телерепортера, который продолжает разговор.

Корреспонденты *(наперебой)*.

– Что вы можете сказать о положении дел в республике в связи с защитой прав человека?

– Вас представили на получение почетного звания «Друг журналистов»? Ваши суждения на этот счет.

Мужчина. Задавайте вопросы по очереди!

Корреспонденты *(наперебой)*.

– Вы боитесь бензиновой мафии?

– Собираетесь ли возбудить судебное разбирательство в связи с инцидентом?

– Выдвинете ли свою кандидатуру на выборах?

Женщина *(обрадованно)*. О Аллах, наконец-то нам улыбнулась судьба!

Подруга. Поздравляю! Поздравляю!

Телерепортер *(продолжая передачу)*. Дорогие телезрители! Как видите... *(Его слова вновь заглушаются возбужденными криками коллег.)*

Корреспонденты.

– Удовлетворяет ли вас современное политическое положение Азербайджана?

– Кто, по-вашему, будет избран президентом США – Гор или Буш?

– Отправят ли армяне в отставку президента Кочаряна?

Мужчина. Не все сразу!

Тетка *(раздраженно)*. Я больше не приду в этот дом!.. *(Уходит.)*

Подруга. Обиделась.

Женщина. Ничего. Завтра к обеду пожелает.

Дед выходит во двор с очередной бутылкой мочи. Некоторое время созерцает царящий во дворе ажиотаж.

Дед *(протягивая бутылку Мужчине через толпу тружеников масс-медиа)*. На, для нового анализа!

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тот же двор. Ночь. Первый и Второй негры в желтом одеянии. В густой тьме с трудом просматриваются движения чернокожих пришельцев, осторожно открывающих входную дверь и входящих во двор. Так же осторожно они подходят к окну и всматриваются сквозь стекло.

И негр *(в чрезвычайном возбуждении, уткнувшись лицом в стекло)*. Ги-ги!.. Тыр ми ронду попу... О гур бомо домо!

Синхронный перевод: Ах-ах! Великий Лев спит... Как он величествен!

И негр *(в том же экстатическом волнении)*. Быр тыты морр, фоо оранг бог ди!

Синхронный перевод: Как он храбр, как лев, мудр, как орангутанг!

И негр. Зизи бордор фу! *(Отстранившись от окна и воздев кулак.)* Гоир тырго додгого!

Синхронный перевод: Осталось недолго! Мы победим!

И негр *(отойдя от окна и подняв кулак)*. Гоир тырго додгого!

Синхронный перевод: Мы победим!

Оба в один голос, вытянувшись в струнку и приложив ладони к уху, тихо, но воодушевленно напевают патриотическую песню.

Тыртыр ги гу бобо-о-о!

Пыран дори гого-о-о!

Мырар-папар!

Горти-порти!

Зырзыр дапар!

Синхронный перевод:

Придет отчизны лев, придет!

И лисам шею он свернет!

Явись, Великий Лев!

Мудрейший из мудрейших!

Храбрейший из храбрейших!

Под звуки этой патриотической песни гаснет свет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Тот же бакинский старый двор. Вскоре после наступления утра. Д е д, М у ж ч и н а, Ж е н щ и н а, дети, Д р у г - ж у р н а л и с т, Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц. Древний Д е д сидит на своем привычном месте, и у двери, с краю, неизменная бутылка с неизменным содержимым для анализа. Из комнаты во двор выходит М у ж ч и н а.

М у ж ч и н а (с ироническим пафосом). Здравствуй, о прекрасный мир!
Д е д. Хы?

М у ж ч и н а. Да я не с тобой, дадаш. У меня разговор с этим прекрасным миром.

Д е д. Почему?

М у ж ч и н а (кричит). Кочерыжкой по кочану! (Старик тычет кончиком трости в сторону бутылки.) Нет, дадаш. Сегодня – день воскресный. Лаборатории отдыхают.

Д е д. Кого хаот?

М у ж ч и н а. Никого! Выходной день сегодня! Вы-ход-ной!

Из квартиры доносятся крики.

(Мужчина показывает рукой на свое жилище.) Вот пожалуйста, мой выходной.

Д е в о ч к и с плачем, утирая лицо, выходят во двор в сопровождении матери, следом появляется и М а л ь ч и к.

Ж е н щ и н а. Ладно... Хватит реветь! Впредь он не посмеет! Успокойтесь. Нельзя папу нервировать. У него и без вас забот хватает.

М у ж ч и н а. Что с ними опять? (Девочкам.) Чего нюни распустили?

Ж е н щ и н а (показывая на сына). Его проделки.

М у ж ч и н а. Что ты натворил? Отвечай!

Мальчик молчит.

С тобой говорят!

Мальчик достает из кармана свисток и свистит.

Опять свистишь? (Женщине.) Что он натворил?

Ж е н щ и н а. Выпил весь компот.

Девочки плачут еще громче.

М у ж ч и н а. И ничего им не оставил?

Ж е н щ и н а. Ни капли.

М у ж ч и н а. Совсем обнаглел! И что ни скажешь – свистит.

Ж е н щ и н а. Ты не нервничай.

М у ж ч и н а. Как не нервничать? По геометрии снова «пару» схватил. Математик, знаешь, что мне говорит? Он, говорит, заслуживал единицы, из уважения к вам двойку поставил!

Ж е н щ и н а. Не сердись, ради Аллаха. Ты сегодня должен отдыхать. За-тра у тебя столько дел. (Извлекает из-за выреза платья бумажку, пробегает глазами.) В 11-30 – пресс-конференция... В 12-45 – выступление на симпозиуме по правам человека... В 14 часов – встреча с общественными адвокатами журналиста... Ты должен проинструктировать их перед судебным заседанием.

М у ж ч и н а. Да погоди ты. Значит, ни капли компота сестренкам не оставил?

Девочки режут еще громче.

Ж е н щ и н а. Да перестаньте!

М у ж ч и н а. А что им делать? Компота, Аллах знает, сколько дней еще придется ждать... Я должен наказать шалопая! Сию же минуту! Немедленно! (Озирается по сторонам, не зная, каким образом наказать шалуна. Обращаясь к Деду.) Ну, как мне быть с ним?

Д е д. С ним?

М у ж ч и н а. Да.

Д е д. А что он натворил?

М у ж ч и н а. Весь компот выдул. А фрукты я смогу купить только в следующую полочку.

Д е д. Что же он сделал?

М у ж ч и н а. Выдул весь компот! Сестрам ничего не оставил! Вот они и хнычут!

Д е д. Почему?

М у ж ч и н а. Без компота остались! Вот он все вылакал!

Д е д (тростью указывая на Мальчика). Этот?

М у ж ч и н а. Ну да!

Пауза.

Д е д (*смеется*). Подумаешь! Выпил – ну и пусть.

М у ж ч и н а. Нет! Так же нельзя! Все выпил.

Д е д. И мою долю?

М у ж ч и н а (*Женщине*). И дедушкину?

Ж е н щ и н а. До дна!

М у ж ч и н а. И твою долю!

Д е д (*поднимает трость вверх*). Расстрелять!

М у ж ч и н а. Вот еще!

Д е в о ч к и. Ой-ёй-ёй!

Ж е н щ и н а. Упаси Аллах!

М у ж ч и н а (*смеясь*). Мы вступаем в Совет Европы. И смертная казнь отменена!

Мальчик, дует в свистульку, устремляется к выходу со двора и в дверях сталкивается с Другом-журналистом и Новым азербайджанцем.

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц. Это его отец?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Да.

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц (*Мальчику*). Слушай, папа твой здесь проживает?

Мальчик, задрал свисток, издает свист ему прямо в лицо и убегает.

А х т ы, бузотер!

Новый азербайджанец входит во двор, за ним тащится, крихтя, побитый журналист. Новый азербайджанец надвигается на Мужчину.

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц (*тычет пальцем чуть ли не в глаза*). Этот катит бочку на меня?

Друг-журналист подтверждает кивком забинтованной головы.

Послушай, клеветник! Тебе не стыдно?

Ж е н щ и н а (*испуганно*). Кто это такой?

М у ж ч и н а (*обращаясь к журналисту*). Кто это?

Журналист жестами пытается объяснить, что это и есть его обидчик; при этом украдкой имитирует кулачные удары, как в боксе.

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц. Как это – кто такой? Ты возводишь на меня хулу, созываешь прессу, создаешь комитет в защиту прав этого писаки, прокурору жалобу на меня стряпаешь, экспертизы требуешь, газеты на меня натравливаешь, а теперь спрашиваешь, кто я такой? (*Журналисту*). Слушай, писака, у тебя права, что ли, есть?

Д р у г - ж у р н а л и с т (*поспешно*). Нет.

Девочки, притихнув, жмутся к маме.

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц. Я тебя избивал?

Д р у г - ж у р н а л и с т (*поспешно*). Нет! (*Переводя виноватый взгляд на своего заступника, пожимает плечами, мол, прости, так уж получилось...*)

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц (*потерпевшему*). Что ты собираешься сказать прокурору?

Короткая заминка.

Ну?

Журналист что-то бормочет под нос.

(*Грозно*.) Громче! (*Журналист снова нечленораздельно мямлит*.) Громко, говорю!

Д р у г - ж у р н а л и с т (*наконец, решившись*). Эх, была не была!.. Скажу... (*Показывая на своего заступника*.) ...что этот гражданин говорит неправду... Подбивал меня, давай, мол, покатаем бочку на него (*показывает на Нового азербайджанца*), дескать, побил он меня, и сорвем с него деньги и поделим между собой.

Пауза.

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц. А что было на самом деле?

Д р у г - ж у р н а л и с т. Мне... я...

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц. Ну?!

Д р у г - ж у р н а л и с т. Я... просто...

Новый азербайджанец (*теряя терпение*). Упал с велосипеда, не так ли?

Друг-журналист (*машинально*). Да, упал с велосипеда и покалечился...

Новый азербайджанец (*Мужчине*). Ну, что вышло? Послушай, ты под меня подкапываешься?

Женщина. Ай аман! (*Девочкам*.) Вы идите в дом! Марш отсюда!

Девочки уходят, мать следует за ними.

Мужчина (*Другу-журналисту*). За сколько же продал свою кровь? А, друг-журналист? Не продешевил?..

Друг-журналист (*смутившись, тихо*). ...Такова жизнь, муаллим... Надо как-то выкарабкиваться...

Новый азербайджанец. Чего ты там мелешь?

Друг-журналист (*испуганно*). Ничего! Ничего! (*Расхрабрившись, входит в роль*.) Нельзя же возводить напраслину на столь солидного человека! Как вам не совестно? А еще – муаллим.

Мужчина (*потрясенно*). Эх, бедняга! Эх, горемыка...

Новый азербайджанец (*Мужчине*). Послушай... (*Как бы незначай извлекает из кармана пачку стодолларовых купюр*.) Клянусь твоей жизнью, если завтра же не забереешь жалобу из прокуратуры, мы упечем тебя самого за решетку как вымогателя и шантажиста! (*Журналисту*.) Так ведь? (*Протягивает было купюру ему, но, передумав, кладет пачку в карман, достав из другого ворох денег, запикивает в карман труженика пера*.)

Друг-журналист (*разглядев деньги*). Это же наши манаты...

Новый азербайджанец (*грозно*). Ты чем-то недоволен?

Друг-журналист. Нет, нет! Как журналист, отныне я объявляю бой клеветничеству.

Мужчина (*от потрясения не в силах устоять на ногах, опускается у порога*). Несчастный народ! Затюканный народ!

Женщина (*выбежав во двор*). Что с тобой?

Мужчина. Ничего... Ничего...

Друг-журналист (*Деду*). Привет, патриарх! Как ты?

Новый азербайджанец (*кладя деньги в карман, пристально разглядывает окна, переводя взгляд на входную дверь и показывая на закут, прижимающийся к окнам*). Что это за сооружение?

Друг-журналист. Вот это?

Новый азербайджанец. Да, да.

Друг-журналист. Что это за каморка?

Женщина. Туалет.

Новый азербайджанец. Ага! Ага! (*Что-то прикидывая на глаз*.) Значит, так, центр города. Возле магистрали. В самый раз! Хороший участок. Чуть оттуда, чуть с этой стороны. (*Стремительно идет ко входной двери, выглядывает на улицу*.) Еще оттуда скостим. Здесь прихватим. И все дела. Точка! (*Громко, к хозяевам дома*.) Я покупаю этот участок! Вот за этот туалет плачу три тыщи баксов!

Друг-журналист (*воодушевленно, Мужчине*). Поздравляю. И у вас дела на мази!

Женщина (*вспокоившись*). Как это так – три тысячи... За туалет?..

Новый азербайджанец. Покупаю я этот участок. С потрохами. Построю здесь бензоколонку!

Мужчина (*поднимаясь на ноги*). Черта с два! Ничего ты здесь не построишь!

Новый азербайджанец (*с искренним удивлением*). Почему же?

Мужчина. Потому что здесь живу я! И туалет принадлежит нашему дому!

Новый азербайджанец. А я покупаю!

Мужчина. А я не продаю!

Пауза.

Новый азербайджанец. Пять тысяч даю!

Друг-журналист (*возбужденно*). Бешеные деньги!

Мужчина. Не выйдет!

Новый азербайджанец. Семь тысяч долларов!

Друг-журналист. О-о-о!

Мужчина. Нет!

Новый азербайджанец. Десять тыщ!

Друг-журналист (*от волнения чуть не падает в обморок*). О-о-о! Воды! Дайте воды! (*Хватает бутылку у порога*.)

Женщина (*кричит*). Нельзя!

Друг-журналист. Глотка воды не допросишься у них!

Дед, молча наблюдавший за этими людьми, вдруг как бы очухавшись, тычет кончиком трости в грудь труженика пера.

Дед (*негодуяще*). Поставь на место!

Друг-журналист. Эх, патриарх! Ведь я же о тебе такое накатал... прославил...

Дед (*трясаясь от возмущения*). Поставь на место!

Друг-журналист. Ладно, ладно... А я, глупец, расписывал... еще полста накинул к его возрасту...

Новый азербайджанец (*повторяет*). Десять тыщ долларов!

Мужчина. А я сказал: нет!

Новый азербайджанец. Десять! Тыщ!

Друг-журналист (*заискиваяще*). Продай! Соглашайся!

Мужчина. Нет!

Пауза.

Новый азербайджанец. Ну что это за человек?!

Друг-журналист. Я и сам не пойму, валлах... С прибабахом...

Новый азербайджанец. Ладно. Кончено! Двенадцать тыщ! Завтра пришлю людей – начнем снос.

Мужчина. Вы не посмеете! Это мой дом! Включая туалет!

Новый азербайджанец (*теряя терпение*). Слушай, не выводи меня из себя!

Друг-журналист (*Мужчине*). Не упорствуй. Это в твоих интересах. Не прогадаешь... если он взбеленится, пиши пропало! Ни на что не посмотрит.

Мужчина. Я вас не боюсь!

Короткая пауза:

Новый азербайджанец. Хоть кол на голове теши! Что за человек! (*Друг-журналист разводит руками*.) (*Мужчине*.) Клянусь, я вот возьму эти деньги, накину еще пять кусков, дам кому надо, и тебя вышвырнут отсюда! Весь дом отниму у тебя!

Женщина. Ай аман!

Мужчина. Это еще бабушка надвое сказала!

Новый азербайджанец. А что ты думал? У нас сейчас рыночная экономика, не так ли?

Мужчина. Так-то оно так...

Новый азербайджанец. Демократия?

Мужчина. Ну, демократия.

Новый азербайджанец. То-то и оно. Заявлю: этот дом – собственность моего деда. В свое время коммунисты отняли у нас. Этот дом тебе предоставила советская власть, так?

Друг-журналист (*опережая ответ Мужчины*). Конечно, советская власть!

Новый азербайджанец. Вот и все дела! Что же еще мне остается делать? Я даже плачу тебе деньги, а ты не хочешь вернуть мне мой наследственный туалет! Это противоречит нашей законности. Демократическому строительству. Я прав, журналист?

Друг-журналист. На сто процентов!

Новый азербайджанец. Так-то! Как тебе не совестно? Как не стыдно?

Друг-журналист (*громко*). Стыдно! (*Вполголоса*.) Муаллим, продай туалет. А то и дома можешь лишиться.

Мужчина. Вздор! Чушь! У вас нет никаких документов!

Новый азербайджанец. Какие еще документы? (*Достаёт вновь пачку долларов*.) А это – не документ?

Мужчина. Я подам на вас в суд!

Новый азербайджанец. Ну, тогда отстегнем еще пятьсот баксов. А дальше-то? Что у тебя есть? Ни шиша! (*Подходит к Деду*.) Разве что этого хрыча после смерти сможете продать мединституту, чтобы студенты потрошки его изучали! И только. Вот вся ваша недвижимость. А он, как вижу, и вас переживет!

Мужчина (*срывается на крик*). Убирайтесь! Вон отсюда!

Новый азербайджанец. Слушай, он гонит меня?

Друг-журналист. Эх вы! Разве можно... такого колосса... выставить за дверь?

Мужчина (*кричит*). Убирайтесь!

Женщина. Успокойся! Не нервничай!

Друг-журналист. Ай-яй-яй!

Мужчина. Вон!

Дед, похоже, наконец, соображает суть происходящего и тычет тростью в грудь Нового азербайджанца.

Дед. Пошел!

Новый азербайджанец. Ну ладно! Мы еще расквитаемся! Увидишь! *(Устремляется к выходу.)*

Друг-журналист *(с укором)*. Упустил такие деньги! *(Показывая на бутылку у двери.)* Глотка воды мне пожалели дать. Эх, нутро горит! *(Следует за Новым азербайджанцем. Оба исчезают за дверью.)*

Женщина *(подойдя к Мужчине)*. Ради Аллаха, не бери в голову.

Мужчина. А что, если и возьму? Что могу поделывать?

Женщина. Каково нам будет, если с тобой что-нибудь стряется? О, Аллах! Что я говорю? Отсохни мой язык!

Мужчина. Видишь, и из меня героя не вышло.

Женщина. Ради Аллаха, не переживай...

Мужчина направляется к двери на улицу. Она идет рядом с ним.

Женщина. Знаешь... *(Берет его за руку.)* Хотела сказать тебе ночью... Но скажу сейчас... Когда у тебя портится настроение, сердце у меня обрывает... Скажу... Знаешь... *(С тихой радостью.)* С тебя причитается муштулуг...!

Мужчина. Что?

Женщина. Муштулуг!

Мужчина. Муштудуг?

Женщина. Да!

Мужчина *(улыбаясь)*. Думаешь, нам на долю может выпасть нечто, заслуживающее муштулуг?

Женщина. Конечно!

Мужчина. Да ну?

Женщина. Ну да!

Мужчина. Ладно, муштулуг – за мной. Выкладывай.

Женщина *(смущаясь)*. Нет, сперва гони муштулуг.

Мужчина. Эх, милая, у меня же ничего, кроме пустых карманов. Будто не знаешь.

Женщина. Тогда... напиши мне письмо.

Мужчина. Письмо?

Женщина. Да!

Мужчина. Какое еще письмо?

Женщина. Ну, письмо...

Свет убывает, выхватывая ее лицо.

Муштулуг (азерб.) – награда за добрую весть.

(Предавшись воспоминаниям, мечтательно.) Представим себе, что мы молоды, обручены... И с тех пор не утекло столько воды... И мы не пережили столько тревог и забот... Ни на кого не в обиде... И никто не в обиде на нас... Представим себе, что мы... счастливы... полны надежд... И вся жизнь еще впереди... И мы ждем чего-то светлого... на душе безмятежно, безоблачно, радостно... Представим себе, а? Ты далеко, где-то в благословенных, прекрасных, мирных, обетованных краях... И оттуда написал мне письмо...

Пауза.

Да?

На сцене снова светлее.

Мужчина *(виновато)*. Ладно... Напишу...

Женщина. Даешь слово?

Мужчина. Да!

Женщина. Я буду ждать.

Мужчина. Напишу!

Женщина *(со значением)*. Я была у врача.

Мужчина. У врача? На анализ, что ли, отнесла... бутылку дадаша?

Женщина. Да нет. По своим делам.

Мужчина. По своим?

Женщина. Врач сказал...

Пауза.

Мужчина. Ну?

Женщина *(оглядевшись, шепотом)*. Сказал, что...

Мужчина *(невольно переходя на шепот)*. Что?

Женщина. ... Я беременна...

Мужчина. Да ну?

Женщина. ... Беременна...

Короткая пауза.

Причем, добавил... *(с возрастающим радостным волнением)* на сей раз будет двойня...

Короткая пауза.

М у ж ч и н а. Двойня!
 Ж е н щ и н а. Да.
 М у ж ч и н а (*с глубоким вздохом*). Муштулуг – за мной!

Дед подзывает к себе Мужчину.

Что тебе, дадаш?

Д е д. Сейчас у нас демократия?
 М у ж ч и н а (*кричит*). Да! Да!
 Д е д (*сердясь*). Что ты кричишь? Я не глухой.
 М у ж ч и н а. Да, говорю, де-мо-кра-тия!
 Д е д. Вы тоже демократы?
 М у ж ч и н а. Выходит так...
 Д е д. Хы?
 М у ж ч и н а (*подтверждая кивком головы*). Да!
 Д е д. А я кто буду?

Пауза.

Хы?

М у ж ч и н а. Ты – самый счастливый человек на свете! (*Кричит.*) Самый счастливый человек на свете! (*Кричит еще громче.*) Самый счастливый человек на свете! Самый счастливый... (*Крича, выбегает со сцены.*)

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Старый двор. Полдень. Все семейство, Тетка, Подруга. Дед сидит на своей табуретке, М у ж ч и н а – перед ним.

Д е д. А ты не принес мне витаминов?

М у ж ч и н а. Валлах, мне и перед самим собой стыдно... (*Как бы разговаривая сам с собой.*) Зарплату дадут через три дня... Три дня... когда дети, как птенчики, раскрыв рты, просят есть, эти три дня оборачиваются пыткой... вечностью...

Д е д. Что случилось?
 М у ж ч и н а (*кричит*). Я говорю – твои витамины куплю через три дня!
 Д е д. Хы?
 М у ж ч и н а (*еще громче*). Через три дня получу деньги – тогда и куплю.
 Д е д (*недоуменно*). Вы еще пользуетесь деньгами?
 М у ж ч и н а (*со смехом*). Когда есть – пользуемся.
 Д е д. Хы?
 М у ж ч и н а. Да! Да!

Пауза.

Д е д. А вы еще не построили коммунизм?

Мужчина пожимает плечами. Из квартиры выходит Ж е н щ и н а с явно округлившимся животом.

Ж е н щ и н а. Дети ушли к соседям играть в лото. Смотри, какая благодатная тишина воцарилась.

М у ж ч и н а. Похоже, дети избегают меня...

Ж е н щ и н а. Зачем ты так говоришь? Кто у них еще на свете, кроме тебя? Ты не гляди, что малы, все-то они понимают...

М у ж ч и н а. Ну и что с того? Разве с пониманием приходит облегчение мытарств? Какую газету ни развернешь, занимаются моим изобличением как «клеветника». Благо, нашего мальчика пока ничего, кроме свистульки, не заболит. Только и знает, что «пары» хватать по геометрии. А девочки, вижу, переживают...

Ж е н щ и н а. Ради Аллаха, не придавай значения. (*Деду.*) Пока дети не вернулись, лежи, отдохни как следует.

Д е д (*уставившись на нее, поднимает трость и кричит*). Витамин!

Пауза.

Витамин! (*Уходит в комнату.*)

М у ж ч и н а (*ерошит рукой свои волосы*). Проклятье бедности! (*Смеется.*) Я настолько беден, что знакомцы даже подозревают, может, я и впрямь оклеветал этого костолома, чтобы выудить у него деньги. Вчера в школе директор, знаешь, что мне говорит? Не беда, говорит, не обращай внимания на газет-

ную шумиху, поделом этому типу, хорошо ты его размазал... То есть, понимай, я его «размазал», чтобы раскошелить...

Ж е н щ и н а (со слезами в голосе). Хватит!

М у ж ч и н а. А этот учитель математики так зло зыркает на меня... Мол, у такого папаша такой и сын...

Ж е н щ и н а (показывает на свой живот). Мне нельзя плакать!..

М у ж ч и н а. Ладно.

Ж е н щ и н а. Договорились?

М у ж ч и н а. Да.

Ж е н щ и н а (обнимая его). Вот так. (Целует.) Знаешь, я думаю, может...

М у ж ч и н а. Что «может»?

Ж е н щ и н а. Но ты не сердись.

М у ж ч и н а. Чего теперь уж сердиться.

Ж е н щ и н а. Может быть, нам продать этот... туалет?

Пауза.

М у ж ч и н а. А как же без него?

Ж е н щ и н а. Есть поблизости...

М у ж ч и н а. Где же?

Ж е н щ и н а. На бульваре...

Короткая пауза.

М у ж ч и н а. Что ж, каждый раз на бульвар тащиться?

Во двор выходит Д е д с бутылкой в руке, ставит ее в угол и опускается на табуретку.

Ж е н щ и н а. Ну что с того. Двенадцать тысяч... долларов. Как представишь – ум за разум заходит. А впереди зима...

Свет убавляется и остается освещенным только лицо Женщины, и она опять предается мечтам.

Куплю девочкам по пальтишку. Две пары туфель... На лето и на зиму... Каждой по новенькому портфелю... Мальчик, машаллах¹, растет... а одеться не во что.

¹ Машаллах – браво, молодец! Здесь – в значении «не сглазить».

Девочки хоть обноски могут одеть, а у сыночка – ничего... Купила бы ему хороший костюмчик... пальто... теплую шапку... А тебе... один... нет, два, нет, три красивых галстука... Сорочки... И еще бы новый телевизор для дома...

М у ж ч и н а (перебивая). А дадаш?

Сцена вновь освещается вся.

Ж е н щ и н а (увлеченно). А дадашу – меховую шапку, теплые ботинки, витамины... И еще не мешало бы приличный костюм... А то, в чем впервые увидела его – в том и ходит.

М у ж ч и н а. Я не о том. А куда он будет ходить по нужде?

Ж е н щ и н а (смешавшись). Ну... ты и его на бульвар проводишь, при случае...

М у ж ч и н а. А при моем отсутствии?

Ж е н щ и н а. Тогда... Тогда придется мне...

М у ж ч и н а (выходит из себя). В мужской туалет?!

Д е д. Да они вроде глухие! Послушайте, не можете, что ли, нормально разговаривать?

Во двор входит П о д р у г а.

П о д р у г а (расстроенным тоном). Салам.

М у ж ч и н а. Салам. Похоже, ты не в духе. У тебя неприятности?

П о д р у г а. Ох, и не спрашивай... Вхожу в кабинет к шефу, с компьютерной распечаткой, вижу, он взирает на вашу фотографию в газете и головой качает.

Ж е н щ и н а. Головой качает?

П о д р у г а. Да...

Ж е н щ и н а. А ничего не сказал?

П о д р у г а. Сказал... «Ай-яй-яй!...»

Ж е н щ и н а. Сам он «ай-яй-яй»...

Мужчину разбирает смех.

П о д р у г а (задетая). Нет уж! Он вам не «ай-яй-яй!»! Он занят большими государственными делами. И все принимает близко к сердцу. Вы бы видели, как он переживал! Как при виде вашего снимка в газете огорчился. «Ай-яй-яй!» – это был крик души...

Женщина. А ты не объяснила ему, что клеветники – эти самые оплаченные борзописцы?

Подруга. Как было сказать! *(Чуть не плача.)* Когда я его застала в таком потрясении, у меня комок подкатил к горлу. *(Пытаясь взять себя в руки.)* Дедушка, как вы?

Дед *(пристально всматриваясь в нее, поднимает трость)*. Витамин!

Подруга. Что-что?

Мужчина *(смеясь)*. Да ничего, пустяки. Дай-ка сварганю ему что-нибудь, принесу. *(Входит в дом.)*

Подруга *(растроганно)*. Валлах, я знаю, у тебя золотой муж. Даже, положим, он хотел содрать с этого зажавшегося хапуги деньги. И очень хорошо бы сделал.

Женщина. Что ты говоришь? Разве можно такое позволить себе?

Подруга. Ну, я к примеру говорю, к примеру. Как вот он печется о своем дедушке...

Женщина. Да... Но, по сути, он мужу и не дедушка.

Подруга *(удивленно)*. А кто?

Женщина *(показывая на старика)*. Его внук доводится прадедом моему мужу.

Подруга. Погоди, погоди... Ты меня запутала... Выходит, твой муж – его правнук... нет, праправнук?

Женщина. Выходит, так, но кое-кто из родичей считает, что он наш предок в шестом или седьмом колене...

Подруга *(глядя на Деда, проникается жутким трепетом)*. Ай аман!.. А где же остальные предки?

Женщина. Скажешь тоже... Они давным-давно в раю!..

Подруга. Как можно так долго жить! *(Понизив голос, Женщине.)* Должно быть, в наказание за грехи...

Женщина. Кто знает? Знаю только, что при советизации он в ЧК работал. В НКВД... И еще – кто в этом мире без греха?

Подруга. Почему? Есть.

Женщина. Кто, например?

Подруга. Наш вице-премьер!

Дед *(показывая тростью на Подругу)*. Кто она такая?

Женщина. А ты не узнал, дадаш? *(Громко.)* Подруга же моя!

Дед. Хы?

Женщина. Подруга, говорю, моя!! Одноклассница!

Дед. Учились в одном классе?

Женщина. Да!!!

Дед. Что с того, что с тобой училась. Еще в соку она.

Мужчина выходит из комнаты с подносом в руках и ставит поднос с едой перед предком. В этот момент во двор с портфелем в руке, как всегда, стремительно входит Тетка.

Тетка. Салам, салам дамам, господам!

Дед *(ворча)*. Опять принесла нелегкая!

Тетка. Слышали новость?

Мужчина. Что случилось? Снова переворот в Стране Кисельных Берегов?

Тетка. Да при чем тут Кисельные Берега! Тут у нас такой переполох! Такой шум я подняла... А ты мне про Кисельные Берега... Молочные реки... Я создаю Общество гражданской любви «Упокой».

Мужчина. «Упокой»?

Тетка. Да! Я становлюсь председателем президиума! Не будь этой твоей истории насчет клеветы, прочего, я бы ввела тебя в состав президиума. Но не обессудь, пока это невозможно. Мой имидж должен быть безупречен. Так считает и мой сосед Идрис-ага!

Мужчина *(усмехаясь)*. Не беда. Пусть будет так, как считает Идрис-ага. А что это за Общество?

Тетка. Изъявление великой любви к нации...

Мужчина. А что это за прилив нежных чувств? Замуж, что ли, нацию выдаешь?

Тетка *(подмигнув Деду)*. Твой потомок только и знает, что на замужество намекать, о женитьбе говорить.

Дед настороженно взирает на Тетку, потом, обхватив поднос, отворачивается, как бы опасаясь, что та присоединится к его трапезе.

Но есть одно обстоятельство... Боюсь, вдруг эти борзописцы пронюхают, что ты мне доводишься родичем, тогда выйдет закавыка... Если такое произойдет – будем... отрицать! Усек? Это, знаешь, мир политики!.. И я буду открещиваться от родства, и ты отрицай.

Женщина. А-а-а!

Мужчина. Ладно, хала. Не бойся.

Тетка. Ну, это временно... временно... Эх... Сам же ты виноват. Если уж надумал распотрошить этого подлеца, надо было и меня привлечь к делу. Ты бы поглядел, как я ему глаза выцарапала!

Ж е н щ и н а. Да что вы мелете? Думаете, что газетный бред, оплаченный этим прохиндеем, – правда? У меня больше нет слов!

П о д р у г а (*вполголоса, Женщине*). Уж эта бой-баба расколола бы того прохиндея.

Ж е н щ и н а. Что?

М у ж ч и н а (*улыбаясь*). Ай хала, ай хала... ладно, закроем тему... Итак, ты взялась за нацию... и речь не о замужестве...

Т е т к а. Речь о патриотической любви к нации...

М у ж ч и н а. А разве бывает непатриотическая любовь к нации?

Т е т к а. Вот видите! Потому-то мне так трудно приходится! В этом народе еще не сформировались национальные чувства! Ладно... ты говоришь, что у тебя не было намерений сорвать с того негодяя деньги, на тебя клеветают, так? Ну что ж, положим, что это так и есть. А ты, между прочим, рвал и метал, надрывался ради того журналиста! Верно? Защищал справедливость! Да? И чем все обернулось? Твой же подопечный против тебя пошел! Почему? Потому что нет чувства национального достоинства! Потому я решила твердо: биться насмерть! Я – человек действия. Борьба – моя стихия. Я буду сражаться, трудиться во имя нации до последнего вздоха!

П о д р у г а (*задавая за живое, вполголоса*). Будто наш вице-премьер не трудится во имя нации!

М у ж ч и н а. Все это понятно, ай хала. А чем будет заниматься твое Общество?

Т е т к а. О-о-о! Это никому не придет в голову. Это я сама определяла по зрелом размышлении. Это плод моих бессонных радений во имя нации моей! Я столько размышляла, ломала голову, что едва не поседела!

Д е д (*жуя пищу, обращается к Мужчине*). О чем она? (*Подставляет ухо*.)

М у ж ч и н а (*ему на ухо*). Говорит, столько о народе думала, что едва не поседела.

Д е д. Так у нее и черных волос на голове не осталось.

М у ж ч и н а. А волосы, не видишь, смоль?

Д е д (*ухмыляется*). Какой ты внук мне? (*Пальцем манит: мол, приблизь ухо*.) Она краску наложила! (*Давится хохотом*.)

Т е т к а (*показывая бумаги, извлеченные из портфеля*). Вот! Наше Общество «Упокой» возродит духовные узы нации с древними истоками!

П о д р у г а (*иронически, вполголоса*). Подумаешь! Наш вице-премьер каждый день говорит о духовных истоках нации!

Т е т к а. Сколько наших соотечественников эмигрировало – в Турцию, в Иран, в Европу, когда устанавливали океанную советскую власть! Остались

мыкаться на чужбине, тоска по родине жгла, испеляла их души, скитальчество изводило их, и горькие слезы застили их очи...

Ж е н щ и н а (*дрогнувшим голосом*). Мне нельзя плакать. (*Не может сдерживать всхлипывания*.) Бедняги!

Т е т к а. Так и окончили свои дни на чужбине, изгой и изгнанники... Умерли... Холодея, уснули вечным сном на чужой земле... Наше Общество займется поисками здешних родственников умерших за границей, заключит с ними договоры, обеспечит перезахоронение останков, доставит их из холодных могил чужих стран и предаст родной земле! Со всеми почестями! И на могилах соберемся на митинги, будет звучать гимн нашей суверенной республики! И склонится трехцветное знамя наше над прахом сынов Отечества! И еще – наше Общество не остановится и перед критикой правящей администрации, если потребуется!

П о д р у г а (*не выдержав, запальчиво*). Нет уж! Администрация делает все, что возможно, для утверждения демократии в Азербайджане! Наш вице-премьер, например, участвовал на заседании Совета Безопасности Европы!

Т е т к а. Ну и что? Мы думаем о трагической участи наших сонародников, смеживших веки на чужбине со стоном на устах: «Родина...»

Ж е н щ и н а (*всхлипывая*). Не надо говорить душераздирающие вещи! Мне нельзя плакать!

Т е т к а (*не обращая внимания*). Но мы не можем оставлять тела этих несчастных людей в чужих краях! Их скорбный дух не простит нас! А если родственники, которые здесь, не заключат с нами договор на перезахоронение и не внесут оплату загодя, то, значит, они своим карманом дорожат больше, чем родной землей и патриотическим долгом. Мы будем проводить митинги и выведем их на чистую воду! Разоблачим! Ославим в печати! Опозорим! Такого жару зададим, что их матери ревмя заревут!

Ж е н щ и н а. Упаси Аллах!

П о д р у г а (*вполголоса*). С нее станется! От такой можно ожидать все что угодно!

Т е т к а. Да! Нельзя жлобствовать, если речь идет о национальном долге! Покойный мой супруг говорил...

М у ж ч и н а (*перебивая*). Который твой супруг?

Т е т к а (*раздраженно*). Что за вопрос?

М у ж ч и н а. Спрашиваю, о которой половине ты говоришь? Об Ахмед-дан, или Гасан-киши, или Мамед-ами, или же о злосчастном Натане Соломоновиче?

П о д р у г а. Ого-го-го! (*Тихо, женщине*.) Богатая коллекция!

Т е т к а (*с оскорбленным видом*). Сам-то ни черта путного не можешь, даже с одним пустошлыстом не управиться, а нас конфузишь перед честным

народом! И твой отпрыск ничего не умеет, кроме как в свистульку дуть! Вот увидишь, он и станет дудочником! (*Направляясь к уличной двери.*) Вот! Вот ваше национальное самосознание! Потому и нация докатилась до такого состояния! Я денно-нощно думаю об участи моего народа. Но что я могу поделать? В чем я провинилась? Когда человек не при должности, то всякий норовит поизгаляться! (*Махнув рукой.*) Больше ноги моей не будет в этом доме! (*Яростно хлопает дверью.*)

П о д р у г а (*смуценно*). Нехорошо вышло...

Дед подзывает к себе Мужчину.

М у ж ч и н а. Что, дадаш?

Д е д. Поднеси ухо. (*Тихо, на ухо Мужчине.*) Не ты ли говоришь, что ты мой внук?

М у ж ч и н а. Так и есть.

Д е д. Значит, твой долг – ухаживать за мной.

М у ж ч и н а. Я и делаю, что в силах.

Д е д. Плохо заботишься.

М у ж ч и н а. Почему?

Д е д (*показывая на Подругу, беседующую с Женщиной посреди двора*). Во-он!

М у ж ч и н а (*проследив его взгляд*). А в чем дело?

Д е д (*кивает в сторону Подруги*). Вот же она.

М у ж ч и н а. Ну, она. Что с того?

Д е д. Как это что с того? Ты же говоришь, что мой внук.

М у ж ч и н а. Ну?

Д е д. Жени меня на ней!

М у ж ч и н а (*вытаращив глаза*). Что-о?

Д е д. Жени меня на ней!

Короткая пауза.

Что молчишь?

М у ж ч и н а (*смеясь*). Но ведь не пойдет она за тебя.

Д е д (*удивленно*). Почему? Лучше меня, что ли, найдешь?

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Дом. М у ж ч и н а, Ж е н щ и н а. На сцене темно. Луч света падает на Мужчину в левом углу сцены, пишущего за столиком письмо. Погодя свет падает и на Женщину, стоящую справа на авансцене и читающую письмо, которое держит в руках. Ясно видно, что Мужчина взволнован; порой он в раздражении комкает и рвет начатую страницу, начинает писать заново, закуривает сигарету; подчас, оставив ручку, погружается в думы, обхватив голову, и т.д.

Письмо озвучивается из-за кулис голосом Мужчины.

Г о л о с М у ж ч и н ы. Дорогая, любимая, прекрасная моя! Вот и мое письмо! Вот и мой тебе муштулуг! Наверно, в этом распрюклятом мире ни один уважающий себя мужчина никогда не преподносил своей жене подобный «муштулуг»! Признаться, поначалу я не хотел писать это письмо...

Ж е н щ и н а (*с волнением*). И зря...

Г о л о с М у ж ч и н ы. Но ведь это смешно... жить под одной крышей, класть голову на одну подушку, быть с женой рядышком, у себя дома, и, на ночь глядя, писать письмо своей благоверной... Но что поделаешь? Ты пожелала получить с меня муштулуг, вот он. Прости, милая моя, прости... Прости, что ничем иным не могу вознаградить тебя... Прости, что не смог сделать тебя счастливой...

Ж е н щ и н а (*с еще большим волнением*). Хватит. Мне нельзя плакать...

Г о л о с М у ж ч и н ы. Знаешь, чего я боюсь сейчас? Кончится лето, минует осень, придет зима, и ты опять облачишься в старое зеленое пальто. Вот уже восемнадцать лет, как ты носишь его! Думаешь, я не замечаю этого!

Ж е н щ и н а (*не в силах сдерживать слез*). Почему же?... Я так не думаю...

Г о л о с М у ж ч и н ы. Я боюсь вот опять увидеть это пальто на тебе, милая... Что с того, что ты об этом и не заикаешься? Я давно пытаюсь... лет пятнадцать... купить тебе новое пальто... но никак не получается...

Ж е н щ и н а (*плачет*). Не надо мне!.. Валлах, не надо... Что за важность – пальто, чтоб ты переживал! Я, клянусь Аллахом, давным-давно забыла о том, что надо сменить его... Не бери в голову!.. Не бери!..

Г о л о с М у ж ч и н ы. Что ты видела в этой жизни? Что ты видела, кроме дороги между этим убогим жилищем и роддомом? Ничегошеньки!.. Но, клянусь, все эти годы я бился, вкалывал, чтоб выкарабкаться из нужды... Увы...

Ж е н щ и н а. Я знаю.

Голос Мужчины. Что поделаешь. Меня хватило на то, что есть. И тебе судила судьба такого избранника...

Женщина. Паду ради тебя! Перейму печали твои!..

Голос Мужчины. Была ты молодая, красивая, романтическая девушка. Я до сих пор помню те твои грезы, мечтания и чаянья... Жизнь пронеслась в мгновенье ока... Столько воды утекло, но быстротекущее время не может утишить нашу боль по несбыточному счастью... Твои грезы, мечтания, романтические порывы истаяли, сгнули в потоке монотонных, серых лет, в этой углой хибаре, в криках и гвалте наших детей... «Сколько купить масла – сто или полтора грамма?» «Хватит ли сегодня денег на фрукты?» «Достаточно ли трех буханок?..» «Кому из детей спать в кровати, кому – на полу?» «Как то, как се, как анализы дадаша?..» Как могла вынести твоя прекрасная романтика эту жалкую прозу ежедневных забот, прикидок, расчетов?.. Любимый мой человек! Прости меня! Аллаха ради, прости меня!

Женщина (давясь слезами). Нет, это ты прости меня... прости, что не могу помочь тебе!

Голос Мужчины. Гляди, на каком же дне жизни мы находимся, что какая-то пресная пресс-конференция... создает иллюзию самоуважения, респекта, благоденствия! Но, увы, и тут мошна взяла верх над честью, и я еще раз выставил себя перед тобой, детьми, дадашем (хоть ему многое невдомек), перед всеми вами недотепой, лохом, простофилей, от которого ждать нечего!

Женщина. Нет... нет, это не так... не так!

Голос Мужчины. В те безмятежные времена глазам твоим чудились ослепительные огни радужного будущего, а теперь тебе мерещатся домовые, нечистая сила!.. Не знаю, помнишь или нет, но я никак не забуду... Столько лет прошло, но те минуты до сих пор со мной, во мне, я вновь переживаю их, но теперь они окутаны печалью и горечью... Тогда... до Нового года оставалась пара часов... Нового тогдашнего года... Теперь уже старого, одряхлевшего, отжившего года... Ты только что купила новое зеленое пальто, шикарное новое пальто... Оно тебе очень шло... Тогда я не думал не гадал, что спустя годы это пальто каждую зиму будет мне немым укором. Я не думал не гадал, что каждый раз, в канун зимы, буду с таким униженным страхом ждать появления этого неизменного пальто... Я этого тогда не знал. Тогда и ты не знала этого... Тогда я любил это прекрасное зеленое пальто на тебе... Мы сели в трамвай, ехали к друзьям, чтобы встретить Новый год... Трамвай вез нас в Новый год... В трамвае, кроме нас, была старая кондукторша, задремавшая на сиденье впереди... А мы стояли и смотрели сквозь окна на ночной город. Мимо проносились старые

бакинские кварталы. Трамвай вез нас в новый мир, и в этом новом мире все было маняще новым, радостным, феерическим... В том мире, куда увозил нас трамвай, не было и следа от этой углой хибары, где мы прожили восемнадцать лет... Кому бы пришло на ум, что в том новом мире водятся домовые, всякая нечисть?.. Вдруг ты зябко поежилась, и я обнял тебя... Помнишь?..

Женщина (взволнованно). Помню. Конечно, помню.

Голос Мужчины. «Холодно», – сказала ты. Расстегнув пуговицы твоего замечательного зеленого пальто, я крепко-крепко прижал тебя к себе... «А вдруг обломаю тебя?» – сказал я. «Обломай!» – был твой ответ. Помнишь?

Женщина (не в силах сдерживать рыданий). Да... да... да...

Голос Мужчины. Потом ты поцеловала меня... Жар того поцелуя, тепло твоего дыхания все эти годы всегда оставались во мне... в моем существе... Валлах, это так, хотя я не смог одарить тебя счастьем, сил моих не хватило, но это так...

Женщина (с тем же волнением). Разве я не знаю. Знаю же, знаю...

Голос Мужчины. В те минуты, в те предновогодние мгновения трамвай, пустой, порожний трамвай, где были мы с тобой и клюющая носом кондукторша, вез нас в новый мир, в будущее. В тот момент нас, похоже, ждала станция под названием «Будущее», светлая, чистая, озаренная радостью, и мы устремились туда! На станцию, которой нет ни на одной карте железных дорог мира! Я тогда не знал, что эта станция «Будущее» на самом деле окажется удручающей реальностью, полной забот, пространством, где нет отдушины!.. И я привез и приковал тебя к этому замкнутому закутку... где нечем дышать... прости меня... Мне остается только просить у тебя прощения! И отблагодарить тебя таким вот «муштулугом!» Прости, дорогая, хорошая моя, прости, прекрасная душа!

Женщина (плача). Нет! Это ты прости меня... прости, что невольно стала причиной твоих душевных терзаний... стала обузой тебе...

Голос Мужчины. Иногда я думаю, стоит ли так казнить, на свете миллионы равнодушных, бесстрастных людей, которым всё трин-трава, вот и я пусть буду одним из них...

Женщина. Хватит! Ради Аллаха, хватит! Ты не бездушный сухарь! Ты... ты... самый лучший, самый единственный человек на свете!

Голос Мужчины. Я ничем не смог проявить себя в этом мире... И ты ничего не смогла увидеть на свете, кроме, прости, этих анализов дадаша... ну, ладно, у меня все пошло прахом... Но я и тебя обратил в заложницу пустоты... Допустим, ты смирилась... Но кем станут наши дети, что с ними станет? Семеро девочек. И мальчик... хватающий двойки еженедельно и посовистываю-

щий в ответ на нотации... И еще, говоришь, двойня на подходе... Час добрый! Милости просим! Добро пожаловать в этот бренный мир... Но, право слово, сообрази они, что им выпал жребий пополнить нашу семью, то, может, они бы и не рвались на свет Божий...

Ж е н щ и н а (плача). Не говори так! Не говори!

Г о л о с М у ж ч и н ы. Похоже, я совсем сдурил... Кто может знать волю Провидения? Может, судьба у них сложится счастливо?..

Ж е н щ и н а. Да!.. Конечно же!.. Милостью Аллаха!

Г о л о с М у ж ч и н ы. Ведь не вечно же мир пребудет таким!.. Или мы обольщаемся утешительными иллюзиями о переменах к лучшему? Наверно, так оно и есть... не знаю... изменится ли мир когда-нибудь или нет – не знаю, но знаю, что я обездолил тебя, о мать восьмерых... нет, десятерых детей! Сейчас я вот пишу тебе письмо, а в сердце уже закрадывается страх завтрашнего дня!.. Судя по моим делам, предвижу, что этот нахрапистый аферист отнимет у нас туалет!.. Как обходиться тогда? Ну ладно, мы ходить умеем... А дадаш? Каково ему будет? Он же по десятку бутылок в день на анализ выдает... Эх, что и сказать... Прости меня, дорогой мой человек! Прости...

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Страна Кисельных Берегов. Камышовая хижина. Первый и Второй Красноштанники. Первый, Второй, Третий Желтоштанники.

Двое красноштанников вполосенно вбегают в хижину.

И К р а с н о ш т а н н и к (крича, запыхавшись). Вын диг вызбыз Маркс, Ленин, абпыг дивдив!

Синхронный перевод из-за кулис: Да здравствуют бессмертные идеи Маркса, Ленина!

П К р а с н о ш т а н н и к (показывая на большой портрет Маркса, висящий на стене). Пипив дырпыр чичо!

Синхронный перевод: Жизнь его в опасности!

И К р а с н о ш т а н н и к. Бобо! Мир дибир бро!

Синхронный перевод: Да! Мы должны спасти его!

П К р а с н о ш т а н н и к. Тырпыт мигол голголдон бу сосо!
Синхронный перевод: Он должен остаться грядущим поколениям как реликвия от нас!

И К р а с н о ш т а н н и к (торопливо сняв портрет Маркса со стены, оглядывает хижину). Фыртыр бо дугб тррр джиг!

Синхронный перевод: Мы должны спрятать это в очень надежном месте!

П К р а с н о ш т а н н и к (показывая на грудь хлама в углу). Момо гогоф ба фаббаб!

Синхронный перевод: Вот это очень надежное место!

И К р а с н о ш т а н н и к. Досс! Со молбо дугнуш!

Синхронный перевод: Это никому не придет в голову!

П К р а с н о ш т а н н и к (целуя портрет в руках у соплеменника, расстраивается до слез). Сиси диз бубуз!

Синхронный перевод: Прощай, дорогой учитель!

И К р а с н о ш т а н н и к (лобызая портрет). Гыгыз мызмыз Горбачев бобо!

Синхронный перевод: История не забудет предательства Горбачева!

П К р а с н о ш т а н н и к. Дордо лоби гур-мур поо!

Синхронный перевод: Его постигнет возмездие!

Доносятся шум, крики. Оба красноштанника торопливо прячут портрет Маркса под кучей хлама. Трое Желтоштанников в беге врываются в хижину и, сразу накинувшись на Красноштанников, хватают их и начинают душить.

И К р а с н о ш т а н н и к (на последнем издыхании). Зыгмаг вив див коммунизм!

Синхронный перевод: Коммунизм будет жить вечно! (Умирает.)

П К р а с н о ш т а н н и к (на последнем издыхании). Быр тыр коммунизм мыг выг-выг! (Умирает.)

Синхронный перевод: Я приношу в жертву жизнь во имя коммунизма!

И Ж е л т о ш т а н н и к (швыряя наземь труп Первого красноштанника). Дыг коммунизм! Див император!

Синхронный перевод: Долой коммунизм! Виват император!

П Ж е л т о ш т а н н и к (кидая труп второго задушенного красноштанника на тело первого). Див император!

Синхронный перевод: Да здравствует император!

И Ж е л т о ш т а н н и к (показывая на стену, где пустует место портрета Маркса). Бомбу Маркс?

Синхронный перевод: Где Маркс?

II Желтоштанник. Мыхмых дых!

Синхронный перевод: Надо поискать!

I Желтоштанник. Дыг коммунизм! Див император Домбо-Бомбо

Джиб Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыр!

Синхронный перевод: Долой коммунизм! Да здравствует император Великий Лев Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыр!

II Желтоштанник (*пиная трупы, торжествуяще*). Див император!

Синхронный перевод: Да здравствует император!

Все трое вытягиваются в струнку и, приложив руку к уху, поют дифирамб:

Дырым бырым мир дыды!

Гырым Домбо-Бомбо Джиб!

Отиби Молими Делембор Тыр-тыр!

Дунга добу монду фыр!

Зоа роппо оду сырр!

Суно миро Домбо-Бомбо,

Суно миро Домбо-Бомбо!

Синхронный перевод из-за кулис:

О нации отец и мудрый властелин!

О славный император, Великий Лев!

Отиби Молими Делембор Тыр-Тыр!

Живи тысячу лет, тысячу лет!

Всемирный гениальный вождь!

Веди в грядущее нас!

Веди в грядущее нас!

Внимательно осматривают и обшаривают хижину.

III Желтоштанник (*показывает на кучу барахла*). Дыр мыр!

Синхронный перевод: Пошуруем там!

I Желтоштанник (*глядя на кучу*). Мир фир онна бунна! Фошту тошту гыррр!

Синхронный перевод: Они безграмотные лисы! Им и в голову не придет!

Снова шарят глазами.

III Желтоштанник (*вновь указывает на груды барахла*). Дофи бо мор тити.

Синхронный перевод: Но ведь иного схрона не придумать.

I Желтоштанник. Фууу...

Синхронный перевод: Похоже...

Все трое подбегают к куче и, разворотив тряпье, извлекают портрет Маркса. Бросив его наземь, топчут ногами.

I Желтоштанник (*топча портрет*). Дыг Маркс!

Синхронный перевод: Проклятье Марксу!

II Желтоштанник (*топча портрет*). Див император! Див Домбо-Бомбо Джиб Отиби Молими Делембор Тыр-Тыр!

Синхронный перевод: Да здравствует император! Да здравствует Великий Лев Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыр!

III Желтоштанник (*плюя на портрет*). Джинджи бо! Фонти гогош шорда нобб!

Синхронный перевод: Гениальный вождь! Путеводная звезда человечества!

I Желтоштанник. Ори! Тум бум горо!

Синхронный перевод: Пошли! Нас ждут великие дела!

Собираются покинуть хижину.

II Желтоштанник (*алчно пляясь на трупы двух красноштанников*). Готити джуд буд до?

Синхронный перевод: Может, поташим их с собой и сожрем?

I Желтоштанник. Доо! Коммунист фыр тыты!

Синхронный перевод: Нет! Коммунисты – погань!

III Желтоштанник (*облизываясь*). Фын папы гууу...

Синхронный перевод: И у меня под ложечкой сосет...

I Желтоштанник. Пырр! Див Домбо-Бомбо!

Синхронный перевод: Нельзя! Да здравствует Великий Лев!

Бегом покидают сцену.

Свет гаснет.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Баку. Улица. Журналисты.

На сцене темно, и в этой темноте неожиданно раздаются возбужденные голоса теле- и радиодикторов, передающих сенсационное сообщение.

Диктор. Кровопролитные бои в Стране Кисельных Берегов прекратились. По сообщению агентства Рейтер, многолетняя гражданская война в этой республике завершилась полной победой монархистов.

Диктор ш а. Би-Би-Си сообщает, что вчера в кисельнобережной столице Гринбоб-Зыр-Зыр создан Временный Высший Совет. На первом заседании Совета Страна Кисельных Берегов объявлена империей.

Другой Диктор. Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщает, что принц Великий Лев, проживавший в эмиграции, провозглашен императором страны под именем Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыр. Одновременно город Гринбоб-Зыр-Зыр в честь его императорского величества переименован в Делембор-Тыр-Тыр.

Другой Диктор. Агентство Синьхуа распространило сенсационную весть о том, что император Страны Кисельных Берегов его величество Великий Лев Отиби III Молими Делембор Тыр-тыр живет в столице Азербайджанской Республики городе Баку. Агентство Франс-Пресс, подтверждая эту информацию, сообщает, что делегация с Кисельных Берегов в составе высокопоставленных чинов и вождей племен вылетела специальным авиарейсом в столицу Азербайджана для проведения переговоров с его императорским величеством и возвращения его в Страну Кисельных Берегов. Церемония коронации назначена на 11 октября 2000 года.

Другой Диктор. Азеринформ сообщает, что Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан выступил с заявлением в связи с событиями в Стране Кисельных Берегов. Господин Кофи Аннан выразил удовлетворение окончанием кровопролитного противостояния и надежду на то, что наконец в этой многострадальной стране водворятся мир и стабильность.

Другой Диктор. Президент Соединенных Штатов Америки Билл Клинтон направил поздравительную телеграмму императору Страны Кисельных Берегов Великому Льву Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыру и выразил

надежду на дальнейшее развитие связей между США и этой африканской страной и утверждение демократии на Кисельных Берегах.

Другой Диктор. Президент Корейской народно-демократической республики Ким Чен Ир заявил...

Внезапно возникший шум заглушает голоса дикторов, и сквозь темноту мы можем только различать тени мечущихся и возбужденных сенсационной новостью людей.

Крики:

- Сенсация!
- Шокирующая новость!
- Африканский император – гражданин Азербайджана!
- Неслыханное событие!
- Делегация Страны Кисельных Берегов прибывает в Азербайджан!
- Азербайджан – в центре внимания мировой общественности!

Сцена освещается. Журналисты, пришедшие в раж, похожие на оголтелую стаю саранчи, с шумом, криками продвигаются в поисках дома, где живет объект их внимания.

Журналисты:

- Это – номер пятнадцать!
- Значит, дальше...
- Потихе, камеру опрокинешь!

Телерепортер. Включай свет! Камера! Начали! *(Делает улыбку.)*

Уважаемые телезрители! Мы ищем дом, где обосновался император Страны Кисельных Берегов его величество Великий Лев Обиби... простите, Отиби Третий... Молини... извините... Молити... Даламбер... то есть, Делембор Тыр-Тыр...

- Вот этот!
- Нет!
- Сто десятый номер!
- Это – впереди! И по другую сторону!
- Куда ты прешь!
- Я – первый!

Телерепортер. Ага! Понял! Я там бывал! Я их знаю! Снимай меня в профиль! *(Делает улыбку.)* Дорогие телезрители...

Свет гаснет.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Старый двор. Полдень.

Дед. Мужчина. Женщина. Тетка. Подруга, Друг-журналист, Новый азербайджанец, Телерепортер, Начальник полиции, Заведующий протокольной частью, Генералиссимус, I негр в желтом мундире,

II негр в желтом мундире, граждане Страны Кисельных Берегов, корреспонденты, полицейские.

Дед, сидя, подремывает на привычном месте. На том же месте и бутылка с мочой. Мальчик, размахивая портфелем, возвращается из школы, останавливается перед Дедом, затем перед бутылкой с мочой и козыряет, затем достает свистульку и громко свистит.

Дед (*встрепенувшись, громко*). Да здравствует товарищ Дзержинский!

Мужчина (*выходя из комнаты*). Опять ты свистишь? А? Нет! Конечно! Так дальше не может продолжаться! Я должен задать тебе крепкую головоломку!

Женщина (*следом за ним выходя во двор*). Ребенок из школы, дай ему перекусить хоть.

Мужчина. Нет уж! Верно тетушка говорит: если так дальше пойдет, он и впрямь дудочником станет! (*Сыну*). Опять «пару» схватил? А?

Дед (*уставясь на Мужчину, показывает на дом*). И ты здесь живешь?

Мужчина. Да! Да-а-а!

Дед. Я тоже?

Мужчина. Да!

Дед. Хы?

Мужчина. Да, говорю, да!

Дед (*окидывая взглядом дом*). Не мог подыскать приличное жилище?

Мужчина. Не мог!

Дед. Хы?

Мужчина. Не мог! На этом свете нет для меня приличного дома!

Женщина. Зачем ты так говоришь?

Мужчина. Так оно и есть.

Дед. Хы?

Мужчина. Я говорю: нет на этом свете для меня приличного пристанища!

Короткая пауза.

Дед. Как знать...

Женщина (*ухватившись*). Вот видишь... Как верно сказал даш! Как вовремя!

Тетка с портфелем в руке, запыхавшись, входит во двор.

Тетка. Ой... ой... дайте воды мне напиться... Воды!

Мужчина. Что случилось, ай хала?

Тетка. Как это что? Эх, блаженный... Воды!

Женщина (*встревоженно*). Сию минуту! (*Вбегает в комнату*.)

Дед (*отвернувшись, вполголоса*). Явилась опять, карга!

Мужчина (*усмехается*). Хала, я не слышался? «Блаженный», говоришь?

Тетка. А как же? Я знала! Знала, что-то произойдет! Чуюло мое сердце! Собирайтесь! Собирайтесь в путь – едем в Страну Кисельных Берегов!

Мужчина. Куда?

Женщина (*подносит стакан воды Тетке*). Пейте.

Тетка (*осушает стакан*). Уфф...

Дед (*покосившись на нее*). Ах-ах...

Мужчина. Ай хала, объясни толком, что произошло?

Тетка. Да как это что? Весь мир сейчас говорит о вас... э-э-э... о нас, а ты и не знаешь? Ну почему ты не пошел в меня, а? Где он? Где же он?

Женщина. О ком ты?

Тетка. Об императоре!

Мужчина. О ком?

Тетка. Об императоре, о несчастный, об императоре!

Пауза.

Где он? Где?

Мужчина. Хала, валлах, я ничего не пойму.

Женщина. Что с вами?

Тетка. А то, что на нашу голову опустилась «птица шахства»!

Мужчина. Ай хала, пройди в дом, перекуси, отдохни...

Тетка. Что? Разве сейчас время отдыхать? Когда весь мир трубит о нас! О нашем питомце – императоре! Постой! Сию минуту! (*Извлекает из портфеля*

ля бумагу, зачитывает вслух.) «Великий Лев Отиби III Молими... Де... Де... Делембор Тыр-Тыр! Где он? Наш великий львенок! (Пауза.) А, Аллах! Эти люди будто спят! (Громко.) В Стране Кисельных Берегов победили монархисты! Республика упразднена! Введено императорское правление!

М у ж ч и н а. Ну и что? Какое отношение имеет Страна Кисельных Берегов к нам?

Т е т к а. Как это «какое отношение», о несчастный?! Император ихний – ваш же сын!

Ж е н щ и н а. Упаси Аллах!

Т е т к а. Да, да!

М у ж ч и н а. Хала, что ты мелешь?

Ж е н щ и н а. Пройдите в дом... перекусите чем-нибудь...

Т е т к а (в волнении прохаживаясь взад-вперед). Эх вы, темнота! О, погружившиеся в спячку! О, беспробудные! Вы и в телевизор не смотрите! Монархисты с Кисельных Берегов искали-искали и доискались, что единственный претендент на ихний трон – твой сын! Ваш сын! Не только ваш... Наш... наше дорогое чадо! Я знала! Я знала, что он станет большим человеком. Я всегда говорила: это – наша гордость!

Муж и жена застыли с раскрытыми ртами.

Слушайте! Радио, телевидение только об этом и говорят! Африканские монархисты, покопавшись в архивах Бельгии, выявили, что единственная дочь последнего императора Кисельных Берегов вышла замуж за твоего прадеда. (Косится на Деда.) Не за этого! Этот будет постарше... И вообще, разве от него толку дождешься?

Ж е н щ и н а. Зачем вы так?

Т е т к а. А как же еще? Хоть бы и он женился на дочери какого-нибудь падишаха!

М у ж ч и н а. Ай хала!..

Т е т к а. Ладно... Короча... Нам надо увековечить имя другого пращура... хотя я и имени не знаю... назвать его именем улицу в Стране Кисельных Берегов, воздвигнуть памятник, словом, да упокоит Аллах его душу... Надо разыскать его могилу, перевезти прах, перезахоронить на Кисельных Берегах... в Аллее почетного захоронения... Чтоб это место стало святилищем... Это дела дальнейших времен. Тот ваш предок женился на дочери падишаха, и его единственный потомок мужского пола – ваш сын! Наш сын! Сын нации нашей.

Император Великий Лев (заглядывает в бумажку) Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыр! Мы должны знать наизусть это славное имя! Едем! Едем в Страну Кисельных Берегов! Нас там ждут хоромы, дворцы! (Понижив голос.) Но... не знаю, какой пост мне взять себе... Министром имущества?.. Или директором Национального Банка?

Из комнаты доносится свист. Короткая пауза.

Ой! Как красиво он свистит!

Во двор стремительно входит П о д р у г а.

Дед сразу поворачивается к ней и смотрит на нее не отрываясь.

П о д р у г а. Салам! Поздравляю! Поздравляю!

Ж е н щ и н а. Валлах, кажется, я вижу сон...

П о д р у г а. Какой еще сон? Знаешь, что сегодня сказал мой шеф? Он говорит: смотрите, насколько продвинулся вперед азербайджанский народ, что возвращает правителей, императоров для зарубежных стран!

Т е т к а. Это я первая сказала! У меня есть свидетели. Мой сосед Идрисага может подтвердить!

М у ж ч и н а. Клянусь Аллахом, это немыслимое дело! Валлах, это невозможное дело! (Обхватив обеими руками голову, оседает на землю.)

П о д р у г а. Армяне лопнут от зависти! Когда вы отправляетесь в Страну Кисельных Берегов?

Ж е н щ и н а. Мы? На Кисельные Берега? Ты что, думаешь, что все это не сон? Ой!.. (Едва не падает в обморок.)

Подруга обнимает ее. Р е п о р т е р ы, толкаясь, врываются во двор и, перебивая друг друга, сыплют вопросы.

Р е п о р т е р ы :

– Вот здесь!

– Нашли!

– Был в этом дворе!

– А где император?

– Были ли у вас раньше контакты с кисельнобережными монархистами?

– По сообщению армянского радио, в обнаружении потомка императорской династии была рука израильского Моссада. Что вы можете сказать на этот счет?

Мужчина продолжает сидеть, обхватив голову. Подруга стоит, приобняв Женщину. Одна только Тетка, как всегда, проявляет «деловую» активность, с улыбкой позируя перед объективами камер и фотоаппаратов.

Телекорреспондент. Камера! Начали! *(Изображая улыбку.)* Дорогие телезрители! Мы начинаем прямой репортаж из резиденции императора Страны Кисельных Берегов... Великого Льва Отиби III Моли... *(заглядывает в бумажку)* Молими Делембор Пыр-Пыра...

Тетка *(перебивая)*. Не Пыр-Пыра, а Тыр-Тыра!

Телекорреспондент. Тыр-Тыра...

Крики заглушают его голос, мы видим только его жестикуляцию, не слыша комментариев.

Корреспондент. Когда его императорское величество отбывает в Страну Кисельных Берегов?

Тетка. В скором времени! *(Понизив голос, Мужчине.)* Как, по-твоему, какой пост там лучше занять – ГБ или Нацбанк?

Мужчина. Да погоди ты, ай хала!

Другой корреспондент. Как вы будете чувствовать себя вдали от Азербайджана?

Тетка. Конечно, жить вдали от родины трудно... *(Поспешно.)* Но и Страна Кисельных Берегов нам не чужая. Да здравствует вечная дружба и братство между нашими странами!

Корреспондент. О! Как вы патриотичны!..

Тетка. Да! Это главная моя особенность!

Другой корреспондент. Кем вы доводите его величеству?

Тетка *(обиженно)*. Как это – кем? Я – старшая в этом доме!

Корреспондент *(показывая на Деда)*. А он?

Тетка. А он так себе... десятая вода на киселе...

Женщина *(с трудом приходя в себя)*. Зачем вы так?

Тетка *(тихо)*. Ну, пусть не дочь падишаха, пусть бы в Афганистане ханскую дочь отхватил! Он только и умеет, что масленными глазами зыркать!

Корреспондент. А родную речь не забудете?

Тетка. Мы придадим азербайджанскому языку в Стране Кисельных Берегов статус второго государственного!

Мужчина. Ай хала...

Тетка *(ему)*. Ты такие вещи не поймешь! Не вмешивайся. Это называется большая политика!

Корреспонденты:

– По сообщению агентства Ассошиэйтед пресс, президент Билл Клинтон направил поздравительную телеграмму его императорскому величеству. Что вы скажете об этом?

– Армянское телевидение утверждает, что к провозглашению азербайджанца императором африканской страны приложили руку спецслужбы Турции. Насколько достоверна, по-вашему, эта версия?

– Каково отношение Страны Кисельных Берегов к проекту нефтепровода Баку – Джейхан?

Вопросы наскакивают друг на друга, звучат вперемешку; Тетка в ударе, охотно и увлеченно отвечает на вопросы, но мы в разноголосом гвалте не можем разобрать ее слов. Мужчина все так же сидит, схватившись за голову.

Тетка *(Мужчине)*. А ты почему молчишь?

Мужчина. У меня язык отнялся...

Тетка. Что бы вы делали без меня.

Доносятся звуки сирены полицейской машины, погода во двор входят несколько офицеров и рядовых полицейских.

Начальник полиции *(внимательно обводит взглядом всех, затем подходит к Деду и по-военному отдает честь)*. Товарищ император! Докладываю, что по личному указанию господина министра мы берем на себя обязанности по вашей охране!

Тетка. Да это не он! Вот же, наша полиция не может отличить и императора от простых смертных! *(Громко, Начальнику полиции.)* Ну какой из него император?

Дед *(тихо)*. А почему бы и нет? Мегера!

Тетка *(заглядывая в бумажку)*. Император Великий Лев Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыр в своих покоях!

Женщина. Неужели это все явь?

Подруга *(улыбаясь)*. Конечно, дорогая! Ведь сам вице-премьер сказал, что наш народ пестует и кадры императоров! На экспорт!

Тетка. Это я первая сказала!

Начальник полиции (*подчиненным*). Оцепите дом с улицы!
(*Показывая на корреспондентов.*) А этих выставьте за дверь.

Корреспонденты.

– Вы не имеете права!

– Вы нарушаете свободу печати!

– Мы будем жаловаться в парламентскую ассамблею Совета Европы!

П о л и ц е й с к и е.

– Выходите!

– Что хотите, пишите!

– Валяй отсюда!

С улицы доносится шум.

Голоса полицейских с улицы.

– Нельзя!

– Отойдите назад!

– Нельзя!

Голос Нового азербайджанца. Слушай, вы меня не пускаете войти? Да я же самый близкий человек в этом доме!

Голос Друга-журналиста. Да, да, он здесь свой в доску!

Новый азербайджанец, вырвавшись из рук блюстителей порядка, протискивается во двор с бумажным свертком в руке. За ним удается прошмыгнуть и Другу-журналисту.

Новый азербайджанец (*подойдя к Мужчине*). Послушай, эти менты не хотели впускать меня! Меня!.. Поздравляю тебя, дорогой друг и брат мой! (*С пафосом.*) Вот это настоящий Мужчина, отец императора! Дождались! Дожили до светлого дня! Дай-ка я тебя поцелую! (*Насилу поднимает ошеломленного хозяина дома с земли и, стиснув в объятьях, лобызает со смаком.*)

Друг-журналист (*Деду*). Дай-ка и я тебя чмокну, патриарх!

Дед (*уставив ему в грудь кончик трости, не подпускает к себе*). Пошел!

Друг-журналист. Обижаешь! Это же я, патриарх, твой летописец! Одописец!

Полицейские прогоняют тружеников пера, те увертываются, упираются и продолжают сыпать вопросами, но из-за гвалта их и Тетку не слышно. Мужчина и Женщина все еще не могут прийти в себя.

Новый азербайджанец. Слава Аллаху! (*Протягивает сверток мужчине.*) Вот, бери!

Мужчина. Что это такое?

Новый азербайджанец. Свистки! Отличные! Купил для нашего дорогого императора. (*Мужчина ошалело тарачится.*) Да бери же! Я ему не чужой дядя! Свой человек! (*Насилу впахивает свертком под мышку ошившему папаше.*) Нам привалили молочные реки с Кисельными Берегами! Вернее, не молочные, а нефтяные! Знаешь, сколько там нефти! О-о-о! Азербайджану за ними не угнаться! Нефти там – разливаемые моря! Милостью Аллаха и с твоей помощью и я попаду туда...

Друг-журналист. И я! У нас в стране нет свободы печати! В Азербайджане не ценят нашего брата! Я создам на Кисельных Берегах Общество по защите «акул пера»!

Новый азербайджанец (*Другу-журналисту*). Где вас ни пошей, там дело швах! (*Мужчине.*) Ты – чистая, наивная душа, а там нефтяные джунгли! Как ты там обойдешься без меня?

Мужчина (*кажется, понемногу приходя в себя*). А как же туалет?

Новый азербайджанец. Да как тебе не стыдно! Какой еще туалет! Между нами таких разговоров быть не может!

Мужчина. ...А твои бензоколонки?

Новый азербайджанец. Одну из них подарю вам! На Кисельных Берегах нефти – завались!..

Мужчина. Допустим... Но ведь, говорят, мы уезжаем.

Новый азербайджанец. Ну да, уезжаем... Вместе... Тогда... (*Останавливается перед Дедом – «патриархом».*) Вот он! Он-то не уедет. Кисельнобережники будут здесь обслуживать его. Дед энд компани! А я, положим, дедушкин сын. Одну из бензоколонок презентую патриарху!

Друг-журналист. Ура! Поздравляю, патриарх! Когда обзаведусь «тачкой» ты мне, конечно, предоставишь бесплатную заправку! (*Порывается обнять и облобызать старика.*)

Дед (*отпихивает его тростью*). Пошел!

Мужчина. Он стар для этих дел.

Новый азербайджанец. Он-то?

Мужчина. Не видишь?

Новый азербайджанец. Да какой же он старик!

Мужчина. Песок с него сыплется...

Новый азербайджанец. Эх... (*В сторону.*) Даром что папаша императора! Ни в зуб ногой... (*Мужчине.*) О ты, родитель его величества, если есть бензин, волноваться нет причин!.. И твой старик помолодеет вмиг...

Полицейским, наконец, удастся выпихнуть корреспондентов со двора, только с телережиссером и оператором не могут управиться.

Начальник полиции. Выведите и этих, и двери закройте!

Тетка (*возмущаясь*). Вы не видите, что я даю интервью?!

Начальник полиции (*тихо, про себя*). Ну, это же мужик в юбке!

Телекорреспондент (*Начальнику полиции*). У меня вопрос к вам. Камера!

Начальник полиции. Снимает? (*Приостанавливается.*)

Телекорреспондент. Вы тоже будете сопровождать его императорское величество на Кисельные Берега?

Начальник полиции. А где эти Кисельные Берега находятся?

Телекорреспондент. В Африке.

Начальник полиции (*недоуменно*). Но мы, вроде, входим в Совет Европы?

С улицы вновь доносятся гул машин, крики.

Голоса.

– Министерство иностранных дел! Пропустите.

– Я заведующий протокольным отделом МИДа!

– Пропустите!

Во двор входят сотрудники МИДа.

Зав. протокольным отделом. Мы пришли по личному поручению министра иностранных дел. Господин министр просит приема у его императорского величества. Завтра предстоит встреча премьер-министра Республики с его величеством. Послы иностранных стран в Азербайджане также просят императора выделить время для аудиенции. Самолет с делегацией Кисельных Берегов уже приземляется в аэропорту Бина.

Новый азербайджанец. Иншаллах¹, на нем же и махнем в Африку!

Зав. протоколом. Глава делегации генералиссимус Бомбылан Бондра Гыр-Дыр!

Новый азербайджанец. О-о! Генералиссимус! Вот что значит нефть!..

¹Иншаллах – с Божьей помощью.

Зав. протоколом. А где его императорское величество?

Тетка. У себя в резиденции. Отдыхает.

С улицы снова доносится шум.

Полицейские.

– Нельзя!

– Здесь – закрытая зона.

С улицы доносится детский плач – это девочки, вернувшиеся из школы.

Женщина (*забыв обо всей этой катавасии, узнав голоса плачущих детей*). Что вы делаете? Немедленно впустите детей! (*Видя, что ее слова не возымели действия.*) Это же... это же принцессы!

Начальник полиции. Принцессы? (*Кричит на подчиненных.*) Впустите их, остолопы! Как можно чинить им препятствия!

Девочки одна за другой вбегают во двор, и мать, как наседка под крыло, собирает их возле себя. Подруга подходит к ним. Начальник полиции отдает им честь, подчиненные тут же следуют его примеру.

I Полицейский (*тихо, сослуживцу*). Вот до чего мы дошли! Кому, гляди, козыряем!

II Полицейский (*тихо*). А чего еще ждать от демократии!

Снова с улицы слышатся сирены полицейских машин. Шум-гам.

Зав. протоколом (*взволнованно*). Прибыли! Делегация с Кисельных Берегов прибыла! А его императорское величество еще...

В этот момент Мальчик выходит из комнаты во двор. Все застывают на месте.

Зав. протоколом (*вполголоса*). Это он?

Друг-журналист (*тихо*). Да.

Тетка (*готовая кинуться к Мальчику*). Ай, паду к ногам твоим!..

Зав. протоколом (*одергивая ее, повелительно*). Кланяйтесь! Все кланяйтесь!

Женщина. Мы тоже?

Зав. протоколом. Все! Все!

Присутствующие отвешивают поклоны. Дед, глядя на них, склоняет голову. Мальчик тарашится на сборище во дворе.

Новый азербайджанец (*вполголоса Мужчине*). Иди, вручи ему мой презент.

Мужчина. Сам и вручи.

Новый азербайджанец. Я? (*Другу-журналисту*.) У меня колени трясутся. Поди ты вручи.

Друг-журналист. У меня ничего нет. Нечего вручить.

Новый азербайджанец. Вот этот сверток вручи. Я тебе дам пятьдесят баксов.

Друг-журналист. Нет, «стольник»!

Новый азербайджанец. Черт с тобой. Неси!

Друг-журналист, переняв у него сверток, вручает Мальчику.

Друг-журналист. О великий Тыр-Тыр! Это мой презент вам!
Новый азербайджанец (*тихо*). Ах ты сукин сын!

Мальчик с сосредоточенным видом разворачивает сверток и громко свистит в один из свистков. Начальник полиции, вытянувшись в струнку, отдает честь. Следом – и полицейские. С улицы во двор входит Генералиссимус со свитой, в том числе Первый и Второй негры в желтых мундирах. Знакомые нам негры – желтоштанники вносят на плечах паланкин, на котором золотой сундук, инкрустированный самоцветами. Негры в мундирах при виде Мальчика сразу бросаются к нему. Генералиссимус и остальные преклоняют колени.

Генералиссимус. О-о-о!.. Домбо-Бомбо!..

Синхронный перевод из-за кулис: О-о-о! Великий Лев!

И негр в желтом мундире. Гондир бибир!

Синхронный перевод из-за кулис: Мудрейший из мудрейших!

И негр в желтом мундире. Гогоб бобо!

Синхронный перевод: Посланник Бога!

Генералиссимус на коленях подползает к Мальчику.

Генералиссимус. Джыр добиби мырон добо! Фыр гуру мур домбо вали гыр попо!

Синхронный перевод из-за кулис: О гениальный вождь человечества! Вручая вашему величеству подарок наших предков, ждавший вас сто сорок девять лет!

Желтоштанники, притащив паланкин, ставят на землю. Генералиссимус с превеликим волнением и торжественностью открывает золотой сундук и, достав из него большую ливиную шкуру, на коленях подползает к Мальчику и накидывает ему на плечи шкуру. Вся свита восторженно славословит «императора».

Свита (*хором*). Вид ду-ду гомби Домбо-Бомбо! Вид ду-ду гомби Домбо-Бомбо!

Синхронный перевод: Тысячу лет жизни Великому Льву! Тысячу лет жизни Великому Льву!

Генералиссимус. Вапи домби! Дьдыр гомо гей гугур!

Синхронный перевод: Гениальный вождь! Вас благословляет дух предков!

Генералиссимус, вмиг сбросив с себя желтую мантию, начинает ритуальный танец в честь Великого Льва Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыра.

Новый азербайджанец. Ну и ну! Какой темперамент от энергоносителей!

Друг-журналист (*вкрадчиво Мужчине*). Я напишу историю вашей родословной! (*Понизив голос*.) Доведу истоки вашего рода до пророка Соломона!

Захваченная азартом, вошедшая в раж от этой катавасии Тетка порывается присоединиться к пляшущему Генералиссимусу.

Зав. протоколом (*тихо и строго осаживая ее*). Нельзя!

Тетка. Это мне-то?

Зав. протоколом (*тихо*). Да! Это ритуальный танец.

Тетка (*возмущенно*). Я скажу министру вашему, чтобы прогнал тебя с работы!

Звонит мобильник у Начальника полиции.

Начальник полиции (*достает мобильник из кармана*). Алло! Слушаю! Есть! (*Кладет телефон в карман, и полицейским*.) Сюда едет вице-премьер!

Подруга. Ой!!

Она чуть не падает в обморок, и на сей раз Женщина поддерживает ее. Мальчик снова свистит. Все застывают на месте.

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Утро. Старый бакинский двор. Те же участники, что в предыдущей картине, к ним присоединились рабочие.

Во дворе под наблюдением Зав.протокольным отделом с рекомендациями чиновников в желтых мундирах кипит «косметическая» работа; рабочие окрашивают стены, вновь принесенные скамейки в желтый цвет, другие тащат песок, третьи готовят раствор и т.д. У входных дверей, на улице поставлена полицейская будка, в которой сидит Начальник полиции; у входа дежурят на посту двое полицейских.

Дед сидит во дворе на привычном месте, Женщина и Мужчина ведут между собой разговор, стараясь вернуться от спящих по двору рабочих.

Мужчина. Нет! Куда нам еще ехать? Что нам делать в чужой стране?

Женщина. Валлах, я и сама не знаю... Ума не приложу...

Мужчина. И с детьми как быть?.. Куда их пристроить? Чем я там буду заниматься? Что это сыр-бор разгорелся с этим императорством? Цирк! Балаган!

Доносится шум подъехавшей машины. Появляются со стягом Страны Кисельных Берегов желтоштанники. На стяге красуется изображение могучего Льва.

I Желтоштанник. Быры му!

Синхронный перевод из-за кулис: Привезли!

Начальник полиции (подчиненным). Проверьте!

I Полицейский. А что у них там проверять? Все трое – в чем мать родила!

Начальник полиции. Штаны!

II полицейский прыскает со смеху.

I Полицейский. Нет, нет... я на такой шмон не пойду...

Женщина. Посольство Кисельных Берегов ежедневно отправляет ее самолетом в Амстердам, в голландскую Академию...

Тетка. Да ну? Надо же!.. (Хватается за поясницу.) В последнее время и мои почки что-то забарахлили... Ладно, это дело на потом оставим... Ему витамины дают?

Женщина. Что там витамины? Из Америки лекарства выписывают.

Тетка. Из Америки?

Женщина. Ну да.

Тетка. Из клиники, что ли?

Женщина. Да нет... Из учреждения с длинным названием, не запомню...

Зав. протоколом. Из центра исследований по глубокому склерозу университета имени Джефферсона!

Тетка (Деду). Видишь, сил для тебя не жалеем!

Дед (отвернувшись еще демонстративнее). Мегера!

Тетка. А где его величество?

Женщина. Кто?

Тетка (раздраженно). Как это кто? Император где?

Женщина. Ах, да... Никак не привыкну... Дома он... Вице-премьер дал распоряжение, чтобы уроки проводили с ним на дому.

Тетка. Отлично. (Мужчине.) Видишь? (Женщине.) А девочки где?

Женщина. Посольство Кисельных Берегов устроило прием в честь бакинских школьников, они там.

Тетка (глядя на Мужчину, передразнивает его). «Не поедем, не поедем...» Эх ты! (Машет рукой. Затем, подойдя к кисельнобережному дипломатом, вместе с «протокольщиком» показывает на флаг.) Как грандиозно реет!

Тетка вместе с ними начинает давать указания рабочим по всему двору. Появляются Новый азербайджанец и Друг-журналист с узелком в руке.

Новый азербайджанец (достает из кармана пачку и передает первую полицейскому). Бери! Классные сигареты! (Достав другой пакетик, вручает второму полицейскому.) А это – тебе. Авторучка.

II Полицейский (ворча про себя). Авторучка... Глупый человек. Будто я писака какой-то.

Новый азербайджанец (Другу-журналисту). Поддай-ка сюда. (Тот протягивает ему узелок. Узелок вручается Начальнику полиции.) Три кило московской колбасы. Высшего сорта!

Начальник полиции. Тронут... (Полицейским.) Пропустите!

Друг-журналист (*конфиденциально, Начальнику полиции*). Один килограмм – мой, присовокупили по ошибке к твоей доле. Заберу при уходе.

Новый азербайджанец подходит к Мужчине, труженик пера держится чуть позади.

Новый азербайджанец. Как ты, дорогой друг и брат мой? Один денечек не виделся с тобой, и уже соскучился. Правда, сейчас и на голубом экране и в эфире только о вас и идут разговоры, и газеты развернешь – все о вас. Машаллах! И правительственная пресса, и оппозиция... Наконец-то вы консолидировали нацию!

Тетка (*показывая на середину двора*). Вот здесь надо установить трон!

Зав. протоколом. Отличная идея!

Друг-журналист. Привет, патриарх! Как ты?

Дед. Что?

Друг-журналист (*кричит*). Как ты, спрашиваю!

Дед. Чего ты разорался? Глухой, что ли?

Новый азербайджанец. Да нет! Это он на радостях! Мы ведь отбиваем! О, старый орел! Одна бензобомба отныне – твоя!

Друг-журналист. Поздравляю, патриарх. А вот мой «стольник» не хочет отдавать!

Новый азербайджанец (*Мужчине*). Ты везешь меня туда в качестве начальника императорского транспорта!

Мужчина (*иронически*). Только и всего?

Новый азербайджанец. Учти, во-первых, что в императорском парке – не только авто, но и самолеты, вертолеты, а может быть, и персональные танки! А знаешь, что это значит? Бензин! Солярка! Нефть! Мне главное, чтобы была зацепка! А там все приберу к рукам. А внешне все будет называться...

Мужчина. Как?

Новый азербайджанец. Для профформы, – директор императорского парка. А на самом деле моя должность будет повыше.

Мужчина. И какая?

Новый азербайджанец. Азербайджанец, земляк императора!

Мужчина. Разве есть такая должность?

Новый азербайджанец. Конечно! Самая престижная должность сейчас в Кисельных Берегах – это быть азербайджанцем, земляком его величества.

Короткая пауза.

Мужчина (*громко*). Нет! (*Еще громче*.) Нет! Никуда мы не едем. Мы остаемся здесь! Мой сын отрывается от императорства!

Новый азербайджанец. Да что мелешь, слушай?

Друг-журналист. С ума сойти!

Тетка. Что ты городишь?

Мужчина (*громко, во всеулышание*). Кончено! Мы знать не знаем никаких Кисельных Берегов! «Финита ля комедия!» Кончено! Никуда мы не едем!

Кисельнобережные африканцы обмерли как вкопанные. Мидовский чиновник кидается к Мужчине.

Зав. протоколом (*в панике*). Что вы говорите? Это же вызовет международный скандал!

Тетка. Армяне только такого и ждут!

Мужчина. Пускай ждут! Мы никуда не поедем! Ничего нам не нужно!

Начальник полиции (*про себя*). Эх... Гляди, кому Аллах ниспослал падишахство!

Зав. протоколом. Клинтон дал поздравительную телеграмму! Путин... и японский император Хирохито... Кавказские руководители, естественно, кроме армян, днями прибудут в Баку для участия в церемонии проводов Великого Льва на родину!

Мужчина (*расслабившись*). Пусть поздравляют, прибывают! Мы никуда не поедем!

Зав. протоколом торопливо уходит в укромный угол двора и, достав мобильник, встревоженно переговаривается с какой-то инстанцией.

Желтоштанники и желтомундирочники, усиленно жестикулируя, обсуждают ситуацию. Генералиссимус опрометью высказывает из комнаты.

Генералиссимус. Дыр по гугу шор?! Доби орат Домбо-Бомбо ита омиби!

Синхронный перевод из-за кулис: Что за шум? Его величество Великий Лев проходит занятия!

Чернокожие в желтых штанах и мундирах кидаются к Генералиссимусу и, жестикулируя, что-то возбужденно объясняют ему.

Г е н е р а л и с с и м у с (*потрясенный, кричит*). Орав горбу!
Синхронный перевод из-за кулис: Не может быть!

Чернокожие соотечественники продолжают что-то долдонить ему.

Д е д (*подзывает пальцем к себе Мужчину. Тот подходит*). Приблизь ухо!
(*Наклоняясь*.) Возьми его!

М у ж ч и н а. Кого? Куда?

Д е д (*тыча тростью в сторону Нового азербайджанца*). Его возьми с собой!

М у ж ч и н а. Куда?

Д е д. Туда, куда собирается.

М у ж ч и н а. На Кисельные, что ли, Берега?

Д е д. Да.

М у ж ч и н а. Чего ради?

Короткая пауза.

Д е д. Пусть он передает мне эту... бензоколонку.

М у ж ч и н а (*изумленно*). Чего? Тебе?

Д е д. Да!

М у ж ч и н а. И на кой черт она тебе сдалась?

Д е д. Как это – на кой черт? Бизнесом займусь!

Короткая пауза. Свет убывает и фокусируется на лице Мужчины.

М у ж ч и н а (*в отчаянии*). Что случилось с этим миром? Почему он так низко пал? Или с самого начала он гроша ломаного не стоил?!

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Тот же старый двор. К участникам предыдущей картины прибавляются школьный Учитель математики, Послы США, Японии, Министр иностранных дел республики.

Двор неузнаваемо изменился, ухожен, благоустроен. Над входной дверью полощется желтый флаг африканской страны. Под ним – цветной портрет императора Великого Льва Отиби III Молими Делембор Тыр-Тыра. В левом углу Дед уже восседает в роскошном кресле. Цветы на клумбах, ухоженные деревья, кусты ласкают глаз. Зав.протокольной частью беседует с супругами-жильцами, Начальник полиции сидит в своей будке, у дверей – часовые. I негр в желтом мундире, сидя за большим столом перед домом, что-то пишет в тетрачке. Второй его сослуживец, стоя рядом, что-то говорит ему, выбирает и передает какие-то бумаги и т.д. Но, чувствуется, их главная обязанность – следить за людьми во дворе, фиксировать их разговоры и сообщать по мобильнику куда следует. Время от времени они перешептываются между собой.

З а в . п р о т о к о л о м (*в смятении*). Вот уж второй день идет заседание коллегии МИДа. Ей-Богу, руководство истосковалось по детям своим, домой забежать недосуг. Положение аховое! Япония грозит разорвать с нами дипломатические отношения! Саудовская Аравия прислала ноту, мол, расторгнет нефтяные контракты с Азербайджаном! Эфиопия...

М у ж ч и н а. Чего же Эфиопия хочет?

З а в . п р о т о к о л о м. О, это вообще чревато ужасными последствиями. Два миллиона кисельнобережных беженцев, опасаясь, что вновь разгорится грандиозная война, хлынули к эфиопскому приграничью, и Эфиопия намерена, при отсутствии стабильности, перейти границу...

Ж е н щ и н а. Ай аман! И в Африке беженцы?

З а в . п р о т о к о л о м. Больше всего в мире беженцев – на Кисельных Берегах!

Ж е н щ и н а. Ой! (*Хватается за живот*.) Мне же нельзя волноваться!

М у ж ч и н а (*в раздумье*). Несчастные эфиопы сами живут впроголодь, как же им принять такой поток беженцев!

З а в . п р о т о к о л о м. В том-то и дело. Тринидад и Тобаго...

М у ж ч и н а (*перебивая*). Нет, нет и еще раз нет! Никуда я не поеду!

Негры в желтых мундирах, наострившие уши, куда-то поспешно звонят по мобильному телефону.

З а в . п р о т о к о л о м. Ваш сын – император Страны Кисельных Берегов!

М у ж ч и н а. Нет! Мой сын прежде всего – мой сын! Пусть уж сидит здесь и императорствует себе! Он еще не достиг совершеннолетия! Мы откуда никуда не уедем! Даже если танки двинете!

З а в . п р о т о к о л о м. Сам премьер-министр республики...

Мужчина (*перебивая*). Я и господину премьер-министру сказал об этом, когда он меня принимал. И он сказал мне, что относится ко мне с полным пониманием. И проводил меня честь по чести.

Зав. протоколом. Знаю, знаю! А потом, знаете, что произошло?

Мужчина. Что?

Зав. протоколом. У нашего министра давление подскочило за 200!

Мужчина. Отчего?

Зав. протоколом. После встречи с вами премьер-министр позвонил нашему министру...

Мужчина. А что, всякий раз со звонком премьер-министра у министра подсакивает давление?

Зав. протоколом. Да нет... Знаете, что он сказал министру? (*Оглядевшись по сторонам и понизив голос.*) Сказал, что если они... то есть вы, не отправитесь в Страну Кисельных Берегов, то он, то есть наш министр, распрощается со своим креслом! Это еще что! Сказал, что наш министр плохо работает с вами, ибо не хочет, чтобы в той стране установилась демократия, и, стало быть, он против демократии. За антидемократические поползновения и происки, его арестуют и посадят! И еще добавил, пусть благодарит Аллаха, что мы отменили смертную казнь для того, чтобы войти в Европейский Союз.

Женщина. О, Аллах, за что нам такая морока выпала! Я не хочу, чтобы из-за нас людей хватили и сажали!

Чернокожие все так же перешептываются, шушукуются, звонят по разным адресам.

Зав. протоколом. Наш министр лично прибудет и переговорит с вами.

Во двор входит Учитель математики с ворохом бумаг под мышкой.

И Полицейский. Проходите.

Начальник полиции. Постой! (*Подчиненному.*) Почему не провераешь?

И Полицейский. Я думал, это министр иностранных дел...

Зав. протоколом (*про себя*). Ну и слух, а? (*Смотрит то на полицейских, то на желтоштанников.*) При них и думать рискованно! А я, дурак, с утра выдаю все без разбору!

Мужчина. Впустите его! Это школьный учитель нашего... его величества!

Учитель, нахмурившись, направляется к нему.

Начальник полиции (*глядя ему вслед, первому полицейскому*). Какой же из него министр?

И Полицейский. Все они под статью друг другу!

И Полицейский. И не говори! Все с пустыми руками приходят и уходят.

Начальник полиции. Что за разговоры! Вы служите родине! Вы возводите мост дружбы между берегами Каспия и Кисельными Берегами! Вы должны постоянно глядеть в оба и быть начеку!

Учитель (*глядя на портрет императора, мрачно*). Ах-ах!

Мужчина (*уставившись на учителя, с горьким вздохом*). Опять «двойка»?

Учитель (*с той же кислой миной*). Да!

Учитель входит в комнату. Доносится шум затормозившей машины. Во двор входит Посол США с сопровождающими.

И Полицейский. Ваши документы!

Зав. протоколом. Нет, нет! У них дипломатическая неприкосновенность! Это же посол Америки!

Начальник полиции. Да? (*Полицейским.*) Пропустите! (*Тихо.*) Если выкарабкаемся из этой африканской заварухи, я принесу обет в один доллар!

И Полицейский (*услышав его слова, втихомолку*). Держи карман пошире!

И Полицейский (*тихо*). Треплется!

Начальник полиции. Чего вы там шушукаетесь?

И Полицейский. Вас хвалит, господин начальник.

Начальник полиции. Сейчас нельзя! Разговаривать на посту не положено!

И Полицейский (*тихо*). Потому тридцать лет в капитанах сидишь.

Чернокожие в желтых штанах и в желтых костюмах перешептываются, обзывают кого-то, посол заморской державы переговаривается с мидовским чиновником.

И Полицейский (*вполголоса*). Вот именно! Не видишь: (*Передразнивает начальника.*) «Пропустите... пропустите!» Не пропустим... Торчим тут с пустыми карманами и ни с чем топаем домой. Детям в глаза не можем смо-

треть... Вот бы как наш сержант, бросить полицию, пойти моллой на кладбище – куда прибьльнее!

Генералиссимус (*выходя из комнаты*). Дыр пипимо?

Синхронный перевод из-за кулис: Привезли?

Чернокожие службисты (*в один голос*). Гугу!

Синхронный перевод из-за кулис: Нет!

Генералиссимус снова входит в комнату.

Посол США (*подойдя к Мужчине, на ломаном азербайджанском языке, вставляя английские и турецкие слова*). Мистер... э-э-э... Мистер отец! Величества императора отец! Президент Клинтон письмо вам писал!

Зав. протоколом. О-о! Сам президент Клинтон написал вам письмо! Большое событие! Можно поздравить нацию!

Посол США. Я этот письмо вам вручить! (*Перепяв у помощника папку, торжественно вручает хозяйну дама.*) Президент Клинтон делает надежда, что величество император Большой Лёва... ай эм сори... Большой Лев... Тыры-тыры... (*Исподволь заглядывает в бумажку, извлеченную из кармана.*) ... Тыретий Отиби Молими Делембор Тыр-Тыр Киселны Берега... ай эм сори!.. Будит делат демократий этот несчастный страна, котором ловить нечего. Там много кров лился! Президент Клинтон делал надежда, что вы туда едет быстро! Что там кров больше не лился!

Мужчина. Я...

Посол США (*перебивая*). Госпожа Мадлен Олбрайт сегодня будет вступать с вами в связ по телефон!

Зав. протоколом. О-олбрайт!

Посол США. Она очен хотел, что вы едет Киселны Берега! Что там демократий будит! Что там лить кров будит тормоз!

Мужчина. Но ведь мы...

Посол США (*перебивая*). Госпожа Олбрайт эта ест подруга Азербайджан! Вы Киселны Берега демократия, мы вам гуманитар помош!

Во двор входит Тетка в желтой накидке, с павлиньим пером, увенчавшим прическу, с двумя чемоданами в руках.

И Полицейский. Документы!

Начальник полиции (*задержав взгляд на павлиньем пере*). Проверьте ее как следует!

Тетка. Что-о? Меня? Проверять?

Начальник полиции (*всмотревшись и узнав ее, высказывает из будки*). Простите!.. Простите!.. (*Прикрикивая на полицейских.*) Что вы делаете? Кого вздумали проверять? Пропустите! (*Подхватывает ее чемоданы и переносит до середины двора.*)

И Полицейский (*тихо, передразнивая начальника*). «Пропустите, пропустите»... Так вот всех без «подмазки» и пропускаем.

И Полицейский (*шепотом*). Дело – дрянь...

Тетка. Я уже готова! И квартиру продала. До отъезда пробуду у вас!

Начальник полиции (*про себя*). Что с нее возьмешь... Бобылиха...

Мужчина. Нет! Никуда мы не поедем! Вот мое окончательное решение!

Желтоштанники хватаются за мобильники.

Посол США. В таком случай... Клинтон даст свой согласий на встреча с Кочарян!..

Зав. протоколом. Повремените! Не спешите!

Доносится шум подъезжающей машины.

И Полицейский (*тихо*). Кто-то прибыл.

И Полицейский (*тихо*). Ну и пусть. Нам проку не будет.

Входит Посол Японии с сопровождающими лицами. Начальник полиции, все еще державший в руках теткинны чемоданы, показывает мидовцу глазами на японского дипломата.

Зав. протоколом (*торопливо*). Впустите! Посол Японии в Азербайджане! Милости просим, господин посол!

Тетка. Добро пожаловать!

Начальник полиции (*кричит*). Пропустите!

Зав. протоколом подводит японского посла к Мужчине.

Посол Японии (*на ломаном азербайджанском языке*). Господин отец! Японоско правительство Азирбижаном друг! Однако вы не захотел ехать Киселны Берега. Тогда наш отношения будит совсем плохой. Потому что

японский коммунистический террористы прятался Африка. Вы должны туда ехать, должны их поймать и дать нам!

Женщина. О, Аллах! И там террористы завелись. *(Хватается за живот.)*

Начальник полиции. Куда нести эти чемоданы?

Тетка *(не обращая на него внимания, Женщине)*. Не бери в голову! Не видишь, он и по-азербайджански говорить не умеет. Не придавай значения.

Мужчина. Я не изменю своего решения!

Генералиссимус *(выйдя из помещения)*. Додор быр дыр пипи мо?

Синхронный перевод из-за кулис: Принесли ли подарок учителю геометрии?

Оба негра в желтых костюмах. Гугу!

Синхронный перевод из-за кулис: Нет!

Генералиссимус возвращается в комнату.

Тетка. А где же наши принцессы?

Женщина. Посольство организовало для них экскурсию в музей.

Тетка *(глядя на ее мужа, передразнивая)*. «Не поеду... Не поеду...»

Посол Японии. Япония Азирбижаном друг! Но если вы Африка нет, тогда мы будем порвать дипломатик отношений!

Зав. протоколом. Ой-ей! *(Мужчине.)* Нация уповаает на вас!

Начальник полиции. Куда же девать чемоданы?

Тетка *(пропустив его слова мимо ушей)*. Мы во имя нации готовы и на смерть пойти!

С улицы слышится шум подкатившей машины.

I Полицейский *(тихо)*. Тачка, похоже, мощная.

II Полицейский. Видать, это посол России.

Первый, Второй и Третий желтоштаные негры, пыхтя, тащат ко входу большой ящик. Начальник полиции с теткинским багажом в руках вопросительно смотрит на мидовского чиновника.

Зав. протоколом. Это – диппочта! Досмотру не подлежит!

Начальник полиции. Пропустить!

Желтоштанники вносят ящик.

И негр в желтой униформе *(встает из-за стола)*. Монди зызыр додо додор быр!

Синхронный перевод из-за кулис: Привезли подарок учителю математики!

И негр в желтой униформе. По тора!

Синхронный перевод из-за кулис: Внесите в дом!

И негр в желтой униформе. Дыс-дыс!

Синхронный перевод из-за кулис: Осторожнее!

И негр в желтой униформе: Дыс-дыс!

Синхронный перевод из-за кулис: Осторожнее!

Желтоштанники, так же пыхтя и крихтя, вносят ящик в дом. Появляется Новый азербайджанец в сопровождении Друга-журналиста. Полицейские, воспрянувшие духом, откозыряв, преданно взирают на Нового азербайджанца; Начальник полиции с теткинскими чемоданами в руках устремляется к нему.

Новый азербайджанец *(Журналисту)*. Раздай им. *(Начальнику полиции.)* И твоя доля там. *(Подступает к Мужчине.)*

Друг-журналист *(Полицейским)*. Все у меня в кармане. Раздам напоследок. *(Начальнику полиции.)* И тебе, начальник... *(Поспешает за патроном.)*

Новый азербайджанец *(Мужчине)*. Дай-ка поцелую тебя, дорогой друг и брат мой! *(Облапив, лобызает.)*

Друг-журналист *(Деду)*. Привет, патриарх! *(Разглядывает кресло с разных сторон.)* Поздравляю! Великолепное! Сиди на здоровье!

Желтоштанники с тем же пыхтением выносят из комнаты только что внесенный ящик. Следом показывается повеселевший «математик», а затем – Генералиссимус.

Генералиссимус. Дыс-дыс!

Синхронный перевод из-за кулис: Осторожнее!

Учитель математики. Осторожнее! Дыс-дыс!

И негр в желтой униформе *(показывая дорогу желтоштанникам)*. Дыс-дыс!

Учитель математики *(обращаясь к Мужчине)*. Поздравляю! «Пятерка!» Ваш сын – талант! Геометрический талант! *(Желтоштанникам.)* Дыс-дыс! Дыс-дыс!

Те, таща ящик, покидают двор, следом – ликующий, готовый лететь на крыльях учитель математики.

Г е н е р а л и с с и м у с. Зыр пыпыр дами бира попор мираб!
Синхронный перевод из-за кулис: Наш гениальный вождь, его императорское величество отдыхает! (*Входит в дом.*)

Доносятся автомобильный сигнал, скрип тормозов.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (*Тетке*). Куда поставить эти чемоданы?

В дверях показывается министр иностранных дел, и заведующий протокольной частью устремляется навстречу.

З а в . п р о т о к о л о м. Пропустите! Это наш господин министр!

Желтые униформы хватаются за мобильники.

М и н и с т р. Салам! Салам! (*Быстрыми шагами подходит к Мужчине.*)
Можно вас на минуточку? (*Женщине.*) И вас!

Они отходят в глубь двора. Тетка норовит присоединиться к ним.

Нет! Вы оставайтесь на месте. У нас конфиденциальный разговор. Государственной значимости.

Т е т к а. Я тоже государственный человек!

М и н и с т р. Не спорю. Допускаю. Но мы должны поговорить с глазу на глаз. (*Подает знак мидовцу. Тот, урезонив Тетку, оттаскивает в сторону.*)

Желтые униформы всецело поглощены наблюдением за министром и родителями «его величества».

М у ж ч и н а. Слушаю вас.

М и н и с т р. У вас семь дочерей, не так ли?

М у ж ч и н а. Так точно.

Ж е н щ и н а. Ой, а в чем дело? (*Прикладывает ладонь к животу.*)

М и н и с т р. Да ничего такого. У меня у самого дочери... Правда, пока пять... Вы же не хотите, чтобы они осиротели?

Ж е н щ и н а. Ой, да что вы говорите! (*Хватается за живот.*) Мне же нельзя волноваться...

М и н и с т р. Так вот, если вы не отправитесь на Кисельные Берега, меня снимут с должности. Что будет потом – не говорю, ибо потом будет суп с котом!

М у ж ч и н а. Я вас не понимаю...

М и н и с т р. Потом я сведу счета с жизнью!

Ж е н щ и н а (*хватаясь за живот*). Аллах упаси!

М и н и с т р. Да, да! Для меня это конец. Ибо я так люблю Азербайджан, что без министерского портфеля мне остается только покончить с собой! Иного выхода нет.

Мобильник мидовского протоколиста исторгает музыкальную руладу. Протоколист подносит телефон к уху.

З а в . п р о т о к о л о м. Алло!

М и н и с т р (*со слезой в голосе*). Да! Вы хотите осиротить моих дочерей!

З а в . п р о т о к о л о м (*убитым голосом, опустив руки*). Эфиопия объявляет войну Азербайджану!

Немая сцена.

М у ж ч и н а (*с отчаянной решимостью*). Едем! Едем на Кисельные Берега!

П о с о л Я п о н и и (*аплодируя*). Bravo!

П о с о л С Ш А (*аплодируя*). Вы ест истин демократ!

Все рукоплещут. Шум, возгласы:

– Ура!

– Bravo!

Т е т к а (*воздев руку, сжатую в кулак*). Венсеремос! Мы установим на Кисельных Берегах демократию!

З а в . п р о т о к о л о м. Да здравствует азербайджанско-кисельнобережная дружба!

М и н и с т р (*взволнованно*). Надо подготовить экстренное заявление! (*Бегом устремляется на улицу.*)

З а в . п р о т о к о л о м (*тихо*). Гляди-ка на министра... Какой телачий восторг! Кретин... Высочка... Я тут ишачу, а он гарцует на коне!

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц. Дорогой друг и брат мой! Дай-ка поцелую я тебя! (*Заграбастав, чмокает его.*)

Друг-журналист (*Деду*). Ликуй, патриарх! Пируй, патриарх!
Начальник полиции. Куда мне девать эти чемоданы?

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Тот же двор являет картину предотъездных сборов, у дверей дома множество упакованных в желтую бумагу вещей.

Мальчик, он же император далекой африканской страны, восседает на троне, установленном посредине двора. На нем желтая мантия, на голове – венец из золотых лавровых листьев с золотым львом. От трона до порога дома тянется ковровая дорожка. Все на положенных и привычных местах – и Дед, и Полицейские, и I негр в желтой униформе, сидящий за столом, и ассистирующий ему коллега. На столе – факс, телефон, компьютер, кипит работа; тут Генералиссимус, мидовский чиновник; Желтоштанники в углу двора упаковывают сундуки под указаниями неугомонной Тетки; Женщина в замешательстве, не находит себе места; Мужчина расхаживает рядом.

Тетка (*показывая на один из узелков у двери*). Дыр быр сусу дызз!
Синхронный перевод: Сперва принесите это!

I Желтоштанник проворно подхватывает узелок.

(*Срываясь на крик*.) Дызз! Мами ши! Баз горма барма сор готи мали!
Синхронный перевод: Не этот! Другой! Если так пойдет, с тобой работать будет трудно!

I Желтоштанник послушно приносит другой узелок и кладет в сундук.

Мужчина. Ай хала, скоро же ты выучила ихний язык!

Генералиссимус и мидовец подходят к императору и отвешивают поклон.

Генералиссимус. Гыр быр дыр! Гыб Корея джыз выз босо Ким Де Чжун вид Нобел густус!

Синхронный перевод: Ваше величество! Вы направляете поздравительную телеграмму президенту Корейской республики Ким Де Чжуну в связи с присуждением ему Нобелевской премии мира.

Зав.протоколом, переняв у Генералиссимуса текст, дает его на подпись императору. Генералиссимус, подойдя к чиновникам в желтой униформе, включается в работу, отвечая на телефонные звонки, просматривая месажы по факсу, читая документы и т.д. Начальник полиции, выйдя из своей будки, осторожно подходит к Тетке.

Начальник полиции. У меня слово к вам. Вот уже несколько дней, наблюдая обстановку, я убеждаюсь, что истинная сила Страны Кисельных Берегов – это вы... я... если вы...

Тетка. Гыз быз!

Начальник полиции. Что вы сказали?

Тетка. Говорю, выкладывайте без предисловий. Мне недосуг! Ну, слушаю.

Начальник полиции. Я... э-э-э... Я бы там... э-э-э... Я преданный вам человек... И мог бы служить вам верой и правдой... в качестве заместителя! (*Положа руку на сердце*.) Я бы, знаете, вкалывал.

Тетка. Моим заместителем?

Начальник полиции. Так точно!

Тетка. Ты евнух, что ли?

Начальник полиции. Нет! Что вы? Напротив...

Тетка. А на какой должности буду я там, чтоб ты мог меня замешать?

Начальник полиции (*искренне удивляясь*). Как – на какой? Конечно, на посту министра внутренних дел!

Тетка. Вот как?

Начальник полиции. И я – ваш зам! Я, знаете, истинный демократ.

Тетка. Демократ?

Начальник полиции. Так точно!

Тетка. Какой же из демократа замминистра внутренних дел?

Начальник полиции (*убавив тон*). Ну, не настолько уж демократ.

Пауза.

Тетка (*смерив его взглядом*). Кто ты таков?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Тридцать лет стою на страже общественного порядка. Знаю всю полицейскую «кухню».

Т е т ь к а. Я не о том. Кто вы вообще? Сами-то... по положению... состоянию...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ну... как сказать... вдовец я... Бобыль...

Т е т ь к а (*задумавшись*). Что с того? Идрис-ага тоже вдовец... Дызз пупу!

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Не понял...

Т е т ь к а. То есть, поживем-поглядим... (*Недовольно*.) Надо выучить язык Кисельных Берегов!

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Будет исполнено! У меня, знаете, способности к языкам. Надо будет (*сжав кулак*) – я и русский выучу!

Дед подзывает к себе Мужчину.

М у ж ч и н а (*подойдя*). Что тебе, дадаш?

Д е д. Где мы находимся?

М у ж ч и н а. У себя дома!

Д е д. Хы!

М у ж ч и н а (*повышая тон*). Это наш дом, говорю!

Д е д (*показывая на негров*). А это кто такие?

М у ж ч и н а. Африканцы! С Кисельных Берегов! Мой прадед, не ты, а другой прадед, женился на дочери ихнего падишаха!

Д е д. Твой прадед?

М у ж ч и н а. Да.

Д е д. Как его звали?

М у ж ч и н а. Звали? Э-э-э... Мухтаром. Да, Мухтаром.

Д е д. Мухтар?

М у ж ч и н а. Да!

Коротка пауза.

Д е д. Да он же был молокосос!

Ж е н щ и н а (*Мужчине*). Беда со старшей дочерью! Уперлась – не поеду никуда, говорит. Плачет, мол, не могу здесь оставить дедулю одного. Хочу учиться в своей школе, говорит. Что же делать с ней, не знаю.

М у ж ч и н а. Верно она говорит! Верно! Пусть остается здесь!

Ж е н щ и н а. Валлах, и не знаю, чем все это дело обернется!

М у ж ч и н а. Хамед бин Халифа аль Тани предрекает, что все будет хорошо.

Ж е н щ и н а. А кто это такой?

М у ж ч и н а. Эмир Катара!

Ж е н щ и н а. Ой! (*Хватается за живот*.)

Появляется Новый азербайджанец в сопровождении Друга-журналиста. Начальник полиции спешит им навстречу.

Н о в ы й а з е р б а й д ж а н е ц (*Журналисту, показывая на стража порядка*). Вручи им то, что я накупил. (*Начальнику полиции*.) И твоя доля у него. (*Направляется к мужчине*.)

Д р у г - ж у р н а л и с т (*Полицейским*). Все при мне. Рассчитаемся напоследок. (*Хочет последовать за своим покровителем, но Начальник полиции хватается его за полу пиджака*.)

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Вытряхивай!

И П о л и ц е й с к и й. Он и в прошлый раз увернулся!

П П о л и ц е й с к и й. Лапшу на уши повесил и смылся!

Д р у г - ж у р н а л и с т. Ладно. Он тоже мне ведь стольник задолжал, а не дает! А у вас силы только на меня хватает! (*Достает из кармана сверток и подает Начальнику полиции*.)

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (*указывая пальцем на I полицейского*). А ему?

Друг-журналист, припертый к стене, достает еще один сверток, Начальник проворно перехватывает сверток; «даритель» хочет прошмыгнуть во двор, но начальник показывает на Второго полицейского.

Д р у г - ж у р н а л и с т. Ну, это же форменный грабеж!

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (*грозно*). Потроши карман!

Д р у г - ж у р н а л и с т. Ладно, ладно.

Начальник полиции перехватывает и второй сверток. Друг-журналист устремляется к своему патрону, а подчиненные протягивают руки к своему шефу. Тот забирает себе два свертка.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Хватит на вас двоих и одного свертка. Поделите между собой! (*Уходит к себе в будку*.)

Т е т ь к а (*кричит на Первого желтоштанника*). Вам бор дузз!

Синхронный перевод: Ты ни черта не умеешь!

Тетка раздраженно вырывает у него из рук желтый сверток и сама упаковывает.

Новый азербайджанец. Дорогой мой друг и брат! Весь мир говорит о вас! И сердце мое преисполняется гордостью! Великой гордостью! Итак, едем!

Мужчина. Едем-то мы...

Новый азербайджанец. Как это понимать?

Друг-журналист. А мы?

Мужчина пожимает плечами и показывает жестом на новоиспеченного императора.

Мужчина. Скажите ему самому.

Новый азербайджанец. Самому? (Мужчина кивает.) А что сказать? (Мужчина пожимает плечами.) Ваше величество...

Мужчина. Нет, сперва поклонись.

Новый азербайджанец. Поклониться?

Мужчина. Ну да.

Новый азербайджанец. Вот этому?

Мужчина. Да! Или ты не умеешь кланяться?

Новый азербайджанец. Вот еще! (Другу-журналисту.) Что он говорит, а? (Мужчине.) Да если собрать весь Баку, никого не сыщешь, кто бы лучше меня умел бить поклоны!

Мужчина. Ну-ну. Поглядим.

Новый азербайджанец. Вот, гляди! (Склоняет голову перед императором. Мужчине.) Видал? (Императору.) Ваше величество... (Журналисту.) Слушай, подсоби...

Друг-журналист (шепотом). А столтник-то мой зажал...

Новый азербайджанец. Нашел время канючить!.. Ну, дам...

Друг-журналист. Не верю.

Новый азербайджанец. Стольник получишь с гаком! Ну, давай, шевели мозгами!

Друг-журналист (тихо, суфлируя). Я прошу вас, столь великого человека..

Новый азербайджанец. Я прошу вас, столь великого человека...

Друг-журналист. ...столь великого...

Новый азербайджанец (Тихо). Уже сказал!

Друг-журналист. ...столь великого гения человечества... (Новый азербайджанец повторяет за ним.) ... взять и меня с собой... (Новый азербайджанец повторяет.) ...на нашу вторую столь же любимую родину – Страну Кисельных Берегов...

Новый азербайджанец (повторив подсказку и понизив голос, Журналисту). Почему «вторую»?

Друг-журналист (тихо). Первая же – Азербайджан...

Новый азербайджанец (тихо). Здесь ты дал маху...

Друг-журналист (усиленно кивает головой, мол, так надо). Осмелюсь покорнейше просить вас... (Новый азербайджанец повторяет за ним.) ...назначить меня директором вашего личного транспорта! (Новый азербайджанец повторяет фразу.)

К императору торопливо подходит Генералиссимус и, откозыряв, докладывает.

Генералиссимус. Гыр быр дыр! Джоро Туркменистан Республика зырт Сапармурад Ниязов Туркменбаши трынг пырт додо боринги пырт!

Синхронный перевод из-за кулис: О гениальный вождь! Глава Республики Туркменистан Туркменбаши Сапармурад Ниязов, позвонив по телефону, изъявил желание удостоиться чести переговорить с вашим величеством!

Генералиссимус обеими руками показывает на ковровую дорожку, ведущую в дом. Император, поднявшись, шествует в свои покои. Негры в желтых штанах и униформе, моментально оставив хлопоты, падают на колени.

Новый азербайджанец. Ваше величество, а как же моя просьба? (Император, смерив его взглядом, достает из кармана свистульку и, издав громкий свист, входит в дом.) (Другу-журналисту.) Что он хотел этим сказать? (Мужчине.) А?

Мужчина разводит руками. Когда Генералиссимус хочет последовать за монархом, Деда преграждает ему путь выставленной тростью.

Деда. погоди, послушай.

Тот, моментально остановившись, отдает честь. И негр в желтом костюме, вскочив с места, подбегает к ним, как выясняется, переводит слова Деда.

Генералиссимус. Брин дир джур, Гун Пав Юбб!

Синхронный перевод: Жду вашего повеления, о Остроглазый Орел!

Друг - журналист. Горжусь, патриарх! Рад за вас! Вот какого титула вас удостоили!

Дед. Так вы, стало быть, женили Мухтара нашего?

Генералиссимус. Абдулманаф гыр Газанфар дыр, Газанфар гыр Нурмамед дыр, Нурмамед гыр – Мирза-Манаф дыр...

Синхронный перевод из-за кулис: Сыном Абдулманафа был Газанфар, сыном Газанфара – Нурмамед, сыном Нурмамед – Мирза-Манаф...

Друг - журналист. Вот они как вызубрили родословную!

Новый азербайджанец. Они-то не такие дармоеды, как ты!

Генералиссимус (*продолжает*). Мирза-Манаф-гыр Шахгулу, Шахгулу-гыр Мамед-Гусейн, Мамед-Гусейн-гыр Аллахгулу...

Синхронный перевод из-за кулис: Сыном Мирза-Манафа был Шахгулу, сыном Шахгулу – Мамед-Гусейн, сыном Мамед-Гусейна – Аллахгулу...

Дед (*перебивая*). Хы?

Друг - журналист. Аллахгулу, патриарх, Ал-лах-гу-лу!

Дед. Чего орешь? Здесь глухих нет. Спрашиваю, кого он назвал?

Друг - журналист (*кричит*). Аллахгулу!

Дед. Аллахгулу?

Друг - журналист. Да, патриарх, Аллахгулу!

Дед. Это же мой друг! Где же он? Что не выдать его?

Генералиссимус. Грып биби мыс...

Синхронный перевод из-за кулис: Ушел в царство тьмы...

Дед. Чего-чего?

Друг - журналист. Говорит, значит, умер! Патриарх, твой друг Аллахгулу велел долго жить!

Дед. Надо же... А ведь был вполне здоровый человек!.. Что с ним произошло? Когда он умер?

Генералиссимус. Гоги бы сун мот! Ги гыр Мухтар дыр. Фыгыр Дон Быф Мухтар дыр! Фыгыр Дон Быф брибу бол джым Готкори Донира Быр-Дыр!

Синхронный перевод из-за кулис: 123 года тому назад! Мухтар был его сыном. Мухтар был Саблезубым Тигром!

Друг - журналист. Ого-го! Вот так имя дали мужику! Саблезубый Тигр! Прикол! Фантастика!

Синхронный перевод из-за кулис: Саблезубый Тигр заключил брак с Юной Пальмовой Ветвью Готкори Донирой Быр-Дыр!

Дед. Что заключил?

Друг - журналист (*кричит*). Поженились они, патриарх. Мухтар взял в жены Юную Пальмовую Ветвь!

Дед (*тычет кончиком трости ему в грудь*). Ты ступай! (*Друг-журналист не собирается уходить*.) (*Генералиссимусу*.) А я?

Генералиссимус. Гун Пав Юбб диди пир?

Синхронный перевод из-за кулис: Что изволит Остроглазый Орел?

Друг - журналист (*смеясь*). Да жениться он хочет!

Новый азербайджанец. Я вот ищу «виагру», а он хочет жениться?

Генералиссимус. Выт тыр Кисельстан бумбу хо!

Синхронный перевод из-за кулис: Это большая честь для Кисельных Берегов!

Друг - журналист. Везет же людям! Поздравляю, патриарх!

Генералиссимус. Фыф?

Синхронный перевод: Кого?

Дед. Хы?

Друг - журналист. Он спрашивает, кого же выдать за тебя замуж?

Дед (*Генералиссимусу*). Ты уж сам погляди...

Генералиссимус, откланявшись, входит в дом. И негр в желтом костюме занимает свое место за столом. Зав.протокольной частью подходит к Мужчине.

Зав.протоколом. Знаете, кто ключевая фигура во всех дворцах?

Мужчина. Ну, наверное, шах... Император...

Зав.протоколом. А вот и нет! Церемониймейстер!

Мужчина. Ну и ладно. Ну и пусть будет так.

Зав.протоколом. Как будет?

Мужчина (*испытующе глядя на мидовского чиновника*). И вы хотите в нашу компанию затесаться?

Зав.протоколом. Настоящий церемониймейстер имеет дело с самим императором! А остальные... так себе. Да, я буду, помимо того, имиджмейкером его величества!

Мужчина. Кем, кем?

Зав.протоколом. Имиджмейкером!

Мужчина. А что это за должность?

Зав.протоколом. Не знаете? О-о-о! Как опытный дипломат, доложу вам, что, не будь имиджмейкера, Кисельные Берега станут гнилым болотом!

Тетка. Гава вабырдыррыр! (*Оттолкнув I желтокостюмного негра, сама сует свою голову в сундук*).

Синхронный перевод: Из тебя ничего не выйдет!

Новый азербайджанец (упрекая журналиста за подсказку).
Маху ты дал! Напортачил! (Передразнивает.) «Моя вторая родина».

Друг-журналист. Но ведь первая родина, действительно, Азербайджан!

Новый азербайджанец. Какого рожна в такой запарке надо было заикаться об Азербайджане?!

Во двор с узелком в руке пытается пройти Подруга.

И Полицейский. Что это такое у вас?

Полицейский. Не похоже на наваристого клиента...

Женщина. Впустите! Это моя подруга!

Подруга (подойдя к ней). Значит, уезжаете.

Женщина (со вздохом). Да... Давай-ка и ты с нами...

Подруга. Нет! Что ты!

Женщина. Ну почему? Ты совсем одна... И я там не буду скучать...

Подруга. Я не могу уехать!

Женщина. Ну почему?

Подруга. Я...

Женщина. Что – «я»?

Подруга. Я... люблю его!

Короткая пауза.

Женщина. Кого именно?

Подруга. Его...

Женщина. Кого – «его»?

Подруга. Вице-премьера...

Пауза.

Женщина. А сам он знает?

Подруга. Нет...

Женщина. Тогда какая тебе разница, где его любить, – здесь или на Кисельных Берегах? Поедем. И люби себе на здоровье.

Подруга (расчувствовавшись). Нет! Я не могу изменить ему... (Протягивает ей узелок.)

Женщина. Но я обязательно приглашу тебя на церемонию коронации. (Показывая на узелок.) Что это такое?

Подруга. Память обо мне... Тебе... (Со слезами в голосе.) Кто знает, может, не судьба больше свидеться...

Женщина (дрогнувшим голосом). Не говори так.

Подруга (шмыгая носом). Возьми.

Женщина (утирая глаза). Но что это?

Подруга. Его портрет...

Женщина. Вице-премьера, что ли?

Подруга (кивая). Да. Гляди, когда вспомнишь, а не вспоминай, когда глянешь... (Обе, не сдержав слез, обнимаются.)

Генералиссимус (радостно выходя из дома во двор). Гу-у-у! Бырори дымбыр быбыр фанды зыр! Гого рапана вутир мав! Гунда дада мор мутор!

Синхронный перевод: О-о-о! Как мудр наш гениальный вождь! Как глубоко он мыслит! Судьба нашей страны для него превыше всего! Знаете, какое яркое событие сейчас произошло?

И Пнегры в желтых костюмах (в один голос). Зызы вызз...

Синхронный перевод: Нет, не знаем.

Генералиссимус. Гогизи Сапармурад Ниязов Туркменбаши гонду дуду пырмыс Кисельстан высбоджи гондири? Гинди бобо бомио мом!

Синхронный перевод из-за кулис: Господин Сапармурад Ниязов спросил у Великого Льва, что бы он хотел взять с собой в Страну Кисельных Берегов? Наш вождь ответил: полицейский свисток!

Оба негра в желтых костюмах. О-о! (Аплодируют.)

И Желтоштанник. Бонди чарпа марпа госо!

Синхронный перевод: Тысячу лет жизни гениальному вождю! (Аплодисменты.)

Дед (подзывает жестом Генералиссимуса). Поди-ка сюда.

Тот сразу подходит и отдает честь.

Генералиссимус. Гун Пав Юбб гриндо рор?

Синхронный перевод: Что изволит Остроглазый Орёл?

Дед. Кого прочишь мне в жены – на твое усмотрение. Но чтоб была полной.

Свет гаснет.

ЭПИЛОГ

Сумерки. Аэропорт. Мужчины. Гул взлетающих и идущих на посадку самолетов, голоса, крики провожающих. Свет выхватывает лицо Мужчины.

Мужчина (*машет рукой*). Ты оставайся здесь, дочь моя. Оставайся при дадаше. Но нас не забывай. Ты здесь говори на азербайджанском, учишь на азербайджанском языке. Слушай мугамы... Помни о нас. Конечно, мы будем приезжать сюда, и ты будешь навещать нас, но ты дыши этим воздухом всласть, любуйся этим морем вдосталь! И еще, ради Аллаха, никогда не помышляй об учительстве в начальной школе!.. Учителю начальных классов живется худо... И отнюдь не все сыновья учителей начальных классов становятся императорами заморских стран! (*Шагает по темной сцене и, прежде чем покинуть ее, задерживает шаг.*)

Пауза.

О, родина моя! Я не видел светлого дня на земле твоей, но почему так тяжело расставаться с тобой? О, распрекрасные соотечественники мои! Я на своем веку не видел от вас добра ни на грош, но почему так больно мне расставаться с вами? (*Стремительными шагами покидает сцену.*)

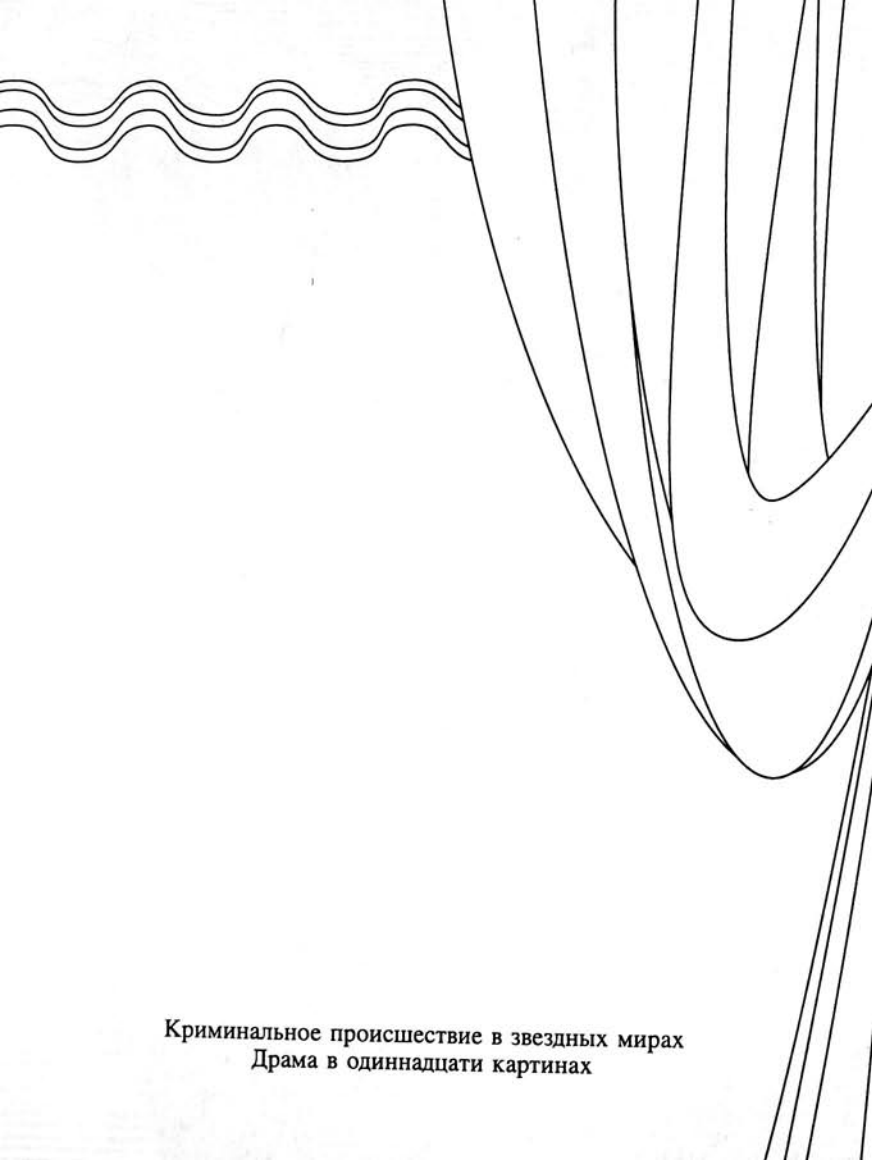
Свет гаснет.

ЗАНАВЕС

2000.

пьесы

Криминальное происшествие в звездных мирах
Драма в одиннадцати картинах

"Убийца"

Дельник

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Женщина.
 Молодой человек.
 Соседка.
 Сосед.
 Мама школьника Гасанзаде.

Место действия – город Баку.

Время действия – поздняя осень 2003 года.

I. ЛЮБОВЬ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Женщина. Мама школьника Гасанзаде, Соседка, Сосед. Квартира Женщины. Вечер. Опрятная комната с неприязательным убранством: книжные стеллажи, шифоньер, диван-кровать, стол с кипой ученических тетрадей, стулья. Женщина с ручкой в руке проверяет тетради.

Женщина (*сокрушенно качая головой*). Эх, Гасанзаде, Гасанзаде!.. Ты когда-нибудь врубишься в эту химию или нет?

Пауза.

Ведь нет ничего на свете увлекательней химии!

Пауза.

А, Гасанзаде? (*Горько вздыхает.*) Двойка тебе, Гасанзаде! Двойка! Правда, твой папаша - крупная шишка, но что я могу поделать? Опять двойка, Гасанзаде! Ах, Господи. Снова твоя маменька нагрянет...

Свет падает на мать ученика Гасанзаде, стоящую лицом к зрителям.

Мама Гасанзаде. Муаллима¹, а вы знаете, как он вас любит?!

Женщина (*не отрывая взгляда от тетради*). Пусть он не меня, а химию любит!

Мама Гасанзаде. Муаллима, вот все обращаются к нам с разными просьбами, чего-то хотят... Одна только вы...

Женщина (*пожимая плечами*). А что мне такого нужно?

Мама Гасанзаде. То есть, у вас нет никаких просьб?

Женщина (*задумавшись*). Есть!

Мама Гасанзаде (*обрадованно*). Ну и?.. Какая?

Женщина. Вот. (*Тычет пальцем в тетрадь.*) Пусть эту химию учит.

Мама Гасанзаде. Ох-хо-хо!..

¹ Муаллима (азерб.) – учительница.

Свет, падающий на нее, гаснет.

Женщина (*ставит отметку, подпись. Откладывает тетрадь и раскрывает новую*). Ахмедалиев, по правде говоря, и от тебя я не в восторге. Ну-ка поглядим... что ты тут нахимичил? (*Проверяет задание. Пауза.*) Браво, Ахмедалиев!.. (*Пауза.*) Ну-ка, признайся, Ахмедалиев, сдул? Да? (*Пауза.*) Ай-яй-яй, Ахмедалиев! Как пить дать – сдул!

Входит Соседка.

Соседка. Ай муаллима, опять ты оставила дверь незапертой?

Женщина. Не заперто?

Соседка. Ну да.

Женщина. Ну и пусть. (*Смеется.*)

Соседка. Как это – пусть?.. А если кто, чего доброго, вломится?..

Женщина. Вломится? (*Продолжает смеяться.*) Да кому я нужна?

Соседка. А-а-а... Ай муаллима, Валлах, странный ты человек! Мы вот сколько лет с тобой соседствуем? Чуть ли не десять лет. Все эти годы, каждый божий день по вечерам сиднем сидишь, над тетрадями корпишь или к урокам готовишься. А по выходным – берешься за уборку. (*Обводя взглядом комнату.*) Да тут и убирать-то нечего. Все кругом чистенько-пречистенько...

Женщина. Знаешь, какая у меня мечта?

Соседка. Какая же?

Женщина (*со смехом*). Чтоб всё здесь вот раскидали, разворотили. А я бы потом прибирала...

Соседка. А-а-а... Тогда давай поменяемся местами. Погляжу, как ты справишься. (*Проводит пальцем по горлу.*) У меня вот где сидит эта уборка! Ну, поменяемся местами?

Женщина. Но это же невозможно. У каждого на этом свете своя миссия... Ты знаешь, что такое «миссия»?

Соседка. Н-нет.

Женщина. Лучше тебе и не знать. (*Смеется.*) Я немножко чудная, да?

Соседка. Да нет же, ай муаллима, я о том, чтоб ты хоть в театр сходи-ла. На концерт или, скажем, на свадьбу чью-то... Что дома чахнешь? Ты же не стара, не развалюха, слава Аллаху, еще в соку! Валлах, диву даюсь! Тебе не осточертело быть одной-одинешенькой?

Женщина. Почему – одной? (*Усмехается.*) А Ахмедалиев? А Гасанзаде?..

Соседка (*недоуменно*). Ахмедалиев? Гасанзаде?.. Кто такой этот Гасанзаде?

Женщина (*глубоко вздохнув, подводит палец к горлу*). Довел меня вот досюда!

Соседка (*изумленно*). А-а-а.

Женщина (*показывая на тетрадь*). Вот и сегодня жирную «пару» схлопотал!

Короткая пауза.

Соседка (*сообразив, о чем речь*). Эх!.. А я-то думаю, кто такой этот Гасанзаде? (*Качает головой.*) Ну что мне тут сказать, валлах... Мой муженек сегодня дежурит, я ему съестного готовила, вижу, яички у нас кончились. У тебя не найдется? Завтра схожу на базар, верну.

Женщина. Загляни в холодильник. Должны быть.

Соседка проходит на кухню. Женщина берется за следующую тетрадь.

Женщина. А это кто у нас? Ага, это наш приятель Мамедли? Где же ты запропал? Давай-ка сюда, хоть на душе чуть полегчает. (*Просматривает тетрадь.*)

Соседка (*из кухни*). Напихала тут... стряпаешь, стряпаешь, а кушать – не кушаешь...

Женщина (*не отрывая взгляда от тетради*). Гость ко мне пожалует.

Соседка (*из кухни*). Гость?

Женщина. Да.

Соседка. И когда?

Женщина. Где мне знать. (*Всматривается в тетрадь пристальнее.*) Вот это другое дело!

Соседка (*из кухни*). С кем это ты разговариваешь?

Женщина. С Мамедли!

Соседка (*возвращается с двумя куриными яйцами. Жестом показывает на тетради*). И он – из этих твоих?

Женщина (*посмеиваясь*). Конечно. Из каких же еще?

Соседка. А гость, который... он – тоже?

Женщина. Нет, он не из этих.

Соседка. А откуда же?

Женщина (*показывая рукой на окно*). Из звездных миров...
Соседка (*укоризненно качая головой*). Эх!..

Из прихожей доносится покашливание. В дверь заглядывает сосед в форме служащего полиции.

Сосед (*женщине*). Салам¹, муаллима! (*Жене-Соседке*.) Ты не думаешь вернуться домой? Мне же на дежурство идти!

Женщина. Салам, салам. Милости прошу.

Сосед (*входит в комнату*). Как вы, муаллима?

Женщина. Я – отлично. А вы?

Сосед. А я – нет.

Женщина. Почему?

Соседка. Потому, что я – его жена.

Женщина (*рассмеявшись*). Погоди... (*Соседу*.) Ну, скажите, какие у вас печали?

Сосед. Я вот ровно тридцать четыре года служу в милиции-полиции. До сих пор задержал всего-навсего пару карманников да трех хулиганов подхомутал. И все.

Женщина. А что же должно было быть?

Сосед. Ну, хотя бы одного убийцу словил!

Женщина. Убийцу? (*Переменившись в лице*.) Господи! Ничего себе мечта.

Соседка. Изловил бы душегуба какого-нибудь – хоть премию дали бы.

Сосед (*усмехаясь, качает головой*). Не судьба...

Женщина. Вы хоть понимаете, о чем вы мечтаете?

Соседка. А-а-а... Чего тут не понимать? Хочу, чтоб и мой муженек поймал убийцу!

Женщина. Но ведь нельзя о таком мечтать!

Соседка. Почему? Другие могут задержать убийцу, а мой – нет?

Женщина. Мечтать о поимке убийцы – это значит, что кто-то кого-то должен убить.

Пауза.

Соседка. Муаллима, вечно ты все усложняешь... Потому и... (*Обрывает себя на полуслове*.)

¹ Салам (азерб.) – здравствуйте.

Женщина. Что – потому?

Соседка. Да ничего...

Женщина. Нет, ты договаривай! Не хочешь? (*С горькой усмешкой*.) Я и без того знаю, что ты хотела сказать. Ты хотела сказать: потому и жизнь у тебя не ладится, сорок один год, а все в девках сидишь одна... Так ведь?

Соседка (*смутившись*). Я... я не хотела так...

Женщина. Почему же? Ты именно это хотела сказать. И была бы совершенно права! (*Усмехается*.)

Сосед (*жене*). Ну, я пошел.

Соседка. А-а-а... Да погоди же, я сию минуту тебе еду положу...

Сосед. Нет, не хочу. До свиданья, муаллима!

Уходит.

Соседка. Опять обиделся. (*Устремляясь за мужем*.) Как это «не хочу»? До утра будешь там голодным сидеть? (*Уходит*.)

Пауза.

Женщина (*смотрит на тетрадь*). Вот такие пироги, Мамедли!

Пауза.

(*Подняв голову*.) О чем люди мечтают?! Поймать убийцу! (*Снова переводит взгляд на тетрадь*.) Валлах, Мамедли, быть тебе химиком! Причем классным! (*Вскинув глаза*.) Видишь ли, Мамедли... не всем же обзаводиться семьей... Мир такой большой... Должны же быть и одиночки... (*Здрав голову, смотрит на потолок*.) Не знаю, Мамедли, выбираете ли и вы себе звезду... но в наше время каждый из нас выбирал себе звезду... В твои годы, Мамедли, я витала в мире звезд... И у меня там, в неземных высях, была своя звезда... Сама выискала, выбрала ее... среди мириад других звезд... По ночам, едва взгляну на небо, – сразу находила ее... И хорошие разговоры у нас были с ней... Она мне нашептывала хорошие слова... Сколько звезд на небе... но ведь и они тоже не повторяют друг друга!.. А знаешь ли ты, о, мой умница, о будущее светило химии, что и та моя Звезда там, в далекой пустоте, бездне – одна-одинешенька... но я тогда не думала об этом... Она мне говорила такие хорошие слова... (*Пауза*.) Дай-ка гляну, осталась ли, светит ли звездочка моя? (*Встав, подходит к окну и*

отодвинув занавеску, всматривается сквозь стекло в небо.) Вай!.. Какие тучи нашли на небо!.. *(Возвращается на место, садится.)* Нет, дело не в тучах, дорогой мой Мамедли... та звезда... Знаешь... стесняется меня... Потому и прячется... Стыдится за те высокие, красивые слова, что тогда наговорила мне... Но – зря. Всякое бывает: жизнь... Ты скажи ей, пусть не стесняется меня... Ну, ладно, кончим об этом. Лучше я выпишу твою «пятерку»! *(Берет ручку, ставит отметку.)*

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Женщина, Молодой человек. Та же комната. Ночь. Женщина рассказывает по комнате, просматривает бумагу в руке.

Женщина. Значит, завтра в девять тридцать утра – шестой класс... Шестой... Ой, Гасанзаде, опять мы с тобой увидимся... Ну, ради Аллаха, будь человеком, засядь за уроки, ну, почитай учебник, полистай, вызубри, что хочешь сделай, чтоб завтра опять не схватить «двойку»... Хоть открой рот и скажи пару слов, а не стой, хлопая глазами. *(Останавливается.)* Погоди! Я вот сейчас pošлю тебе телепатические сигналы, чтобы ты засел за химию! *(Закрыв глаза, напрягается всем телом, изображая как бы телепатический сеанс. Переведя дух.)* Учти, Гасанзаде, если и после этого ты утром будешь мямлить у доски или молчать, мне не останется ничего другого, как взять указку в руки и хорошенько наподдать тебе! *(Смотрит на листок.)* В десять двадцать – девятый класс... В одиннадцать десять – седьмой... Ну и дождище... на ночь глядя... *(Подойдя к окну, всматривается в темь.)* Льет ливня... Небо, видать, рассердилось на землю! Правда, чуть запоздало, но, благо, что наконец-таки вознегодовало... Ладно... *(Прохаживается.)* Пора бы лечь спать. Давай, гаси свет и ложись в постель... Нет, не так, надо сказать, ложись в ледяную постель, закрой глаза и заставь себя уснуть. Ни о чем не думай! Поняла? Скажи только напоследок, кто первым выдвинул понятие о молекуле? Амедео Авонадро и еще кто? Ампер! Верно. А как звали господина Ампера? Андре Мари? Да, Андре Мари Ампер! Андре Мари и Амедео... О вы, славные люди, могло ли вам прийти в голову, что пройдет чуть ли не двести лет, и в стране по имени «Азербайджан»... в городе с названием «Баку»... в промозглую осеннюю дождливую ночь... вот в этой углой квартире, чьи стены намозолили глаза, некая учительница химии, гроза юных

лоботрясов, будет произносить ваши имена, досточтимые Андре Мари и Амедео! Черта с два! А эти стены... я ненавижу! *(Срывается на крик.)* Вы слышите? Ненавижу! Не-на-ви-жу!.. *(Пауза.)* Что ты раскричалась? Что с того, что ненавидишь? Или собираешься разнести эти стены? Гаси свет, иди спать. И не бойся темноты. Не дитя ведь. И не заводись. Ладно, не гаси свет, ложись при свете. Ну? Пойдешь спать или нет? *(Вздыхает.)* Хорошо... Ляжешь погодя... Тогда скажи-ка, кто заложил основы учения о валентности? Английский ученый Франкленд! Браво! В каком году? В 1852 году! *(Задерживает шаг.)* В пятьдесят втором или в пятьдесят третьем? А, похоже, начался склероз. Не рано ли? А? *(Подойдя к книжным полкам, берет оттуда томик, раскрывает.)* Сейчас... Валентность... Ага!.. Нет, пока еще склероза не наблюдается! В пятьдесят втором! Нет склероза, пока нет, пока... Придет погодя... поступится... *(Изображает.)* Тук-тук! Кто там? Эй, вы, «химичка», открывай да поживей, это я, склероз, явился! *(Поставив книгу на полку, продолжает блуждать по комнате.)* А когда разобрались с атомом, молекулой, эквивалентностью? В году... тысяча восемьсот шестидесятом... верно! Где? На международном химическом конгрессе в Карлсруэ! А теперь изволь объяснить, что такое спектральный анализ и его... *(Вдруг, прервав свои штудии, устремляется к окну и кричит.)* Довольно! Сколько же можно хлестать! Что за потоп? Сердце разрывается! Довольно! *(Пауза.)* Ну-ну, успокойся... Хочешь, кассету поставлю, пусть играет, а ты попляши, потанцуй вдосталь... ну, ладно, не хочешь – как хочешь. Тогда давай талдычь свою дражайшую химию... Выкладывай, как зародилась периодическая система элементов? *(Звонят в дверь.)* Это ко мне? *(Снова звонок.)* Я заперла дверь? *(В сторону двери, громко.)* Иду, милая соседка, иду! Только ты и звонишь мне, единственная моя. Кроме этих коммунальщиков – обирал... За свет, за воздух... Иду! *(Подходит к двери.)* Да еще за газ... *(Отперев дверь. После паузы, удивленно.)* Вам кого?

Голос за порогом. Здравствуйте...

Женщина. Здравствуйте. Кто вам нужен?

Голос за порогом. Вы не узнаете меня?

Женщина, пристально всматриваясь в незнакомца, пятится назад. Молодой мужчина переступает порог.

Молодой человек. Не узнали, муаллима? *(Короткая пауза.)*

Женщина *(всматриваясь в незваного гостя)*. «Книгочей»?.. Вы ли?..

Ты ли?..

Молодой человек. Да... Я...

Женщина. Ты... ты... *(Окидывая взглядом промокший костюм, волосы гостя, с которых стекают капли воды. Изумленно.)* Какими судьбами?.. Откуда ты взялся?.. И по какому случаю?..

Молодой человек. Когда-нибудь я должен был прийти сюда. И вот, наконец, пришел.

Женщина. Вы... ты же промок до нитки!

Молодой человек. Дождь идет.

Женщина. Погоди, погоди... Не ты ли поджидал меня напротив подъезда, когда я возвращалась из школы?

Молодой человек. Да...

Женщина. Вы... ты... с тех пор и продолжаешь стоять там?

Пауза.

Под дождем?

Пауза.

И вчера, кажется, ты стоял там. Это был ты, а?

Пауза.

Зачем?

Молодой человек. Не решался прийти.

Женщина *(удивленно)*. Не решался? *(Обхватывает ладонями голову.)* Ей-Богу, ничего не пойму... Ты проходи... Скинь пиджак.

Молодой человек. Ничего. Я так.

Женщина. Как это «ничего»? Снимай пиджак! *(Сняв с крючка вешалку, протягивает ему.)* Повесь. *(Молодой мужчина снимает пиджак и, накинув на вешалку, держит ее на весу.)* Ну, повесь же... вот, на крючок. *(Зацепляет вешалку.)* Проходи, присаживайся. *(Гость садится за стол.)* Продрог?

Молодой человек. Да нет.

Пауза.

Узнали-таки меня. Я и не надеялся...

Женщина. Узнала... Конечно же, узнала.

Молодой человек. Столько воды утекло...

Женщина. Я сейчас скажу точно... Я учительствую уже девятнадцатый год. Когда впервые после института вошла к вам в девятый класс, мне было двадцать два. Выходит, тебе было семнадцать.

Молодой человек. Нет, восемнадцать. Я пошел в школу на год позже.

Женщина. Ладно, пусть восемнадцать. Тебя, помнится, прозвали «книгогочеем» за твою страсть к чтению. Был еще у вас в классе один такой книголюб, Джафар... Ахмедов. Да, Ахмедов Джафар. Сейчас он журналист, и псевдоним себе выбрал: «Эльсевер». Но и он был тебе не чета... молва о твоей начитанности по всей школе шла. *(Осматривает его с ног до головы.)* Ну, ладно... Давай рассказывай...

Молодой человек. О чем?

Женщина. Это уж тебе знать. Зачем явился? Наверно, есть что сказать. Потому и пожаловал.

Пауза.

Спустя восемнадцать лет... как снег на голову... промокший до нитки... И еще спрашиваешь, о чем говорить.

Пауза.

Ты по-прежнему читаешь запоем?

Молодой человек. Когда выпадает время.

Женщина. А что – время редко выпадает?

Молодой человек *(пожимает плечами)*. Когда как.

Женщина *(раздражаясь)*. Послушай, ты уже не зеленый юнец, чтобы мяться!.. Постояй-ка... *(Закрыв глаза, напрягает память.)* Мама у тебя была... такая красивая женщина... и на волосы хну накладывала, верно говорю?

Молодой человек. Да...

Женщина. Сейчас-то, наверно, чуть постарела?

Молодой человек. Умерла.

Женщина. Прости. Да упокоит Аллах... Ты, помнится, был единственным ребенком в семье.

Молодой человек. Да, единственным.

Женщина. И папа твой скончался еще тогда... Вы оставались вдвоем – мама и ты.

Молодой человек. Да...

Женщина. А как сейчас у тебя? Семья, дети?

Молодой человек (*мотает головой*). Нет их...

Женщина. До сих пор не женился?

Молодой человек. Нет...

Женщина. Послушай, из тебя клещами, что ли, надо вытаскивать слова? Появился, на ночь глядя, и то головой мотаешь, то плечами пожимаешь. С чем пришел, зачем пришел? В такой ливень, в такое время не наносят визиты... А если б я спала?

Молодой человек. Вы всегда поздно ложитесь... И сейчас я заметил, что вы еще не спите.

Женщина (*изумленно*). Так ты по ночам... «дежуришь» на улице... следишь за светом в моей комнате?!

Пауза

(*Вдруг вспомнив*.) Погоди... Я ведь тебя видела как-то раньше... Да... Сейчас скажу... в самом начале девяностых годов... То ли в метро, то ли еще где... Причем чему-то я удивилась... Чему? Не припомню...

Молодой человек. В девяносто втором... В метро. Вы выходили со станции, мы встретились, поздоровались. Я был в форме.

Женщина. В какой форме?

Молодой человек. Военной. Только что выписался из госпиталя.

Женщина. Госпиталя?

Молодой человек. Ну да. Из Шуши отправили в гянджинскую больницу, оттуда – в Баку.

Женщина. Ты сражался в Шуше?

Молодой человек. Довелось...

Женщина. И там был ранен?

Молодой человек. Да...

Женщина. Ты находился там, когда сдавали Шушу?

Молодой человек. Нет. После госпиталя меня направили в Гедабек.

Пауза.

Женщина. Ты что-то сказал в начале разговора... Как это ты выразился?..

Молодой человек (*пожимает плечами*). Не знаю, что вы имеете в виду.

Женщина. Опять он плечами пожимает! Ну, минуточку назад... Да, ты сказал, что когда-нибудь должен был прийти сюда. Так ведь?

Молодой человек. Да.

Женщина. И что это значит, не поняла? (*Он отмалчивается*.) Послушай, бывший ученик, ты пришел сюда в молчанки играть?

Пауза.

Или просушить пиджак?

Пауза.

Молодой человек (*взволнованно*). Все эти восемнадцать лет... Каждый день... я разговаривал с вами...

Женщина. Что?

Пауза.

(*Изумленно*.) Разговаривал со мной?

Молодой человек. Да...

Женщина. Где же, каким образом?

Молодой человек. В своем воображении.

Пауза.

Женщина. В воображении... С какой стати?

Молодой человек. Потому что...

Женщина. Ну, ну. Почему?

Молодой человек (*возбужденно*). Потому что... Потому что я вас люблю...

Пауза.

Женщина. Послушай, а ты не пьян?

Молодой человек. Нисколько.

Ж е н щ и н а. Надо же, надо же... *(Вскочив с места и зажав ладонями виски, нервно прохаживается по комнате.)* Я преподавала тебе в десятом классе... Потом эта давняя минимолетная встреча в метро... и ты говоришь, что все эти годы, восемнадцать лет... разговаривал сам с собой, вернее, со мной... так сказать, виртуально... Потому что ты меня... *(Смешок.)* Потому что, оказывается, ты меня любишь...

Пауза.

Ты случайно не болен?

М о л о д о й ч е л о в е к *(резко поднявшись, задетый за живое).* Нет, я не болен. Вот почему я не решился прийти сюда. Я знал, что моя исповедь может смахивать на бред сумасшедшего. Но... *(Обрывает себя на полуслове.)*

Ж е н щ и н а. Что – «но»?

М о л о д о й ч е л о в е к. Смотря для кого!

Пауза.

Прощайте. *(Направляется к двери.)*

Ж е н щ и н а *(внимательно глядя вслед).* Когда же ты успел поседеть?

М о л о д о й ч е л о в е к *(задержав шаг, оглядывается).* Я и сам не заметил. *(Улыбнувшись.)* Вдруг хватился – седой...

Ж е н щ и н а. Бывает. И у меня так. *(Проводит рукой по волосам.)* Крашу.

М о л о д о й ч е л о в е к. Спокойной ночи.

Ж е н щ и н а. Твой же пиджак насквозь промок. Как же ты его наденешь?

М о л о д о й ч е л о в е к. Сухим из воды не выйти...

Ж е н щ и н а. В школе, помнится, ты всегда цитировал классиков. Ты и сейчас говоришь афоризмами?

М о л о д о й ч е л о в е к *(с улыбкой).* Случается... Извините меня. Действительно, я совершил сумасбродный шаг. Бывайте здоровы.

Ж е н щ и н а. До свиданья.

Он протягивает руку к скобе двери.

Ты должен понять меня.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я вас понимаю. Но я не псих, сбежавший из дурдома. Будь это так... *(Не договаривает.)*

Ж е н щ и н а. Что за привычка у тебя – говорить недомолвками! Будь это так – то что?

М о л о д о й ч е л о в е к. Тогда все было бы слишком банально.

Ж е н щ и н а. Банально? *(Усмехается.)* Мудришь что-то. Ты всегда такой, или так, к слову, вернул?

М о л о д о й ч е л о в е к. Не знаю. Но хочу, чтобы вы учили: я не пьян и не болен!

Ж е н щ и н а. Ага! Мои слова задели тебя!.. Мой незванный ночной гость обиделся! *(Со сдержанным раздражением.)* А что я, по-твоему, должна была подумать? Посреди ночи, с бухты-барахты ко мне является некий, рано поседевший принц, который в допотопные времена был моим учеником и заявляет, мол, вот уже восемнадцать лет я каждый день мысленно беседую с вами и, видите ли, люблю вас! *(Нервно прохаживаясь.)* Цирк, ей-Богу!

М о л о д о й ч е л о в е к. Я понимаю вас. Потому и не хотел приходить... Но больше сдерживать себя было неумогу. Я не мог совладать с собой. Сколько же можно подавлять себя, обуздывать свои чувства?!

Ж е н щ и н а. В юности все влюбчивы. Я тоже вот втрескалась в Раджа Капура, ну и что с того. Блажь проходит...

М о л о д о й ч е л о в е к. Как видно, не всегда... До свиданья...

Ж е н щ и н а. Ну, я и не знаю, что сказать.

М о л о д о й ч е л о в е к. Понимаю... *(С едва уловимым сарказмом.)* Мой полночный визит... Этот дикий дождь... Мое признание... Все это похоже на театр абсурда.

Ж е н щ и н а. А-а, помнится, ты и тогда любил порассуждать на интеллектуальные темы. Порой твои одноклассники тебя не понимали.

М о л о д о й ч е л о в е к. Понимать человека – дело трудное. *(Открывает дверь.)* Прощайте.

Ж е н щ и н а. Куда же ты пойдешь?

М о л о д о й ч е л о в е к. Это не имеет значения.

Ж е н щ и н а. Постой. *(Прохаживается взад-вперед. Как бы про себя.)* Сейчас будто кто-то нашептывает мне, что тебе и пойти-то некуда. *(Ему.)* Да?

М о л о д о й ч е л о в е к. Мир велик.

Пауза.

Ж е н щ и н а. Знаешь что? Повесь пиджак и посиди тут.

М о л о д о й ч е л о в е к. Мне лучше уйти.

Женщина (*показывает на стул возле стола*). Посиди! И рассказывай. Только без пожимания плечами и мотания головой. Поговори, расскажи... Кто же ты такой есть.

Пауза.

Он вновь вешает пиджак на вешалку.

Я же сказала: присядь. (*Он садится на прежнее место*.) Ну, давай, выкладывай.

Молодой человек. Что выкладывать?

Женщина. Кто ты, что ты.

Молодой человек (*с вымученной улыбкой*). Разве есть в мире человек, который до конца знал бы себя?

Женщина. Ну нет! Так дело не пойдет! Давай условимся с тобой: интеллектуальные словеса, мудреный лексикон – долой! Ты говоришь со мной запросто, ясно? Теперь вот выложи мне: кто ты есть? (*Пауза*.) Я правильно догадалась?

Молодой человек. О чем?

Женщина. Что тебе некуда пойти.

Молодой человек (*кивая, через силу*). Да, вы правы.

Женщина (*теряя терпение*). Но почему? Почему? Что стряслось с тобой? Какая беда? Почему этот мир так круто обошелся с тобой?

Пауза.

Ладно... Ты окончил нашу школу. Так?

Молодой человек. Да.

Женщина. А дальше?

Молодой человек. Потом поступил в университет. На филфак.

Женщина. С Джафаром Эльсевером? Он тоже ведь окончил университетский филфак. А теперь вот слывет признанным журналистом. Акула пера...

Молодой человек. У каждого своя судьба.

Женщина. А ты веришь в судьбу?

Пауза.

Ладно... Веришь или нет, а судьба остается судьбой. Кажется, и я ударилась в философию. Итак, ты окончил филфак...

Молодой человек. Нет, не окончил.

Женщина. Почему же?

Молодой человек. Потому что... был арестован.

Женщина (*ошарашенно*). Арестован? За что же?

Молодой человек. Не хочется об этом говорить.

Женщина. Как это «не хочется»? Нет уж, раз пришел, изволь выложить все начистоту. Я должна знать! Если ты пришел ко мне, то я должна знать все, знать, отчего, почему тебе в жизни так не повезло? Ведь был парень – светлая голова, умен, начитан, казалось бы, радужные перспективы. Но вот фортуна отвернулась от тебя. Я правильно поняла?

Молодой человек. Наверно.

Женщина. Скажи-ка, как тебя угораздило попасть за решетку?

Молодой человек. Со мной училась девушка...

Женщина. Так-так...

Молодой человек. Прилежная, чистая, бедная...

Женщина. И красивая?

Молодой человек. Да.

Женщина. Дальше!

Молодой человек. Привязался к ней отпрыск нашего профессора... Проходу не давал, преследовал... В машине своей подвезжал и торчал у входа в университет... Она боялась его... просила меня помочь... Ну, и я...

Пауза.

Женщина. Уж не убил ли его?

Молодой человек (*усмехнувшись*). Да нет, я не убийца. Подрались с ним.

Женщина. То есть, ты отлупил его. (*Со скрытой иронией*.) Выходит, ты рыцарь?

Молодой человек (*задетый за живое*). Вы просили рассказывать, я и рассказал.

Женщина. Ты всегда такой обидчивый? Ладно... Ты отмутил этого зарвавшегося барчука, и – поделом! И за это тебя упекли?

Молодой человек. Чуть намял ему бока... его папаша добился моего исключения из университета, подал в суд, пришли дело и дали четыре года...

Женщина. А что же девушка? Она не объяснила, как все обстояло на самом деле?

Молодой человек. Нет...

Женщина. Почему?

Молодой человек. Она стала валить вину на меня...

Пауза.

Женщина. Бедняга... Запугали ее...

Молодой человек. Наверно...

Женщина. А после как сложилось?

Молодой человек. Отсидел срок, вышел – здесь оставаться уже не мог. Подался в Сибирь, в Томскую область. Устроился на рыбокомбинат в Колпашево...

Женщина. В каком качестве?

Молодой человек. Рабочим... Сдал экзамены в Томский университет, поступил на заочное... Потом здесь разразились карабахские события... Там оставаться не смог. Вернулся. И – на фронт. Ранение, госпиталь, снова – фронт... Служба... В прошлом месяце демобилизовался. Вот и вся моя биография.

Пауза.

Женщина. Когда не стало твоей мамы?

Молодой человек. Когда я сидел в тюрьме.

Пауза.

Женщина. Рабочий рыбокомбината... Там, как это... в Колпашево, говоришь, морозы крепкие?

Молодой человек. Да уж, градусов под сорок-пятьдесят.

Женщина. Да, друг мой... Жизнь у тебя, скажу, не малина.

Молодой человек. Но могло обернуться и похуже...

Женщина. Куда ж еще хуже?..

Молодой человек. Хочу сказать, что... *(Постепенно как будто распалаясь.)* Не будь вас, все было бы кончено... я бы не выкарабкался... Может, это звучит, как в плохих пьесах, пусть, но это правда. Может, это маниакальная привязанность, блажь втемяшилась. Не знаю! Но не будь вас, я бы сломался! Погиб! Но я думал о вас, грезил вами, и это придавало мне сил... Это спало меня...

Женщина *(раздраженно)*. Хватит! Я не люблю патетичных слов.

Молодой человек. Я говорю правду.

Женщина. Не надо! *(Подходит к окну, всматривается.)* Как хлещет! *(Оборачиваясь к нему.)* А твои близкие, родные?

Молодой человек. Я не хочу никого видеть!

Женщина. Выходит, ты... собираешься переночевать здесь?

Молодой человек *(поспешно вставая)*. Нет, я уйду.

Женщина. Куда?

Пауза.

Не знаю, право, что и сказать. *(Снова всматривается сквозь окно в ночную темь.)* Не брошу же тебя под этот проливной дождь. *(Достает из шкафа подушку, одеяло.)* На. Ступай, постели себе на кухне и ложись... Утро вечера мудренее. Придумаешь что-нибудь. Слышишь? Иди на кухню. И дверь закрой! *(Он, все еще колеблясь, перенимает у нее подушку, одеяло и мешкает.)* Иди же на кухню.

Пауза.

Иди, говорят тебе! Я хочу спать!..

Он проходит на кухню. Она с минуту смотрит вслед.

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ночь. Женщина, Молодой человек. Та же комната, с той разницей, что в углу сцены просматривается часть кухни. На сцене полумрак. Женщина лежит на диване-кровати. Молодой человек на кухне, сидя на табуретке, курит. Она, в ночнушке, приподнявшись, усаживается в постели, некоторое время вслушиваясь в шум дождя. И снова ложится. Тишину нарушает только шум проливного дождя. Молодой человек гасит сигарету. Женщина вновь садится в постели, потом, встав, подходит к окну и притрагивается к стеклу. Молодой человек, поднявшись, подходит к двери между кухней и комнатой и останавливается. Затем, открыв дверь, входит в комнату и устремляет взгляд на Женщину.

Пауза.

Он приближается к ней и застывает в шаге от нее. Она отстраняет голову от окна и, конечно, чувствует, что он стоит за спиной.

Пауза.

Он осторожно кладет руку ей на плечо.

Женщина (*в волнении и смятении*). Нет!.. Нет! (*Он опускает ей на плечо и другую руку и привлекает ее к себе. Она, повернувшись, к нему.*) Нет!.. Нет!..

Молодой человек. Мне нет без тебя жизни! Нет у меня в этом подлом мире никого, кроме тебя! (*Хочет обнять ее.*)

Женщина (*обеими руками пытаюсь отстранить его*). Нет!.. Нет!.. (*Внезапно порывисто обнимает его.*) Где же ты был столько лет?!

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Женщина, Молодой человек. Та же комната. Вечер. Он сидит за столом. Она несет из кухни чай.

Женщина (*ставя чай перед ним*). Ты хоть знаешь, что ты натворил?

Молодой человек (*опасливо*). Что я натворил?

Женщина. Ты влюбил меня в жизнь!

Молодой человек (*с улыбкой*). Достоевский говорил: надо любить жизнь больше, чем...

Женщина (*перебивая*). Не знаю, что там говорил твой Достоевский, но каждое утро я просыпаюсь, радуясь тому, что живу! Понимаешь? (*Садится с ним лицом к лицу.*) Нет, этого никому не понять... И тебе тоже!

Молодой человек. И мне?

Женщина. Да, и тебе! Я вот сейчас гляжу на тебя, да? И сколько хочешь, могу смотреть. Могу или нет?

Молодой человек (*смеется*). Можешь...

Женщина. Но в этой коммунальной берлоге никогда такого не было. В этой клетке, знаешь, я на что смотрела?

Небольшая пауза.

Вот сюда! (*Тычет пальцем в сторону стены.*) На стену! На стену смотрела! Ты это можешь понять? Никогда со мной такого не случилось. Никогда в жизни, проснувшись утром, я не испытывала этого упоения: как хорошо, что я есть! Как хорошо, что есть этот мир! Короче говоря, знаешь, что? (*Произносит с расстановкой.*) Я жи-ву! Жи-ву!..

Небольшая пауза.

Звучит немножко громко, да? (*Смеется.*)

Молодой человек. Нет...

Женщина. Ну и пусть звучит... что ж... Это правда, как бы она ни звучала! Я уже не сижу соевой одинокой, корпя над ученическими тетрачками и химическими формулами... ведя полные разговоры с шалопаями и вундеркиндами! Ты знаешь об этом?

Молодой человек. О чем?

Женщина (*встав, начинает снова по комнате*). Ты вот знаешь, кто такой Ахмадалиев?

Молодой человек. Ахмадалиев? Конечно, знаю. Министр финансов.

Женщина (*расхохотавшись*). Да нет, голубчик. А Мамедли?

Молодой человек. Штангист! Серебряный призер чемпионата мира...

Женщина (*хохоча еще громче*). Нет, дорогой, нет... А Гасанзаде?

Молодой человек. Ну, его же все знают. Работает в таможене.

Женщина. Где-где?

Молодой человек. В таможене.

Женщина (*покатывается со смеху*). Гасанзаде... таможенник? Не приведи Бог, чтоб мамаша его услышала. Нет же, нет... Все они, знаешь, кто? Мои ученики.

Молодой человек (*вытаращив глаза*). Ах, вот оно что.

Женщина. Да, да. Знаешь, по вечерам, садясь вот здесь (*подходит к нему*) на твоём месте, я принималась за проверку тетрадей... и сама не замеча-

ла, как начинала вести вслух разговоры с учениками. *(Со смехом.)* Заочно! У меня есть соседка, добрая душа, муж в полиции служит...

Молодой человек. В полиции?

Женщина. Да... Так вот, соседка, как-то застав меня за таким виртуальным «общением», сочла, что у меня с головой чуть-чуть... *(Вертит пальцем у виска.)*

Молодой человек. Вы не шутите?

Женщина. Опять «вы»?

Молодой человек. Простите... прости...

Женщина. Когда ты сбиваешься на «вы», не знаю отчего, меня это задевает...

Молодой человек. ...Это непроизвольно. Когда в школе ты входила в десятый класс, я всегда терялся... Ты была для меня и учительницей, и... и еще самым любимым на свете человеком! По ночам сон не шел в глаза, все время передо мной стояла ты... наваждение... Да, верно, у меня была тяга к книге, страсть к чтению, но наша старая махалла¹ подбивала на такие «подвиги» и соблазны... что недолго было скатиться в урки, наркоманы или «щипачи»... Но на пути всех этих сомнительных соблазнов всегда вставал твой образ, и я говорил себе: нет, есть человек, недосягаемый, обожаемый, о любви которого мечтаю, жажду, грежу... Я проигрывал в воображении фантастическое действие, в котором совершал невыслышимые поступки во имя того, чтобы вызвать в твоём сердце отзвук, ответное чувство... Смешно, не правда ли?

Женщина *(смеется)*. Где мне знать... Мир – Божья тайна...

Молодой человек. В моем воображаемом мире властвовало дивное создание. Любимое, обожаемое существо. Это была ты! Я втайне гордился этой несбыточной любовью, берег ее, дышал ею, проверял себя ею... Что бы ни делал, думал о том, как ты отнесешься, что ты скажешь, как на это посмотришь? Опасался, а вдруг ты, которая во мне, в моем воображении, отшатнешься, отвернешься от меня... станешь презирать, ненавидеть?.. Потом я окончил школу, поступил в университет. Но ты оставалась во мне, в моей душе. Я не переставал думать о тебе! Потом... потом на меня обрушились тысячи напастей, но я продолжал думать о тебе... Стремился вести себя – сейчас, может, это покажется несколько странным, – достойно в твоих глазах, перед твоим воображаемым судом...

Пауза.

¹ Махалла (азерб.) – квартал.

Женщина. А где же ты пропал, дуралей?!

Маленькая пауза.

Молодой человек. В трясине жизни!

Маленькая пауза.

Женщина *(расчувствовавшись)*. Ты хочешь, чтобы я расплакалась?

Молодой человек. Нет...

Женщина. Тогда вот что. Веди себя, как надо.

Молодой человек. Но сейчас знаешь, чего я хочу?

Женщина. Нет, не знаю!

Молодой человек. Поцеловать тебя!

Женщина *(думая о своем)*. ...Ты не веришь, что вечерами, сидя вот там, где ты сидишь, я разговаривала со своими распрекрасными школярами! Да и не только... Есть один такой Гасанзаде, так я порой и с его мамашей вступала в мысленный диалог... Не веришь?

Молодой человек. Знаешь, что?

Женщина. Ну что, что?

Короткая пауза.

Молодой человек *(растроганно)*. Ты очень хорошая... Очень...

Короткая пауза.

Женщина *(порывисто обвивает руками его шею)*. Дорогой ты мой! Откуда ты свалился? Кто тебя ниспослал? Ты знаешь, откуда ты явился? Нет, ты не знаешь. А я знаю *(Простирает руку к окну.)* Она! Она послала тебя сюда! Звезда моя заветная!

Молодой человек. Твоя звезда?

Женщина. Да!

Молодой человек. Какая такая звезда?

Женщина. А тебе в юности не доводилось придумывать, загадывать себе звезду?

Молодой человек. Вы о небесных?

Женщина. Опять «вы»?

Молодой человек. Прости... Речь, значит, о небесных звездах?

Женщина. Конечно. На кой черт мне земные!

Молодой человек. А что... надлежало мне делать с небесными звездами?

Женщина. Беседовать... Тебе не приходилось?

Молодой человек. Увы...

Небольшая пауза.

Женщина. Ну конечно же, ты был смел, бесстрашен, красив... Зачем тебе было выбирать себе звезду на небе? А вот у меня была... В те времена мы жили в двухкомнатной квартире. Мать с отцом спали в одной, я – в другой. Моя комната была с балкончиком. По ночам, когда предки мои засыпали, я выходила на балкончик, сразу находила свою небесную избранницу. Сяду на балконе и начинаю беседовать с ней, воспаряя в мир прекрасных грез о будущем. А покойный отец знаешь, как воспринимал мои полночные бдения? Думал, что я вздумала готовить уроки при луне... а свет в комнате гашу, чтобы они спали спокойно. Бывало, папа встанет с постели, сонный, подойдет, обнимет: «Пора баюшки, дочка». *(Закрывает глаза.)* Ну зачем ты меня побуждаешь все это рассказывать? Вот возьму и разревусь!

Молодой человек. Я не хочу, чтобы ты плакала.

Женщина. Но и слезы, верно говорят, облегчают. Поплачешь – и легче на душе... Но это не про меня...

Молодой человек. Почему?

Женщина. Потому что я не умею плакать... Ладно... О, милый мой человек. Значит, у тебя не было своей звезды?

Молодой человек. Нет.

Женщина. А у меня была... И теперь иногда вижу ее... но она избегает меня... Избегала... Теперь я должна сказать своей прекрасной небесной наперснице, чтоб впредь перестала таяться... Она ждала, ждала, ждала, и, наконец, знаешь, что сотворила? Ниспослала, милый, тебя... *(Смеется.)* Конечно, ты и не ведал об этом. А о чем ты ведал вообще, а? Скажи-ка!

Молодой человек. О том, что судьба привела меня к тебе...

Небольшая пауза.

Женщина. Чья судьба – моя или твоя?

Молодой человек *(поднимается на ноги)*. Наша! *(Обнимает ее.)* Обоих!

Женщина. Звучит несколько странно...

Молодой человек. Ты же говоришь: неважно, как звучит.

Женщина. Дорогой мой... Любимый... Мне раньше и в голову не могло прийти, что кому-то я скажу: «Любимый». Это же ужас! Как вспомню об этом, волосы дыбом... Да? Любимый мой... Любимый мой... Любимый... Как хорошо, что ты не ушел в ту дождливую ночь! Когда ты собрался уходить и сказал: «До свиданья» – сердце у меня захолонуло: «Сейчас ты уйдешь»... «А что станется потом?» – сверлило мозг, сердце, все мое существо. «Что потом? Что?..»

Молодой человек. И у меня после того «до свиданья» екнуло сердце, заколотилось: «Удержишь или нет?» Удержала...

Женщина. Конечно, я должна была удержать тебя! Конечно! Знаешь, когда я просыпаюсь по утрам, когда радуюсь тому, что живу на свете, – вот тогда передо мной возникает ты. Понял? Да? *(Целует его.)* Понял или нет? Да?

Молодой человек. Да.

Женщина. Скажи громче!

Молодой человек *(кричит)*. Да! Да! Да!

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Полдень. Лестничная площадка. Слева – дверь квартиры Женщины. Напротив – дверь соседей. Женщина, что-то напевая про себя, торопливо поднимается по лестнице, достает ключ из ридикуля и отпирает дверь. Из противоположной двери выходит Соседка с большой хозяйственной сумкой.

Соседка. Салам, муаллима!

Женщина. Салам, салам. Как живется-можется?

Соседка. Перебиваемся...

Женщина. Ты слышала такую вот песенку? *(Напевает.)*

Фаэтонщик невезучий,

Нет судьбы моей черней.

Кто ни сядет, попускает:

На бульвар гони коней...

Слышала?

Соседка *(недоуменно)*. Нет...

Женщина. Так вот. Мелодия – прелесть, а слова глупые. Почему, спрашивается, у фээтонщика судьба должна быть «черной»? А? Такая прекрасная мелодия. *(Напевает.)* Фээтонщик невезучий... Во-вторых, фээтон! Кони прекрасные! Бульвар... море... Надо бы спросить у этого фээтонщика: чего ты расхныкался, дурень, с какой стати судьбу клянешь?

Соседка. А-а-а... Муаллима, видишь ли, сказать-то неудобно... Ты стала какой-то не такой...

Женщина. А ты не знаешь?

Соседка. О чем?

Женщина. Не знаешь?

Соседка. Нет...

Женщина *(смеется)*. Тогда какая же ты соседка?

Соседка *(встревоженно)*. Ну, что стряслось?

Небольшая пауза.

Женщина. А то, что я стала счастливой!

Соседка. А-а-а!..

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Женщина, Молодой человек. Квартира Женщины. Полдень. Женщина, напевая под нос, водит шлангом пылесоса, убирая комнату, и, дойдя до стола, останавливается. Берет со стола исписанный лист.

Женщина *(поводя страницей перед глазами)*. О, чудесное письмо! Вот как этот наш приятель-пылесос берет энергию из электросети, так и я черпаю силы в тебе... Ясно? Понятно, почему я перечитываю тебя без конца? *(Читает вслух.)*

Голос Молодого человека. «Моя дорогая! Любимая моя! Жизнь моя! Я ускользаю тихонько, чтобы не разбудить тебя... Сейчас я выйду отсюда и через секунду, через одну только секунду уже заскучаю по тебе... Вновь все мои мысли устремятся к тебе, вновь я буду спешить к тебе. Знаешь ли, что такое для меня твое тепло?..»

Женщина. Стоп, прекрасное письмо! Еще раз хочу насладиться этими словами.

Голос Молодого человека. «...Знаешь ли, что такое для меня твое тепло?»

Женщина. Повтори еще...

Голос Молодого человека. «... Знаешь ли, что такое для меня твое тепло?..»

Женщина. «Твое тепло...» *(Закрыв глаза, как бы вслушивается в слова. И вновь продолжает перечитывать письмо.)*

Голос Молодого человека. «Я не могу выразить это обычными словами... Представь себе... ненастье... дождь... ветер... И в гнездышке неоперившийся птенец, зажавшийся мамы. Ее все нет и нет, куда-то улетела. Птенец выглядывает из гнездышка, ищет глазами. Вдруг порыв ветра, нагнулась ветка, и птенец выпал из гнезда... И очутившись на слякотной земле, дрожмя дрожит, зябнет, мерзнет... Вот то, чем было тепло гнезда для птенца, то же и твое тепло для меня... всю жизнь вот так же я всматривался, озирался вокруг, ища тебя, ожидая тебя... Кажется, это чуть напоминает индийские фильмы, да?»

Женщина. Нет!

Голос Молодого человека. «Скажи правду, напоминает или нет?»

Женщина. И пусть! И очень хорошо! Это никого не касается! Пусть! *(Прикладывает письмо к губам.)* Вот так, волшебное письмо! Я зарядилась. *(Обращаясь к пылесосу.)* Поехали!

Продолжает уборку. Звонят в дверь. Она обрадованно бежит и открывает дверь.

Женщина. Где ты застрял? *(Он входит в комнату.)*

Молодой человек *(кланяется)*. Поздравляю!

Женщина *(растерянно)*. Меня?

Молодой человек. Ну да.

Женщина. По какому случаю?

Молодой человек *(торжественно)*. В связи с днем вашего рождения!

Женщина *(совершенно ошарашенная)*. Ой!.. Сегодня... *(Вздых.)* Да ведь и вправду...

Молодой человек *(подтверждая кивком головы)*. Так точно! Сегодня не только ваш... твой день... *(Протягивает ей букет нарциссов, который прятал за спиной.)* Сегодня – самый лучший день на свете!..

Женщина (*все еще пребывая в замешательстве, принимает букет*). А как же ты узнал об этом?

Молодой человек. Это мой секрет!

Женщина. Много у тебя таких секретов? Милый ты мой. (*Не в силах сдерживать своих чувств, обнимает его.*) В первый раз... в первый, ты слышишь? (*Срывается на крик.*) В первый раз в моей жизни открывается дверь и мне преподносят цветы. В школе, бывало, по праздникам мама Гасанзаде приносила мне пышные букеты. Но те цветы были чем-то вроде взятки... Я их и домой не носила, оставляла в учительской... (*Вдыхая запах цветов.*) Уже расцвели нарциссы? Как рано... А как ты узнал, что это мои самые любимые цветы?

Молодой человек. Тоже мой секрет.

Женщина. Ты – кто? Дед-Мороз?

Молодой человек. Нет, я – некто, любящий тебя и не достойный тебя...

Женщина. Не достойный?

Молодой человек. Разумеется.

Женщина. Больше не говори таких слов! (*Достав из шкафа вазу, ставит в нее цветы.*) Иначе я подумаю, что ты иронизируешь надо мной. Понял? Ты меня не считаешь достойной тебя.

Молодой человек. Ты меня не знаешь хорошо... Я знаю, что говорю.

Женщина. Перестань! Это я-то не знаю тебя? Я знаю тебя лучше, чем ты сам.

Молодой человек (*рассмеявшись*). Тогда скажи-ка, кто я?

Женщина. Ты – мой дорогой, любимый человек!.. Подойди... Садись... (*Тянет его к столу.*) Мы с тобой отметим день моего рождения!

Молодой человек. Наш день!

Женщина. Да, наш! Мы выпьем шампанского! Мы опьянеем!

Молодой человек. Но когда я хмелею, бываю несносен. (*Смеется.*)

Женщина. Не страшай. Я не из пугливых. Не смотри, что такая. Сейчас принесу шампанское! (*Направляется на кухню, но передумывает.*) Нет, дай-ка я сперва приоденусь, наряжусь.

Забирает из гардероба платье и проходит на кухню. Он останавливается у книжных полок, рассматривает, выбирает книгу, листает. Она возвращается из кухни в нарядном платье, с бутылкой шампанского и двумя фужерами.

Женщина (*кокетливо кружится перед ним*). Ну, как?

Молодой человек (*восхищенно*). У меня... нет слов!

Женщина. Миллион лет не надевала это платье. По-твоему, идет?

Молодой человек. Ты стала совершенно другим человеком!

Женщина. Да, ты прав. Я стала другим человеком. Знаешь, временами я боюсь... Боюсь, как бы сама из себя не выскочила и не убежала...

Молодой человек (*со смехом*). Не бойся...

Женщина. Не бояться?

Молодой человек. Да... Потому что внутри каждого человека – тысяча других...

Женщина. Как это так?

Молодой человек. Человек, видишь ли, вроде сундука. Внутри – все, что угодно... Есть новое, есть и рухлядь. Есть золото и есть мишура, дребедень... Каждое платье в том сундуке – на свой лад, покрой, моду. Не вяжущиеся друг с другом вещи... Потому в одном человеке таится тысяча!

Пауза.

Но все, что внутри тебя, прекрасно.

Женщина. Тогда я не похожа на твой символический сундук.

Молодой человек. Почему же? Просто все в тебе прекрасно по-своему, по-разному. И ты прекрасна. И этот наш день прекрасен. И шампанское в твоей руке! Ну что ж, пальцем?

Женщина. Дай-ка я налью воды в вазу.

Молодой человек. Я налью. (*Отставив книгу, берет вазу, идет на кухню, продолжая разговор оттуда.*) Да у тебя не кухня, а ни дать, ни взять лаборатория!

Женщина. Самой приходится выкручиваться... Покупать и колбочки, и реактивы... Это тебе не прежние времена, о мой бывший ученик. Ныне, в эту прекрасную эпоху перехода от социализма к капитализму, школа сидит на бобах. Будь осторожен. В тех колбочках – всевозможная пакость. (*Берет книгу со стола и ставит на полку.*) Может, завтра мне переговорить с мамашей моего Гасанзаде? А?

Молодой человек (*из кухни*). О чем?

Женщина. Насчет тебя.

Молодой человек. Насчет меня?

Женщина. Да. До каких же пор тебе сидеть без работы? Муж у нее – большой начальник, замминистра или что-то вроде... Она все время твердит

(подражает): «Если вы в чем-то нуждаетесь, всегда буду рада помочь...». Вот я и поймаю ее на слове. Попрошу помочь, устроить тебя на работу.

Молодой человек (входит и ставит вазу на стол). Какую же работу?

Женщина. Не знаю. Сам подскажи.

Молодой человек. Кондуктором трамвая!

Женщина (смеется). Ты не шути. Я – серьезно.

Молодой человек. Мне интересно услышать от тебя, в каком качестве ты меня видишь?

Женщина. Знаешь, если честно, я это обмозговала. Меня осенила идея...

Молодой человек. Какая?

Женщина. Тебе она придется по душе.

Молодой человек. Ну, не тяни...

Женщина. Твое место... (Выдерживает паузу.)

Молодой человек. Где?

Женщина. В библиотеке!

Молодой человек. Что-что?

Женщина. Библи-о-те-ка! Я попрошу, чтоб ее распрекрасный муж устроил тебя в библиотеку.

Молодой человек. Библиотекарем?

Женщина. Да!

Небольшая пауза.

Я в точку попала?

Молодой человек (рассмеявшись от души). Как тебе сказать... Посмотрим... Но пока ты подыщешь мне работу, шампанское скиснет.

Женщина. Нет, нет, мы не дадим ему скиснуть. Давай за стол! (Он усаживается. Она протягивает ему бутылку.) А ну-ка бабахни. Пстой, минуточку. (Подойдя к шкафу, шарит в ящике, потом в другом.)

Молодой человек. Что ты там ищешь?

Женщина. Перстень. Странно... Не могу найти.

Молодой человек. Может, в другое место клала, забыла?

Женщина. Нет! Аллах ведает, сколько лет уже я его не ношу.

Молодой человек. Может, кто-то его взял?

Женщина. Да кто сюда заходит...

Молодой человек. Ну, мало ли... Соседи...

Женщина. Нет. Не такие они люди...

Молодой человек. Людей не раскусишь.

Женщина. Да ну его к черту, этот перстень! (Подходит к столу.) Давай шандарахни!

Он откупоривает бутылку с шумным хлопком.

Молодой человек (наливая в фужеры). За твоё здоровье! «Лет до ста расти вам без старости!»

Женщина. Ой, не пугай меня. Куда там сто?.. За тебя!

Пьют.

Ага. Кажется, хмелю. Когда это я пила в последний раз? Не припомню. А ты, мой герой? Ты знаешь, что ты – мой герой? Мой рыцарь без страха и упрека.

Молодой человек. Куда уж, без страха. Я же трусишка.

Женщина. Трусишка?

Молодой человек. Да...

Женщина. И чего ты боишься?

Молодой человек. Шучу...

Женщина. Нет, ты скажи мне, чего ты боишься?

Пауза.

Не отстану от тебя, пока не скажешь. К тому же, я опьянела!

Молодой человек (с возрастающим волнением). Чего я боюсь? Смерти! Придет время, пробьет час – и меня не будет. Все останется на месте, те же улицы, те же дома, небо, солнце, звезды... А меня – нет. Как подумаю об этом, жуть берет. Чуть с ума не схожу... И не будет никакой разницы между мной и последним бомжем. И он умрет и обратится в прах, и я... спину без следа...

Пауза.

Женщина. Но это не только твоя проблема. Это участь всех людей, всего живого, гениев, пророков...

Молодой человек. Слабое утешение...

Женщина. Но ведь... не может быть все так бессмысленно, конечно... Где-то что-то должно быть... Обязательно. Надо так рассуждать... Ведь есть... есть Аллах...

Молодой человек. А кто-нибудь его лицеизрел?

Пауза.

Женщина. Порой мне сдается, что... что ты – страшный человек...

Небольшая пауза.

Ладно, хватит... Что это за разговор мы завели!

Молодой человек. Да уж... *(Улыбнувшись.)* Жизнь и без того сложна.

Женщина. И не стоит усложнять ее еще больше. *(Поднимает фужер.)* Как же ты можешь быть трусом, если отважился ни с того ни с сего явиться домой к строгой... ужасно строгой учительнице? А? *(Чокается с ним.)* О, ты, именующий себя трусом! О, человек, грешащий на себя! Сейчас я произнесу очень реалистический тост. Выпьем за тот славный день, когда такие отважные сыны, как ты, вернут Шушу! Вернут Карабах! В честь сыновей, которые дадут врагу такой укорот, что они впредь не сунут свой нос в страну, которую мы называем Азербайджаном! Пьем?

Молодой человек. Поехали.

Пьют.

Молодой человек. Ты говоришь, что я грешу на себя? *(Смеется.)* Может быть... Достоевский говорит, что человек всю жизнь, по сути, не живет. А созидает себя...

Женщина *(садясь на диван)*. Опять ты за своего Достоевского?

Молодой человек *(показывает жестом на потолок)*. Достоевский – мой Бог.

Женщина. Ну, в таком случае, кто для тебя Всевышний? Ах да. Ты сказал, что пока его никто не выдвигал...

Молодой человек. Ты ревнуешь меня к Достоевскому?

Женщина *(с еле уловимым кокетством)*. Может быть...

Молодой человек. Без Достоевского жизнь выглядела бы весьма пресной и бесцветной...

Женщина. Выходит, все, кто жил до Достоевского, влачили бесцветное существование?

Молодой человек. Не знаю! Не знаю, кто когда и как жил! *(Обернувшись к ней.)* Знаю только то, что я люблю тебя больше, чем Достоевского!

Женщина. Да ну?..

Молодой человек. Уверен на сто процентов!..

Женщина. Да погоди же...

Молодой человек. Нет, не смогу... *(Притянув ее к себе, осыпает поцелуями.)*

Женщина *(вырываясь из его объятий)*. Ведь у меня остался еще один тост...

Молодой человек. Это потом!..

Женщина. Нет! Я должна провозгласить сейчас... Если не скажу – будет черной неблагодарностью... *(Встав, берет фужер со стола, подходит к окну, всматривается в небо и поднимает фужер.)* Выпьем за нее!

Молодой человек. За кого же?

Женщина. Подойди сюда! Возьми фужер и подойди. *(Он исполняет просьбу.)* Выпьем в честь моей звезды! *(Пьет.)*

Молодой человек. Знаешь, я сейчас совершенно реалистичный человек!

Женщина. Ты не хочешь выпить за мою звезду?

Молодой человек *(неистово)*. Я сам знаю, чего хочу! *(Обняв ее сзади, начинает целовать.)* Поняла?

Женщина *(смеясь, возбужденно)*. Постой же... ой!.. Остановись!.. Постой же, реалист ты этакий!..

Молодой человек *(целуя)*. Нет!.. Не могу остановиться! Нет!..

Женщина. Ну хоть свет погаси!..

Протянув руку к выключателю, он гасит люстру, – свет на сцене гаснет.

Молодой человек *(в темноте)*. Моя дорогая... Любимая... Прекрасная моя...

Женщина *(в темноте)*. Ой!..

Молодой человек *(в темноте)*. Хорошо тебе?

Женщина *(в темноте)*. Да!.. Да!.. Да!..

II. В МИРЕ ЗВЕЗД

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Женщина, Сосед (Полицейский), Звезда (Соседка),
Почтальонша (Мама школьника Гасанзаде).

Мир Звезд. Сцена окутана белыми облаками и со всех сторон обнесена белым забором. Деревья, цветы, бабочки, время от времени порхающие над сценой, щебечущие птицы, словом, все сущее на сцене – белого цвета. Все участники действия, кроме Женщины, – в белоснежных одеждах.

Женщина (*выглядывая из двери, озирает Мир Звезд*). Это здесь? Похоже, я шла по верному пути... (*Громко.*) Эй! Это Звездный Мир?

Пауза.

Проходит на сцену через двери.

Ой, как красиво!.. Белым-бело! Чистота! Надо же, до сих пор я не сподобилась побывать здесь... (*Зачарованно оглядывает все вокруг.*) В таком чудесном месте... (*Громко.*) Эй, есть кто-нибудь здесь?.. Никого... А где же звезды? Что им? Парят себе в небесах... И здесь, смотри, какие угоды себе выбрали!.. (*Громко.*) Эй, отзовитесь, есть ли кто-нибудь? Эг-е-ей!

Полицейский (Сосед) выкатывается на сцену на белой деревянной лошадке с увесистыми крыльями.

Полицейский. Что за шум-гам?

Женщина (*изумленно*). А вы откуда взялись здесь?

Полицейский. Как это «откуда взялись?» Я здесь начальник управления охраны!

Женщина. В Звездном Мире?

Полицейский. Так точно.

Женщина. И здесь есть охранное ведомство?

Полицейский. А как же! Разве можно обойтись без охраны?

Женщина. Я... я явилась, чтобы увидеть свою Звезду.

Полицейский. Которая она, ваша Звезда?

Женщина. Самая красивая из звезд! Самая любимая! Самая добрая!

Полицейский. Понял! Понял, которая!

Женщина. Узнали?

Полицейский. Конечно. Что стоит ее узнать!

Женщина. Ой, как здорово! Как я могу ее увидеть?

Полицейский. Надо сказать Почтальонше, а она доложит Звезде.

Женщина. А как мне увидиться с Почтальоншей?

Полицейский. На то нужно мое разрешение.

Женщина. Ваше?

Полицейский. Да!

Женщина. Вот и ладно! Прошу вас дать разрешение.

Пауза.

Я к вам обращаюсь. Прошу дать разрешение увидиться с Почтальоншей, а после с моей Звездой!.. Я спешу!

Пауза.

Ну я же с вами говорю!

Полицейский (*взвывает*). А вы знаете, какая у меня грошовая зарплата?

Женщина (*вытаращив глаза*). Что?

Полицейский. Зарплата, говорю, пшик!

Женщина. Пшик?

Полицейский. Да!

Женщина (*ошарашенно*). Разве и здесь... существуют деньги?

Полицейский (*передразнивая*). «Разве и здесь охрана... разве и здесь... деньги?..» А где их нет?

Пауза.

Женщина. Но что... как быть мне?

Полицейский (*показывая на лошадку под собой*). Сам-то я перебыл, а вот она вот уже столько дней не жавши!

Белая лошадка моргает черными глазницами, и две большие «слезинки» падают на пол.

(Лошадке.) Не плачь! (Дрогнувшим голосом.) Видите! (Утирает свои глаза.)

Женщина (сокрушенно). Вижу... увы, у меня нет ничего, чтобы поддержать вас...

Полицейский (вышагивая по сцене взад-вперед верхом на лошадке). Горемычная! Всегда мне попадают те, у которых за душой ни гроша... ни разу не видел, чтоб кто-то с мощной явился и поинтересовался своей Звездой!

Женщина. А они вовсе не приходят сюда?

Полицейский. Кто?

Женщина. Ну те, с мощной.

Полицейский. Когда им по кайфу...

Женщина. Тоже у вас разрешения выпрашивают?

Полицейский (показывая на верхний угол сцены). У них свои каналы.

Женщина. Что же тогда мне-то делать? (В отчаянии.) Прошу вас! Я обязательно должна увидеть ее!

Полицейский (лошадке). Не реви! (Вновь из лошадиных глаз падают две крупные «слезинки».) Вот видите!..

Женщина. Вижу... Пусть она не плачет... Мне не по себе...

Полицейский. Что ей, бедолаге, делать, как не плакать. (Лошадке.) Что с того, что ты белая? Судьба-то у тебя черная. Кабы было наоборот...

Пауза.

Женщина. Я прошу вас!.. Меня там (показывает рукой вниз) ждут... Я спешу!..

Полицейский (лошадке). Не плачь! Слезами горю не поможешь.

Женщина. Умоляю вас...

Полицейский (лошадке). Ну что тут поделаешь, дружище мой! Мы с тобой сердобольные... Что? Что ты хочешь сказать? (Нагнувшись, приставляет ухо к губам лошадки.)

Женщина. И что она говорит?

Полицейский. Потому, говорит, мы и дошли до жизни такой... (Кричит.) Почтальонша! Почтальонша!

Женщина. Вот спасибо!

Полицейский. Почтальонша! (Ворчит.) Эта не может без ломания прийти. (Орет.) Почталь-о-о-нша-а!

Женщина. Благодарю!

Появляется Почтальонша (мама школьника Гасанзаде), размахивая большими белыми крыльями.

Полицейский (сердито). Ну вот, наконец, явилась!

Почтальонша (язвительно). У меня нет, как у других, персональной лошадки.

Полицейский (лошадке). Ей невдомек, что тебя и кормить надо.

Почтальонша. Я перебираюсь без транспорта. Но, по справедливости, мне полагалась бы лошадь. Ибо Почтальон – я, а не кто-то другой.

Женщина (изумленно). И вы здесь?

Почтальонша. Чем я хуже других?

Женщина. Да нет. Я не к тому... (Осматривается.) Никак не возьму в толк...

Почтальонша. Я здесь работаю по связям...

Женщина. Я и должна связаться со своей Звездой. (Показывает на Полицейского.) И разрешение получила.

Почтальонша (смерив взглядом Полицейского). Ах-ах.

Женщина. Нет, вы не смотрите на него. Он очень добросердечный человек.

Почтальонша (снова покосившись на стража порядка). Ах-ах.

Женщина. Да, да!

Полицейский (вполголоса, Женщине). Но она – не я, учтите.

Женщина (Почтальонше). Я очень спешу. Меня там (жестом показывает вниз) ждут. Прошу вас оповестить мою Звезду!

Почтальонша. Займите очередь!

Женщина. Очередь?

Почтальонша. Да.

Женщина. Разве есть еще кто, ищущий встречи с моей Звездой?! Ведь это только моя Звезда!

Почтальонша. Что с того, что других нет. Порядок есть порядок. Хотите вне очереди? Ну... тогда смотрите...

Пауза.

Женщина (проведя руками по всему телу). У меня нет ничего.

Почтальонша. Ничего?

Женщина. Да, ничего.

Почтальонша. Тогда – в очередь. (*Взмахнув крыльями, собирается удалиться.*)

Женщина. Пойдите! Я...

Почтальонша. Ну, что «я»?

Женщина. Я поставлю Гасанзаде в четверти «тройку».

Почтальонша. «Четверку»!

Женщина (*заупрямившись*). Нет, «тройку»!

Почтальонша. «Чет-вер-ку»!

Женщина (*распалаясь*). Никогда! Я никогда не поставлю ему «четверку»! (*Подступив к Почтальонше, смотрит на нее в упор.*) Никогда! (*Поводит пальцем перед ее носом.*) Это невозможно. Вы меня не заставите!

Почтальонша. «Пятерку»!

Женщина. Нет.

Почтальонша. Тогда прощайте. (*Взмахивает крыльями.*)

Женщина. Ну... ладно... (*Давясь слезами.*) «Пятерку»!..

Почтальонша. Вот это другое дело. Подождите, я оповещу (*подчеркнуто*) вашу Звезду! (*Метнув взгляд на Полицейского.*) Ух-ух! (*Размахивая крыльями, покидает сцену.*)

Полицейский (*лошадке*). Поехали, дружок. Опять нам не повезло.

Женщина. Почему ж не повезло? Ведь вы совершили добро.

Полицейский. Кому?

Женщина. Мне.

Полицейский. А что взамен получил?

Женщина. Мое огромное, сердечное спасибо.

Полицейский. Одним спасибо сыт не будешь. Даже сердечным.

Вбегает Звезда (*Соседка*) в белой карете, – она внутри кареты без днища и передвигает ее сама. Открыв дверцу, выходит.

Звезда. Где она?

Женщина (*обескураженно*). Это вы... моя Звезда?

Звезда. Да.

Женщина. Прекраснейшая, любимейшая Звезда?

Звезда. Да-да.

Женщина недоверчиво переводит взгляд на Полицейского. Тот, сперва пожав плечами, затем утвердительно кивает головой.

Полицейский (*лошадке*). Поехали, мой друг злосчастный! (*Пускается вскачь, покидая сцену.*)

Женщина. Наконец-то я увидела вас! Я так жаждала вас увидеть! Я не хотела, чтобы вы переживали...

Звезда. Не хотела, чтоб я переживала?

Женщина. Да!

Звезда (*взволнованно*). Как вы догадались, что я переживаю?

Женщина. Я чувствовала... чувствовала, что вы переживаете!..

Пауза.

Звезда. Эх... (*Смерив ее взглядом с головы до ног.*) А как вы можете мне помочь?

Женщина (*воодушевленно*). Я хочу, чтобы знали: отныне я не одинока! Правда, я долго, слишком долго томилась в одиночестве. Но, помните, тому назад лет двадцать пять, я там (*показывает пальцем вниз*) по ночам сживала на балконе, выискивала вас в небе и, не сводя взора с вас, предавалась мечтам, делилась с вами несбыточными грезами, изливала душу, исповедовалась. Помните? А теперь вот я купаюсь в море счастья, о котором некогда грезил! Мои бывлые беседы с вами, мои мечты и грезы казались чудесным, но несбыточным сном... до недавнего времени... Долго длился этот сон... А теперь сбывся! Должна ли была я это вам сказать? Конечно, должна...

Звезда (*перебивая*). Минуточку, милая. Минуточку! Все это прекрасно. Но как вы сможете мне помочь?

Женщина. Я говорю все это к тому, чтобы вы больше не избегали меня, не прятались... Ведь я чувствовала, что вы, взирая оттуда (*показывает вверх, потом оглядывается вокруг и поправляет себя*), то есть, вот отсюда вниз (*сопровождает слова жестом*), на меня, видите мои будни, повседневную серую, постылую жизнь и... переживаете... стыдитесь меня... Я это чувствовала! Видела! Видела, что вам горько и больно за мои разбитые надежды, воздушные замки, пустые химеры... Но теперь я хочу, чтобы перестали тревожиться за меня! Я... я действительно счастлива!

Звезда. Мне очень приятно, что вы счастливы! Наконец-то за свою звездную жизнь мне довелось увидеть хоть одного счастливого человека! Но... как вы поможете мне, хотелось бы знать.

Небольшая пауза.

Женщина. Я же сказала.

Небольшая пауза.

Звезда. Что вы сказали?

Женщина. Что я счастлива.

Звезда (*чуть ли не в истерике*). А я?! (*Плачет*). Я-то как? Вам-то что!.. Вы счастливы! А меня вот выпроваживают на пенсию! Если я впредь не буду сверкать по ночам на небе, то кому я нужна? Никому! (*Плачет еще громче*). На что гожусь? Ни на что! Пусть хоть иллюзорно, но я хочу дать кому-то там (*показывает пальцем вниз*) надежду! Вы там (*тот же жест*) думаете, что только у вас бывают желания, только вы умеете предаваться мечтаниям? Только вы страшитесь одиночества?

Женщина (*растерянно-участливо*). Успокойтесь...

Звезда. Легко сказать «успокойтесь». А вот понять, войти в положение – куда вам... (*Плачет*). Смотрите оттуда (*жест книзу*) и думаете: а что, светит, сверкает себе... Отлично!.. Прекрасно!.. Романтика!.. А вот попробуйте влезть в шкуру этой «романтики», тогда поймете... Тогда поймете... Тогда... (*Рыдает*.)

Женщина. Успокойтесь же!.. Чем я могу вам помочь?

Звезда. Вы – ничем! По тому, как эта карга Почтальонша сердито окликнула меня, я поняла, что вы ей ничего не дали! Потому что у вас ничего, кроме мечтаний... нет! Вы тоже одна из множества тамошних (*тычет пальцем вниз*) людей, все достояние которых – пустопорожние мечты! Но его (*поднимает палец вверх, показывая на верхний угол сцены*) одними мечтами не ублажишь!

Женщина (*пристально всматривается в верхний угол сцены*). А кто же он?

Звезда (*удивленно*). А вы не знаете?

Женщина (*мотает головой*). Нет...

Звезда (*про себя*). И впрямь – счастливица... (*Женщине*.) Главный Звездилла. (*Плачет*.) Как подумаю, что больше никогда не сверкать в небе – ужас охватывает!

Женщина. Но ведь вы... вы не такая, какой видите отсюда... (*Показывает вниз*.) Зачем тогда вам сверкать в небе?.. Говорите: дарить надежду, хоть иллюзорную. Зачем вам обманывать себя?

Звезда. А вы не обманываете себя?

Женщина. Не знаю... (*Пауза*.) Но я хочу вам помочь...

Звезда. Каким образом? (*Показывает пальцем на верхний угол сцены*.) Он за просто так от своего не отступится!

Женщина (*прохаживаясь*). Что мне дать вам? Что?

Звезда. Ничего. Уходите. Возвращайтесь назад! (*Плача*.) К своим мечтаниям... Возвращайтесь, упивайтесь своим счастьем! (*Подходит к «кажете»*.) Забудьте меня!

Женщина. Но я не хочу забыть вас! (*Срывается на крик*.) Не хочу я забыть вас! Слышите? Не хочу!

Звезда (*войдя в «карету», закрывает дверцу*). Прощайте!..

Женщина. Нет!.. Нет!.. Я отдаю вам свой перстень! Снесите, отдайте ему. Пусть он отвяжется от вас! (*Смотрит на свои пальцы*.) Где же мой перстень? Где?

Свет гаснет.

III. БЕДА

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Ночь. Женщина, Молодой человек. Квартира Женщины. На сцене темно.

Голос Женщины. Где же мой перстень? Где?

Голос Молодого человека (*спросонок*). Что такое? Что случилось? Что ты ищешь?

Голос Женщины. Мой перстень! Где мой перстень?

Вспыхивает свет. Женщина в ночной рубашке сидит на диване-кроватьи. Молодой человек в пижаме стоит застыв перед ней.

Молодой человек. Перстень?

Женщина (*потирает обеими руками виски*). А? Перстень?

Пауза.

Молодой человек. Что на тебя нашло?

Женщина. Ничего... *(Уставившись на него.)* Что на меня нашло...
(Он пожимает плечами.) В самом деле... куда делся мой перстень?
 Молодой человек. Какой перстень?
 Женщина. Ну, мой, мой... И в прошлый раз искала – не нашла...
 Молодой человек. На что тебе перстень среди ночи?
 Женщина. Сама не знаю...

Пауза.

Молодой человек. Погасить свет? Лучше поспим.
 Женщина. Погоди... Куда же он подевался? *(Встав с постели, открывает секцию шкафа, шарит рукой в ящиках.)*
 Молодой человек. Нельзя ли отложить поиски на утро?
 Женщина. Зачем на утро? Поищу сейчас... *(Ворошит в шкафу.)*

Закурив сигарету, он начинает прохаживаться по комнате.

Что ты так занервничал?

Молодой человек. Я? Нисколько. Но не могу понять... Просыпаясь с криком среди ночи и начинаешь обшаривать дом...
 Женщина. Ты не видел этот перстень?
 Молодой человек. Зачем мне он сдался?
 Женщина. Я не о том, что он тебе нужен. Спрашиваю, видел или нет?
 Молодой человек. Нет! Не видел.

Короткая пауза.

Мне не нравится твой тон.

Женщина. Почему же?
 Молодой человек. Не знаю... Давай спать...
 Женщина. Я ищу свой перстень. Имею я право искать свой перстень?
 Молодой человек. Может, и полицию позовешь?
 Женщина *(подступает к нему и смотрит в упор)*. Послушай! Почему ты так боишься полиции?

Короткая пауза.

(Сверля его глазами.) На твоём теле – ни единого шрама... рубца...

Короткая пауза.

Молодой человек. Я думал, ты меня любишь. Оказывается, ты была занята медосмотром...

Женщина *(словно не слышит его)*. Ты говорил, что был ранен в Шуше... Но... *(пожимает плечами)* на твоём теле нет ни единой царапины.

Молодой человек. Да! В Шуше меня контузило! А контузия не оставляет следов на теле!

Женщина. Вчера я возвращалась из школы автобусом... Вдруг я вспомнила, когда я тебя видела раньше... Я тогда зашла на базар... ты сидел в лавке у мясника и играл в нарды в компании базарных торговцев... И никакой такой военной формы на тебе не было...

Молодой человек. Что с тобой произошло в эту ночь?

Женщина *(словно не слышит его)*. Я даже тогда подивилась: ничего себе, наш «книгочей» в мясной лавке, с базарными торговцами.

Молодой человек. А торговцы не люди, что ли?

Женщина. Нет... Почему же... Но...

Молодой человек *(перебивая ее, кричит)*. Ну что с тобой, черт возьми?!

Женщина. Со мной? Ничего... Разве я не могу сказать о том, что видела?

Молодой человек *(раздраженно)*. Я же твердил, что не достоин тебя! А ты мне: «Не говори так, не говори так!»

Пауза.

Женщина. Ты взял перстень?

Пауза.

Но, прошу тебя, не лги! Ладно? Очень прошу... Знаешь... я устала... Не знаю, отчего, но очень устала...

Пауза.

Молодой человек. Я не могу сказать тебе все. Есть вещи, о которых трудно говорить. Я не хочу причинять тебе боль...

Женщина. Ты взял перстень?

Молодой человек (*распалившись*). А что я должен был делать? Сказать тебе, что мать моя помирает с голоду, ты кормишь меня, возьми и мать на свое содержание?! Не мог же я сказать... Да! Мать моя подыхала с голоду! Я продал перстень и деньги отдал ей!

Пауза.

Женщина. Но ты говорил, что мать твоя скончалась... давно...

Молодой человек (*выйдя из себя*). Не все, что я говорил, надо было принимать на веру!

Короткая пауза.

Прости... Давай спать... Поговорим завтра... Ты сама увидишь, что все не так драматично...

Женщина (*как бы сама с собой*). Все было ложью... (*Вспоминая*). «Все эти восемнадцать лет, каждый день я разговаривал с вами...» Ты рисовал меня в своем воображении, да?

Молодой человек. Ты взвинчена, возбуждена. Сейчас ночь. Да, я совершил скверный поступок. Каюсь. Но давай спать. Поговорим завтра. Не драматизируй ситуацию.

Женщина (*словно не слыша его*). Ты следил за мной... Куда я хожу, что я делаю, когда гашу свет, когда ложусь, когда встаю... Решил, ага, вот в самый раз, одинокая, беззащитная телка...

Молодой человек. Перестань!

Женщина. ...Выходит из дому, идет в школу. Возвращается восвояси... Ты неспроста выбрал и время для визита – ту пасмурную дождливую ночь. Да? (*Горько смеется*.) Специально выбрал, чтобы добиться большего эффекта...

Молодой человек. Да ты соображаешь, что ты мне говоришь?

Женщина. Соображаю...

Молодой человек. Ты отдаешь себе отчет?

Женщина. Отдаю... И то утреннее письмо тоже было ложью, да?

Молодой человек. Какое письмо?

Она прикладывает ладони к вискам, застыв в напряженной позе. Он ходит по комнате, вдруг остановившись перед книжными полками, рассматривает книги. Последующий диалог – ретроспекция, озвученная их голосами.

Голос Женщины. О, прекрасное письмо! Как этот наш приятель пылесос черпает энергию в электросети, так и я черпаю силы в тебе! Понятно? Понятно тебе, почему я перечитываю тебя в который уже раз!

Голос Молодого человека. «Моя дорогая... Любимая моя!.. Жизнь моя!.. Я ускользаю тихонько, чтобы не разбудить тебя... Сейчас выйду отсюда и через секунду, через одну только секунду заскучаю по тебе... Вновь мои мысли устремятся к тебе, вновь я буду спешить к тебе... Потому что, понимаешь ли ты, что значит для меня твое тепло?»

Голос Женщины. ...Стоп, прекрасное письмо! Дай насладиться еще раз этими словами.

Голос Молодого человека. «Потому что, понимаешь ли ты, что значит для меня твое тепло?»

Голос Женщины. Повтори еще...

Голос Молодого человека. «Понимаешь ли ты, что значит для меня твое тепло?»

Голос Женщины. Мое тепло...

Голос Молодого человека. «Я не могу выразить это обычными словами. Представь себе... осень... дождь... ветер... Неоперившийся птенец в гнездышке заждался маму... Выглядывает из гнезда, ищет глазами... порыв ветра качнул ветку, и птенец выпал из теплого гнезда на холодную сыкотную землю... зябнет, мерзнет... Твое тепло – то, чем было гнездышко для птенца... Я всю жизнь вот так же искал, ждал тебя... Кажется, все это напоминает индийские фильмы, да?»

Голос Женщины. Нет!

Голос Молодого человека. Признайся, напоминает или нет?

Голос Женщины. И пусть! Это никого не касается! Пусть напоминает!..

Короткая пауза возвращает нас в реальное время.

Женщина. ...Все было ложью. И письмо – тоже...

Молодой человек. Какое письмо?

Женщина (*усмехаясь*). Улетучившееся... Давнее письмо... Древнее письмо...

Молодой человек (*установившись на книги в стеллажах*). Перечитывать старые письма хорошо хотя бы потому, что на них не нужно отвечать... Байрон говорил.

Женщина. Ты так и проживешь всю жизнь, повторяя чужие слова?

Молодой человек. Давай спать. Поговорим завтра.

Женщина. Что ты за человек? *(Истерично.)* Как можно уснуть после такого светопреставления?

Молодой человек *(резко)*. Хватит орать на меня! *(Подходя к ней.)* Те, кого ты называешь «чужими», не чета школьнику Гасанзаде, его мамаше и папаше!.. Ты избличаешь ложь, ты стремишься найти правду, да? Но что есть правда? Знаешь, что сказал Достоевский, от которого ты отмахиваешься? Он говорил: если мне докажут, что Христос – это одно, а правда – нечто совершенно другое, то я приму сторону Христа, а не истины... Ты уразумела? Вот тебе цена правды! У каждого человека – своя правда. И у меня – своя!

Пауза.

Женщина *(как бы про себя)*. В ту дождливую ночь у меня было ощущение, что все происходящее – фальшь... спектакль... И та ночная встреча, и те душещипательные излияния – все игра... Но я пренебрегла этим ощущением... По сути, я подавила, изгнала его из сердца... За этот месяц оно порой вновь просыпалось во мне. «Послушай меня!» – зывало оно, но я сразу затыкала ему рот. Гнала прочь от себя: убирайся, оставь меня в покое! Я боялась этого чувства, понимаешь? Боялась, потому и не подпускала близко!..

Молодой человек. Давай спать, говорю тебе!

Женщина *(словно не слыша его)*. Когда я отлучалась из дому, ты обшаривал все в доме... Выискивал мой паспорт, вызнал день моего рождения... Вычитал из моего старого дневника, что я обожаю нарциссы... Но... ты, начитанный грамотей, знаешь ведь, нельзя совать нос в чужие дневники... А ты в мое отсутствие рыскал мышью по всем углам, да?

Молодой человек. А ты-то что делала? Когда я спал, изучала мое тело! Ты хотела пристроить меня библиотечкарем! Потому что в твоём представлении я не способен на большее! Ты видела меня в обществе библиотечных клопов. *(Иронически копируя ее.)* «Моя Звезда! Моя Звезда!» Ты могла задумательно беседовать со своей астральной фантазией, а того, кто был рядом, запросто уязвляла в сердце. Я был для тебя лишь статистом, фигурантом, избавившим тебя от одиночества! Неважно кто, – тля, букашка, лишь бы была живая душа, которая избавила бы тебя от словопрений с виртуальными школярами... Но я не хочу быть для кого-то тлей, букашкой, собачкой на поводке! Ты думаешь, тебе есть что сказать, а мне нечем крыть? Да, я обретаюсь в твоём доме! У меня нет

денег! Да, ты купила мне костюм! Но всякий раз ты поглядываешь на свой презент с покровительственным бахвальством, которое унижает меня. Твои взгляды едва ли не говорят: выйди на улицу и возвести на весь мир: гляди, честной народ, какой милости сподобила меня моя госпожа! Что ж, может, и вправду мне выйти и закричать на всю улицу?

Пауза.

Женщина *(спокойно)*. Перестань.

Пауза.

Молодой человек *(подходя к ней)*. Я же просил, отложим разговор до утра, поспим... *(Хочет обнять ее.)*

Женщина *(вырываясь)*. Нет, не хочу...

Молодой человек. Не хочешь меня?

Женщина. Не хочу!

Молодой человек. Хочешь!

Женщина. Отпусти...

Молодой человек. Хочешь! Ведь вижу!

Свет гаснет. Голоса в темноте.

Женщина. Нет!..

Молодой человек. Да!

Женщина. Нет!..

Молодой человек. Не хочешь?

Короткая пауза.

Женщина. Хочу...

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Женщина и Соседка. Лестничная площадка. Женщина, поднявшись по лестнице, отпирает ключом свою дверь. Из двери напротив выходит Соседка с большой хозяйственной сумкой..

Соседка. Салам, муаллима.

Женщина. Салам, салам! Как ты?

Соседка (показывает на свою сумку). Да вот, видишь...

Женщина (с улыбкой). Та же сумка, та же улица, тот же базар...

Соседка. Да, муаллима. Та же сумка, та же улица, тот же базар...

Женщина. Но, знаешь... Почему человек бывает неблагодарным?

Соседка. Что?

Женщина. Почему, говорю, человек бывает неблагодарным к судьбе своей? Разве плохие были деньки? Я по ночам сидела себе дома и разговоры вела с Гасанзаде, а ты думала, что у меня крыша чуть поехала... (Смеется.) Валлах, хорошие были деньки!

Соседка (пожимая плечами). Ну, что мне сказать, муаллима...

Женщина. Соседки-кумушки судачат обо мне, да? Говорят, мол, ко мне повадился ходить мужчина?

Пауза.

Скажи честно, говорят?

Соседка. Ну и пусть говорят!

Женщина. Что именно?

Соседка. То, что ты сказала.

Женщина. «Как ей не стыдно», «на глазах у всех к ней в дом ходит мужчина...», «а еще учительница!» Да? Так и говорят?

Соседка. Да. Но я их сажаю на место. Ну и что ж, говорю, мужчина к ней ходит? Кому они мешают? Кому худо от этого? Мало ли что может быть. У людей бывает сотня, тысяча забот, и есть люди, которые...

Женщина (перебивает с улыбкой). Как в той песне поется?

Фаэтонщик невезучий,

Нет судьбы моей черней.

Кто ни сядет, понукает:

На бульвар гони коней...

Хорошая песенка, да?

Соседка. Да как сказать...

Женщина. Спасибо тебе! За то, что заступаешься за меня.

Открыв дверь, входит к себе в квартиру и закрывает дверь. Соседка, глядя вслед, пожимает плечами.

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Женщина, Молодой человек. Квартира Женщины. Вечер. Она стоит у окна и смотрит на улицу. Звонят в дверь. Она оглядывается. Снова звонят. Она неспешно подходит к двери и отпирает.

Голос Молодого человек (из-за двери). Здравствуй.

Женщина. Здравствуй... пришел?

Молодой человек. А ты не хотела? Если б не пришел – не заскучала бы? Скажи честно.

Женщина. Может, и заскучала бы.

Молодой человек. То-то и оно. Есть что-нибудь перекусить?

Женщина. Все, что есть, на кухне. Поди, глянь.

Молодой человек. Мне хочется, чтоб ты подала на стол. Нет, не потому, что я господин, а ты – обслуга. Нет. Я к тому, чтобы было... какое-то тепло... забота... Чоб ты подала на стол, подседа ко мне, чмокнула... А после... перейдем на диван...

Женщина (отвернувшись, смотрит в окно). Ты же сам говорил, что не достоин этого.

Молодой человек. Да, говорил! А что на это отвечала ты?

Женщина. Я? Я сердилась на тебя...

Молодой человек. То-то... (Постепенно распалаясь). Я знаю! Ты ждешь от меня любви! Но пойми! Ты... ты женщина иного склада... Я не говорю, плохая, такая или сякая... Извини меня, но я скажу! Ты... порой... не надо бы мне тебе этого говорить, но говорю: порой ты становишься неинтересной! Я

думал иначе, когда видел тебя со стороны... на расстоянии... Ты ищешь правду. Вот я и выкладываю правду: ты порой становишься неинтересной для меня... Выспониаается одно суждение, но ты опять уличишь меня в повторении чужих мысли. Да, повторяю. Марина Цветаева заметила: богини выходили замуж за богов, рожали героев, но они же влюблялись в волопасов. Вот они-то и были интересными: влюблявшиеся в волопасов, искавшие приключений богини! Ты – человек умный. Говорю это к тому, чтоб ты поняла меня...

Ж е н щ и н а. Ты ищешь богиню?

М о л о д о й ч е л о в е к (*рассмеявшись*). Да где им взяться? Будь такая – сама отыщет меня! Я не стану стучаться ни в чьи двери.

Ж е н щ и н а. Что ж поступался в мою?

Пауза.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ты ждала меня, потому.

Пауза.

Разве нет?

Ж е н щ и н а. Ждала...

М о л о д о й ч е л о в е к. Вот так-то.

Ж е н щ и н а. Я сегодня отыскала телефон Джафара Эльсевера, позвонила ему... Да, верно, вы вместе учились в университете... Верно, тебя исключили из университета. Но вовсе не за рыцарскую доблесть... (*Усмехается*.) Не за справедливое побоище в защиту «прекрасной дамы». А за то, что ты украл одежду из раздевалки в спортзале...

Пауза.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ты начала проверять меня? Давай-давай. Мне не привыкать.

Ж е н щ и н а (*повернувшись к нему, в испуге*). Кто же ты такой? Игрок? Аферист? Вор? Кто ты?

М о л о д о й ч е л о в е к (*с усмешкой*). И сам не знаю. Честное слово, не знаю. Знаешь, о чем мне подумалось? Может, мне должна была встретиться не ты, а Мессалина... чтоб отомстить мне за таких несчастных, невезучих... еще каких?.. Таких обманутых... видишь, я не обеляю себя... обманутых, как ты! Но мне встретила ты. Знаешь, почему?

Ж е н щ и н а. Нет.

М о л о д о й ч е л о в е к. Потому что Мессалина знает, кому ей попасться на пути! (*Прохаживаясь*.) Вместо того чтобы держать при себе, создать условия, использовать в своих делах, ты проверяешь меня! Проверь! Но поразмысли поглубже... Вот жила-была мадам де Сталь. Всею Парижу мозги задурила, романы крутила, самым лучшим среди нелюбимых мужчин называла своего первого мужа. (*Смеется*.) То – мадам де Сталь, выдавшая виды, а ты чиста, и любимый твой, и нелюбимый, и хороший твой, и плохой – это я... И воспоминаний у тебя, кроме меня, разве что ученические каракули да еще нафталиновый запах учителей вашей школы, холодной, как кладбище! Нафталином пропахли не только их костюмы, а вся их жизнь, все утро. Мечты, радости... По сути, они просыпали свою жизнь нафталином, чтобы моль не разъела... и влчат они бессмысленное существование... Им, бедолагам, уже не суждено вытащить свою жизнь из нафталина... Так и останутся по горло посыпанные нафталином, до конца своей убогой жизни, глаза сквозь толстые стекла своих очков на мир, в котором живут другие... Но я вырвал твою жизнь из нафталиновой трясины. Я прав или нет?

Ж е н щ и н а. Прав, прав.

М о л о д о й ч е л о в е к. Иронизируешь?

Ж е н щ и н а (*спокойно*). Нет. Ты совершенно прав.

М о л о д о й ч е л о в е к. Вот видишь, я не настолько плох, как тебе кажется. Подойди сюда! Подойди ко мне!

Ж е н щ и н а. Нет. Уже все кончено.

М о л о д о й ч е л о в е к. Кончено? (*Смеется*.) Все только начинается.

Ж е н щ и н а. Нет. Действительно, кончено. Больше у меня ничего нет. И деньги на моем банковском счету исчерпаны. (*Усмехается*.) Когда ты исследовал мой паспорт, наверное, не преминул заглянуть и в мою банковскую книжку, не так ли? А ну-ка, мол, поглядим, сколько эта глупенькая «учиха» накопила на черный день, откладывая от зарплаты по копейке?

М о л о д о й ч е л о в е к. За кого ты меня принимаешь?

Ж е н щ и н а (*отрешенно*). Это уже не имеет значения.

М о л о д о й ч е л о в е к. Итак, у тебя уже ничего нет?

Ж е н щ и н а. Да.

М о л о д о й ч е л о в е к. Ошибаешься.

Ж е н щ и н а (*с усмешкой*). Что же у меня осталось?

М о л о д о й ч е л о в е к. Не ты ли говорила: «Мне ничего не нужно, кроме тебя»?

Ж е н щ и н а. Говорила...

Молодой человек. Я тот же человек! Возможно, огорчаю тебя, говорю лишнее, но я – тот же человек, которого ты ждала. И все слова, которые я тебе говорил в ту ненастную дождливую ночь, были правдой. Я безумно любил тебя... По сути, и по сей день люблю... Подойди сюда. Подойди ко мне.

Женщина. Прошу тебя, перестань играть. Я устала, пойми! Устала!

Молодой человек. Ты меня ненавидишь, да? Я знаю, знаю, что ненавидишь. Но... именно поэтому ты должна быть благодарна мне! Да! Да! Я говорю правду! Опять же, хоть есть один человек, которого можно ненавидеть. Иначе жить бы тебе, как прежде, мертвой жизнью! Некого было бы ни любить, ни ненавидеть! Это и есть жизнь! Живая жизнь! Подумай – и поймешь, что я прав. Но теперь ты отказываешь мне во всем. *(Иронически.)* «Больше у меня ничего нет». *(Обводит жестом стены.)* А это? Такие апартаменты! *(Передразнивая.)* «Больше у меня ничего нет!»

Пауза.

Женщина *(потрясенно)*. Откуда ты свалился на мою голову?! Ведь есть же на свете женщины во сто крат и краше, и богаче меня, и со связями во сто крат большими! Почему ты пришел именно по мою душу? Откуда ты взялся?

Молодой человек. А ты не знаешь?

Женщина *(истерично)*. Нет! Не знаю! Не знаю!

Молодой человек *(подходит к окну)*. Сама же говорила: меня ниспослала твоя звезда! *(Яростно тычет пальцем в окно.)* Вот она и послала меня! Смотри!

Женщина. Не хочу! Не хочу! Не хочу! *(Мечется по комнате, пытается унять волнение.)* Давай договоримся с тобой... Ты уходи... Ты уходи и больше не являйся сюда... Уходи... Я больше не хочу тебя видеть... Ты, наверно, еще встретишься со многими... Может, встретишь такую, с которой все будет хорошо... Уходи... Больше не появляйся здесь...

Молодой человек. Ты выгоняешь меня?

Женщина. Прошу тебя, уходи... Больше не трогай меня, прошу тебя...

Молодой человек *(передразнивая)*. «Больше не трогай меня»... Да кто тебя трогает?!

Женщина *(вне себя, кричит)*. Уходи! Убирайся! Чтоб ноги твоей здесь не было!

Свет гаснет.

КАРТИНА ОДИННАЦАТАЯ

Женщина, Молодой человек, Сосед. Квартира Женщины. Ночь. Она, сидя за столом, проверяет ученические тетради, но чувствуется, что не может собраться с мыслями. Встает, прохаживается, снова садится. Звонят в дверь. Вскинув голову, Женщина некоторое время смотрит в сторону двери. Снова звонок. Она встает и открывает дверь.

Женщина. Опять ты пришел?

Молодой человек переступает порог.

Молодой человек. Здравствуй.

Женщина. Ты опять пришел?

Молодой человек. А что мне – ночевать на улице? *(Закрыв дверь за собой, проходит в комнату.)*

Женщина. Ты что, у меня на роду написан?

Молодой человек. Да. А что написано пером, того не вырубишь топором. Не знаешь?

Пауза.

Послушай, меня осенила прекрасная идея.

Женщина. У тебя, оказывается, бывают и прекрасные идеи?

Молодой человек *(задетый)*. Вот видишь? Не даешь и рта раскрыть, а потом начинаешь толковать вкривь и вкось. Что я тебе в конце-то концов? Такой уж страшный монстр, что и слова доброго не могу сказать? *(Расхаживает назад-вперед.)* Тогда я выражусь иначе. Я подаю тебе хорошую идею плохого человека! *(Смеется.)* Несколько странную, но в общем отличную. Только что пришла на ум. Все наши проблемы решаются. Сказать?

Женщина. Ну, валий.

Молодой человек *(задержав шаг)*. Усынови меня!

Женщина *(ошеломленно)*. Тебя? Усыновить?

Молодой человек. Да. Я тебе соврал насчет возраста. Я пошел в школу не на год позже, а напротив, на пару лет раньше. С пяти лет. Я уже знал алфавит, читал сказки... и думал, что этот глупый мир – нечто наподобие сказ-

ки... (Усмехнувшись.) Короче... когда я учился в десятом классе, мне было пятнадцать лет. Не веришь?

Женщина. Почему же. Верю.

Молодой человек. Тогда возьми меня в приемные сыновья. А что, чем плохо? Будь у тебя сын – он был бы лучше меня? Усынови... (Испытующе смотрит на нее.) И я не пойду в ваше роно «капать» на тебя за совращение бывшего ученика... (Смеется.) Шучу... Как я ни плох, а до этого не опущусь... Впрочем, кто знает... Может, и опущусь. (Смеется.) Человек уж такая тварь, от которой можно ожидать все, что угодно. Я неправ? Ты и сама можешь вдруг выкинуть такое, что и в голову не могло прийти? Да?

Женщина (пожимая плечами). Может быть...

Молодой человек. Я вижу!.. Вижу, что ненавидишь меня... И думаешь, что своим испепеляющим взглядом вызовешь во мне угрызения совести? Ой ли! Те, что мизинца моего не стоят, – на коне, на плаву. Когда я обиваю пороги, часами торчу у дверей выскочки и неуча, – что ж его совесть молчит, не протестует? Почему же я должен испытывать муки совести? Где была совесть у жирующих, пирующих, когда я подыхал с голоду?

Женщина. Ты подыхал с голоду?

Молодой человек. Где тебе знать! Что ты вообще знаешь обо мне? Ни черта! (Входя в раж, с сарказмом.) Джафар Эльсевер, видишь ли, сказал, что я украл одежду... Да, украл! Но стал бы человек, вот настолечко (показывает кончик пальца) сносно живущий, красть барахло в спортзале?.. Не будь я в страшной нужде, докатился бы до такого? Почему ты не хочешь подумать об этом? Джафар Эльсевер!.. А чем он промышляет, Джафар Эльсевер? Катает статьи в газеты за мзду! Того превозносит, этого изобличает – и всё за деньги! Он, видишь ли, хорош, а я плох! Ладно, пусть так! Тогда возьми меня в приемные сыновья. Воспитывай. И тебе будет хорошо. Не останешься одинокой. Заживем под одной крышей... Будущей невестке накажу, чтоб тебя не обижала... Внучат на прогулку разрешу водить... А будешь вести себя хорошо, можем и побаловать, когда останемся одни... ну, скажем, разочек в месяц... (Смеется.) Но не более того...

Пауза.

Женщина. За кого ты мстишь мне?

Молодой человек. Что?

Женщина (как бы про себя). Я все ломаю голову: за что? За что он вымещает на мне свою злость? За кого отыгрывается на мне?.. В чем я провинилась?

нилась, чтоб так изгаляться надо мной?.. Что я такого совершила в жизни? Что я видела в жизни, чтоб успеть еще и взять грех на душу...

Короткая пауза.

Послушай... ты мстишь мне за свою злосчастную судьбу? За свою беспомощность?

Молодой человек. Что? (Смешавшись.) Это я-то злосчастный? Беспомощный? Да разве есть на свете человек беспомощнее тебя?

Женщина. Нет.

Молодой человек. То-то и оно! Если и было нечто светлое в твоей жизни, то это – я! Думаешь, я не чувствую, как ты упиваешься мной? (Смеется.) Да уж, и ты не промах... (Маячит перед ней.) Кто бы подумал, что в этой бесстрастной даме, переступившей балзаковский возраст, таится такая ненасытная страсть?!

Пауза.

Женщина (спокойно). Ты предлагаешь усыновить тебя?

Молодой человек. Да, ваша милость!

Женщина (тем же спокойным тоном). Тогда это дело надо обмыть...

Молодой человек (удивленно). Обмыть?

Женщина. Конечно!

Молодой человек. Клянусь, ты еще умнее, чем я предполагал! Значит, мир? Ты ведешь меня в ресторан?

Женщина. Значит, в ресторан? (Встает.)

Молодой человек (со смехом). Есть ли в этом брэнном мире место лучше ресторана?

Женщина. Это мы еще посмотрим... Сядь. (Проходит на кухню.)

Молодой человек (глядя ей вслед). И впрямь, ей-ей, эти женщины – тайна непостижимая! (Ходит взад-вперед.) Кто бы, например, мог предсказать, что Анна Каренина бросится под поезд? (Громко.) Тебе помочь?

Женщина (из кухни). Нет...

Молодой человек. Валлах, она душа-человек. А я – последняя сволочь...

Она возвращается с двумя бокалами шампанского на подносе.

О-о-о!.. Я-то думал, ты шутишь... А где же бутылка?

Женщина. В холодильнике. Сядь. *(Ставит бокалы на стол и садится сама.)*

Молодой человек. Это – особый кайф... А я заладил про ресторан! Ну да, горбатого могила исправит. *(Хохотнув.)* Что тут поделаешь? *(Садится и берет бокал.)* Ну, выпьем? За мать и великовозрастное дитя! *(Отпив несколько глотков, подмигивает.)* Но сегодня, кажется, нам придется позабыть о нашем новом статусе!.. За твоё здоровье! *(Делает еще несколько глотков.)* Я наговорил тебе гадостей... Прости меня. Я и сам понимаю, что говорил гадости... Позволил себе жестокие шутки... Но все проходит... И боль твоя пройдет... Не знаю, замечала ты или нет, – отсечешь ветку с дерева, дерево некоторое время плачет, источает сок, а после забывает про рану. Срез зарастает, дерево как бы молодеет, становится крепче...

Пауза.

(Пьет.) Ладно, ну, прости меня...

Женщина. Поздно.

Молодой человек. Прощать никогда не поздно. Просто нужно уметь прощать!.. Знаю, я причинял тебе обиды... Но ты будь выше меня! Будь на высоте! Прощай! Ведь и ты ранишь меня в сердце... *(Пьет.)* Или ты думаешь, у меня вместо сердца – камень? Увы, нет... Ты говоришь, будто я мщу тебе за свое злосчастье... Могут ли быть слова страшнее?!

Пауза.

Кто знает... Но и счастье – штука относительная... Кто же счастлив? Укажи мне!.. Я искренне пью за твоё здоровье! *(Пьет.)* Честное слово. Я действительно люблю тебя! Не веришь?

Пауза.

(Показывает кончик пальца.) Хоть на столечко?

Она мотает головой.

Напрасно! Нет в мире плохих людей! Просто людей надо понимать... Ты думаешь, что знаешь меня? Может, я в мечтах воспарял выше твоих звездных миров?! Где тебе знать, что творится в моей душе? Может, я сам ненавижу себя больше, чем ты? Где тебе знать! Разве не так?

Женщина *(пожимает плечами)*. Где мне знать...
 Молодой человек. Я говорю правду! Я, например, уверен на сто процентов, что ты – неплохой человек!
 Женщина *(усмехаясь)*. Как сказать...
 Молодой человек. На сто процентов!
 Женщина. А насчет себя?
 Молодой человек. Себя?
 Женщина. На сколько процентов?
 Молодой человек *(с растерянной улыбкой)*. Процент не считал... не знаю...
 Женщина. Выходит, ты сам себя не знаешь? Почему же?
 Молодой человек. Ты думаешь, человек знает себя самого?.. Короче говоря... я знаю только то, что обхожусь с тобой нехорошо...

Пауза.

Кажется, я становлюсь сентиментальным... От тебя, наверное, перешло... *(Смеется.)* Если человек сентиментален, значит, он хороший! Не так ли?

Женщина *(вновь пожимает плечами)*. Откуда мне знать...

Молодой человек. Но ведь я же сказал... просил тебя – прости меня! Слышишь? Ты вся ушла в себя... Я никогда не видел тебя такой... далекой... Ну, хочешь, упаду перед тобой на колени?..

Женщина. Нет, не стоит...

Молодой человек. Я знаю тебя... рано или поздно простишь... Вот в эту же ночь простишь... *(Пьет.)* Говорю же, у тебя такие волшебные... вкусные руки!..

Женщина улыбается.

И шампанское словно необычное. Ты разливала в бокалы – потому оно стало таким вкусным...

Женщина улыбается.

Давай все начнем заново! Клянусь, будет здорово! Я понял очень многие вещи... Не смотри, что я травил тебе душу... Может, ты и говорила правду... Не повезло мне в жизни... Может, это комплекс неполноценности заставлял меня пороть

глупости, изгаляться над тобой... Может, глядя на тебя, я вижу себя еще глубже и страшусь сам себя, не могу простить сам себя, и потому вытворяю черт знает что. Думаешь, я ничуть не мучаюсь? Я, может, терзаюсь даже больше тебя, откуда ты знаешь?

Короткая пауза.

Давай начнем все заново! Правду говорю!

Женщина. Ты когда-нибудь говорил правду?

Молодой человек (*смеясь*). Почему же нет? (*Допив бокал до дна, отставляет.*) Я, похоже, в твоих глазах превратился в того чабана из притчи...

Женщина. Какой притчи?

Молодой человек. Однажды чабан поднимает крик-шум, зовет народ на помощь, мол, волк напал на стадо. Люди прибегают и видят – никакого волка нет. Потом еще раз история повторяется. Через какое-то время чабан в третий раз зовет людей на помощь, дескать, волк на стадо напал. Но уже никто не спешит на помощь, всем кажется, что чабан опять бьет ложную тревогу. Но на сей раз, оказывается, и вправду волк напал на стадо. Растерзал, раскидал скотину и самому чабану горло перегрыз. (*Смеется.*) Так вот теперь я вроде того чабана.

Женщина. А я – серый волк!

Молодой человек (*со смехом*). Волка из тебя не получится...

Женщина. Как знать...

Молодой человек (*похоже, заподозрив неладное*). Как знать, говоришь?

Женщина (*кивая*). Да.

Молодой человек (*вдруг, схватив себя за горло, начинает корчиться, давиться тошнотой*). Что... это со мной?.. (*В ужасе таращась на нее, кричит.*) Что ты сделала?

Женщина (*спокойно*). Ты же говорил, что тебе должна была встретиться Мессалина?

Молодой человек (*задыхаясь*). Что ты... подсунула мне?

Женщина (*так же спокойно*). Ты забыл, что я преподаю химию?

Молодой человек (*держась обеими руками за горло, встает и пытается наброситься на Женщину*). Ах... ты... сука!.. Ты... подняла руку на меня... на меня... Ты думаешь, что... (*Пошатывается.*) Волчица! Ты волчица... Кто бы мог... подумать... (*Хватается за книжную полку, теряя равновесие, и вместе с полкой падает с грохотом на пол.*) Помогите... Помогите!..

Вызовите врача... (*Корчится на полу.*) Не дай... не дай мне умереть... Ты губишь и себя... не дай... (*Хрипя, пытается закричать изо всех сил.*) Я не х-х-хочу... не х-хочу умирать... (*Всхлипывает.*) Я... х-х-орроший чело... ты не знаешь... х-х-орроший... я... люблю... тебя... я боюсь!.. Боюсь... Умираю... (*Хрипит, через силу.*) Помогите... Я не знал, что ты... такая... прости меня... сжался... сжался... (*Хрипя, бьется в конвульсиях и замирает неподвижно.*)

Долгая пауза.

Женщина. Ты говорил правду. Ты... явился оттуда! (*Подняв руку, показывает в окно.*) Ты был у меня на роду написан! Да, ты явился оттуда... И то верно, от судьбы не убежишь... Наверно, и я сама была уготована тебе судьбой... (*Через силу поднявшись, подходит к окну и, распахнув створки настель, кричит.*) Но зачем? Ради чего?

Сосед (*из-за двери*). Можно? Что за шум у вас? (*Входит.*) Что случилось, муаллима? (*При виде распростертого на полу тела таращит глаза, переводя взгляд то на Женщину, то на труп.*)

Женщина (*обернувшись к нему, с улыбкой, спокойным, тоном*). Поздравляю вас...

Сосед. Меня?

Женщина. Да!..

Пауза.

(*Протягивает к нему обе руки, вывернув запястья.*) Наконец-то вам удалось задержать убийцу!

Сосед (*пляя глаза на лежащего на полу Молодого человека, в ужасе пятится к двери*). Не хочу!.. Не хочу!.. Не хочу!..

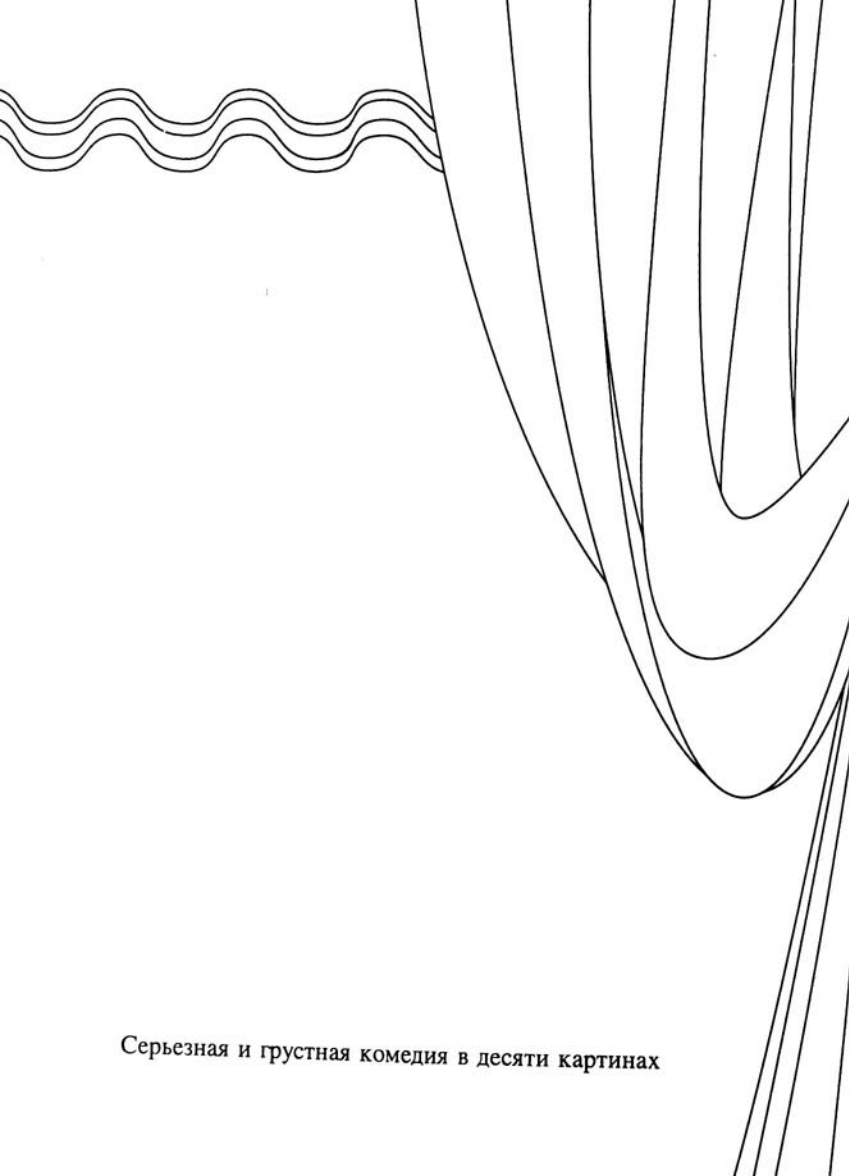
Свет гаснет.

З А Н А В Е С

2002.

ШЕКСПИР

Серьезная и грустная комедия в десяти картинах

«Мексикер»
Джордж

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Персонал психолечебницы:

Главврач (мужчина).
 Врач (женщина).
 Санитар.

Пациенты психолечебницы:

Дробь - 13.
 Сара Бернар.
 Венерианец.
 Муж - Жена (в одном лице).
 Иосиф Виссарионович Сталин.

Место действия – город Баку.

Время действия – 2005-й год.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Полдень. Психолечебница. Кабинет главврача. Главврач, Санитар,
 Муж - Жена.
 Главврач, сидя за столом, задумчиво смотрит в окно.

Главврач. Сегодня пятница. Вот и неделя кончается. Не успеешь глазом моргнуть – и неделя пролетела. И снова – пятница. Вот так и жизнь понедельно промчится, глядишь, к концу подошла.

Пауза.

Ну и пусть! Будто такая уж важная штука – жизнь. Что она тебе дала? Вот это! (Показывает себе кукиш.) Молле говорят: ай молла, плов несут. А он: мне-то что? Говорят: к вам домой несут. Он: вам-то что?

Пауза.

Валлах¹, будь моя воля, я бы сгреб эту штуку под названием «жизнь» в мусорную корзину – и бросил бы в Каспий! (Плаксиво.) За пятьдесят перевалило, а ни одного, ни единого светлого, отрадного дня, чтоб вспомнить, душу утешить. Кому нужна такая башка, а? Кому такое сердце нужно?! (Достает платок из кармана, вконец расчувствовавшись.) Кому нужно? Кому?! (Всхлипывает.) Кому?!

Из коридора доносится шум:

- Стойте!
- Нет, пустите меня!
- Нельзя!
- Пустите, говорю!

Дверь распахивается, входит Муж - Жена, следом взволнованные Врач и Санитар.

¹ Валлах (азерб.) – клянусь Богом.

Муж - Жена (*запыхавшись*). Ой! Помогите!
 Санитар. Без разрешения прет!
 Муж - Жена (*Главврачу*). Прошу вас, помогите!
 Главврач (*торопливо утирая глаза, врачу*). Что за сыр-бор опять?
 Врач. Я ей велела сперва зайти ко мне...
 Главврач (*утирая глаза*). Минуточку! Да угомонитесь! Опять в глаза соринка попала... Успокойтесь!
 Муж - Жена. Как я могу быть спокойна? Как?
 Главврач. Возьмите себя в руки. Что с вами случилось?
 Муж - Жена (*удивленно*). Со мной? (*Окинув себя взглядом*.) А что может случиться? Машаллах! Все у меня на своем месте.
 Главврач. Почему же вы так взбудоражены?
 Женщина. Речь идет о моем муже.
 Главврач. А что с вашим мужем?
 Женщина (*с подозрением показывая на Врача и Санитара*). Можно при них говорить?
 Главврач. Конечно! Они наши работники.
 Женщина (*пристально всматриваясь в Санитара*). И этот?
 Главврач. Ну, ну, выкладывайте, что с вашим супругом?
 Женщина. Моему мужу кажется... представляется... что он – это я...
 Главврач. Как так?
 Женщина. Ему кажется, что он, то есть мой муж, – это я...
 Главврач. Он... это вы?
 Женщина. Да!
 Главврач. Ваш муж?
 Женщина. Да, да!
 Санитар (*тихо*). Ну и ну! Такого еще не было!
 Главврач (*врачу*). Интересный случай. (*Женщине*.) Не беспокойтесь. Мы обследуем его и вылечим... Вы приведите его ко мне. Как можно скорее.
 Женщина (*недоуменно*). Как это «приведите его ко мне»?
 Главврач. Мужа, говорю, приведите.

Пауза.

Муж - Жена. Да что вы говорите?

Главврач. А в чем дело?

Муж - Жена. Мой муж – я сама и есть!

¹ Машаллах – браво, молодец! Здесь – в значении «не сглазить».

Главврач. Что-о-о?
 Муж - Жена (*с еще большим изумлением*). Разве вы не видите, что я сама и есть мой муж?

Санитар хихикает, но, взглянув на Главврача, принимает серьезный вид.

Главврач (*придя в себя*). Понятно! (*Вполголоса, Врачу*.) Раздвоение личности. Вопрос ясен! (*Мужу-Жене*.) Ханум!... Э-э... простите... господин...

Муж - Жена (*кокетливо*). Нет, я сейчас сама как есть... Я ханум. Можешь называть меня «ханум».

Главврач. Разумеется... вы – ханум... Причем прекрасная, очаровательная... ханум.

Муж - Жена (*явно польщенная*). Благодарю...

Главврач. Ханум, вы не беспокойтесь. (*Врачу*.) Займитесь ею. Побеседуйте, поставьте диагноз, задокументируйте.

Врач. Хорошо. (*Про себя*.) Как только вопрос о Муже-Жене – сразу на меня спихивает. Нарочно! И поделом мне! Мне и этого мало!

Главврач (*Мужу-Жене*). Все образуется! Не тужите!

Муж - Жена. Я верю в вас! Верю, что вы положительно повлияете на моего мужа. Он, по сути, человек умный-разумный. Искренний. Сами увидите!

Главврач. Конечно, конечно... пожалуйста, вы свободны... Можете идти.

Муж-Жена и Врач выходят из кабинета.

Главврач (*Санитару*). Ты тоже можешь идти.

Санитар. У вас глаз покраснел. Дайте подую.

Главврач (*садясь за стол*). Что?... Ладно, подуй.

Санитар, наклонившись, пальцем раздвигает веки Главврача, дует ему в глаз.

Санитар. В последнее время что-то часто вам в глаза соринка попадает... (*Дует*.)

Главврач. Дуешь ты хорошо... Вот если бы еще не воровал...

Санитар (*сконфуженно*). Господин Главврач... Я...я...

Пауза.

¹ Ханум (азерб.) – госпожа; сударыня.

Г л а в в р а ч. Что «я-я»? Неправду говорю?
С а н и т а р. Совесть моя...
Г л а в в р а ч. Где твоя совесть?

Санитар, не найдя, что ответить, дует.

Г л а в в р а ч. О совести заговорил. Вчера ты стащил семь сосисок!
С а н и т а р. Но вы же... *(Дует.)*
Г л а в в р а ч. Предупреждаю в последний раз!
С а н и т а р. Ой, спасибочки! Вы так великодушны... гуманны... Другой бы на вашем месте давно прогнал меня...
Г л а в в р а ч. Ладно, хватит! Кончено! Перестань таскать сосиски, как крыса!
С а н и т а р *(плакливо)*. Вы... счастливый человек... оптимист!.. Тьфу-тьфу, не сглазить! А я безнадежный пессимист...
Г л а в в р а ч. Почему? С какой стати? При такой веселой жизни...
С а н и т а р. Вы думаете, мне так уж нравится брать отсюда пай, урывать кусок? Но как возвращаться домой с пустыми руками? Что сказать жене?
Г л а в в р а ч. А ты обязательно должен сосиски нести? Жизнь – прекрасная штука. Так радуйтесь с женой, пойте, пляшите! Вечерами ходите в театры, комедии смотрите... Получайте положительные эмоции...
С а н и т а р *(тихо, про себя)*. Он не знает моей жены.
Г л а в в р а ч. Слышал, что я сказал? Последнее предупреждение. А теперь – ступай. *(Санитар уходит.)*

Пауза.

(Глядя ему вслед.) Ишь ты, пессимист. А как сосисками жену угостит – счастлив! *(Слезным голосом.)* У всех свое счастье, кроме меня, одного меня... *(Достав платок из кармана, утирает глаза.)*

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Утро. Столовая психолечебницы.

Муж - Жена, Сталин, Венерианец, Сара Бернар,
С а н и т а р. Пациенты завтракают за столом. Один лишь Венерианец, застыв у окна и вскинув голову, всматривается сквозь стекла в небо.

С а р а Б е р н а р. «Я не могу грустить о нем иначе, и потому слезами исхожу...» *(Всхлипывает.)*

В е н е р и а н е ц *(не отрывая взора от окна)*. Из «Ромео и Джульетты»?

С а р а Б е р н а р. Да! Джульетта – моя любимейшая роль! По существу, Джульетта – это мечта! Это будущее! Чистота человечества! Святость! Это мир самых возвышенных чувств не только одной лишь четырнадцатилетней девушки, а всего человечества! Сейчас все театроведы твердят, что роль надо исполнять с жизненным правдоподобием! Какая убогая мысль!.. Разве люди столь уж счастливы в жизни, чтобы им и на сцене лицедреть ее?! Нет!.. Джульетту надо играть не такой, как в жизни, а как неземное создание, пребывающее в мире мечтаний! Сцена – не зеркало жизни, она должна отражать мечты, грезы, прекрасные сны!.. Сцена должна быть не на арене земли, жизни, а на лоне небес!..

С т а л и н. За такие мысли я ссылал художников в Сибирь!

С а р а Б е р н а р. Иосиф!.. Хотя бы на несколько мгновений забудьте обо всем! Забудьте! Прислушайтесь к Джульетте, Иосиф!.. «О ночь любви, раскинь свой темный полог, Чтоб укрывающиеся могли Тайком переглянуться, и Ромео вошел ко мне, неслышим и незрим. Ведь любящие видят все при свете Волненьем загорающихся лиц. Любовь и ночь живут чутьем слепого. Прабабка в черном, чопорная ночь, Приди и научи меня забаве, в которой проигравший в барыше, а ставка – непорочность двух созданий»¹. Вот Джульетта! Вы знаете. я люблю и Донью Соль, и Маргариту Готье! Я играла и Лоренсаччо, и Гамлета! Я сыграла датского принца и поставила не только парижскую публику, но и все человечество перед вопросом «Быть или не быть?» Все актрисы завидовали мне! Да и актеры! Я всех люблю! И Лоренсаччо! И Маргариту Готье! И Гамлета, разумеется!.. Но... Джульетта – другая!

Пауза.

¹ Здесь и далее трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта» цитируется в переводе Б.Пастернака.

(Задумчиво.) Говорят, в Турине воздвигнут памятник Джульетте... Моя заветная мечта – побывать в Турине и увидеть тот памятник. Посмотреть, действительно ли это Джульетта или нет? Сотворить Джульетту вне сцены? Это невысказанная дерзость... Потому, мечтаю лицемерить туринское изваяние... Но, похоже, эта мечта так и останется мечтой. (Печально.) Кто меня отпустит отсюда?.. Какой принц явится сюда и вызволит меня?

М у ж - Ж е н а. Мой муж говорит, мало ли кто. Не теряйте надежды!

Пауза.

С а р а Б е р н а р. Хочу раскрыть вам тайну. Правда, я желала, чтобы эта тайна навсегда осталась тайной, но накануне ночью решила: я должна выдать ее. Почему эта тайна должна уйти вместе со мной в могилу? Ведь речь идет о Шекспире!

С т а л и н. У нас в клинике шекспиров не водится...

С а р а Б е р н а р. Нет, нет, Иосиф, я говорю о подлинном Шекспире! Если уж вы не понимаете этого, то чего можно ожидать от тупиц, работающих здесь! (Обводит рукой помещения клиники.)

В е н е р и а н е ц (наконец, оторвав взгляд от окна, смотрит в их сторону). Интересно, что за тайна?

С а р а Б е р н а р (торжественно). Шекспир писал Джульетту специально для меня!

Пауза.

Сегодня Шекспир позвонил ко мне по телефону: «Сара, – говорит, – я пишу Джульетту лично для тебя!»

М у ж - Ж е н а (говорит сама с собой то мужским, то женским голосом). Что? (Зычным голосом.) Нет! (Своим голосом.) Нет? (Снова густым голосом.) Решительно нет! (Саре Бернар.) Извините, но мой муж говорит, что в ваших словах есть некоторое преувеличение.

С а р а Б е р н а р (удивленно). Почему?

М у ж - Ж е н а. Почему? (Басом.) Потому что в те времена не было телефона! (Своим голосом, громко.) Не было тогда телефона!

С а р а Б е р н а р (с искренним изумлением). Ой, уж если вы так рассуждаете, то какая разница между вами и здешним персоналом? (Обводит жестом окружающее.) Разве можно определять общение гениев историей каких-то тех-

нических средств? Слушайте внимательно! Я тогда окончила Парижскую консерваторию. Выходила на сцену в «Комеди Франсез», играла в «Жимназ», в «Порт-Сан-Мартен», в «Одеоне», потом наконец создала свой театр. Театр Сары Бернар, и однажды поздним вечером мне позвонил сам сэр Шекспир: «Сара. Сейчас нет в мире человека счастливее меня!» «А в чем дело, Уильям?» – спрашиваю. «Я только что завершил «Ромео и Джульетту!» – ответил он. И добавил совершенно искренне, голосом, идущим от самого сердца: – «Сара! Джульетта – это вы!! Кто, когда будет играть ее, – пусть, но я писал ее для вас! Я дарю вам Джульетту навсегда!»

М у ж - Ж е н а. Так и сказал?

С а р а Б е р н а р. Конечно.

М у ж - Ж е н а. Но...

С а р а Б е р н а р. Что?

М у ж - Ж е н а. Мой супруг говорит, что к тому времени Шекспир давно умер...

В е н е р и а н е ц. Верно! Вы должны стать идеалистом! (Вновь, уставившись в окно, погружается в созерцание неба.)

С т а л и н. Я это осознаю! В том-то и моя трагедия! Я никому не верил, не доверял и пролил кровь миллионов людей! Я приношу покаяние! (Сорвавшись на иступленный крик, вскакивает, опускается на колени.) Люди, простите меня! Простите меня! Заклинаю, каюсь перед Богом! Простите! Примите мое покаяние! Я хулил и самого Бога! О люди добрые, если вы веруете в Бога, если любите Бога, примите мое чистосердечное покаяние!.. Вы боялись меня, вы беспрекословно выполняли мою волю. А теперь я говорю вам: не бойтесь, я заклинаю вас, каюсь, а вы называете меня безумцем и не принимаете моего покаяния... Я страдаю... Я прошу прощения у человечества за содеянные преступления! Меня пытаются, казнят вопли осиротевших детей, стоны матерей расстрелянных, мольбы замученных пытками людей! Я каюсь!.. (Его душат слезы.)

С а р а Б е р н а р (возмущенно). Что? Шекспир умер? Простите, а кто ваш муж? Разве ваш благоверный не знает, что Шекспир вечен? Бессмертен. Разве не знает?

М у ж - Ж е н а (несколько смешавшись, своим голосом). Разве ты не знаешь, что Шекспир вечен? (Густым голосом.) Я не верю в эти рассказы! (Саре, своим голосом.) Он не верит...

С а р а Б е р н а р. Ой... Ваш муж... как вы живете с таким человеком?

М у ж - Ж е н а (протестующе). Он прекрасный человек!

В е н е р и а н е ц. А я вам верю! Я верю вам, Сара!

С т а л и н. Верьте, товарищ Венерианец! Верьте все! Неверие – трагедия! Я даже себе не верил! А что в результате? Ужас... Но... Я все же не могу поверить... ведь, по материалистической логике, товарищ Шекспир умер...

С а р а Б е р н а р. Иосиф!.. Вы днем и ночью каетесь!.. Вас записали в психи и привели в эту клинику! Вы испытываете терзания... Но никак не можете избавиться от своего материализма! *(Глядя на Сталина, задумавшись.)* Его участь достойна пера Шекспира. Был бы образ пограндиознее Клавдия, Ричарда, Генриха...

С т а л и н *(на коленях, давясь слезами)*. Я прошу прощения у всех людей... Я не был палачом от рождения... Учился в духовной семинарии... Вчитывался в Евангелие, заучивал наизусть. Почему мне, именно мне, из миллионов людей, выпало на долю променять Евангелие на «Капитал»? Почему? Ведь я не был дьяволом, сатаной. Почему все слушались и повиновались, когда я стал палачом, а сейчас, когда каюсь, никто не слушает меня? Почему? *(Кричит.)* Я не хочу слыть безумцем! Я не хочу больше есть эту бурду. *(Тычет пальцем в сторону стола.)*

С а р а Б е р н а р. Успокойтесь, Иосиф...

С т а л и н. Товарищ Сара Бернар! А знаете ли вы, что я совершил тяжкие преступления и в области искусства? Кто были Ягода, Ежов? Кто был Берия? Я скольких режиссеров, актеров, «инженеров человеческих душ» угробил, расстрелял, в Сибири сгноил, или в автокатастрофе «убрал». Несть им числа, товарищ Сара Бернар...

С а р а Б е р н а р. Иосиф, прошу вас убедительно, не называйте меня «товарищ». Мне становится дурно!

С т а л и н. Но ведь я никого не разделяю друг от друга! Для меня все – «товарищи»! Для меня общество – бесклассовое!

С а р а Б е р н а р. Ах, Иосиф!..

В е н е р и а н е ц *(установившись в окно)*. Трудно разобраться в делах этой планеты...

М у ж - Ж е н а. Но мы всегда жили здесь... Он *(Показывая на Сталина)* даже хотел моего свекра сослать в Томскую область, к ханты-мансийцам. Верно, дорогой? *(Густым голосом.)* Точно. *(Своим голосом.)* Хорошо, что он умер, и мой свекор остался жив.

С т а л и н *(встревоженно)*. Кто умер?

М у ж - Ж е н а. Сталин.

С т а л и н. Как это так? Тогда кто же я?

М у ж - Ж е н а *(после мгновенного замешательства)*. Действительно...

С а н и т а р *(входя)*. Что тут происходит? *(Сталину.)* Что ты опять шумгам поднял? Встань!

С т а л и н. Я совершаю покаяние. Хочу, чтобы люди приняли мое покаяние. Хочу, чтобы впредь никогда никому «Капитал» не заменял Евангелие! Я хочу, чтобы все люди, грядущие поколения уверовали в священные писания и защищали их святость!

С а н и т а р. Давай, вставай, мужик! Ты ведь утверждаешь, что ты Сталин?

С т а л и н. Конечно, Сталин.

С а н и т а р. Ну так вот. Полмира было в твоих руках. Поел, попил. Покейфовал. Все клялись-божились твоим именем. Когда хотел – пил отборное грузинское вино, когда хотел – шуры-муры крутил с балеринами Большого театра. Чего же теперь хочешь? Ну, снес головы пяти-десяти миллионам, ну, покуражился. Ведь не вкалывал же, как я, санитаром в дурдоме! Чего крокодиловы слезы льешь? Пожил же на свете припеваючи, порулил! Чего теперь глотку дерешь?

С т а л и н *(в ужасе)*. О, люди! Слышите, что болтает этот несознательный элемент! Смотрите, какой страшный человек! Какие среди вас каннибалы! Потому я боюсь за судьбы грядущих поколений! Я не хочу, чтобы когда-нибудь вновь лилась безвинная кровь, чтоб людей ссылали в Сибирь, брат боялся брата, дочь шельмовала отца в КГБ, дети разоблачали родителей, жены писали жалобы на мужей в парторганизации! Если вы не примете мое покаяние, над вами всегда будет довлеть тень дьявола!

С а н и т а р *(хватая его за руку)*. Послушай, товарищ Сталин, хватит языком молоть! Пора на укол!

С т а л и н. Нет, я не хочу инъекции!

С а н и т а р. Тогда чего язык распустил?

В е н е р и а н е ц *(оторвав взгляд от окна)*. Он же не сказал ничего плохого! Все, о чем он мечтает – светлые идеалы!

С а н и т а р *(отпустив руку Сталина, подступает к Венерианцу и показывает на стол)*. Ням-ням! Садись и завтракай!

В е н е р и а н е ц. Я не голоден.

С а н и т а р. Не имеет значения. Не зря же готовили. Зачем добру пропадать. Садись, ешь.

Санитар заслоняет Венерианцу окно. Тот идет к столу, садится. Санитар выглядывает сквозь окно на небо, переводит взгляд на пациентов.

(Сердито.) Всем завтракать! (Сталину.) Ты тоже сядь. И – без шума-гама. А то – укол! (Уходит.)

Сара Бернар (глядя ему вслед). Бедный Иосиф...

Сталин. Мне и этого мало.

Муж - Жена (Саре). Знаете... Я прошу вас не думать плохо о моем муже. Он высоко ценит искусство. Он и Шекспира любит... Просто мнителен... Ко всему относится с подозрением... Ведь мы живем в мире, где, как выразился Иосиф Виссарионович, даже к самому себе относишься чуть ли не с подозрением...

Сара Бернар (усмехается). Ничего... Я не злопамятна, как моя матушка сеньора Капулетти.

Венерианец (глядя в сторону двери). Никого нет. (Встав, протягивает руку.) Сегодня дежурю я. Дайте мне таблетки.

Все поспешно извлекают спрятанные таблетки. Сара – из-под выреза платья, Сталин – из-за голенища сапога, Муж-Жена – из-под пояса, – и передают Венерианцу. Тот быстрыми шагами направляется к туалету на левой стороне сцены.

Сталин. Эти дураки думают, что мы глотаем их таблетки.

Сара Бернар. Пусть думают.

Из туалета доносится шум спущенной в унитаз воды.

Муж - Жена. Туда им и дорога.

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Полдень. Психолечебница. Кабинет Главврача.

Главврач, Врач, Дробь-13, Санитар.

Главврач (прохаживаясь по кабинету). Все двуличные... говорят одно, а думают другое... Клянущая в преданности, а в любой момент готовы предать. Корусть возобладала над всеми духовными ценностями... Как видно, нет людей счастливей сумасшедших. Возомнила себя Сарой Бернар – и живет, горя не знает, другой твердит, что прибыл с Венеры. Живет прекрасной иллюзией вер-

нуться на прекрасную Венеру, знать не знает, что творится на свете... Что может быть лучше – не знать ни черта о подлунном мире... Другая говорит: я и жена, я и муж самой себе. Что может быть прекраснее? Ничего! Полная гармония. Что тебе угодно – то и ей. Что ей – то и тебе. Никаких скандалов, ссор, криков, истерики! Идеальное счастье! Куда хочешь – идешь, что хочешь – покупаешь, чего не хочешь – не покупаешь. По сути, этот наш бедолага Сталин тоже блаженный. Даром что кается, казнится... а в глубине души тешитя, дескать, я вам не кто-нибудь, а сам Иосиф Виссарионович! (Встает.) А где же такая утешная точка у меня, в моей душе? Восемнадцать лет здесь сижу главврачом, и что с того? Всякий раз, при смене министра, замминистра, райздора у меня душа в пятки уходит, – а вдруг скинут, вышвырнут вон. Мы живем в таком мире, что если ты не у дел, не на должности, то никто и в грош не ставит. Даже и дома. А какие у меня другие перспективы? Кроме как остаться ни с чем и потерять уважение... даже дома. (С плаксивой гримасой продолжает расхаживать взад-вперед.) Есть ли в душе у меня какая-то любовь? Нет! Какая-то искренняя вера? Нет!.. На собраниях разглагольствую о развитии медицинской науки... А где оно, развитие? Весь мир не может справиться с одним несчастным птичьим гриппом!.. Аплодирую подобострастно... А завтра здравом не сводит с меня глаз, как Венерианец – с неба, мол, что же не выступишь, не похвалишь меня? Я и встаю, расточаю дифирамбы, что же поделаешь? Кому нужна такая жизнь? (Достав платок, утирает глаза.) Эх, прийти бы сюда ночью и повеситься... на воротах... Валлах, сделаю! (Всхлипывает.)

Стучат в двери.

(Поспешно утирая глаза.) Войдите.

Врач (входя). Можно?

Главврач. В чем дело?

Врач. Поступил новый больной.

Главврач (утирая глаза). Что-то в глаз попало... Кто этот новый, откуда?

Врач. Из космоса...

Главврач. Гм... с Марса, что ли?

Врач. Говорит, с Ван... Ван... (Заглядывая в бумажку, которую держит в руке.) Ван-дер-пран-дура...

Главврач. «Дура»?.. Как вы сказали?

Врач (читает). Ван-дер-пран-дур...

Главврач. А что, есть и такая планета?
 Врач (*пожимая плечами*). Кто знает...
 Главврач. Эти мозгодеды такие мудреные названия придумывают...
 Похоже на армянское имя... Мало было нам Венерианца, так и этот ван... ван...
 Врач. Ван-дер-пран-дур...
 Главврач. Ван-дер-пран...
 Врач. Дур...
 Главврач. Ван-дер-пран-дурец... Ладно. Оформить, разместить. Обследую в палате.
 Врач. Дело в том, что у него нет никаких документов.
 Главврач. Как так? Кто его привез?
 Врач. Полиция доставила. И там не могли установить его личность.
 Главврач. То есть, у этого человека нет ни родни, ни знакомых, ни соседей? Ясно... У пациентов-«инопланетян» зачастую документов не оказывается. Это психологический атрибут определенной патологии. Поняли?
 Врач. Конечно.
 Главврач (*тихо, про себя*). Черта с два, с твоим умишком... (*Громко*). Они сами уничтожают свои документы. Мол, никаких у меня документов нет, считайте, с другой планеты прибыл, к Земному шару никакого отношения не имел. Не видите Венерианца? Семнадцать лет уже здесь прохлаждается. С советских времен. Я тогда только что поступил сюда главврачом... До сих пор твердит – придут за мной и увезут на родную планету... Ван... Ван...
 Врач (*читает с бумажки*). Ван-дер-пран-дур...
 Главврач. А он не драчун?
 Врач. Нет, напротив, очень деликатный.
 Главврач. Вот-вот, такая деликатность – верный симптом той мании...
 Понятно?
 Врач. Разумеется...
 Главврач (*тихо, про себя*). Черта с два... (*Громко*). Ладно, приведите его сюда. Побеседую.

Врач выходит из кабинета.

Счастливый человек!.. Забыл обо всем на свете... Семью, службу, родню, знакомых... Что может быть прекраснее? Прибыл с другой планеты, говорит, – и точка! Создал в своем воображении прекрасный мир, там и живет в свое удовольствие. Мы знаем, что он ненормальный, но он-то этого не знает!

Стучат в дверь.

Войдите.

Входят Врач, Санитар, Дробь - 13.

Дробь - 13. Здравствуйте! (*С любопытством оглядывает кабинет*.)
 Главврач. Здравствуй, здравствуй, дорогой мой, подожди, садись.
 Дробь - 13. Благодарю. (*Усаживается в кресло*.)
 Главврач (*садясь в кресло напротив него*). Как вы?
 Дробь - 13. Да так... А вы?
 Главврач. А я – вот так! (*Выставив большой палец, улыбается*.)
 Отлично!
 Врач (*тихо, про себя*). Еще бы! Восемнадцать лет главврачом рулишь...
 Главврач. Жизнь – прекрасное благо! Человек должен всегда радоваться... ценить каждую минуту... Не так ли?
 Врач (*тихо*). Для тебя – так...
 Главврач. Когда прибыли?
 Дробь - 13. Откуда?
 Главврач. С Ван...Ван...
 Врач (*подсказывает по бумажке*). Ван-дер-пран-дур...
 Главврач. Да. С Вандерпрандура.
 Дробь - 13. По вашим временным меркам восемь дней тому назад.
 Главврач. Прекрасно! Как вы успели усвоить наш земной календарь!
 Bravo!
 Дробь - 13. Мы до прибытия на вашу планету изучили все, что было возможно: ваш язык, уровень науки, географию...
 Главврач. Вот здорово! Вот и отменно! Ваш язык, конечно, совершенно другой.
 Дробь - 13. Разумеется...
 Главврач. Интересно, как на вашем языке звучит, скажем, «здравствуйте»?
 Дробь - 13. На каком нашем?
 Главврач. Вы же сказали: у вас свой язык.
 Дробь - 13. Да. Но у нас два языка: разговорный и еще телепатический.
 Главврач. Начнем с разговорного. Как же сказать «здравствуйте»?
 Дробь - 13. И-а-а-а!..

Санитар (на ухо Главврачу). Похоже на ослиный рев...

Врач (тихо). Хватит!

Главврач. Прекрасно. (Повторяет.) И-а-а-а...

Дробь - 13. У вас хорошо получается.

Санитар (тихо). А как же? Настоящий ослиный рев!

Главврач. Теперь скажите мне телепатически «здравствуйте». Посмотрим, как я восприму.

Пауза.

Что случилось?

Дробь - 13 (смущенно). Я уже три дня как выключил свой телепатический канал.

Главврач. Выключил? Почему?

Дробь - 13 (стесняясь). Потому что... Прошу прощения...

Главврач. Говорите, не стесняйтесь.

Дробь - 13. Потому что... на меня тяжело действовало чтение мыслей обитателей вашей планеты...

Пауза.

Главврач. Интересно. (Обращаясь к Врачу и Санитару.) Понимаете?

Врач. Конечно.

Санитар (кивая головой). Так точно.

Главврач (тихо, про себя). Так я и поверил... (Громко.) Стало быть, мысли наших землян портят его самочувствие. Почему? (Обращаясь к Дробь-13.) Можете вы объяснить?

Дробь - 13. Могу... Однако...

Главврач. Что «однако»?

Дробь - 13. Опасаюсь, что вы обидитесь...

Главврач. Совершенно не бойтесь. Я принимаю жизнь, какая она есть, и жизнь прекрасна! И я ни на что не обижаюсь.

Дробь - 13. В таком случае могу вам сказать причину. Но, прошу вас, не обессудьте.

Главврач. Будьте спокойны.

Дробь - 13. Знаете... ваши люди думают одно, а говорят другое... Говорят: «Прекрасно», а думают: «Отвратительно», говорят: «Хорошо», а думают: «Скверно», говорят: «Люблю», а думают: «Терпеть не могу».

Пауза.

Главврач. Ладно... А как вас зовут?

Дробь - 13 (чуть смутившись). У меня нет имени.

Главврач. Как так? Нет, друг мой, так не годится. Как же можно обходиться без имени?

Дробь - 13. Очень просто... У нас все понимают друг друга без слов. В именах нет нужды.

Главврач. Значит, на вашей планете... Ван... Ван...

Врач (подсказывает по бумажке). Вандерпрандур.

Главврач. Да, Ван-дер-пран-дур... нет необходимости в именах... Прекрасно. (Врачу.) Записываете?

Врач, торопливо записывая в тетрадь, кивает.

Но на нашей планете имена необходимы, милый друг. Вы понимаете?

Дробь - 13 (с глубоким вздохом). Понимаю... Ладно... Тогда вы можете называть меня по моему номеру...

Главврач. Как это по номеру?

Дробь - 13. У нас у всех свой номер. Это называют счастливым номером. Э-э-э... Ну, как вам объяснить... У нас рождение каждого индивида начало новой счастливой жизни... (Машет рукой.) Эх... на Земном шаре об этом бессмысленно говорить... Можете обращаться ко мне по моему номеру.

Главврач (вполголоса Врачу). Вы записываете?

Врач, записывая, кивает головой.

Ага... Значит, по номеру... Ну что ж. Пусть пока будет так. Помнится, у нас когда-то был один... нумерованный...

Дробь - 13 (заинтересовавшись). Правда? А откуда он прилетел?

Главврач. Он слетел с крыши третьего этажа вверх тормашками...

После этого и возник номер... Короче... Какой у вас номер?

Дробь - 13. 359876544-квадрат-957573-куб-639-843 дробь-13.

Главврач. Нет, нет, голубчик, это слишком длинно.

Дробь - 13. Да, вы правы. Для вас – длинновато. Тогда зовите попросту

«Дробь-13».

Главврач. Дробь-13... Но «тринадцать» несчастливое число... Роковое...

Д р о б ь - 13. Роковое?

Г л а в в р а ч. Роковое. Это вас не беспокоит?

Д р о б ь - 13 (усмехаясь). Вы, действительно, странные...

Г л а в в р а ч. Я?

Д р о б ь - 13. Все вы, земляне. Очень странные. Ну, что это за психология?! Дело не просто в цифре «13», а вообще... Потому вы и не можете быть счастливыми.

Г л а в в р а ч (с нафосом). Ну нет! Мы очень даже счастливые! Мы сокрушили коммунистическую империю! Мы живем в независимой республике! Мы вполне счастливы!

Д р о б ь - 13. О-о-о! Тогда я должен вас поздравить.

Г л а в в р а ч. Меня? В связи с чем? Почему?

Д р о б ь - 13. Потому, что я пока еще не встречал на этом Земном шаре счастливого человека! У вас на устах – одно, а в душе – другое.

Пауза.

Г л а в в р а ч. Вы записываете?

В р а ч (записывает, стоя). Да.

Г л а в в р а ч. Ладно... (К Дробь-13.) Скажите ваш адрес.

Д р о б ь - 13. У меня нет адреса на вашей планете. Могу назвать адрес на Вандерпрандуре.

Г л а в в р а ч. Прекрасно. Но нам туда не долететь. Не так ли?

Д р о б ь - 13. Понимаю... У вас есть понятие «сумасшедший»...

Г л а в в р а ч. А у вас нет?

Д р о б ь - 13. Нет.

Г л а в в р а ч. Стало быть, на вашей планете все умные, так?

Д р о б ь - 13. Знаете, я побывал на многих планетах Вселенной, но только у вас столкнулся с этим разделением на «умных» и «сумасшедших»... (Распалаясь.) А кто определяет, позвольте спросить, что такой-то – умный, а такой-то – безумный? Почему чьи-то слова считаются умными, а чьи-то объявляются признаком глупости? Кто судья? Разве же не человек? Как человек может произвольно сортировать других на умных и сумасшедших? Как можно жить по таким догмам?

Г л а в в р а ч. Ладно. Ваши мысли по этому поводу выслушаем потом. А пока, пожалуйста, назовите ваш адрес на нашей планете.

Д р о б ь - 13 (усмехаясь). Понимаю. Вы считаете меня сумасшедшим. Полиция тоже сочла, что у меня крыша поехала, потому и привела сюда, в дур-

дом. Я все это хорошо понимаю. Ваше научно-техническое развитие еще на таком первобытном уровне, что представить не в силах, как можно долететь сюда с далекой планеты, даже названия которой вы не слышали. Тотчас вам на помощь приходит выдуманная вами, по сути, для самообмана, ярлык – «сумасшедший». Если чьи-то слова и действия необъяснимы, стало быть, он сумасшедший... Но я-то не могу обманывать вас! У меня действительно нет адреса на вашей планете. Я действительно прибыл восемь дней назад по вашему календарю на вашу маленькую планету, называемую Земной шар... Из-за технических неполадок наш космический корабль вновь вернулся на Вандерпрандур. А я в результате случайности вынужден был остаться здесь. Два дня ходил по вашему городу. Напоследок полиция забрала меня и отвезла в свой участок. Продержали шесть дней, с допросами – дознанием, и вот привезли сюда. Но, уверяю вас, в скором времени наш космический корабль вернется вновь сюда, чтобы увезти меня. Можете быть уверены!

Г л а в в р а ч. Я в этом не сомневаюсь. Но у нас есть тут и друг, Венерианец, он говорит точно так же.

Д р о б ь - 13. Венерианец? А ведь Венера на очень близком расстоянии от вас.

Г л а в в р а ч. Тем не менее, за семнадцать лет никто оттуда не прибыл за своим соотечественником...

Д р о б ь - 13. Значит, у них программа другая.

Г л а в в р а ч. Программа?

Д р о б ь - 13. Ну да. Ваши космонавты пока что не могут отдалиться от вашего шарика, и у них у каждого своя программа. Кто пребывает в космосе трое суток, а кто три месяца. Не так ли?

Г л а в в р а ч. Да, верно.

Д р о б ь - 13. Возможно, что и у Венерианца своя программа... Понимаю, вам это все трудно воспринять, но можете быть уверены, что за мной прилетят в самом скором времени.

Г л а в в р а ч. Ладно... Теперь все ясно, дорогой Ван... Ван...

В р а ч (подсказывает). Ван-дер-пран-дур...

Г л а в в р а ч. Дорогой мой ван-дер-прандурик...дурец... Добро пожаловать на нашу планету. (Встает, пожимает Дробь-13 руку.) А теперь вас отведут в вашу резиденцию... (Движением головы подает знак Врачу.)

Д р о б ь - 13 (поднимаясь с места, уныло). Я понимаю...

Врач и Дробь-13 покидают кабинет. Санитар хочет последовать за ними, но Главврач окликает его.

Г л а в в р а ч. Ты удержишься на минуту! (*Санитар отсанаавливается. Главврач подходит к нему.*) Я даю тебе последнее предупреждение. Последнее! (*Грозит ему пальцем.*) Слышал? Кончай эти дела!

С а н и т а р. А что я сделал?

Г л а в в р а ч. Вчера опять стащил два кефира и три яйца!

С а н и т а р. Да я...я...

Г л а в в р а ч. Хватит! Хватит таскать у больных пайки! Как крыса! Чего тебе не хватает? Раскрой глаза, оглянись кругом! Посмотри, как жизнь прекрасна и удивительна! Солнышко светит... птички щебечут. Надо любить жизнь! Радуйся жизни... пой... пляши... веселись... А ты... шарить по тумбочкам, как крыса! Хватаешь, что плохо лежит...

С а н и т а р. Я...

Г л а в в р а ч (*грозит пальцем*). В последний раз предупреждаю!

С а н и т а р. Слушаюсь... Валлах, я всегда говорю – вы гуманнейший человек. Другой бы на вашем месте давно прогнал бы такого негодника, как я... Но вы...

Г л а в в р а ч. Но я не гоню. А знаешь, почему?

С а н и т а р. Потому что вы гуманист!

Г л а в в р а ч. Нет! Потому, что если выгоню тебя и возьму другого, он и тебя переплунет. Ты тащишь пять сосисок, а он сворует все пятнадцать, и больным ни шиша не останется. Понял?

С а н и т а р. А что мне, бедолаге, делать? Я же не на Марсе живу, а тут, на грешной земле...

Г л а в в р а ч. Когда ты в последний раз был в театре? Скажем, комедию когда смотрел?

Пауза.

Вот видишь. Ты смотришь на жизнь только как на материальное благо... Потому и обкрадываешь больных... То вермишель, то сосиски, то яйца... Яйцо! Да что за невидаль такая, – яйцо крадешь?

С а н и т а р. Я забочусь о больных...

Г л а в в р а ч. Кражей яиц?

С а н и т а р. Я боюсь, что они заразятся птичьим гриппом...

Г л а в в р а ч (*теряя терпение, срывается на крик*). Последнее предупреждение!

С а н и т а р. Понял!

Г л а в в р а ч. Убирайся!

Санитар ретируется.

Ох-х! (*Проходя за стол, садится, закрывает глаза*). Телепатический канал отключил... Не хочет читать мысли людей... Вот тебе и псих... А кто его свел с ума? Люди, их мысли, поступки... Может, он когда-то был учителем... или ученым... может, даже врачом был... А теперь? Теперь он ни тот, ни другой, ни третий... Сам по себе. Теперь он просто счастливое существо! Когда захочет – раз! – и отключил свой телепатический канал... Кто о чем думает, кто какие козни плетет, подлости замышляет, ему до лампочки! (*Слезным голосом.*) Эх... (*Махнув рукой, встает, подходит к окну, смотрит сквозь стекло.*) Черт побери... Хоть возьми и выбросись отсюда на улицу! Валлах, и бросился бы... Да боюсь... меня неправильно поймут...

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Полдень. Психолечебница. Комната отдыха.

С а р а Б е р н а р, В е н е р и а н е ц, С т а л и н, М у ж - Ж е н а,
Д р о б ь - 13, В р а ч.

С а р а Б е р н а р полулежит на диване, облокотившись о валик и подперев голову рукой. М у ж - Ж е н а сидит одна за столом. С т а л и н, усевшись в кресле поодаль, читает книгу. В е н е р и а н е ц, стоя у окна, всматривается в небо.

М у ж - Ж е н а (*густым низким голосом*). Ну почему ты недовольна мною, дорогая? Почему? Ведь я так люблю тебя, а ты опять не в духе. Почему? (*Стремительно встает, пересаживается на другую сторону стола и говорит своим голосом.*) Нет... дорогой, о чем ты говоришь? Я довольна тобой... свет очей моих... Но знаешь, милый, мне хочется, чтоб мой любимый муж сыграл какую-нибудь прекрасную мелодию... Тогда мы вовсе не будем скучать... Да, прекрасную музыку... И чтоб мой муж спел прекрасные песни... И чтоб сообщил мне самые свежие новости со всего света... Чтоб все вечера сидел дома со мною. (*Вскочив, пересаживается на прежнее место и меняет голос на густой бас.*) Тогда... скажи, что тебе не муж нужен, а телевизор!..

Короткая пауза.

(Быстро перейдя на другую сторону стола, своим голосом.) Ты обиделся, дорогой? Не сердись... А то и я обиюсь на тебя...

На протяжении всей картины Муж-Жена таким образом, часто меняя место, ведет воображаемый диалог, и мы уже не слышим, о чем идет речь.

С т а л и н *(сердито хлопает рукой по книге)*. Вот, гляди, что обо мне пишут! *(Венерианцу.)* Видишь!

Венерианец, прервав созерцание неба, оглядывается на него.

Пишут, якобы я был параноиком! Как же можно допускать такое бесстыдство! Бессовестность! Ведь, по сути, такой писаниной они оправдывают меня. Якобы я пролил столько крови из-за того, что был параноиком! Значит, я не несу никакой ответственности, да? По логике так получается... Я был болен, и с меня взяли гладки! *(Резко протестуя.)* Нет! Я не был параноиком! Не был больным! Я был сознательным палачом!..

Венерианец вновь устремляет взор в окно.

Убить человека для меня было все равно, что убить муху! Но не потому, что я был параноиком, нет! Почему этого не понимают? Потому... что я любил власть! Я был коммунистическим фанатиком, верно. Был фанатиком-большевиком! Но за моим фанатизмом была подсознательная жажда власти. Почему я любил власть? Потому что люди боятся тех, за кем сила! И люди боялись меня... И любили меня, потому что боялись. Люди живут по законам джунглей – неважно, какая формация, первобытная община, рабовладельческий строй, феодализм, социализм или капитализм... Это у них в крови... Человек может окончить университет, защитить докторскую, получить Нобелевскую премию, но нет разницы, его жизнь от начала до конца подчинена закону джунглей! Вот, смотрите, я столько прошу принять мое покаяние... А люди, сами того не подозревая, реабилитируют мои деяния, дескать, пришел с Кавказа этот грузин-параноик и стал гнобить всех, потому что у него сдвиг по фазе! Да как же мог стать во главе такой огромной империи, среди русских, в окружении лениных, троцких, бухаринных, зиновьевых какой-то чокнувший кавказец?! *(Венерианцу.)* Я вас спрашиваю, товарищ Венерианец, мог ли стать?

В е н е р и а н е ц *(оглянувшись на него)*. Что я могу сказать? Я всего сорок один день на вашей планете... Хотя, по вашим меркам, сорок один день – это семнадцать лет... По правде говоря, пока затрудняюсь сказать что-либо серьезное...

С т а л и н. Верно... По существу, мое покаяние тоже не имеет к вам никакого отношения.

В е н е р и а н е ц. Но я это высоко ценю!

С т а л и н. Большое спасибо! *(Глубоко вздыхает.)* Вам-то что! Вы вот улетите к себе, а люди останутся на земле. Я хочу, чтобы люди приняли мое покаяние, и сами покаяться. Понимаешь? Никто, никто не понимает, отчего я испытываю угрызения совести... Я терзаюсь потому, что не хочу, чтобы будущие сташины мучили человечество!..

В е н е р и а н е ц. Я вас понимаю... Правда, мне немного трудно... Но, в общем и целом, понимаю.

С т а л и н *(удрученно)*. Вы-то улетите...

С а р а Б е р н а р *(Венерианцу)*. А вы знаете, я с седьмого неба созерцала Париж.

В е н е р и а н е ц. С самолета?

С а р а Б е р н а р *(смеясь)*. Да что вы! Разве тогда были самолеты? С воздушного шара!.. Я видела Париж с воздушного шара... Это была сказка, месье Венерианец, сказка!.. В последнее время я часто вспоминаю тот воздушный променад. По ночам, когда не спится, та прогулка всплывает перед глазами, и я забываю обо всех земных печалях... Тогда Жорж работал над моим портретом, выкроив время, я позировала ему. Однажды он мне сказал: Сара, я хочу увидеть выражение твоих глаз в необычной обстановке... И нам пришлось в голову подняться на воздушном шаре. В те времена, знаете, это было равнозначно подвигу, героизму... Как вам объяснить... Вот как вы совершили полет с Венеры до Юсоды, то же самое значило тогда подняться на воздушном шаре... И я с Жоржем Клереном вместе решила воспарить над Парижем на воздушном шаре! Это была сказка, мсье Венерианец, настоящая сказка! *(Смеется.)* Респектабельные, самодовольные парижские господа оттуда казались мелкими муравьями... А кареты, сновавшие по улицам, напоминали груз, который волочили эти мурашки!.. Незабываемое впечатление... Ощущение чуда!

В е н е р и а н е ц. Очень интересно...

С а р а Б е р н а р *(со вздохом)*. Но, увы, чудеса остались в прошлом... Нынче не время чудес, а эпоха суровой реальности. Смирись или нет, но это так.

Входит Дроть-13 и, улыбаясь, здоровается с пациентами.

Дроть-13 (*останавливаясь, Мужу-Жене*). Здравствуйте.

Муж-Жена. Здравствуйте. (*Обеспокоенно*.) Простите, у нас... (*показывает на себя и на пустующий стул по другую сторону стола*) семейный разговор...

Дроть-13. Ах, да... не буду вам мешать. (*Подходит к Венерианцу*.) Здравствуйте. Как себя чувствуете?

Венерианец. В полном порядке. (*Вновь устремляет взгляд в окно, наблюдая небо*.)

Дроть-13. Вот и ладно. (*Шагнув к Сталину*.) Здравствуйте. Как ваше самочувствие?

Сталин (*указывая на книгу*). Какое может быть самочувствие, если о тебе пишут всякую чушь?

Дроть-13. Не берите в голову... Ведь и так на вашей планете уже на книги не обращают внимания... (*Подходит к Саре Бернар*.) Здравствуйте...

Сара Бернар. Бонжур...

Дроть-13. Вы вновь выглядите грустной.

Сара Бернар. Месье Дроть-13, как вы чутки. Все моментально чувствуете. Да, меня гнетет печаль... Я мечтаю играть на сцене... но как здесь можно играть?

Дроть-13 (*обводя взглядом обстановку*). Да, конечно... надо что-то придумать...

Сара Бернар (*расчувствованно*). Благо, что вы есть... Третий день как вы здесь, и каждый раз при виде вас у меня в душе вспыхивает луч надежды...

Дроть-13 (*польщенно*). Мадам, мне очень приятно слышать эти слова из уст столь прекрасной благородной дамы. (*Уставившись на нее*.) Стоило побывать на этой планете только ради того, чтобы полюбоваться на вас вот в такой восхитительной позе, восседающей на диване!

Короткая пауза.

Да, только ради этого стоило посетить Земной шар, невзирая на все трудности, на все странности ваших людей!

Сара Бернар (*растроганно*). И Жорж Клерен любил смотреть на меня в такой позе. Наверно, вы не видели, – он и написал мой портрет в такой позе... Я только что рассказывала о нем месье Венерианцу... Тот портрет восхитил весь Париж! Вы знаете, сколько народу приходило полюбоваться на мой портрет!

Дроть-13. Представляю!

Сара Бернар (*все более воодушевляясь*). Могло ли прийти на ум мне, еврейской девушке, не видевшей в глаза своего отца, что когда-нибудь весь Париж будет у ее ног? (*Смеется*.) Нет, конечно!.. Мне было пятнадцать лет... я училась в пансионе монастыря Гран-Шан и самой заветной моей мечтой было, знаете что? Не поверите! Стать монахиней! Да, я хотела стать монашкой. Представляете? Я – и монашка. (*Смеется*.) Хорошо, что Александр Дюма, Дюма-отец, увидев меня впервые на сцене, сказал: «Эта девушка – прирожденная актриса!» Вот так-то, месье Дроть-Тринадцать... У меня здесь много свободного времени, и я много думаю об этом, иногда моя собственная жизнь кажется мне сном...

Дроть-13. Вы отличаетесь от всех виденных мною людей. Вы искренни и благородны...

Сара Бернар. Благодарю вас, месье Дроть-Тринадцать... ваши слова... повергают меня в трепет... кружат голову... Я давно... очень давно не слышала таких слов... Знаете, что мне сказал российский император Александр Третий?

Дроть-13. Интересно...

Сара Бернар. Я тогда выступала с гастрольными спектаклями в Санкт-Петербурге... Меня пригласили во Дворец, и при встрече с императором я приветствовала его изящным книксеном. А Александр Третий сказал: «Мадемуазель, поднимитесь! Это я должен сделать перед вами реверанс!». Вы мне верите, месье Дроть-Тринадцать?

Дроть-13. Конечно!..

Сара Бернар (*печально*). А теперь видите, куда меня упекли?

Короткая пауза.

Ладно, не будем о грустных вещах... Скажите, а как на Вандерпрандуре, любят ли театр?

Дроть-13. К сожалению, на нашей планете нет театра...

Сара Бернар (*изумленно*). Как? Нет театра?

Дроть-13. Увы, нет.

Сара Бернар (*потрясенно*). И вы до сих пор не видели театр?

Дроть-13. К сожалению, нет. Собирая материалы о вашей планете, я впервые почерпнул сведения об этом искусстве.

Сара Бернар. Боже мой! Да что толку в сухой информации! Театр – это живой организм! Театр – это вечное движение, энергия, красота

та, праздник... солнце! Какая может быть жизнь без солнца в этой холодной Вселенной!

Д р о б ь - 13. Но... после знакомства с вами у меня сложилось представление о театре!

С а р а Б е р н а р. О! Мой бедный друг!.. Подойдите поближе.

Дробь-13 подходит к ней.

Еще ближе!

Дробь-13 наклоняется к ней.

О! (*Обнимает его за шею.*) Мой бедный друг! Как вы жили до сих пор без театра? (*Прижимает его голову к своей груди.*) Мой дорогой, мой бедный друг!

Пауза.

Д р о б ь - 13. Я... я даже полюбил театр после встречи с вами. (*Опускается на колени.*) Когда вы рассказывали о Джульетте... я включил свой телепатический канал и увидел вас на сцене.

С а р а Б е р н а р. Ой! (*В том же экзальтированном состоянии гладит его волосы.*) Мой милый бедный друг...

Д р о б ь - 13. Как же вы любили Ромео! Как обожали его! С каким сердечным пылом вы произносили эти слова: «Ромео изгнан» – это глубина отчаянья...

С а р а Б е р н а р (*перебивая его*). ...без края и без дна! Вторая сцена! Вторая картина третьего акта! Это оттуда... (*Входя в роль.*) «...Пусть поплачут сами. Ромео я не ворочу слезами. А лестницу веревочную спрячь. Веревочки, о сколько неудач! У вас ведь тоже разочарование: Ромео ждали вы, а он в изгнание. Вас вили, чтоб, хватаясь за узлы, Ко мне проник он под покровом мглы, А вы теперь валяетесь без цели. Тут и без вас в невестах овдовели. Возьми их, няня... Лягу на кровать – Не жениха, а скорой смерти ждать...»

Входит Врач, обводит взглядом пациентов.

В р а ч (*громко*). Что это такое?! (*Стремительно подходит к Саре Бернар и Дробь-13.*) Что это такое, спрашиваю! Что вы себе позволяете? Здесь такие вещи воспрещаются! Здесь клиника, а не дом свиданий!

С а р а Б е р н а р (*Дробь-13*). Видите?.. Поднимитесь. Встаньте, месье...

Д р о б ь - 13 (*пригнув головой к ее груди*). Нет, я не хочу...

В р а ч. Как это не хочу? Как среди бела дня можно заниматься таким безобразием?

Д р о б ь - 13. А что плохого мы совершаем?

В р а ч. Ах, вы считаете, что можно и большее себе позволить? Встаньте! (*Достаёт тетрадку, записывает.*) Эротомания...

С а р а Б е р н а р (*легонько отстраняя поклонника*). Встаньте. Они все меряют на свой аршин. Для них не существует божественных высот искусства...

Дробь-13 поднимается на ноги.

В р а ч. Здесь такие шашни категорически запрещены! (*Прохаживается вдоль сцены. Вполголоса.*) Ишь, как милуются... Водой не разольешь... (*Исподволь косится на Дробь-13.*) Этот тоже... не промах... Но, черт возьми, псих психом, а хорош... (*Подходит к Мужу-Жене.*) Ну, а мы как себя чувствуем?..

М у ж - Ж е н а (*расплывшись в улыбке*). Хорошо... Знаете, у меня не муж, а ангел, ангел небесный!

Короткая пауза.

В р а ч (*озабоченно*). Да и у меня тоже не муж, а ...

М у ж - Ж е н а. А кто?

В р а ч. А? (*Спохватившись*). Да ничего!.. Ничего!.. (*Кружась по сцене, про себя.*) Сама себе и муж, и жена!.. Делай, когда чего хочется... Где полоумным понять умного? Для этих бедолаг я – истукан в белом халате... не человек, а бесчувственный манекен... Где им знать, что мне жизнь не в жизнь... Конец месяца... Получка... Днем психушка, вечером – готовка на завтра... холодная постель... мокрая подушка... и снова конец месяца... жалкая получка... И все! Вот моя жизнь! Все годы... жди зарплаты, обходи палаты... Другой хоть надеется в главврачи выбиться... А я? Восемнадцать лет была рядовым врачом... а этот еще столько же будет рулить... Тогда мне уже на пенсию поспеет пора... И – все! Что здесь, что дом – один дурдом...

С т а л и н (*вновь хлопает рукой по книге*). Может быть, я неправильно рассуждаю?.. Может быть, жажда власти, которая таилась за моим коммунистическим фанатизмом, вовсе и не была темной прихотью подсознания? Может быть, это была ясная как Божий день цель, и я мастерски маскировал ее коммунисти-

чекскими идеалами? Вот об этом я должен крепко поразмыслить... (Показывая на книгу.) От них ждать чего-нибудь путного – пустое дело. Они такие же, как она! (Показывает на Врача.)

Дробрь-13 подходит к Врачу.

Дробрь - 13. У меня к вам просьба.

Врач. Здесь не принимаются никакие просьбы насчет таких... выкрутасов...

Дробрь - 13. Нет, я о другом.

Врач. О чем же?

Дробрь - 13. Я прошу помочь мне достать книгу Шекспира.

Сара Бернар (услышав просьбу, смотрит в их сторону). Ах!.. Мой дорогой, мой любимый друг!

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Утро. Психолечебница. Кабинет диагностики.

Главврач, Врач, Санитар, Муж - Жена, Дробрь - 13.

Врач и Санитар ждут Главврача.

Санитар. Каждый раз жди его появления, как визита шаха...

Врач. Ему-то что, толстокожему! (Передразнивает.) «Жизнь – прекрасная штука!» Для тебя – уж конечно... Не жизнь, а малина. Из клиники машина заезжает за тобой, привозит, отвозит, детишек в школу подбросит, а потом несчастному шоферу еще и твою жену обслуживать: то к парикмахерше вези, то на базар, в магазин, к подружке... А вечером – за шефом опять...

Санитар. Нет, тут ты не права. Вечерами тоже шофер с его семьей нянчится, а сам часто автобусом едет домой.

Врач. Ну и что? Все равно он дуб. Только и знает, что лыбится. (Передразнивая.) «Получайте положительные эмоции». (Раздраженно.) А где их взять? Что, положительные эмоции на полу валяются? Или от этих психов мы получаем удовольствие?

Санитар. Очень уж вы на взводе, доктор. Настроение у вас никудышное. Что-нибудь случилось?

Врач. А ничего. Разве в этом мире что-то должно случиться еще, чтобы испортить настроение? Все дела на свете – дрянь.

Санитар. Постой, постой... Никак вчера вновь к вам свекровь пожаловала?

Врач (удивленно). А ты откуда знаешь?

Санитар. Телепатия сработала.

Врач. Ну, приходила.

Санитар. А вот моя теща только один раз нанесла визит к нам.

Врач. Чего же ты еще хочешь? Счастливый человек.

Санитар (вздыхает). Да, один раз только пришла... Но... не вернулась назад...

Врач. Как так?

Санитар. Ну, пришла однажды, с тех пор и осталась у нас.

Врач. И уже сколько времени?

Санитар. Через шесть дней исполнится одиннадцать лет!

Врач (с искренним сочувствием). Бедняга! (Хватает его за руку.) Чему быть – того не миновать.

Санитар. Знаю. (Пытается погладить ее руку.)

Врач (строго). Ты рукам воли не давай!

Доносятся шаги.

Санитар. Идет! Вы готовы?

Врач. Ах-ах! (Передразнивает.) «Вы готовы?!» Его величество явилось.

Входит Главврач. Подчиненные встают.

Главврач. Садитесь! (Переводит дух.) Видите, какая здесь приятная аура? Будто дышишь не воздухом, а радостью. Верно?

Врач. (тихо, про себя). Черта с два! (Вслух.) Конечно.

Санитар, шумно вздохнув, кивает головой.

Главврач (садится за стол). Вы должны здесь пребывать всегда в высоком расположении духа! От вашего оптимистического настроения зависит участь наших пациентов. Ведь они несчастные люди. Не их вина, что их постигла душевная болезнь... Это их горький жребий... Одна считает себя французской актрисой, жившей полтора века назад, другая горемыка так засиде-

лась в старых девах, что в конце концов сама за себя замуж вышла. Третий денно-нощно плачется, что он Сталин и приносит покаяние... Обездоленные и безвинные изгой... они оказались отторженными от радостей жизни – самого бесценного блага на свете... Если вы не будете оптимистичными, если сами не будете любить всем сердцем этот прекрасный дар – жизнь, то не добьемся желаемого эффекта лечения... Не забывайте об этом! Ван... Ван...

В р а ч (*раскрыв тетрадку в руке, читает вслух*). Ван-дер-пран-дур...

Г л а в в р а ч. Да, как обстоят дела с ним? Выявились ли какие-нибудь родичи у него?

В р а ч. Нет.

Г л а в в р а ч. А по телевидению его фотографию показали?

В р а ч. Да.

Г л а в в р а ч. И все еще неизвестно, кто этот бедолага, откуда, где проживал?

В р а ч. Нет.

Г л а в в р а ч. Ладно. Я сам проведу с ним собеседование. Просто надо подобрать ключ к нему. (*Санитару*.) Приведи его.

Санитар выходит. Доносятся шум, крики. Входят Муж - Жена, за нею следом
С а н и т а р.

С а н и т а р. Я не пускал ее.

М у ж - Ж е н а (*показывая на него, обращается к Главврачу*). Я... нас двое... Велите ему, чтоб пропускал нас вне очереди!

Г л а в в р а ч. Конечно, вас два человека, как же... (*Санитару*.) Слышал? Впускай их вне очереди.

М у ж - Ж е н а (*Санитару*). Вот так-то! (*Главврачу*.) Благодарю.

Г л а в в р а ч. Не стоит, душенька. (*Санитару*.) Ты сходи, приведи другого.

Санитар покидает кабинет.

Слушаю вас.

М у ж - Ж е н а. Ой, господин доктор!

Г л а в в р а ч. Что опять произошло?

М у ж - Ж е н а. Мой муж сам с собой разговаривает!

Пауза.

Представляете?

Г л а в в р а ч. Не обращайтесь внимания... нынче все люди на свете стали сами с собой разговаривать...

М у ж - Ж е н а. Я это знаю, господин доктор. Но...

Г л а в в р а ч. Что – «но»?

М у ж - Ж е н а. Но ведь мой муж говорит сам с собой по телефону!

Короткая пауза.

Согласитесь, что уникальный случай. Разве был такой факт в вашей практике?

Г л а в в р а ч. Признаться, впервые сталкиваюсь.

М у ж - Ж е н а. Вот видите! И это должно было стрястись с моим мужем!

Сидеть и переговариваться с самим собой по телефону!

Г л а в в р а ч. Не беда. Я отключу этот телефон.

М у ж - Ж е н а. А он не обидится?

Г л а в в р а ч (*теряя терпение*). Кто? Телефон или ваш муж?

М у ж - Ж е н а (*недоуменно*). А-а-а! Конечно, мой муж. Разве телефон может обижаться?

Г л а в в р а ч. Иногда бывает... пару лет назад у нас здесь лечился один «телефон». Он твердил: «Я – телефон».

М у ж - Ж е н а. Нет-нет, я беспокоюсь о муже, а не о телефоне. Я не хочу, чтобы он обижался. Он прекрасный человек.

Г л а в в р а ч. Я сделаю так, что он не обидится. Хорошо?

М у ж - Ж е н а. Точно?

Г л а в в р а ч. На сто процентов!

М у ж - Ж е н а. Я верю вам. Спасибо большое.

Г л а в в р а ч. А теперь попросим Врача отвести вас в свою палату. (*Врачу*.) Проводите.

М у ж - Ж е н а. Ну, я пойду. А то муж без меня ужасно скучает. Мы очень привыкли друг к другу. (*Пальцем стучит по столу перед Главврачом*.) Тьфу-тьфу, не слзайте! До свиданья.

Г л а в в р а ч. Всего доброго.

Врач и Муж-Жена покидают кабинет.

(*Вдогонку им*.) ...Идите ...Вы счастливые люди, потому что безумие избавило вас от одиночества, от участи старых дев... Вы нашли себе спутника жизни... в своем воображаемом мире... А моя жена – в реальной жизни, понимаете? В реальной! (*Давясь слезами*.) А вы знаете, что такое реальная жизнь? Ужас!

Кошмар! Достаточно ауры вот этой вот комнаты, отвратительной, противной ауры, чтоб довести человека до самоубийства! *(Достаёт платок из кармана, но, услышав шаги, торопливо прячет.)*

Входит Д р о б ь - 13 в сопровождении С а н и т а р а.

Д р о б ь - 13. Здравствуйте.

Г л а в в р а ч. Здравствуйте, здравствуйте. Как вы?

Д р о б ь - 13. Благодарю. А вы как?

Г л а в в р а ч. Как можно себя чувствовать в этой веселенькой жизни? Отлично. *(Потирает руки.)* Садитесь, поговорим по душам. *(Дробь-13 косится на Санитара.)* *(Санитару.)* Ты подожди в коридоре. *(Санитар выходит. Пациент садится лицом к лицу с Главврачом.)* Можете подать мне руку.

Д р о б ь - 13. Пожалуйста. *(Протягивает руку.)*

Г л а в в р а ч. Прекрасно. *(Взяв его за запястье, оцупывает пульс.)* Поглядим.

Д р о б ь - 13. Не утруждайтесь. У меня пульс 63 удара в минуту.

Г л а в в р а ч. Откуда вы знаете?

Д р о б ь - 13. Сам сосчитал.

Г л а в в р а ч. Bravo! Оказывается, у вас и медицинские способности.

Пауза.

(Удивленно.) Действительно, 63! Погодите, еще раз проверю. *(Вновь, держа руку на пульсе, считает шепотом.)* Шестьдесят три! Засучите-ка рукав. *(Достаёт прибор для измерения давления, прикладывает к ушам фонендоскоп.)*

Д р о б ь - 13. Не трудитесь. Нижнее – 81, верхнее – 124. Давление в норме.

Г л а в в р а ч. Опять – сами определили?

Д р о б ь - 13. Да.

Г л а в в р а ч *(иронически улыбаясь)*. Прекрасно. Сию минуту. *(Проверяет давление и изумленно восклицает.)* 81-124! Пойдите. Еще раз. *(Снова изумляется.)* Да, 81-124!

Короткая пауза.

Еще один раз! *(Прикладывает фонендоскоп к ушам, вновь дотошно проводит измерение.)* 124 на 81!

Пауза.

Я даже в научной литературе не встречал описания подобного случая. Это же невозможно.

Д р о б ь - 13. Почему?

Г л а в в р а ч. Потому что человек не может сам определить свое давление. Причем с такой точностью!

Д р о б ь - 13. Этого не может быть, потому что не может быть? Ведь это неверный принцип.

Г л а в в р а ч. Я не спорю – внутренние возможности человека велики. Да, биологический потенциал, интуиция, прочее. Но чтобы без всяких приборов измерить свое давление? Это феномен! *(Взяв ручку, делает заметки в тетради.)*

Д р о б ь - 13. Знаете, величайшая проблема на вашей планете в том, что вы абсолютисты. Не может быть – и точка! Этого не может быть потому, что не может быть. *(Эмоционально.)* Если человек говорит, что он – Сталин, почему вы не верите ему? Ведь он пребывает в великих терзаниях. Он страдает! Почему вы, уцепившись за его неидентичность, отвергаете его покаяние? Ведь это ваше недавнее прошлое! Ведь вы действительно пережили великие трагедии! Изучая досье вашей планеты, я почерпнул сведения обо всем этом. Ведь тот человек действительно повинен в гибели миллионов людей. Почему вы не приемлете его искреннее покаяние?

Г л а в в р а ч *(все еще не оправившись от шока)*. Знаете что?..

Д р о б ь - 13. Что вы хотите сказать?

Г л а в в р а ч. Сталин... Сталин давно умер.

Д р о б ь - 13. Что с того, что умер?

Г л а в в р а ч. По-вашему, мертвый может воскреснуть?

Д р о б ь - 13. Почему бы и нет? Почему вы считаете, что воскресение может произойти только и только в том случае, если тело восстанет из могилы? Почему у вас не укладывается в голове, что это может произойти и в иных формах? Разве можно быть столь закостенелым?

Короткая пауза.

Г л а в в р а ч. Ладно, дорогой и любезный друг мой. Можете ли вы теперь вспомнить свое земное имя?

Д р о б ь - 13. Опять вы мне не верите. Как я могу вспомнить то, чего не существует?

Гла в в р а ч. Но ведь ваша семья, друзья, знакомцы, все теперь пребывают в тревоге за вашу судьбу. Они не знают, где вы, как вы. Что с вами случилось. Вы хотите повторить участь Венерианца? Вот уже семнадцать лет, со времен Советского Союза, он днем и ночью простаивает у окна, уставившись в небо в ожидании мифических сородичей. И никто не знает, кто он, откуда взялся.

Д р о б ь - 13. Как это никто не знает? Разве он не говорит, что прибыл с Венеры?

Гла в в р а ч. Говорит.

Д р о б ь - 13. Почему же вы твердите, что никто не знает, кто он?

Короткая пауза.

Гла в в р а ч. Теперь и вы будете, как он, торчать у окна, созерцая небо?

Д р о б ь - 13. Нет, почему же. Заверю вас, что пробуду на Земном шаре недолго, вскоре за мной прилетит экспедиция. Кроме того, откуда вам знать, почему он наблюдает за небом? Может быть, он выполняет данное ему задание? Ваши примитивные космонавты...

Гла в в р а ч (*резко перебивая*). Они не примитивные космонавты, а Герои Советского Союза! Есть среди них и дважды Герои.

Д р о б ь - 13. Ну, извините... Прошу прощения... Разве ваши космонавты не поддерживают радиосвязь с Землей? Может быть, и Венерианец передает на свою планету информацию? Что ж, он непременно должен быть в скафандре? С микрофоном в руке? Все это проистекает из консервативности вашего мышления. Вы вот твердите: на такой-то планете нет жизни. Потому что, видите ли, там нет воды, нет кислорода! Ну и что же, что нет, может, для тамошней жизни не нужны ни вода, ни кислород?

Гла в в р а ч. Тогда... (*Шарит глазами по столу и, взяв пустой стакан, поднимает в руке*.) Тогда... и вот тут содержится своя жизнь?

Д р о б ь - 13. Почему вы сомневаетесь в этом? Кто определяет, что это дышит, движется, потому – живое, а то – не дышит и не движется по моим абсолютизированным канонам и, значит, неживое? Следуя подобной логике, и стакан в вашей руке мог бы рассуждать о вас – он дышит, движется, значит, живой... Куда годится такая категоричность?

Гла в в р а ч. Тогда... быть может, я вовсе не я?

Д р о б ь - 13. Вполне возможно.

Гла в в р а ч. Что я – не я?

Д р о б ь - 13. Ну, почему бы и нет?! Опять – этого не может быть, потому что не может быть? (*Постепенно распяляясь*.) Да вырвитесь из этих колодок конформизма! Почему вы не даете свободы своей мысли, чаяниям, мечтам, фан-

тазиям? Почему втискиваете свои мечты в искусственные колодки непрекаемых догм? Почему возводите непроходимые абсолютные барьеры между возможным и невозможным и обрекаете себя на вечные терзания? Или вы не можете жить без мук и страданий? Почему? Чего ради?

Короткая пауза.

Вам ясно, о чем я говорю?

Гла в в р а ч. На сто процентов! (*Делает заметки в тетради*.) В полной мере! Но, вот вы говорите о деяниях, допустим, о покаянии Сталина... Тогда и ваша совесть не должна мириться с тем, чтобы ваши близкие столько времени переживали за вас, пребывая в неведении...

Д р о б ь - 13. Конечно, если дело обстояло бы так, как вы говорите, возникла бы весьма плачевная ситуация. Но это не так! Я прибыл на вашу планету, именуемую Земным шаром, с планеты Вандерпрандур. Произошли неполадки в нашем космическом корабле, и им пришлось вернуться назад, а я остался здесь по случайности. Какая случайность – объяснить не смогу, ибо это вне пределов вашего понимания. Но наши вскоре придут за мной. Почему вы не верите мне? Что я еще должен сделать, чтобы убедить вас? Ведь у вас, как-никак, достаточно здравого смысла.

Гла в в р а ч (*усмехаясь, качает головой, будто про себя*). Валлах, у меня не служба, а театр!

Д р о б ь - 13 (*с сожалением*). А у нас театра нет...

Гла в в р а ч. На Ван... Ванденпире?

Д р о б ь - 13. Вандерпрандуре.

Гла в в р а ч. На Вандердуре...

Д р о б ь - 13 (*с той же горечью*). Да, увы...

Гла в в р а ч (*иронически*). Не может быть!

Д р о б ь - 13 (*печально*). Вы правы. Может, действительно, это невероятно? Знаете, после знакомства с мадам Бернар я постоянно думаю об этом... Почему у нас нет театра? Наверно, потому, что у нас кто что хочет, то и делает. Кто что думает, то и говорит. Никто ни от кого ничего не утаивает...

Гла в в р а ч. ... И все говорят правду...

Д р о б ь - 13. Совершенно верно, все говорят правду, потому не было необходимости... в лицедействе... То есть не было нужды выражать свои мысли и чувства другими средствами... Кто знает?.. Это мое предположение. Но все-таки жаль... На этом примитивном Земном шаре есть чудо по имени «Театр», а у нас, увы, нет!

Короткая пауза.

У ваших интеллектуалов есть выражение: «язык искусства». А у нас нет такого... искусственного языка... Наверно, потому, что высказываемое у вас языком искусства мы высказываем в обыденной жизни...

Г л а в в р а ч (*делая пометы в тетради*). А ваш телепатический... детектор подтверждает все то, что говорится изустно?

Д р о б ь - 13. Да.

Г л а в в р а ч. То есть кто что думает, то и говорит, кто что говорит, то и думает?

Д р о б ь - 13. Разумеется...

Г л а в в р а ч. И поэтому вы отключили свой телепатический канал на нашей планете?

Д р о б ь - 13. К сожалению, это так.

Г л а в в р а ч. Но вот вам, например, я говорю все, что думаю. У меня нет никаких тайных мыслей.

Д р о б ь - 13 (*с усмешкой*). Будь я таким же абсолютистом, как вы, я бы не поверил вашим словам, сразу бы отрезал: «Не может быть! Не может быть на Земном шаре такого, чтобы все говорили то, что думают, и думали так, как говорят. Не может быть потому, что этого не может быть!» Нет, я так не рассуждаю. Потому я принимаю ваши слова на веру и... включаю телепатический канал.

Пауза.

Г л а в в р а ч. Включай.

Д р о б ь - 13. Да.

Г л а в в р а ч. Ну и?..

Д р о б ь - 13. Почему вы так думаете?

Г л а в в р а ч. Как?

Д р о б ь - 13. Вы думаете: «Кабы я был на месте этого сумасшедшего». Почему?

Г л а в в р а ч (*растерянно*). Нет! Что за выдумки!

Д р о б ь - 13. Почему вам хочется быть на моем месте? Ведь по вашим меркам, я – сумасшедший, а вы – умный-разумный. Чем же объяснить ваше желание?

Г л а в в р а ч (*в совершенном замешательстве*). Нет, это неправда!

Д р о б ь - 13. Как это неправда?

Г л а в в р а ч. Ладно, хватит!

Д р о б ь - 13. Зря вы опасаетесь меня.

Г л а в в р а ч. Какие еще опасения?

Д р о б ь - 13. Вы думаете: «Надо остерегаться этого психа».

Короткая пауза.

Прошу вас, не бойтесь меня. Я тогда плохо чувствую себя. Не бойтесь. У меня нет мысли причинить вам какое-то зло. Совершенно!

Г л а в в р а ч. Нет... Я не боюсь!..

Д р о б ь - 13. Вай!.. Какой же вы пессимист! Вай-вай-вай! И как вы живете с таким безнадежным пессимизмом?! Вам постоянно хочется плакать? Почему? Что произошло? Вы... Как вы тоскуете по Советскому Союзу!

Г л а в в р а ч (*встревоженно, нетерпеливо*). Отключите. Отключите телепатический канал!

Д р о б ь - 13. Ладно, не волнуйтесь. (*Выбрав таблетку из тумбочки, подает ему*.) Примите. Возьмите себя в руки.

Г л а в в р а ч (*торопливо приняв таблетку, запивает водой из графина*). Отключили?

Д р о б ь - 13. Да.

Г л а в в р а ч. Точно?

Д р о б ь - 13. Я же сказал, у нас нет понятия о лжи. Вы очень разволновались... 103!

Г л а в в р а ч. Причем 103?

Д р о б ь - 13. Ваш пульс 103 удара в минуту.

Г л а в в р а ч. Точно?

Д р о б ь - 13. Да.

Г л а в в р а ч (*схватившись за сердце, тяжело дыша*). Что же вы ждете? Дайте же лекарство.

Д р о б ь - 13. Сию минуту. (*Достает из шкафа еще одну таблетку и передает ему*.)

Главврач, проглотив ее, запивает водой.

Вы пребываете в постоянном страхе. Так жить, действительно, дело тяжелое... Ваша земля – планета невеликая... а вот, глядите, как вы ее расчленили, раскроили на кусочки, и каждую именуете «страной».

Г л а в в р а ч. А на вашей Ван... Ван...

Д р о б ь - 13. Вандерпрандур...

Г л а в в р а ч. Да, у вас там нет стран, что ли?

Д р о б ь - 13. Никаких. Одна планета. Чего ее делить на царства-государства?

Г л а в в р а ч. И каких размеров ваша планета?

Д р о б ь - 13. В 107,6 раз больше вашего шарика...

Г л а в в р а ч. Да ну-у-у?

Д р о б ь - 13. Да, да... Вторая самая большая беда вашей планеты – инстинкт собственности. То есть эгоизм. То «мое», это «мое». Это мне, и то – мне! Такая «клептомания» у ваших людей превратилась в генетическую. Живете в страхе, опасениях, тревоге, – все это из-за мании собственности. Вы расчленяете землю, столбите бетонным частоколом, опутанным клочочей проволокой, возводя границы. Даже на морях ставите рубежи. Вот вам «страна». И клочок, на котором живете, обнесите забором, плетнем, камнем, досками, железом, кому что подвернется под руку, вот и получается «двор». Но, мало того, одна «страна» отхватывает кусок у другой. Один оттяпывает участок другого. Потому вы все в настоящем страхе. *(Все больше распалаясь.)* Сколачиваете армии... Люди косят друг друга... Какой из полководцев, командующих отхватит больше территории, прольет больше крови, того объявят героем! Гордитесь им! Взгляните на карту... Сколько людей мрут от голода. А вы тратите миллиарды на оружие, бомбы, изобретаете новые средства смертоносные... Оглянитесь на свою историю... Вы сами же убиваете, сами же умираете. Ведь не инопланетяне учиняют расправы на Земном шаре, теракты всякие. Вы сами – и террористы, и жертвы террора...

Пауза.

Об эгоизме, снedaющем ваши души, можно долго говорить... вы и людей делите на две части – на эгоистов и альтруистов. Но альтруизм для вас, по сути, совершенно относительное понятие... Словом... Бессмысленно вам говорить все это...

Г л а в в р а ч. И мне в том числе?

Д р о б ь - 13. Речь идет не конкретно о вас. Речь обо всех землянах.

Г л а в в р а ч *(постепенно приходя в себя)*. Видите, я выслушал все, что вы говорили. Вы заверили, что отключили ваш телепатический канал. Я вам верю. Высказали теоретические идеи, ладно, я принимаю их. А теперь если вы сооб-

щите мне свой адрес на нашем Земном шаре и свое имя, фамилию, все будет отлично!

Пауза.

Д р о б ь - 13 *(залпом)*. Я прибыл с планеты Вандерпрандур на вашу...

Г л а в в р а ч *(перебивая)*. Ладно, погодите. Ясно. *(Закрывает тетрадь.)* На этом закончим наш сегодняшний разговор. Но с условием...

Д р о б ь - 13. Пожалуйста, извольте.

Г л а в в р а ч. Как вы определяете давление? Скажите. Скажете или нет – какая вам разница. Но я бы выступил с большим научным докладом. Это была бы сенсация!.. Тогда... быть может... в моей жизни произошло бы нечто светлое. Запоминающееся событие...

Д р о б ь - 13. Здесь нет ничего секретного. Могу сказать. Но вы все равно мне не поверите.

Г л а в в р а ч. Поверю!

Пауза.

Д р о б ь - 13. Вы верите мадам Бернар?

Короткая пауза.

Верите, что она действительно Сара Бернар? Только искренне. Чтоб мне не пришлось включать детектор...

Г л а в в р а ч *(колеблясь)*. Нет... Не верю...

Д р о б ь - 13. Вот видите... *(Покидает кабинет.)*

Г л а в в р а ч *(с досадой вдогонку)*. Эгоист!..

Короткая пауза.

Да!.. Моя самая большая мечта – быть таким, как ты, сумасшедшим. Но... *(Дрогнувшим голосом.)* Разве это от меня зависит? *(Глядя на дверь.)* Ты и есть самый большой эгоист! *(Встав, подходит к шкафу, глядя на свое отражение в стекле.)* Надо же, такое выдать! «Может быть, что я – не я...» А кто же? Кто? А?

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Полдень. Психолечебница. Столовая.

Сара Бернар, Сталин, Венерианец, сидя за одним столом, обедают. Венерианец уставился в окно. Санитар пересчитывает пальцем блюда перед ними и заслоняет Венерианцу окно. Венерианец перегибается в разные стороны, чтобы видеть окно. Врач, став у двери, внимательно наблюдает за ними, делая пометки в блокноте. Муж - Жена, остановившись у стола, колеблется, сесть или не сесть.

Санитар (ей). Что же не садишься?

Муж - Жена. Я ведь не одна. Мы с мужем не хотим сидеть врозь. Нас же двое.

Санитар (сердито). А когда уколы делаем, ты не говоришь, что вас двое, и не заикаешься о втором уколе.

Врач. Главврач распорядился, что они... они могут сидеть за отдельным столом.

Санитар (ворчит). Главврач... главврач...

Муж - Жена (Врачу). Благодарим. (Садится за отдельный стол в одиночку.) Здесь тебе нравится, дорогой? (Густым голосом.) Да. (Санитару.) Такой жены не сыскать! (Показывает галстук на шее.) Видите? Она сшила мне.

Санитар. Кто?

Муж - Жена. Как кто? Моя жена. Распоролла старое платье и целый день галстук шила.

Санитар. Ах-ах! Большое дело! Моя жена - вот это другое дело.

Муж - Жена. И чем она отличилась?

Санитар. Моя половина сшила из моего старого галстука отличное платье!

Отходит от нес.

Пауза.

Муж - Жена (глядя ему вслед). Что он болтает? Чокнутый, что ли?

Врач (Санитару). А Ван... (Перелистывает тетрадь.) Ван-дер-бран-дурец почему не явился?

Санитар. Отказался.

Врач. Почему?

Санитар. Кто его знает. Говорит, не хочу есть.

Врач. Его нельзя оставлять голодным. При голоде у них болезни прогрессируют... И они становятся агрессивными. Скорей, ступай, приведи его.

Санитар (нехотя). Ладно... (Уходит.)

Врач (вдогонку). Если все едят, ему, крысе, мало ведь достанется.

Сталин (Венерианцу). Какой смысл? А? Какой смысл мне здесь оставаться? Хочу уйти отсюда!..

Венерианец (оторвав взгляд от окна). Почему?

Сталин. Все равно никто не верит, что я действительно Сталин... Я уж не говорю о других инстанциях... Даже в дурдоме не хотят принять мое покаяние. Тогда с какой стати мне здесь оставаться?

Венерианец. А как вы отсюда уйдете?

Сталин. Подам в отставку с поста генсека! Откажусь от звания генералиссимуса! Поскольку они так обращаются со мной, не вижу иного выхода!..

Венерианец. Запаситесь терпением. Не знаю, вы обратили внимание или нет, наш Санитар всякий раз норовит заслонить от меня окно, чтоб я не мог созерцать небо... Но что с того? Если судьбы решались бы по воле санитаров, то тогда бы и Вселенной не существовало!

Сталин. Не знаю, как у вас, но у нас на Земном шаре судьбами вершат санитары!

Венерианец. А как же будущее человечества? А вероятность появления новых сталиных где-то и когда-то? Вы уже отказываетесь от покаяния?

Сталин (с горечью вздыхая). В том-то и дело! (Отставив нож и вилку, обхватывает голову. Громко.) О, сапожник Виссарийон! Зачем, зачем ты произвел меня на этот свет? Каюсь! Каюсь! Зарекаюсь впредь являться в этот мир!

Входят Санитар и Дробь - 13.

Дробь - 13. Прошу вас, поймите меня. Ведь совесть меня мучает.

Врач. Совесть? (С подозрением переглядывается с Санитаром.) Почему?

Что произошло?

Санитар. Да мелет языком...

Врач (Санитару). Почему же вас мучает совесть?

Дробь - 13. Я ведь не выполняю никакой работы, а вы меня кормите по три раза в день.

Санитар. Чего же ты хочешь?

Д р о б ь - 13. Хотя бы делать какое-никакое дело, трудиться... чтобы не кормиться задарма... Прошу вас понять меня.

Пауза.

С а н и т а р (тихо). Что с него взять, дурика... (Подходит к окну, заслоня его.)

В е н е р и а н е ц (Сталину). Видите. Опять загородил, чтоб я не видел неба.

В р а ч (к Дробь-13-му). Хочу спросить у вас.

Д р о б ь - 13. Пожалуйста.

В р а ч (понижив голос). Вот вы говорите, что прибыли с другой планеты Ван... (Заглядывает в блокнот.)

Д р о б ь - 13. Вандерпрандур...

В р а ч. Да, с Вандерпрандура... Там наука, техника достигли высокого уровня развития. Прекрасно... А как там обстоят дела (еще больше понижив голос) ...с супружескими отношениями.

Пауза.

Вы понимаете меня? Ну, мужчина, женщина, прочее...

Д р о б ь - 13. Это только вы одни во Вселенной столь усложнили данный вопрос! У нас все решается просто.

В р а ч (с трудно скрываемым интересом). Просто? То есть?..

Д р о б ь - 13. У нас кто кого любит, с тем и живет. У мужчины может быть несколько жен. И наоборот.

В р а ч. У женщины – несколько мужей?

Д р о б ь - 13. Да.

В р а ч (с затаенным волнением). Одновременно?

Д р о б ь - 13. Разумеется.

В р а ч. А... разве мужья не ревнуют друг к другу?

Д р о б ь - 13. Отнюдь нет... А зачем мужу ревновать? Он же любит свою жену. Он знает, если жена остается ночь с другим мужем, значит, его супруга не одинока и проводит приятную ночь. И если б жена не любила других, то и не выходила бы за них замуж.

В р а ч (про себя). О Боже! Что я слышу? (С глубоким вздохом.) А что же органы регистрации брака? Как заключаются браки?

Д р о б ь - 13. То есть, вы об официальных документах, заверенных печатью?

В р а ч. Ну да!

Д р о б ь - 13. О, Господи! Их планету погубят не атомные бомбы, которые могут обрушить друг на друга, не экологические катастрофы, а официальные бумаги! При чем любовь – и регистрация, печать?

В р а ч (вновь вздыхая). Ладно... Пожалуйста, идите, садитесь обедать со всеми. (Поглядывая на пациентов, делает пометки.)

Дробь-13, грустно вздохнув, подходит к столу.

Д р о б ь - 13. Приятного аппетита.

С а р а Б е р н а р. О-о-о! Мерси! Бонжур, месье Дробь-13, шер ами!

Д р о б ь - 13 (садится). Как у вас?

В е н е р и а н е ц. Все в порядке.

С т а л и н. Лично мне очень скверно.

Д р о б ь - 13. Знаю, генералиссимус, знаю... Я понимаю ваше положение... Но жители Земного шара – странные создания, что подделаешь? (Разводя руками.) Ну почему они считают, что вы оговариваете себя? Никак не могу этого понять. Люди на земле заняты только тем, что создают себе проблемы.

С т а л и н (растроганно). Хорошо, что хоть есть такие, как вы, инопланетные сопечальники. Как утопающий хватается за соломинку, так я нахожу утешение у вас...

С а р а Б е р н а р. Иосиф, я тоже верю вам.

С т а л и н. Знаю, товарищ Сара Бернар, но вы единственный человек на нашей планете, кто верит мне.

С а р а Б е р н а р. Иосиф, вы назвали меня «товарищ»?

С т а л и н. Это помимо моей воли. Я всю жизнь боролся за создание бесклассового общества...

С а р а Б е р н а р. Вы что-то припоздали, месье Дробь-13! Похоже, были заняты?

Д р о б ь - 13 (слегка волнуясь). Да.

С а р а Б е р н а р. Наша жизнь здесь протекает столь тускло и монотонно, что я не могу удержаться от вопроса: чем же вы были заняты?

Д р о б ь - 13 (с нарастающим волнением). Я... я читал Шекспира...

Пауза.

Сара Бернар (*крайне расчувствовавшись*). Ах! Милый друг! Я непременно создам ваш портрет. Непременно! Я ведь занимаюсь и ваянием! Правда, Родену не нравились мои скульптуры, но, скажу вам откровенно, Опуст был несколько ревнив в искусстве... (*Со смехом.*) К тому же... был бабником... Смотрел на меня, как голодный кот на кусок сала... Но я что его искусство... Знаете, ваш профиль... вот уже несколько дней перед моими глазами. (*Пригнувшись, всматривается в него.*) Прошу вас, поверните-ка голову в профиль.

Дробь-13 поворачивает голову.

Вот, так... А теперь поглядим в анфас...

Дробь-13 меняет позу. Пауза.

Я обязательно вылеплю ваш бюст! Скажите-ка, друг мой, а что вы читали у Шекспира?

Д р о б ь - 13. «Ромео и Джульетту».

С а р а Б е р н а р (*восторженно*). Ах! Я хочу вас обнять!

Дробь-13, поднявшись с места, наклоняется к ней. Сара Бернар, обняв его, прижимает к груди.

В р а ч (*видя эти нежности, прикрикивает*). Что это такое? (*Подходит к ним.*) Прекратите! Оторвитесь друг от друга! (*Пытается разнять их.*) Прекратите! (*Ее попытки безуспешны.*) Санитар! Санитар!

Свет гаснет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Вечер. Психолечебница. Комната отдыха. Персонал и пациенты.

С а р а Б е р н а р в привычной позе, полулежит на диване. В е н е р и а н е ц, как обычно, занят созерцанием неба, застыв у окна. С т а л и н прохаживается взад-вперед. М у ж - Ж е н а сидит в кресле.

С т а л и н. В этот вечер дежурю я. (*Подойдя к двери, выглядывает.*) Никого. Потопрапливайтесь!

Нагнувшись, извлекает из голенища сапога таблетки, затем торопливо подходит к Саре Бернар с протянутой рукой; она достает из-за пазухи спрятанные таблетки и передает ему; Муж-Жена делает то же самое, достав лекарство из-за пояса халата. Сталин подходит к Венерианцу; тот, не оборачиваясь и не отрывая взгляда от окна, делает рукой быстрый пас по стеклу и вручает Сталину неизвестно как появившиеся таблетки.

С т а л и н (*с изумлением*). Ого! Откуда они взялись? Настоящий фокус! Товарищ Венерианец, вы прямо как наш Мессинг!

В е н е р и а н е ц (*оторвав взгляд от окна, улыбается*). Еще неизвестно, чей был Мессинг – ваш или наш? (*Вновь устремляет взор в окно.*)

С т а л и н (*задумавшись*). Мессинг мог быть венерианцем?.. Нет!.. Впрочем, почему нет?.. Вот!.. Я все еще не могу вырваться из болота материализма. Вот в этом-то и мое несчастье! (*Быстрыми шагами направляется к туалету.*)

М у ж - Ж е н а (*покачиваясь в кресле*). Тебе хорошо, милый? (*Густым голосом.*) Отлично... Давно я так не отдыхал. Что сегодня ты сварить для меня? (*Нежно, своим голосом.*) Что пожелаешь.

Из туалета доносится шум сливаемой воды. Оттуда, потирая руки, выходит Сталин.

С т а л и н (*прохаживаясь, показывает на туалет*). Только что я там подумал, если я подам в отставку, то что я буду представлять тогда, чтобы совершить покаяние? Если уж никто не принимает покаяние генсека столь великой партии, то кто станет меня слушать, когда буду не у дел?

С а р а Б е р н а р. Иосиф! Вы думаете, что всегда все будет так? Имейте терпение! Вот я прошу обыкновенную глину, чтоб вылепить портрет Дробь-Тринадцатого, а не дают. На меня нашло вдохновение! Хочу творить! Меня охватила пламенная страсть! Профиль месье Дробь-Тринадцатого... ах, какой одухотворенный образ!.. У меня все время перед глазами... А эти служаки совершенно не понимают... они не ведают об истинном искусстве, божественном озарении... откровенно небес... Они взирают на дождь, падающий с неба, как на обыкновенную воду! Потому нам нет места в обществе, где они живут! Но, Иосиф, вы думаете, что нас всегда будут считать сумасшедшими? Как знать, что ждет нас в будущем...

С т а л и н. Товарищ Сара Бернар, вы тоже считаете, что мне не надо подавать в отставку?

С а р а Б е р н а р. Конечно, Иосиф. Если вы уйдете в отставку, то как совершите покаяние?

Сталин. Верно... Вы правы... Мои руки обгарены кровью миллионов... Я потерял сон, мне снятся кошмары... реки Кахетии, окрашенные пролитой мною кровью, текут, кипят перед глазами... Я вижу кровавые сны!.. А они колют меня сновторным, чтоб я уснул... Но после их инъекций сон совершенно нейдет в глаза... Нет, я обречен на терзания... Увы, мои муки отнюдь не муки Прометея! О, если бы... Прометей похитил огонь у богов и подарил людям, за что и поплатился пыткой в горах Колхиды... А я терзаюсь из-за того, что пролил море крови человеческой. Прометей спас Геракл, а кто же спасет меня? Никто! Мучитель рода человеческого должен сам мучиться! Я не подам в отставку...

Сара Бернар. Но с условием – впредь не называйте меня «товарищем». Никто не знает, что произойдет в будущем... И я не верю гадалщикам, прорицателям... Вещим оказался только горький жребий, предугаданный душой Джульетты... О, если бы не сбился тот страшный жребий!.. По-моему, сам Нострадамус тоже был плутом и шарлатаном, морочившим легковверных людей... Например, разве могло прийти в голову, что Жак станет наркоманом? Никогда!

Сталин (*прохаживаясь*). А кто он был?

Сара Бернар (*улыбаясь*). Мой первый и последний муж... Бедный Жак Дамала... В тридцать четыре года... угас...

Сталин. А сколько лет было вам?

Сара Бернар (*недовольно*). Иосиф! Разве вы не знаете, что у дам не спрашивают о возрасте?

Сталин (*задержав шаг*). Уж такой я грубиян.

Сара Бернар (*неохотно*). Я была на одиннадцать лет старше него.

Сталин (*прохаживаясь*). Значит, одиннадцать плюс тридцать четыре.

Сара Бернар. Иосиф, хотя бы свои подсчеты делали бы в уме... Там, где речь идет об искусстве, не говорят о возрасте.

Сталин. Верно! Но я ведь, знаете, толстокож, как буйвол.

Сара Бернар (*предавшись воспоминаниям*). Когда я впервые увидела Жака, мне показалось, что раньше я никогда в жизни не видела мужчины! (*Смеется*.)

Сталин. Он вас ревновал?

Сара Бернар. Конечно... Как Отелло...

Сталин (*приостанавливаясь*). И Надежда очень ревновала меня... Словом... (*Прохаживается*.) А были у Жака основания ревновать вас?

Сара Бернар (*кокетливо*). Как по-вашему? (*Смеется*.) Жак знал, что у него рога... Но что я могла поделать?! Все светские львы Парижа становились в очередь, чтоб только раз в жизни лицезреть меня... Что я могла поделать?.. Меня заглазно, знаете, как прозвали?

Сталин. Нет.

Сара Бернар (*смеясь*). «Дон-Жуаном в юбке!» Не только потому, что я исполняла и мужские роли.

Сталин. Да, видно, у Жака были развесистые рога...

Сара Бернар. Иосиф! А вам тоже палец в рот не клади... (*Вновь предавшись воспоминаниям*.) У меня была бурная жизнь... Что греха таить, любвеобильная... Но я... я всегда была одинока... Понимаете? Только театр... У меня был только театр!

Входит Др о б ь - 13.

Вот и месье Др о б ь - Тринадцать. Бонжур месье.

Др о б ь - 13. Бонжур, мадам.

Сара Бернар. Вы выглядите задумчивым.

Пауза.

Др о б ь - 13 (*в романтической настроении*). Я под впечатлением «Ромео и Джульетты», мадам.

Сара Бернар (*приподнявшись*). Ах! Вы дочитали трагедию?

Др о б ь - 13. Да. Разве можно такое не дочитать? Я всю ночь читал... Перечитывал... от начала до конца!..

Сара Бернар (*с неописуемой радостью*). Ой! Месье Др о б ь Тринадцать!

Др о б ь - 13 (*с тем же романтическим воодушевлением*). Мадам Бернар!

Короткая пауза.

Сара... Никогда в жизни я не был столь потрясен! (*Проникновенным голосом цитирует из «Ромео и Джульетты»*.) «Светает! Жаворонок-горлодер!..»

Сара Бернар (*подхватив*). Ага, сцена в комнате Джульетты. «...Своей нескладицей нам режет уши, А мастер трели будто разводит! Не трели он, а любящих разводит, И жабы будто у него глаза...»

Сталин, задержав шаг, прислушивается.

А знаете, почему? У жабы глаза большие, выразительные. А у жаворонка – маленькие, тусклые...

Венерианец прерывает созерцание неба.

(С нарастающим азартом.) По легенде, жаба и жаворонок поменялись глазами. Джульетта в те мгновения желает услышать не песню жаворонка, а кваканье жабы. Потому что ей не хочется, чтобы наступило утро!

Венерианец и Сталин подходят к ним.

Джульетта хочет, чтобы продолжалась ее прекрасная ночь с Ромео, чтобы они всю жизнь любили друг друга... Бедная, кроткая Джульетта... Это пятая сцена, обожаемая мной... пятая картина третьего акта. (Встав с дивана, порывисто обнимает Дробь-13-го и начинает декламировать слова Джульетты.) «Уходишь ты? Еще не рассвело...»

Входит Санитар с подносом в руке, на котором несет стаканы с кефиром. Изумленно застывает на месте.

(Войдя в роль.) «Нас оглушил не жаворонка голос. А пеньё соловья. Он по ночам поет вон там, на дереве граната...»

Врач с неизменной тетрадь в руке входит в комнату, смотрит сперва на беседующую пару, потом на остальных и застывает на месте.

«Поверь, мой милый; это соловей...»

Д р о б ь - 13 (произносит слова Ромео).

«Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Ее лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью...»

М у ж - Ж е н а. Как интересно, мой дорогой... Взгляни, какая красота... (Встав с места, подходит к ним.)

С а р а Б е р н а р (в роли Джульетты). «Та полоса совсем не свет зари... (Дробь-13, высвободившись из ее объятий, подходит к окну.) А зарево какого-то светила, Взшедшего, чтоб осветить твой путь до Мантуи огнем факелоносца...»

Пауза.

(Вновь бросаясь в объятия Дробь-13-го, страстно.) «Побудь еще, куда тебе спешить?»

Д р о б ь - 13 (в роли Ромео). «Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна, Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла – не мгла рассвета.
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть так смерть! Так хочется Джульетте.
Поговорим. Еще не рассвело.»

С а р а Б е р н а р (Джульетта). «Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает! Светает! Жаворонок-горлодер
Своей нескладницей нам режет уши,
А мастер трели будто разводит!
Не трели он, а любящих разводит,
И жабы будто у него глаза.
Нет, против жаворонков жабы – прелесть.
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра все румяней.»

(Отпускает его.)

Д р о б ь - 13 (Ромео). «Румяней день и все черней прощанье.»

С а р а Б е р н а р (Джульетта). «В окошко день, а радость – из окошка!»

Д р о б ь - 13 (Ромео). «Обнимемся. Прощай! Я спрыгну в сад». (Направляется к окну.)

С а р а Б е р н а р (Джульетта. Бросаясь к нему).

«Ты так уйдешь, мой друг, мой муж, мой клад?
Давай мне всякий час все это время
Знать о себе. В минуте столько дней,
Что, верно, я на сотни лет состарюсь,
Пока с моим Ромео свижусь вновь.»

Д р о б ь - 13 (Ромео). «Я буду посылать тебе с чужбины весть
Со всяким, кто ее возьмется свезть...».

С а р а Б е р н а р (Джульетта). «Увидимся ль когда-нибудь?»

Д р о б ь - 13 (Ромео). «Наверное. А муки эти все
Послужат нам потом воспоминаньем.»

С а р а Б е р н а р (*Джюльетта*). «О Боже, у меня недобрый глаз!
Ты показался мне отсюда сверху
Опущенным на гробовое дно
И, если верить глазу, страшно бледным».

Д р о б ь - 13 (*Ромео*). «Печаль нас пожирает, и она
Пьет нашу кровь. Ты тоже ведь бледна.
Прощай, прощай!»

С а р а Б е р н а р (*Джюльетта. Протирает руки к небу.*)
«Судьба, тебя считают
Изменчивою. Если так, судьба,
То в самом деле будь непостоянной
И вдалеке не век его держи...»

(*Упав на колени, рыдает.*)

Пауза.

Д р о б ь - 13. Сара... (*Закрывает глаза.*)

Пауза.

Остальные пациенты, словно очнувшись ото сна, начинают рукоплескать им.

М у ж - Ж е н а. Bravo!

С т а л и н. Сара!.. Сара, я больше никогда не скажу вам «товарищ Бернар»...

В е н е р и а н е ц. Бис!!

М у ж - Ж е н а. Да здравствует любовь!

Они обступают Сару и Дробь-13-го. Сара Бернар, поднявшись, кланяется. Ее партнер по роли, взяв ее руку, поднимает вверх.

С а р а Б е р н а р. Благодарю... Мерси!..

В е н е р и а н е ц. Би-и-с!

С т а л и н. Сара!.. Сара!..

М у ж - Ж е н а. Да здравствует любовь!

Д р о б ь - 13. Сара Бернар!.. (*Обняв, целует ее.*)

В этот момент Санитар роняет из рук поднос с кефиром, но ни Сталин, застывший на месте, ни Врач не обращают на это внимания.

В р а ч (*глядя на пациентов, закрывает ладонью лицо*). О Боже... Сердце готово выскочить из груди...

С а н и т а р (*уоставившись на больных, вполголоса*). И какой же я подлец!
Я... краду у них сосиски!.. (*Все громче.*) Я не доливаю им кефир!.. Такого жулика распять надо!

В р а ч. Я хочу стать Джюльеттой! Ты слышишь меня, Ромео? (*Подходя к пациентам.*) Ромео! Я хочу быть Джюльеттой!

Д р о б ь - 13 (*воздев руку своей партнерши, громко возглашает*). Сара Бернар!

В е н е р и а н е ц. Bravo! Да здравствует искусство землян!

М у ж - Ж е н а. Любовь спасет человечество!

С т а л и н. Сара!.. Я больше никогда не позволю, чтобы на художников поднимали руку!

С а н и т а р. Я больше никогда не буду красть ваши мясные порции!

В р а ч (*Санитару*). И я больше не буду доносить Главврачу на тебя!

С а н и т а р (*Врачу*). И я не буду «стучать» ему на тебя!

С а р а Б е р н а р. Дорогие мои! Благодарю вас!

С а н и т а р (*ухватив за пиджак Венерианца, тацит*). Я больше никогда не буду загроживать вам окно!

В е н е р и а н е ц. Я верю вам. Спасибо!

В р а ч. Ромео! Я люблю вас!..

Пациенты и персонал, взявшись за руки, обступают исполнителей сцены из Шекспира.

Д р о б ь - 13. Сара Бернар!

С т а л и н. Джюльетта!

С а р а Б е р н а р. Мерси!

М у ж - Ж е н а. Да здравствует жизнь!

В р а ч. Ромео! Любимый мой!

В е н е р и а н е ц. Да здравствует планета Земля!

Д р о б ь - 13. Слава всем планетам!

С а н и т а р. Я больше не украду ничей паек!

Сара Бернар выходит вперед и поднимает руку. Все умолкают.

С а р а Б е р н а р (*во весь голос*). Да здравствует Шекспир!

Все (*хором повторяют*):

– Да здравствует Шекспир!

Взявшись за руки, «зрители» начинают кружить вокруг «исполнителей», пританцовывая под неожиданно начавшуюся музыку. Затем к ним присоединяются и «виновники торжества», и хоровод движется по всей сцене.

Появляется Главврач.

Главврач (*изумленно*). Боже! Что это такое? Что за катавасия?

Все (*пританцовывая, хором*):

– Да здравствует Шекспир!
– Да здравствует Шекспир!
– Да здравствует Шекспир!

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Полдень. Психолечебница. Кабинет Главврача.

Главврач, Врач, Санитар. Главврач сидит за своим столом.

Главврач. Вот и пятница... неделя на исходе... Кажется, всего полчаса тому назад я сидел вот тут и думал, что неделя пролетит в мгновение ока. Вот и пролетела... По сути, не неделя, а сама жизнь проходит... И год так пройдет... И десять... двадцать... В мгновение ока... И я скину этот свой халат, причиндалы и – прощай-прости! – прямым ходом на кладбище, в холодную могилу!

Пауза.

Что я видел в этой жизни? Ни черта! Понедельник, вторник... среда, четверг... суббота... Воскресенье... Снова понедельник... Ведь я... (*Давится слезами.*) Ведь я... (*Достает носовой платок.*) Ведь и я хочу увидеть что-нибудь отрадное в этой жизни! Разве это такая уж несбыточная мечта? Но что ждет меня? Что ждет меня в этой жизни? (*Показывает сам себе кукиш.*) Вот что!

В дверь стучат. Он быстро прячет платок в карман.

Кто?

Врач (*заглядывает из-за двери*). Можно?
Главврач. Входите. Что у вас?
Врач. Муж-Жена говорит...

Небольшая пауза.

Говорят... что...

Главврач. Что говорит... говорят...
Врач. Говорит, что я... то есть они ждут ребенка.
Главврач. Что-о?
Врач. ...Что у них... то есть у нее с мужем будет ребенок...
Главврач. Ох, Боже мой! А вы что говорите?
Врач. Я?
Главврач. Да, вы!
Врач. Я думаю, придется, наверно, покупать колыбельку...

Пауза.

Главврач (*решиительно*). Значит, так! Раскройте тетрадь, пишите.
Врач. Минуточку! (*Устремляется к двери.*) Возьму тетрадь.
Главврач. А что у вас в руке, не тетрадь?
Врач. Нет... это... это книга.
Главврач (*нахмурившись*). Какая книга?
Врач. Шекспир.
Главврач. Шекспир?

Врач кивает.

Вместо того чтобы читать новинки научной литературы по психиатрии, следить за новостями медицины, вы читаете Шекспира?

Врач (*с воодушевлением*). С позавчерашнего дня! И вам советую, доктор. Это, знаете, очень облегчает душу. Обязательно почитайте! Знаете, Шекспир уравнивает всех людей... Все невзгоды забываются... Человеку кажется... кажется... (*Прижав книгу к груди, закатывает глаза.*)

Короткая пауза.

Г л а в в р а ч. Ладно. Ступайте. С позавчерашнего дня... Шекспира чита-
ет... Как я влил им по выговору, они стали какие-то не такие. И сам не пойму,
какие. Какие-то не такие...

Стук в дверь. Входит С а н и т а р, в одной руке держа бумагу, другую
пряча за спиной.

В чем дело?

С а н и т а р (*протягивая бумагу*). Пожалуйста, подпишите.

Г л а в в р а ч. А что это за цидула опять?

С а н и т а р. Из худфонда Союза художников прислали. 20 кило глины.

Г л а в в р а ч. Двадцать кило – чего?

С а н и т а р. Глины.

Г л а в в р а ч. Какой еще глины?

С а н и т а р. Мы попросили у них для Сары Бернар – она будет лепить
изваяние.

Г л а в в р а ч. Но она же, вроде, актриса.

С а н и т а р. Да, актриса. Но, знаете, она прекрасно ваяет.

Г л а в в р а ч. Ты сам-то видел?

С а н и т а р (*растерянно*). Нет... Но представляю...

Г л а в в р а ч (*вертит рукой*). Эх вы!.. (*Подписывает бумагу*.) На! (*Прис-
мотревшись к нему, задерживает бумагу в руке*.) Постой! А что это ты прячешь
за спиной?

С а н и т а р. Да ничего...

Г л а в в р а ч. Опять что-то сташил?

С а н и т а р (*резко возражая*). Нет! Я больше не ворую пайки!

Г л а в в р а ч. Что же ты прячешь?

С а н и т а р (*выставляя другую руку*). Вот, книга!

Г л а в в р а ч. Что за книга?

С а н и т а р. Шекспир!

Пауза.

Г л а в в р а ч. Ты тоже занялся классикой?

С а н и т а р. Да.

Г л а в в р а ч. И с каких пор?

С а н и т а р. С позавчерашнего дня.

Г л а в в р а ч. С позавчерашнего?

С а н и т а р. Да... он... это мой самый любимый писатель!

Короткая пауза.

Г л а в в р а ч. Ладно. Ступай.

Санитар, взяв бумагу, выходит из кабинета.

(*Главврач встает и, прохаживаясь, передразнивает*.) «Мой самый любимый
писатель!..» Будто он до сих пор читал еще кого-то. Что это творится, а? Новая
напасть, что ли? Шекспиромания?!

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Полдень. Психолечебница. Комната отдыха. М у ж - Ж е н а сидит в кресле-качалке,
читает. С т а л и н, прохаживаясь, тоже читает книгу, В е н е р и а н е ц, стоя у окна,
но на сей раз спиной, также занят чтением книги. Д р о б ь - 13, повернувшись
боком к С а р е Б е р а р, стоя позирует ей, а она работает над его скульптурным
портретом, пользуясь катышком глины на высокой деревянной подставке.

С а р а Б е р н а р. Ваш профиль – истинно античный, месье Дробь-Три-
надцать... Знаю, я вам доставляю мучение.

Д р о б ь - 13. Сара! Я переживаю прекраснейшие мгновения в своей
жизни!

С т а л и н (*читает на ходу*). Шекспир во сто крат выше «Капитала»!

М у ж - Ж е н а (*покачиваясь в кресле, читает книгу*). Синьора Капулетти
говорит: «Все плачешь об убитом? Но слезами Его не выполощешь из земли...»
Ты видишь, милый, какие вещие слова. А вот, послушай, что говорит Джульет-
та: «А если так утрата велика?» Ох, бедная ты моя... (*Расчувствовавшись, взды-
хает*.)

В е н е р и а н е ц (*читая книгу*). Шекспир, Шекспир! Ты знаешь даже то,
о чем мы все не знаем!..

С т а л и н (*подходя к нему решительными шагами*). Можете меня поз-
дравить!

В е н е р и а н е ц. С чем?

Сталин. Я покончил с болотом материализма! Я уже идеалист!
Венерианец. Ого-о! Это историческое событие! Являясь идеалистом, я поздравляю и благодарю вас!

Сталин. Нет, нет! Не меня, Шекспира благодарите!

Сара Бернар (с увлеченностью работая над изваянием). Теперь поглядим, что скажет месье Роден на сей раз? И эту скульптуру не одобрит?..

Дробь - 13. Разве можно не одобрить то, что вышло из-под ваших рук?

Сара Бернар. Эх, любезный друг мой. Ведь наши земляне не чета вашим инопланетянам.

Дробь - 13. Но, во всяком случае, у вас есть Шекспир.

Сара Бернар (смеется). Месье Дробь-Тринадцать, это еще бабушка надвое сказала... Нельзя еще знать, Шекспир наш или ваш...

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Вечер. Психолечебница. Действие происходит в кабинете Главврача, затем во дворе клиники, далее – в комнате отдыха и вновь – во дворе.

Персонал и пациенты. Главврач сидит за столом.

Главврач. Я всегда диву даюсь, сколько фантазий в человеческом мозгу, о Боже! Откуда эти удивительные видения, эти нелепые мысли, эти странные отношения, эти причуды? Сие великая тайна... Тайна Божья! Двадцать шесть лет я среди этих больных, девятнадцать лет главным врачом, но все равно порой изумляюсь... Вот, скажем, давление безо всяких приборов, точно определяет человек... Счастливые люди. Не то, что я...

Вдруг поднимается шум.

– Что это такое?

– Вай, я боюсь!

– Стойте!

– Отойдите!

– Ой, я не могу смотреть!

– Поберегитесь!

– Нельзя!

– Доктор!.. Доктор!.. Доктор!..

Главврач (вскочив). Что за шум? Что опять стряслось?

– Доктор!..

– Доктор!

В кабинет вбегает Врач.

Врач (задыхаясь). Доктор!.. Скорей!.. Во двор!

Главврач (в смятении). Что случилось?

Врач. Доктор! (Не в силах говорить.)

Главврач (кричит). Ну в чем дело?!

Врач. Доктор! Во дворе... приземлилась летающая тарелка!

Главврач. Что-о?

Врач. Летающая... тарелка! Вдруг вспыхнули разноцветные огни... Потом во двор спустилась огромная летающая тарелка! Громкая... Иллюминаторы... Люк...

Главврач (встревоженно). Да вы соображаете, что говорите? Какая еще летающая тарелка?!

Врач. Это космический корабль, доктор! Настоящий звездолет... Вон, смотрите. Выгляните во двор!

Главврач подбегает к окну, отдернув занавеску, всматривается.

Главврач (в ужасе). Боже, что это такое?

Вбегает с криком Санитар.

Санитар. Доктор! Они прибыли за Дробь-Тринадцатым! Дробь-Тринадцатый отбывает.

Главврач. Куда?

Санитар. Ван... Ван... (Не может договорить.) Туда! На свою планету!

Короткая пауза.

Главврач (вдруг срывается с места и с криком выбегает из кабинета). Возьмите и меня! Возьмите и меня с собой! Я тоже хочу отбыть на вашу планету! Я не хочу оставаться здесь!

В р а ч (*бежит за ним*). И я! Я тоже! Возьмите и меня!

С а н и т а р (*также бегом пускается за ними*). И меня! Я тоже не остаюсь здесь! Возьмите и меня!

Сцена вращается, и Главврач с персоналом бегут по двору к космическому кораблю с зажженными разноцветными огнями.

- Возьмите и меня!
- И меня!..
- Я хочу на вашу планету!
- Я не хочу оставаться здесь...

Сцена поворачивается, и Д р о б ь - 13, стоящий у космического корабля, оборачивается назад.

Д р о б ь - 13 (*махнет рукой*). Прощайте! Счастливо оставаться! Я улетаю! Прощайте. (*Подняв другую руку, в которой держит книгу*). Сара-а! Сара-а!.. Я забираю Шекспира с собой! Я создам театр на Вандерпрандуре! И приглашу вас на гастроли, Сара! Приеду за вами! Прощайте, друзья! Сара, я вернусь за вами!

Сцена вращается, и по мере вращения Главврач, Врач и Санитар бегут вдоль нее.

- Я тоже хочу улечь!
- Подождите!
- Возьмите и меня!
- И меня!
- Я не хочу оставаться на Земном шаре!

Сцена продолжает вращаться, и нам предстают С а р а Б е р н а р , С т а л и н и М у ж - Ж е н а , выглядывающие во двор из распахнутого окна комнаты отдыха. Они машут рукой, напутствуя Дробь-13-го.

- Счастливого пути!
- Прощай!
- Благополучного полета!
- До встречи!
- Д р о б ь - 13 (*кричит*). Сара, я вернусь за вами!

С а р а Б е р н а р (*махая рукой*). Я буду ждать вас!

Д р о б ь - 13. Я обязательно вернусь!

С а р а Б е р н а р. Я это знаю!

М у ж - Ж е н а (*Саре Бернар*). Ведь говорил же мой муж – не теряйте надежды!

Д р о б ь - 13 (*кричит*). Сара!

С а р а Б е р н а р (*сняв платок, машет им*). Любимый Дробь-Тринадцатый!

Сцена вращается, и мы видим запыхавшихся Главврача с двумя коллегами.

- Пстойте!
- Заберите и меня!
- Меня тоже!

Д р о б ь - 13. Прощайте!

С а н и т а р (*остановившись, тяжело дыша*). Поднялись... Улетели!

В р а ч (*тяжело дыша*). Мы остались!

Останавливается и Главврач.

Г л а в в р а ч (*вдруг кричит*). Венерианец! Бежим к Венерианцу! (*Бегут в обратную сторону*.)

З А Н А В Е С

СОДЕРЖАНИЕ

Смеяться, несмотря на горечь и боль (Полад Бюльбюль оглы).....5

ПЬЕСЫ

Чудеса в почтовом отделении (перевод Александра Орлова).....	9
«Здравствуйте, я ваш дядя!» (перевод Эльмиры Везировой и Викентия Колмановского)....	55
Ищите сумасшедшего, или Мой любимый сумасшедший (перевод Николая Мирошниченко).....	125
Мой муж – сумасшедший! (перевод Натига Расулзаде).....	175
Принц Страны Кисельных Берегов, или Да здравствует Великий Лев Отиби Ш Делембор Тыр-Тыр (перевод Сиявуша Мамедзаде).....	251
Убийца (перевод Сиявуша Мамедзаде).....	345
Шекспир (перевод Сиявуша Мамедзаде).....	407

ЭЛЬЧИН
(ЭФЕНДИЕВ ЭЛЬЧИН ИШЬЯС оглы)

ПЬЕСЫ
(перевод с азербайджанского)

ИЗДАТЕЛЬ
Гошгар Гараев

РЕДАКТОР ИЗДАНИЯ
Э. Шарифов
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
Д. Изуф
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Ю. Катанов
ХУДОЖНИК
И. Мехтиева
КОРРЕКТОР
Дж. Шарифова
ОПЕРАТОР
Н. Гулиева
ОТВ. ЗА ПЕЧАТЬ
Д. Алиева
Р. Иманова
Д. Гулиева

Сдано в набор 10.06.2007.
Подписано к печати 01.10.2007.
Формат 70x90 1/16, физ. п.л. 29,5, усл. п.л. 34,5
Бумага офсетная №1. Гарнитура таймс.
Заказ Д/06
Тираж 1500

Книга
подготовлена к печати
в издательстве предприятия
«CHINAR-CHAP»
☎ Тел.: (+994 12) 490 27 57
и
отпечатана офсетным способом
в типографии предприятия
«CHINAR-CHAP»
☎ Тел.: (+994 12) 493 72 55
e-mail: office@chinar-chap.az
www.chinar-chap.az

Азербайджанская Республика
Министерство Культуры и Туризма

2

779605